МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КАРАГАНДИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА

З.Г. Сактаганова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА 1946–1970 гг.

Монография

3-е издание

Репозиторий КарГУ

Караганда
2017

УДК 330(07)
ББК 65.01 я7
С15

Рецензенты

Абылхожин Ж.Б., д-р ист. наук, профессор;
Абилов К.Ж., д-р ист. наук, профессор

Сактаганова З.Г.
С15 Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг.: монография. — 3-е изд. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. — 365 с.

ISBN 978-9965-859-59-5

В монографии на основе материалов российских и казахстанских архивов рассматривается опыт осуществления советской экономической модернизации в Казахстане в 1946–1970 гг. Автором анализируются содержание «советской модели экономики», варианты интерпретации этого концепта в зарубежной, в том числе российской, историографии. Исследовано функционирование административно-командной системы и различных вертикалей управления в Казахстане в 1946–1970 гг.

Рекомендуется студентам, докторантам, преподавателям, ученым-историкам, а также всем, кто интересуется историей Казахстана.

УДК 330(07)
ББК 65.01 я7

ISBN 978-9965-859-59-5 **© Сактаганова З.Г., 2017**

Репозиторий КарГУ

Содержание

	Стр.
Введение ……	**4**
Глава 1. Теоретико-методологические проблемы исследования……..	**10**
1.1. К проблеме теории и методологии исследования……..	**10**
1.2. Историография проблемы……...	**14**
1.3. Характеристика источникового корпуса……..	**25**
Глава 2. Советская модель экономики в Казахстане: общая характеристика, специфика управления……	**36**
2.1. К общей проблеме типологии советской модели экономики: варианты интерпретаций …….	**36**
2.2. Партийно-государственное управление экономикой в Казахстане: структура, формы и методы ...…….	**67**
Глава 3. Авторитарно-внеэкономическая эксплуатация народнохозяйственных ресурсов как «модернизаторская» функция (1946-1954 гг.) ……...	**112**
3.1. «Синдром послевоенной жертвенности» и характер изменений в аграрной сфере экономики Казахстана ……	**112**
3.2. «Промышленная» политика: продолжение экстенсивно-сырьевой доминанты ……	**148**
Глава 4. Казахстанская экономика в фарватере хрущевских модернизаторских опытов (1954-1964 гг.) ……	**182**
4.1. Реализация «нового курса» аграрной политики Н.С.Хрущева в Казахстане……	**182**
4.2. Реформационные подходы в осуществлении промышленной политики и их проекции в индустрии Казахстана (1954-1964 гг.) ……..	**221**
Глава 5. Экономическая реформа 1965 г. и ее проекция в агроиндустриальном пространстве Казахстана (1965-1970 гг.)	**268**
5.1. Блокирование административного ресурса колхозно-совхозной организацией сельского хозяйства …….	**268**
5.2. «Экономический рост без экономического развития»: противоречия между пропагандистскими и реальными результатами индустриальной модернизации ……..	**290**
Заключение ……...	**307**
Список использованных источников ……	**332**

Репозиторий КарГУ

Введение

Феномен модернизации уже по своему определению суть конфликт старых и новых нарождающихся структур. Процесс этот перманентный, поскольку непрерывна динамика всемирно-исторической эволюции. Однако каждый этап формирует знания, которые только и могут сообщить импульс для выстраивания вектора новых модернизаторских идей и концепций.

Отсюда ясно, что чем более всесторонне и глубоко проанализирован предшествующий опыт, тем больший социально-экономический, социокультурный и политический мультипликативный эффект будет достигаться в будущем. Такая познавательная процедура может быть осуществлена только в контексте исторического исследования. И это закономерно, так как из всех отраслей научного знания историческая наука обладает абсолютной эксклюзией в том смысле, что только ей подвластно соединение прошлого, настоящего и будущего, то есть синтез всех трех временных состояний развития общества.

Сегодня, когда Казахстан обрел независимость, во весь рост встала задача преобразования общества на качественно новых принципах культурно-цивилизационной трансформации. Начало 1990-х гг. породило тенденцию отрицательного отношения к советскому прошлому во всей его целостности. Она подкреплялась новой мифологемой, согласно которой темп поступательного движения будет зависеть исключительно от степени освоения стандартов и образцов «западнической» ориентации. Однако первые же попытки механического перенесения на реалии постсоветского переходного общества «клонов» западной рыночной культуры потерпели сокрушительное фиаско. И это было вполне закономерно, так как там эта культура вызревала столетиями. Поэтому очень скоро даже наиболее радикальные «западники» и адепты форсированных рыночных инноваций начали признавать необходимость коррекции этого процесса. В то же время приходило и понимание важности критического переосмысления и рационального освоения того мыслительного материала, который был продуцирован собственным историческим опытом. А он несет в себе отнюдь не только негативный заряд, ибо имел и глубоко позитивные проекции.

Репозиторий КарГУ

В самом деле, вряд ли кто будет отрицать, что, например, структура производительных сил за годы советской модернизации изменилась самым радикальным образом: она сменила свой однозначно выраженный аграрный характер на индустриально-аграрные показатели. Это действительно так, если вспомнить, что уже в послевоенный период большая часть внутреннего валового продукта стала формироваться за счет индустриального сектора, а урбанизированный сегмент народонаселения стал абсолютно преобладать над сельским. О качественном сдвиге в динамике производительных сил свидетельствовали и беспрецедентные прорывы в научно-технической отрасли (космос, атомная энергетика и лазерные технологии, военно-промышленный комплекс и т.д.). Наконец, все точки над «i» в этом вопросе расставляли реалии, согласно которым весь мир принимал СССР как сверхдержаву.

Но, тем не менее, нельзя не признать, что весь этот огромный потенциал блокировался действовавшей общественно-политической системой. И это самый главный урок, который преподносит нам советский опыт модернизации. Он более чем убедительно доказывает, что самые смелые и творчески пионерные инновационные процессы в экономико-технологической сфере просто обречены на провал в случае, если они не обеспечены модернизацией политических отношений.

Еще один эвристический смысл опыта советской модернизации видится в том, что он заставляет вновь задуматься о той фундаментальной роли, которую играют отношения собственности. Не случайно все попытки обновить экономику в условиях сохранения их иррационального статус-кво вылились либо в стилизацию под реформу, либо в модернизацию догоняющего типа.

Опыт советской модернизации показал также пагубность ориентации экономики на экстенсивные принципы развития. Кризис сегодняшней экономики – прямое следствие этих пороков. Аральское море, Балхаш, опустынивание – вот экологическая расплата за них. Другой их проекцией стали мертвые города, построенные в годы беспрецедентной экстенсификации промышленности и ее милитаризации. Советская экстенсивная модель сельскохозяйственного производства обернулась в наше

Репозиторий КарГУ

время критическим аграрным перенаселением, маргинализацией и пауперизацией сельского населения. И все это тоже наш опыт. Не познав его плюсы и минусы, мы обретаем риск возвратиться «на круги своя». Наверное, больше всего как раз эта опасность придает актуальность изучению советского опыта экономической модернизации.

Изучение советского опыта модернизации позволяет понять механизм социально-экономических преобразований и в современном обществе. Трудности модернизации экономики сегодняшнего периода во многом обусловлены деформациями недавнего прошлого, когда страна жила «оптическим самообманом» [1, 6]. Следовательно, чтобы разобраться в процессах и проблемах настоящего времени, необходимо осмысление причин и истоков экономической кризисной ситуации, охвативших общество в предшествующие периоды. А это возможно лишь при комплексном изучении данных проблем. Кроме того, актуальность исследования определена еще одним важным обстоятельством. Прошлое в советской историографии не было непредсказуемым, «прошлым пытались управлять, создавать такой его облик, который отвечал бы задачам и представлениям власти на ее очередном этапе» [2, 4; 3].

Это удавалось путем ограничения доступа к архивным материалам, когда все «архивные тетради» исследователей тщательно перерабатывались, прежде чем они получали возможность их изучения и использования. В таких условиях ограниченный цензурой круг используемых источников не позволял достаточно объективно исследовать любую проблему истории советского периода. В современных условиях источниковый корпус оказался значительно расширен. Это обстоятельство, как и отказ от идеологической предопределенности и однозначности оценок исторического прошлого, создают благоприятную основу для изучения послевоенной истории страны.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне в истории СССР стала его триумфом, самым важным событием XX века. Но вместе с тем она стала важным рубежом, обозначившим наступление новой эпохи – эпохи послевоенного развития. Надо сказать, что данная проблема уже имеет свою историографическую

Репозиторий КарГУ

традицию. Тем не менее, далеко не все срезы и ракурсы этого опыта изучены в современной историографии основательно. Например, послевоенные годы или, скажем, «хрущевская декада», годы так называемого «застоя», все еще слабо включены в исследовательский поиск и во многом остаются на периферии научно-познавательного интереса. Так получилось, что послевоенный период более всего оказался «обделенным» в советской историографии. В 1950-х-начале1960-х гг. появились немногочисленные труды, превозносящие мирный созидательный труд советского народа, но не раскрывшие в полной мере сути даже этой стороны социально-экономической истории казахстанского общества. Что же касается вопросов партийно-государственного управления экономикой республики, выработки послевоенного социально-экономического курса развития республики, специфических особенностей его экономического развития, реальной роли и места республики в общесоюзной интеграции, то эти темы в комплексе так и не получили своего развития.

Отдельные аспекты экономического развития Казахстана в послевоенный период становились объектами исследования в казахстанской историографии. По количеству публикаций они, казалось, были разработаны в достаточной степени. Однако практически все историки советского периода испытывали прессинг партийного давления, и их исследования четко укладывались в прокрустово ложе марксистско-ленинской идеологии. Советское государство задавало идеологические ориентиры, расставляло оценки, обозначая, что хорошо и что плохо, предваряя собственно исторические исследования. Историки советского периода подводили свои публикации под заранее подготовленные, тщательно отрецензированные результаты. Материально-техническая база «эпохи развитого социализма» составлялась в исследуемый нами период и могла быть подтверждена лишь позитивными выводами исторической науки. Совершенно очевидно, что она в силу этих обстоятельств не могла достаточно объективно отражать все реалии исследуемого периода.

Хронологические рамки монографии включают в себя период с 1946 до 1970 гг. Начало отсчета в исследовании связано с

Репозиторий КарГУ

окончанием Великой Отечественной войны и переходом к мирному строительству. Начало экономической модернизации в Казахстане во второй половине XX века относится к 1946 г., когда республика вновь становится плацдармом для очередных социально-экономических кампаний, связанных с решением текущих политических задач в стране. Законченность процесса модернизации в республике мы связываем с концом восьмой пятилетки – 1970 г., когда в республике еще обозначались существенные позитивные проявления проведенных реформ, несмотря на их паллиативный характер. С 1970 г. экономический и политический кризис в Казахстане, как и в СССР, вошел в новую, более глубокую стадию. Современная историография выделяет 1970-1980-е гг. в качестве отдельного самостоятельного этапа советской истории. Нам такой вариант периодизации в советской послевоенной истории представляется вполне оправданным. Поэтому выделение периода 1946-1970 гг., на наш взгляд, имеет свою логику и не противоречит современной периодизации новейшей истории. В структуре исследования нами обозначены этапы осуществления экономической модернизации.

В зависимости от характера и особенностей экономической модернизации в республике, политической конъюнктуры исследуемого периода, нами выделены следующие этапы: 1946-1953 гг., 1954-1964 гг., 1965-1970 гг.

Первый связан с продолжением сталинской «жертвеннической» модели, в рамках которой экономическое и технологическое отставание СССР от стран Запада предполагалось преодолеть за счет деспотической эксплуатации человеческих ресурсов общества, включая ставку на каторжный труд узников ГУЛАГа. К концу 1940-х – нач.1950-х гг. стала все более отчетливо обнажаться неспособность «сталинского» индустриального прорыва ликвидировать экономическое и технологическое отставание СССР. В этой связи наступает новый, второй этап модернизации, так называемой «хрущевской декады», когда были предприняты попытки несколько скорректировать, если не стратегию, то хотя бы тактические линии модернизации. Не случайно в этот период вспомнили о таком мощнейшем стимуле, как личное потребление, повернулись «лицом к деревне», заговорили о современных отраслях («большая химия» и т.д.),

Репозиторий КарГУ

научно-техническом прогрессе и т.д. Наконец, третий срез объемлет время реформ середины 1960-х гг., время взлета экономики и одновременно ее «лебединой песни», когда пионерные реформаторские идеи трансформировались в тенденции стагнации, обернувшиеся затем крахом всей системы.

Итак представляется, что проблема, вынесенная в фокус нашего исследования, имеет достаточные стимулы к своей постановке, причем как в аспекте научно-познавательных установок, так и в перспективе прикладных задач.

Репозиторий КарГУ

Глава 1
Теоретико-методологические проблемы исследования

1.1. К проблеме теории и методологии исследования

Для научно выверенной реализации заявленных в исследовании предметно-целевых установок важнейшее значение имеет не только обеспечение историографическим анализом, источниковым знанием, но и возможность адекватно интерпретировать его. Эту функцию во многом выполняет, как известно, методология. Именно от ее качества зависит степень рациональности воспроизводимого знания.

Нельзя не признать, что ранее исследователь имел возможность разделить свою ответственность с неким невидимым, но не перестающим от этого мощно присутствовать, цензором в виде марксистско-ленинской методологии. Достаточно было не выходить за ее рамки и никаких претензий к исследователю не будет. Это, безусловно, блокировало творческие импульсы. Критический пересмотр постулатов догматизированного марксизма привели к становлению в современной историографии реального теоретико-методологического плюрализма. Под ним подразумевается отход от некогда абсолютной монополии идей предельно идеологизированного доктринерства. В этих условиях характерной чертой большинства конкретно-исторических исследований стало стремление обеспечить синтез, сочетание различных методологических подходов.

Однако в последнее время все чаще появляются исследователи, которые достижения и позитивы советского периода истории трактуют теперь исключительно как негативы и дефекты и т.д. На наш взгляд, подобное освещение исторических процессов мало чем отличается от позиций историков при доминировании принципа партийности в советское время, ставшего основным постулатом цензуры советской эпохи. Сохранение идеологической «зацикленности», ориентация на взгляды и суждения «вышестоящих структур», отсутствие научной объективности в исследованиях объясняют такую метаморфозу в суждениях и воззрениях подобных историков. В данной работе предпринимается попытка определить реальную степень

Репозиторий КарГУ

соотношения положительных и отрицательных моментов в формах, методах, результатах осуществления экономической модернизации в Казахстане.

В этой связи теоретико-методологического обозначения требует понятие «советская модернизация экономики», к которому мы апеллируем.

Семантическое поле понятия «экономическая модернизация» столь обширно, что вмещает в свой периметр целый ряд интерпретаций, который к тому же еще далеко не завершен. Он пролонгируется по мере поиска определений культурно-цивилизационной формации, идущей на смену индустриальному обществу. Если еще недавно этот социум обозначали как постиндустриальный, то теперь гамма определений стала включать в себя такие, например, «техницизмы», как общество «технократическое», «информационное», «биотехнологическое» и т.д. Понятно, что и критерии модернизации для производительных сил такого общества подыскиваются с соответствующими характеристиками.

Тем не менее, если рассматривать экономическую модернизацию в контексте ее фундаментальных принципов, то наиболее приемлемым можно будет считать следующее определение. *Экономическая модернизация означает внедрение технологии, основывающейся на научном знании, применение высокоэффективных источников энергии, углубление общественного и технического разделения труда, развитие рынков товаров, денег и труда, перманентное усложнение организации производства, совершенствование стимулов для создания и внедрения технологических и организационных инноваций.*

Кроме этого, важнейшими чертами экономической модернизации являются: сокращение доли аграрного производства при его совершенствовании, преобладание капиталоемких производств над трудоемкими, оптимальное сочетание отраслей, выпускающих средства производства и предметы потребления. Нельзя упускать из виду и такую составляющую экономической модернизации, как развитие тенденции к выравниванию доходов между различными секторами экономики, регионами и социально-профессиональными группами.

Репозиторий КарГУ

В нашей работе, говоря о «советском опыте осуществления», мы исходим из методологической посылки, что в течение семи десятилетий в СССР функционировала беспрецедентная в историческом времени и пространстве социально-экономическая система. Совершенно очевидно, что, развиваясь, она наращивала определенные позитивные и негативные элементы своего функционирования. И понятно, что эти элементы могут в той или иной степени проявляться в современных экономических системах. Исследование, анализ этих элементов, их проявлений в ретроспективе и составляет понятие «советский опыт осуществления». Этот концепт не предполагает полное заимствование, перенимание этого «опыта», как впрочем, и его нигилистическое отрицание. Изучение, анализ «советского опыта» означает исследование и анализ «честно и правдиво раскрывая, насколько возможно, неявные мотивы функционирования» [3 , 9].

В основе нашего исследования лежит посылка, что «историческое знание представляет собой важнейшую составную часть самосознания общества, ту интеллектуальную форму, в которой цивилизация дает себе отчет о своем прошлом, следовательно, и о самой себе» [4 , 58].

При развертывании исследовательской процедуры мы не забывали и такую важную во всех отношениях методологическую установку, что историческое познание есть не что иное, как пытливое настойчивое и неустанное вопрошание современностью прошлого, то есть постановка вопросов, волнующих нас ныне живущих людей. Вектор данного подхода характеризуется постановкой перед человеческим прошлым вопросов, какими само прошлое не задавалось и, очевидно, еще не могло задаваться. Поэтому на наши вопросы следуют также новые ответы, которых ранее оно дать не могло.

Для описания экономического развития в СССР в последнее время экономисты (и западные, и российские, и казахстанские) используют концепт «советская модель экономики». В этой связи представляется вполне правомерным использование и историками понятия «советская модель экономики» для исследования проблем экономической истории в СССР и в его национальных республиках.

Советская модель модернизации имела свою глубокую специфику, которая по большинству характеристик не

Репозиторий КарГУ

«вписывалась» в классическую схему. Прежде всего, следует иметь в виду, что она проводилась под давлением внешних обстоятельств, а не каких-то внутренних импульсов. Противоборство двух миров (капиталистического и социалистического) предопределяло «догоняющий» характер советской модернизации, который ангажировался пропагандой как «соревнование двух систем». А поскольку последнее де-факто вылилось в «холодную войну», то ядром, а, точнее, ее несущей конструкцией, было ее нацеливание на создание мощного военно-промышленного комплекса. Идея же благосостояния общества, вопреки чисто декларативным позициям, виделась как цель вторичная.

Отсюда при рассмотрении советской модели модернизации важное значение приобретают корректировки понятийно-категориального аппарата. *В частности, необходимо различать понятия «экономический рост» и «экономическое развитие». Первое предполагает увеличение валового национального продукта на душу населения на протяжении некоторого периода времени, тогда как второе означает прогрессивные изменения в структуре экономики, например, в отраслевой структуре, структуре производительных сил и т.д.* В этой связи становится правомерным использование в нашей работе такого понятийного комплекса как «экономический рост без экономического развития».

Под «советской моделью экономики» нами понимается не только, и даже не столько, определенная аналитическая модель, сконструированная для теоретического осмысления реальных экономических процессов, не только определенная система взглядов на пути экономического развития, доминировавшая на том или ином историческом этапе, а, прежде всего, определенная совокупность характерных черт, особенностей экономической политики и экономического развития СССР и Казахстана в 1946-1970 гг., позволяющая говорить о них как о некой целостности с объективно присущими ей характеристиками, динамикой, механизмами управления и функционирования, противоречиями и теоретическим арсеналом. Такой подход позволяет определить характер динамики экономического развития в республике, роль и место Казахстана в общесоюзной экономической интеграции в 1946-1970 гг. и объяснить закономерности экономических процессов в последующие периоды.

Репозиторий КарГУ

1.2. Историография проблемы

Если рассматривать весь корпус научной литературы по изучаемой проблеме, то можно выделить три наиболее отличительные друг от друга (и по теоретико-методологической основе, и концептуально, и по источниковой базе) группы публикаций. К первой можно отнести зарубежную, преимущественно западную, историографию. Вторая группа представлена работами советских ученых. Третью группу составляют работы современных исследователей постсоветского пространства (в основном российские и казахстанские).

В зарубежной историографии в оценке экономического развития Казахстана в исследуемый период четко обозначились два направления западных концепций экономического развития республики [5, 205]. Представители первого направления верили в жизнеспособность идеалов Октября, акцентировали внимание на экономическом прогрессе народов Средней Азии и Казахстана, позитивно оценивая большинство экономических преобразований в республиках – казахстанские исследователи называли их «оптимистами», в советской историографии их относили к «объективистскому направлению». Сторонники второго направления говорили о недолговечности как самого СССР, так и советского режима в Казахстане, поэтому они были отнесены в советской историографии к «пессимистам».

Оба направления особенно четко представлены в англо-американской историографии. Представители первого направления характеризуют социально-экономическую политику в Казахстане преимущественно как «колониализм благосостояния». Английский советолог Майкл Ривкин пишет: «Колониализм благосостояния состоит в том, что республики ныне не эксплуатируются, а субсидируются ради сохранения их политической зависимости… Мусульмане Центральной Азии уже не такие, какими они были в годы революции. С помощью Москвы и под руководством Москвы они превратились почти в современные братские нации, которые в социально-экономическом отношении ненамного отстают от общесоюзного уровня развития» [6, 13-14]. Оценивая итоги экономической модернизации в 1940-1960-е гг. и характеризуя экономический потенциал Казахстана к 1970 г., западный

Репозиторий КарГУ

исследователь Зев Кац (автор англоязычной справочной книги о советских национальностях) отмечает: «Республика обладает колоссальными природными ресурсами – нефтью, газом, железной рудой и углем. Именно здесь были распаханы целинные земли. По валовому объему промышленной продукции Казахстан стоит в СССР на третьем месте, уступая лишь России и Украине. Темпы развития здесь экономики выше, чем по стране в целом. По производству электроэнергии на душу населения республика превосходит Италию и лишь немного уступает Франции. По торговому обороту она находится впереди всех республик Центральной Азии, уступая лишь России» [7, 215].

Сторонники второго направления в зарубежной советологии оценивают итоги экономического развития Казахстана не столь позитивно. Английский исследователь Ги Имарт резюмировал: «Советская экономика, постоянно находящаяся на грани полного краха, соответствует колониальной модели. Казахстан – это страна, экспортирующая в основном сырье. Термин «колониальная империя» применительно к СССР подчеркивает его характерную черту, а именно: существующее в СССР неравенство между славянами и неславянами» [8, 18]. Тереза Раковска-Хармстоун, характеризуя специфику управления экономикой в регионе, писала: «Несмотря на то, что республики формально пользуются всеми суверенными правами, центральное руководство самостоятельно определяет преимущества и ограничения их юрисдикции: ключевые сферы экономической жизни исключены из непосредственного контроля местных властей» [9, 83]. Ей вторит исследователь С.Л. Берг: «Что касается капиталовложений, то в 1970-х гг. инвестиции в развитие Центральной Азии уменьшились. Эти средства использовались таким образом, чтобы продолжить сельскохозяйственную специализацию центральноазиатских республик, исключить их самостоятельность и самообеспеченность» [10, 43]. В работе британского экономиста Питера Цвига «Этнорегиональное социально-экономическое раздробление и советская бюджетная политика» отмечается, что Казахстан в 1950-1970 гг. продолжал свое чисто аграрное развитие. «Общей же чертой этнорегионального развития РСФСР и Казахстана в этот период были определенные признаки процесса модернизации в экономике» [11, 392].

Репозиторий КарГУ

В подавляющем большинстве исследований немецких авторов разных поколений подчеркивалось, что экономика советского Казахстана носит колониальный характер (Г. Шпенглер, Б. Хайт, Э. Беттхер, Г. Вагенлер, К. Бойме и др.). Исключение составляют работы Э Гизе и Г. Штайгеля, в которых экономическое развитие Казахстана в составе СССР освещается с позитивных позиций [12, 121].

В исследованиях данного направления достаточно четко отслеживается следующие сюжеты: Казахская ССР оценивается как колониальная, сырьевая и аграрная периферия Советского Союза, подчеркивается несамостоятельный характер управления экономикой, наличие признаков модернизации, прогнозируется распад СССР.

Итак, уже с позиций сегодняшнего дня мы видим, что некоторые экономические и политические прогнозы (об экономическом кризисе в СССР, о его развале и т.п.) западных советологов оказались верными.

Приступая к рассмотрению второй группы – советской историографии, следует сразу констатировать, что здесь степень представленности интересующей нас проблематики была достаточно высока и позволяет говорить о наличии вполне сложившейся историографической традиции.

Действительно, если обратиться к истории советского общества, то обнаружится обилие работ, написанных как в расширенном контексте социально-экономических штудий, так и в рамках более дифференцированных жанровых сюжетов: истории промышленности и рабочего класса, социальной структуры и социальных отношений, аграрной истории и т.д. Причем историографический массив был представлен не одним, а двумя взаимопроникающими пластами, искусственная грань между которыми определялась маркерами в виде так называемых шифров специальностей. Одни исследования проходили под грифом «История КПСС», другие – «История СССР».

Историко-партийные исследования составили один из значительных пластов исторических исследований. Первую подгруппу этого массива составляют историко-партийные труды, рассматривавшие опыт партийного руководства развитием экономики в СССР в целом и Казахстане [13], причем по

Репозиторий КарГУ

подобной проблематике защищалось огромное количество диссертационных работ [14].

Если же говорить о собственно модернизации как совершенно отдельной проблеме, то она в том историографическом пейзаже не прорисовывалась даже в виде слабых светотеней. И это понятно. Ведь советская историография, будучи до предела нагруженная идеологическими и политическими смыслами, совершенно не допускала в свой понятийно-категориальный аппарат такую дефиницию, как «модернизация». Как известно, последняя означает такую трансформацию политической, экономической, социальной и культурной организации общества, которая позволяет «вписаться» в вектор развития стран, находящихся в авангарде всемирно-исторической эволюции.

Советский Союз, осуществлявший с конца 1920-х гг. фактически не что иное, как именно «догоняющую модернизацию» (вспомним известную сталинскую установку: «Мы отстаем от передовых стран на 50-100 лет, мы должны пробежать это расстояние в 10 лет»), в своей идеологической казуистике подавал ее как «соревнование двух систем», равно как и стремление к параметрам западных технологий именовалось «строительством материально-технической базы коммунизма».

Исходя из этого концептуального посыла и определялась функция исторических исследований. Их целью должны были служить не столько научно-познавательные, сколько чисто практические задачи – утверждение в общественном сознании веры в непогрешимость советской модели экономического развития, ее неисчерпаемый потенциал.

Послевоенная историография справлялась с этой идеологической задачей, как говорится, не напрягаясь. Она могла апеллировать к такому мощному аргументу, как победа в Великой Отечественной войне, который придавал мифу о беспрецедентной эффективности административно-командной плановой экономики иммунитет к любой возможной критике. Естественно, что эта критика могла исходить лишь от «западных буржуазных фальсификаторов истории». Что касается советской историографии, то она, будучи ограниченной сталинским террором, только и могла, что воздавать аллилуйю Системе.

И, тем не менее, этот историографический период не стал «черной дырой», как трактуют это некоторые сегодняшние

Репозиторий КарГУ

неофиты. В это время было написано немало работ, заслуживающих внимания современных исследователей. Мы имеем в виду, конечно, ту их сторону, где речь идет не об апологетике знамени «марксизма-ленинизма-сталинизма», а живой конкретно-исторический материал в виде огромного множества фактов и свидетельств. Хотя ясно, что вся фактология проходила в ходе исследовательской процедуры мельчайшее сито идеологической селекции с тем, чтобы заведомо априорная догматика как бы подтверждалась источниковым знанием.

Но удивительным образом значительный массив знания, введенный в научный оборот послевоенной историографией [15], дает по мере «просвечивания» его новым «теоретико-концептуальным рентгеном» такой оригинальный мыслительный материал, который вряд ли бы обнаружился без апелляции к послевоенной историографии.

Как известно, в истории исторической науки выделяется совершенно особый период со второй половины 1950-х гг., точкой отсчета которого стал XX съезд КПСС. Безусловно, трансформация качества исследований социально-экономической проблематики определялась в этот период, прежде всего, десталинизацией общественно-политических процессов. Но, вместе с тем, роль доминанты здесь играло и то обстоятельство, что «хрущевская декада» (1953-1964 гг.) была столь насыщена «реформаторскими задумками», что вольно или невольно историография, являясь неотъемлемой частью идеолого-пропагандистского инструментария, должна была, в одних случаях, оправдывать инновации Кремля, в других – объявлять бой «твердолобым консерваторам от сталинизма».

Не случайно именно в этот период появляются исторические исследования, проецировавшие тезис «новой политэкономии» о возможности более ускоренного развития отраслей группы «Б» (производство предметов потребления), необходимости большего перенесения акцентов на стимулы экономического порядка, расширения инвестиционных потоков в сельское хозяйство и научно-техническую политику. По сравнению с историческими публикациями, транслировавшими сталинскую казуистику, эти труды воспринимались тогда как радикальное историографическое направление [16].

Репозиторий КарГУ

Однако, как это всегда случается с государственно (т. е. политически) управляемой историографией, вскоре она получила новый санкционированный партией заказ. Исторические исследования начали раскручивать социальные утопии, вписанные в новую программу партии. Именно в этой связи появляются, например, публикации и диссертации о совнархозах как принципиально новых структурах территориально-отраслевой организации экономики [17]. Выходят работы об «урбанизации села» как материализации коммунистического тезиса о стирании различий между городом и деревней. Другая хрущевская максима о «стирании грани между умственным и физическим трудом» обыгрывается в этот период во множестве аспектов в трудах, посвященных социальной структуре общества [18]. В рамках тезиса об «объективных» преимуществах государственной формы собственности над колхозно-кооперативной, крупного производства над мелким, государственной торговли над рыночной, стала активно инициироваться постановка таких проблем, как история совхозного строительства, формирования аграрного отряда рабочего класса, успешных прецедентов крупной концентрации производства в аграрной и индустриальной сферах материального производства [19].

В конце февраля – начале марта 1954 г. состоялся пленум ЦК КПСС, обсудивший вопрос об увеличении производства зерна в стране и освоении целинных и залежных земель. Так называемая «целинная эпопея» породила целое направление в историографии 1960-х – начале 1980-х гг. Это монографические исследования и сборники [20] и диссертации [21] по истории целины. Публикаций на эту тему появилось такое обилие, что вскоре стали появляться монографии и диссертации по историографии целины, которые лишний раз выявили отсутствие публикаций, где хотя бы в минимальной дозе привлекался некий критический материал.

В полной мере историография «линии XX съезда» обеспечивала идеологическую подпитку печально знаменитому лозунгу «Догнать и перегнать Америку по производству молока, масла и мяса!». Работы, нацеленные на раскрытие этой тематики, были полны бравурных реляций. И в этом трудно и некорректно с точки зрения научной этики упрекать, а тем более обвинять их авторов. Кстати, здесь вероятно будет уместно напомнить, что хотя

Репозиторий КарГУ

период после XX съезда КПСС и называют «оттепелью», но Система по-прежнему продолжала жестоко карать не только своих оппонентов, но и просто «задумывающихся». Она отмежевывалась от Сталина, но не от сталинизма. По данным КГБ СССР за период 1957-1985 гг. за антисоветскую агитацию и пропаганду по статье 70 УК СССР было осуждено более 8 тысяч человек, из них в 1957-1960 гг., то есть в период «оттепели» – 4676 человек [22, 96].

Но если бы даже, несмотря на продолжавшиеся преследования инакомыслия, в когорте исследователей и обнаружился хотя бы один нонконформист от идеологии, или, говоря сегодняшним лексиконом, диссидент, то и он просто не смог бы написать иначе. Ведь и в его сознании десятилетиями, начиная со школьной и институтской скамьи, внедрялись социалистические стереотипы понимания и восприятия экономического роста. Критериями последнего выступали чисто количественные, т.е. экстенсивные, характеристики – «больше», «меньше» или «увеличение», «снижение». Что касается качественных или структурных параметров, то этими маркерами мало кто интересовался. Но если бы такой любопытный и нашелся, то вряд ли он смог с ними ознакомиться. Такая информация всегда имела закрытый характер, ее табуировали грифы «совершенно секретно» или «для служебного пользования» или, что было гораздо чаще, ее в принципе не существовало, ибо советская экономико-статистическая наука, являясь плотью от плоти иррациональной нерыночной экономики, зеркально отражала все ее ненормальности. Понятно, что последние прикрывались различного рода инсинуациями и «лукавыми цифрами» [23]. Другими словами, исследователи, лишенные возможности апеллировать к объективной информации, воспроизводили в своих работах радужные оценки официальной статистики. Отсюда более чем оптимистичный тон публикаций тех лет. Фальсификация источникового знания давала адекватный результат.

В тоталитарном государстве историческая наука, как это ни горестно констатировать, обречена на роль покорной служанки правящего режима. Отсюда характерные для нее сильнейшие позывы к мифотворчеству. Особо изощренных фантазий требовал вопрос о позиционировании советского общества относительно стадий «коммунистического строительства».

Репозиторий КарГУ

В. Молотов, открывая XVIII съезд ВКП(б) в марте 1939 г., торжественно продекламировал: «Мы завершили в основном целую эпоху строительной работы, чтобы вступить в новую эпоху, в эпоху постепенного перехода от социализма к коммунизму» [24, 3]. С целью разработки проекта новой Программы партии на XVIII съезд ВКП(б) была создана комиссия во главе с И. Сталиным. Однако война прервала этот процесс, и конструируемый в руководстве страны миф не успели конституировать.

Н. Хрущев реанимирует этот миф, возвращаясь к нему на XX съезде Компартии. Выступая с его трибуны, новый кормчий страны заявил: «Известно, что еще к моменту принятия новой Конституции СССР (1936 г.) социалистическая система победила и упрочилась во всех отраслях народного хозяйства. А это означает, что уже тогда социалистическое общество в нашей стране было в основном построено… Поэтому утверждать, что у нас построены лишь основы социализма, – значило бы дезориентировать коммунистов и всех советских людей…» [25, 115]. Отсюда дальнейшее развитие мифологемы, явно обозначенное в докладе Н. Хрущева «Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции», где говорилось, что «коммунизм – это уже не отдаленное будущее, его величественное светлое здание все яснее вырисовывается перед взорами народов» [26, 38].

Успехи страны в конце 1950-х – начале 1960-х гг. (рост экономики страны, запуск искусственного спутника Земли в 1957 г. и первого человека в космос в 1961 г., целина и т.д.) ввергли Н. Хрущева в еще большую эйфорию, что побудило начать «раскрутку» новой утопии о том, что «уже нынешнее поколение советских людей будут жить при коммунизме». Миф тут же стал тиражироваться историографией, которая уже не допускала мысли, что СССР лишь пытается догонять модернизированные западные социумы. Теперь в историографии насаждался концепт о том, что Запад отстал от страны Советов, которая демонстрирует всему миру ранее неведомый человечеству путь развития. Мессианская роль СССР в судьбах мировой истории становится в этот период развития историографии главной сюжетной линией. Работы исследователей в данный период не выходят за пределы изложенных сюжетов.

С печальным концом хрущевской декады общество начинает все более явственно демонстрировать реалии, характерные для

Репозиторий КарГУ

кризиса. В этой ситуации говорить о «сияющих высотах коммунизма» было, по меньшей мере, глупо. Требовалось поумерить пропагандистский ажиотаж. Иными словами, была спущена установка «сдать назад» и осудить «забегание вперед». В контексте партийной директивы историографии было позволено развернуть критику «волюнтаристских методов Хрущева». Пользуясь моментом ослабления идеологического контроля, который не успел уловить ветры конъюнктуры, отдельные исследователи развернули в своих работах критику пороков советской экономической системы и институтов ее управления [27].

В этой связи сильной критике была подвергнута хрущевская утопия по поводу торжества «коммунизма в 1980-е гг.», которая, как отмечалось в исследованиях, дезориентировала советских людей. Новое руководство страны прекрасно понимало, что партийно-государственная номенклатура устала от череды хрущевских инноваций и шараханий и ждет только одного – стабильности и предсказуемости, а также гарантий своего благополучия. Однако Л. Брежнев и его соратники, следуя традициям, вынуждены были инсценировать процесс «обновления политики». Зримыми символами этого должны были стать реформы второй половины 1960-х гг. Как и все предыдущие и последующие реформы, они в принципе не могли изменить общего хода развития экономики, которая фатально приближалась к своему краху. Тем не менее до середины 1980-х гг., т.е. до историографии периода «перестройки», исследователи не замечали, что эффект реформ 1965 г. «выдохся» уже в начале 9-ой пятилетки (к началу 1970-х гг.) и продолжали считать их «исторической вехой» в хозяйственной политике КПСС. Между тем, вопреки сентенциям исторической литературы, перевод предприятий и отраслей промышленности на хозрасчет не состоялся, самостоятельность предприятий была блокирована все тем же планированием, централизацией отраслевого управления, административно-бюрократическим аппаратом. Не задались реформы и в сельском хозяйстве, но об этом, как и о провалах в промышленности, историки начнут говорить в полной мере лишь со второй половины 1980-х гг. А пока, т.е. в данный период, появляется огромный пласт исследований аграрного [28] и индустриального [29] развития республики.

Репозиторий КарГУ

Новым мифом брежневского периода страны стала так называемая концепция «развитого социализма». Последняя стала своеобразным компромиссом между национально-государственными интересами и интересами партийно-государственных чиновников, коих к тому времени насчитывалось более 18 млн. человек. Определение фазы развития советского общества как этапа «развитого социализма» сочетало в себе как бы нацеливание и на динамику, и, вместе с тем, на стабильность. Стабильность потому, что такая констатация не требовала рывка в коммунизм и каких-то иных потрясений. Ведь идеологи «развитого социализма» утверждали, что научно-техническую революцию возможно проводить в рамках социально-политической парадигмы, избежав радикальных преобразований, ломки сталинского алгоритма экономического механизма. В то же время концепция предполагала и иллюзию динамики общественного организма. Согласно Конституции 1977 г., ее содержание виделось следующим образом: «Высшая цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление. Главные задачи социалистического общенародного государства: создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня трудящихся…» [30, 317].

Таким образом, хотя во многом и виртуальные, но цели были обозначены. И ученые – историки, экономисты были призваны доказывать в огромном множестве контекстов «конкретно-исторических исследований», что общество продвигается именно в азимутах, зафиксированных в преамбуле Конституции 1977 г. как кодификации «реалий развитого социализма» [31]. А между тем экономика страны окончательно утрачивала поступательное движение даже в его экстенсивном понимании, и все более отчетливо обретала черты стагнатно-кризисного состояния. Но историческая наука упорно «не замечала» этих тенденций.

Качественно новое содержание получает историография периода «перестройки» [32]. Для оправдания очередной

Репозиторий КарГУ

реформации требовалось отрицание явлений и процессов, связанных с прежними режимами. Однако их критика носила не абсолютный, а селективный, т.е. выборочный, характер. Период экономического развития 1946-1953 гг. (сталинский период) в «перестроечной» историографии подвергался беспощадному разгрому, тогда как «хрущевская декада» в пику «брежневскому застою» подавалась как «трагически заблокированная общественная реформация», «предвестник перестройки 1980-х гг.» и т.д. Что же касается «застойных лет», то в исторической литературе второй половины 1980-х гг. они трактуются «как бездарно упущенное время». Особенно детально были рассмотрены причины провала так называемой «косыгинской» реформы 1965 г. Критики не упустили из виду почти ни одного аспекта, кроме самого важного момента: реформы были обречены на пробуксовку в силу абсолютной иррациональности отношений собственности и всей их институциональной инфраструктуры.

Однако в полной мере эту аксиому познает лишь постсоветская историография [33]. Хотя ее концептуальной предтечей можно считать уже некоторые прецеденты историографии конца 1980-х гг. И это не случайно, ведь именно в этот период стали говорить о «социалистическом рынке», о различных видах аренды и кооперативной собственности и индивидуальной деятельности как элементах (а на самом деле – квазиформах) института частной собственности, «китайском опыте», «нашем славном нэповском прошлом» и т.д. Эти, тогда еще робкие историографические опыты, и породили вскоре «новую литературу», которая пыталась осмыслить опыт советской модели модернизации [34].

«Разоблачительная историография» современности, развенчивая мифы советской исторической науки, подчас навязывает не менее агрессивные в своем воинственном нигилизме стереотипы. И в этом смысле очень часто утрачивает свой созидательный потенциал, ибо любое прошлое, пусть даже самое трагическое или бездарное, все же есть опыт, а потому его изучение имеет огромный познавательный и конкретно-прикладной смысл. И пока мы это не поймем, наша историография всегда будет оставаться «разоблачительной», неспособной продуцировать для общества конструктивный мыслительный

Репозиторий КарГУ

материал. В полной мере это имеет отношение к историографии проблемы советской модернизации в 1940-е – 1970 гг. Здесь далеко еще не расставлены точные акценты, не примирены различные подходы и версии, понятийно-категориальные установки и теоретико-методологические интерпретации. Следовательно, общество не имеет возможности интегрировать проецируемое этим историческим периодом знание в свое текущее и, самое главное, перспективное развитие. Одним словом, опыт советской модернизации в рассматриваемый период требует интенсивных и более адекватных принципам объективности исследований. Именно к этому генеральному выводу и подводит краткий экскурс в историографии проблемы.

1.3. Характеристика источникового корпуса

Длительный период исследователи советской истории действовали в ограниченном источниковом пространстве, что было обусловлено политико-идеологическими факторами. Изменение ситуации в 1990-е гг., насыщение исследовательской среды новыми массивами источников, наряду с глобальными положительными последствиями, привели к определенным негативным проявлениям в научной сфере. При изучении отечественного источниковедения применительно к советскому периоду некоторые современные исследователи приходят к следующим выводам: «Труды советских историков писались на основе ложной источниковой базы (значительно усеченной, фальсифицированной и т.п.). Политико-идеологические факторы также не способствовали повышению научной значимости создаваемых трудов. Следовательно, говорить об их истинности не имеет смысла. Только в последнее время с открытием целых источниковых пластов стало возможной написание истинной истории советского периода» [35, 102]. Категоричность подобных утверждений позволяет усомниться в их объективности. На наш взгляд, положение дел с источниками по интересующему нас периоду советской истории не стоит рассматривать столь однозначно и прямолинейно.

Общепризнанным для советского источниковедения являлось утверждение, что сущность исторического источника может быть понята только на основе ленинской теории отражения, которая

Репозиторий КарГУ

определяла ведущую роль объективной реальности в возникновении исторического источника. Тем самым подчеркивался реальный характер современных знаний о прошлом и реальная возможность познания исторической действительности. Важнейшей чертой исторического источника считалась активная роль человека, творца источника в связи с породившими его эпохой и классом. Проблема точности и достоверности тесно связывалась с партийностью, ибо считалось, что классовая позиция исследователя ослабляет или усиливает информационный заряд, заложенный в источнике. Такой подход приводил историков к крайности: или к обвинительному, или к апологетическому отношению к источникам. Исследователи обращались с источниками в одностороннем порядке, вели своего рода монолог, тогда как прочтение и осмысление содержавшейся в ней информации требовало равноправного диалога ученого с источником.

Для источников советского периода наступило время нового, а для многих – первого прочтения и осмысления. Источниковая база по интересующему нас периоду складывалась из разнородных по форме, содержанию, степени достоверности источников, которые в свою очередь формировались под влиянием происходивших в обществе процессов. Проблема их репрезентативности и доступности была и остается актуальной для отечественной исторической науки. В ситуации прозрачности исторических исследований, то есть их практически полной зависимости от вырабатываемого в высших партийно-государственных эшелонах курса, обращение историков к доступным для анализа источникам носило часто скорее ритуальный, нежели в полной мере исследовательский характер. На ситуацию с возможностями использования источников новейшего времени влияла сложившаяся атмосфера секретности, закрытости в СССР, которая поддерживалась целым комплексом организационно-идеологических мероприятий. На современном этапе появилась реальная возможность объективного анализа многих документальных материалов по исследуемому периоду.

Анализируя исторические источники, использовавшиеся в работе, можно выделить ряд их типологических групп. *В целом можно выделить 4 группы источников: делопроизводственные*

Репозиторий КарГУ

документы; статистические материалы; периодическая печать; мемуары.

Значительную часть документальной базы исследования составили *делопроизводственные документы партийных, государственных и хозяйственных учреждений.* Данную группу возможно разделить на 5 подгрупп: протокольную документацию (протоколы собраний, съездов, конференций и т.д.); распорядительную документацию (приказы, инструкции, распоряжения и т.п.); текущую документацию; информационную документацию (акты, справки, сводки, докладные записки и др.); отчетные материалы.

Первую подгруппу составляют опубликованные партийные документы той эпохи. Использование этих документов носило, как уже отмечалось, односторонний характер. Они обильно цитировались, комментировались, но не подвергались критической верификации. Как совершенно точно подмечает один из исследователей источниковедения: «партийные документы… представляли некое сочетание прагматических и одновременно утопических задач и целей, провозглашаемых лидером с четкостью и стройностью догматически-творческих формул, в которые они облекались образованными и мыслящими марксистскими категориями помощниками» [34, 115]. Понятно, что ореол сакральности партийных документов влиял на их оценку исследователями.

Источниковедческий анализ партийных документов предполагает изучение их происхождения, предоставление их общей характеристики, установление исторических условий, причин составления, хода разработки, степень реальности их выполнения и т.д. В ходе работы были отработаны материалы съездов КПСС и Компартии Казахстана, материалы и стенограммы пленумов ЦК КПСС и КПК, тексты постановлений ЦК КПСС и ЦК КП Казахстана за период 1946-1970 гг., материалы по организационно-партийному строительству [36]. Вера в магическую силу партийных документов, подкрепленная разветвленной организационно-идеологической системой, накладывала отпечаток на их структуру и содержание.

В эту же подгруппу можно, на наш взгляд, учитывая особенности функционирования советской монопартийной

Репозиторий КарГУ

системы, возможно включить выступления, статьи руководителей партии и Советского государства, в том числе и республиканского уровня, в исследуемый период: И. Сталина, Н. Хрущева, П. Пономаренко, Л. Брежнева, Н.Беляева, Д. Кунаева и др.[37]

Вторая подгруппа делопроизводственных документов – распорядительная документация – может быть представлена широким кругом опубликованных документов партийно-государственного управления страной, разделение которого в тот период времени являлось достаточно искусственным. Эти документы составляли серийные сборники публикаций «Решений партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.)», различных бюллетеней центральных органов («Ведомости Верховного Совета СССР») и т.п.[38] В них публиковались тщательно отобранные документы и извлечения из партийно-государственных постановлений, которые были призваны создать картину «динамичного развития страны под мудрым руководством партии и советского правительства» по пути «к построению коммунистического общества». Эти документальные материалы предоставляют возможность увидеть те многочисленные проблемы социально-экономического развития, которые можно было разглядеть за шаблонами партийной лексики. Документы, входящие в эту группу, позволяют исследовать механизм осуществления руководства экономической, социальной и др. сферами жизни страны, основу которого составляла уверенность во всесилии директивных методов, что подтверждалось решением значительной части поставленных задач. При работе с этой группой материалов, на наш взгляд, следует отказаться от сверхкритичного отношения к решениям, принимаемым в то время как центральными, так и республиканскими властными органами. Нельзя не учитывать в данном контексте реальной социально-экономической ситуации и особенностей механизма влияния, которым обладали тогда руководящие партийные, советские, хозяйственные органы.

Остальные подгруппы делопроизводственной документации – текущая документация; информационная документация (акты, справки, сводки, докладные записки и др.); отчетные материалы – нами задействованы из десятков фондов российских и казахстанских архивов, характеристика которых будет в данном разделе представлена более подробно.

Репозиторий КарГУ

Отдельная группа источников – статистические материалы – материалы советской государственной статистики, прежде всего опубликованные материалы в статистических сборниках [45]. Многие факты, обнаруженные нами в архивах, свидетельствуют о серьезных искажениях отчетных показателей на уровне промышленных предприятий. Зная о практике завышения контрольных цифр в отчетах о выполнении плановых заданий на всех управленческих уровнях, трудно верить в адекватность материалов статистических сборников. При работе с этими материалами нам пришлось столкнуться со значительным разнобоем в цифровых данных. Однако это было связано не только с явной фальсификацией контрольных цифр. Причины расхождений объясняются также различными методологическими программами, не связанными единой структурой и системой критериев, различными методиками подсчетов при составлении подобных сборников. Но неиспользование такого значительного корпуса источников означало бы выпадение из нашего видения значительной части проблемы.

Наиболее интересными и ценными, на наш взгляд, являлись статистические сборники «Народное хозяйство Казахстана», изданные в 1950-начале 1960-х гг.[46]. Во-первых, в них статистическая информация подвергалась коррекции в меньшей степени, чем в последующие десятилетия. Поэтому цифровые материалы расходятся в сборниках статуправлений, изданных в разные годы. И расхождение это порой существенное. Во втором и третьем разделах данной работы приводятся подтверждения данного тезиса. Во-вторых, в этих изданиях можно найти ряд таблиц, отсутствующих в сборниках более позднего периода (например, данные по структуре промышленности, ежегодному темпу роста валовой продукции промышленности в 1940-1950-е гг. и т.д.).

В данной группе источников, до сих пор не утративших ценность для исследователей, отсутствуют материалы, которые представляют значительный интерес. Например, в сборниках статуправлений практически нет данных по личным подсобным хозяйствам, нет материалов по средним заработным платам работников, уровню жизни, экологического характера и т.п.

Однако статданные не ограничены лишь опубликованными документами. Значительная часть из них нами также активно

Репозиторий КарГУ

задействована из архивных фондов. Этот тип источника также нуждался в тщательном анализе на предмет их критической сверки при прочтении. При работе с обозначенной группой материалов нами в ходе исследования проводилось сравнение архивных статистических данных и других фрагментов имеющегося исторического знания с опубликованными цифровыми материалами.

Третью группу источниковых материалов представляют периодические издания, публиковавшиеся в исследуемый период. Изучение источников этого типа осложнялось идеологизацией всего публикуемого материала. Но в них присутствует значительная «непрозрачная» информация так называемого скрытого характера, содержалась не только текущая информация, но иногда скрытно, завуалировано отражались различные мнения, подходы к той или иной проблеме. Кроме того, тщательное изучение этого типа источника позволяет определить степень идеологического давления на общество, пропагандистско-идеологического обеспечения всех крупномасштабных социально-экономических кампаний того периода. К изученным источникам относятся центральные газеты и журналы («Правда», «Известия», «Литературная газета», «Коммунист», «Вопросы экономики» и др.) и республиканская периодика («Казахстанская правда», «Вестник Академии наук Казахской ССР», «Коммунист Казахстана» и т.д.).

Следующую, *четвертую группу источников составляют мемуары* руководителей партии и государства. Мемуарный бум постперестроечного периода, особенно распространившийся в 1990-е гг., был вызван целым рядом причин. Это, во-первых, коммерциализацией современного общества, когда мемуары являлись неплохим товаром; во-вторых, наличием определенного социального и политического заказа; в-третьих, естественным желанием изложить свой взгляд на события прошлых лет, объяснить свою позицию в этот сложный переходный момент, когда оценка прошедших событий стала более чем неоднозначной. В потоке мемуарной литературы [39] можно выделить определенные группы: 1. Мемуары высшего партийно-государственного руководства того времени. 2. Мемуары руководителей «второго ранга» – руководителей республики 3. Мемуары современных политических деятелей, в которых даются

Репозиторий КарГУ

оценки, суждения по рассматриваемому нами периоду советской истории.

Наличие широкого спектра мемуарной литературы позволяет увидеть новые грани, осветить проблемы отечественной истории с разных сторон. Однако при изучении этого типа источников необходимо учитывать, что на восприятие и изложение событий сказывается социально-политическая позиция авторов. Особенностью мемуаристов из номенклатурного круга является не только присущая им «ностальгия» по прошлому, но и стремление предложить свои «концепции», которые не всегда приближаются к исторической реальности.

Проиллюстрируем проблему достоверности мемуарных источников на примере воспоминаний Д. Кунаева и Н. Назарбаева, посвященных событиям в Темиртау в 1959 г. Первый пишет о них как об «известных событиях», возникших из-за бытовых неурядиц, не раскрывая их сути, не сообщая о погибших, о нарушении закона [40, 125]. Второй автор, напротив, в столкновении рабочих с властью увидел народное недовольство, стихийный мощный протест молодежи, направленный против административно-командной системы, порожденный методами ее работы [41, 55]. В этой связи трудно согласиться с российским исследователей В.С. Лельчуком, который оценивает позицию Д.А. Кунаева как фальсификацию, стремление скрыть истинные причины событий и их ход и, напротив, признает соответствующей исторической реальности только точку зрения Н.А. Назарбаева [42, 325]. Позиция бывшего партийного руководителя Казахстана, на наш взгляд, представляет собой не столько искажение истины, сколько типичное проявление менталитета советской высшей номенклатуры. Тем самым в ней присутствует взгляд на историческую реальность одного из ее создателей. Позиция современного политического лидера Казахстана представляется вполне органичной и естественной с точки зрения критики той системы, разрушению которой служит его сегодняшняя деятельность. В сопоставлении приводимых фактов и суждений, а не в их противопоставлении, видится задача исследователя при работе с мемуарными источниками.

Кроме того, в работах мемуарного характера достаточно часто приходится сталкиваться с определенными неточностями,

Репозиторий КарГУ

ошибками в обозначении тех или иных фактов и событий. В частности, в работе «Без правых и левых» Н.Назарбаев, рассказывая о событиях в Темиртау 1959 года, называет дату начала этих событий – 29 июля [41, 55]. Однако архивные материалы свидетельствуют, что массовые беспорядки начались 1 августа [43, 173]. В мемуарах Д.А. Кунаева «От Сталина до Горбачева» фиксируется, что освобождение Н. Беляева от должности первого секретаря ЦК КПК произошло на пленуме ЦК КПК 19 января 1959 года. В литературе справочно-информационного характера по проблемам партийного строительства годом этого пленума называется 1960 [44, 31]. Поэтому при работе с мемуарной литературой необходима тщательная работа по верификации и сопоставлению с другими видами источникового знания.

Безусловно, что огромный сегмент источникового знания представлен в архивах. Причем архивные документы – это самый значительный по информативному потенциалу и объему материал, использовавшийся в данном исследовании. *В ходе исследования были отработаны около 40 фондов различных архивов. Из них: 14 фондов трех Центральных российских архивов – Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Центрального государственного архива экономики Российской Федерации (ЦГАЭ РФ); более 20 фондов двух Центральных казахстанских архивов – Архива Президента Республики Казахстан (АП РК) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), также фонд № 1 Государственного архива Карагандинской области (ГАКО).*

В РГАСПИ нами просмотрены фонды 17 (Центральный Комитет КПСС), 82 (фонд Молотова В.М.), 625 (фонд Пономаренко П.К.). Были отработаны материалы стенограмм заседаний секретариата, бюро, пленумов ЦК Компартии Казахстана, докладные записки, отчеты, служебные записки, отправленные в аппарат ЦК КПСС, коллекции документов личного происхождения фондов В.М. Молотова и П.К Пономаренко. Причем в материалах стенограмм пленумов ЦК КПК, личных папках руководителей государства и республики найдены очень интересные документы, позволяющие концептуально по-новому

Репозиторий КарГУ

интерпретировать определенные факты в исследуемый период. В фонде 17 были обнаружены записки, докладные, информации заместителя председателя Госплана Казахской ССР Н. Филатова в ЦК ВКП(б), позволяющие сделать вывод о том, что среди руководителей подразделений республики были специалисты, не только отдающие себе отчет в происходящих экономических катаклизмах, но и пытающиеся кардинально изменить ситуацию, выходившие в центр с реальными и достаточно конструктивными предложениями, которые были заторможены Системой и зависли на уровне проектов. Использованные фондовые материалы из данного архива введены в оборот впервые.

В РГАНИ изучены фонды 2 (Пленумы ЦК ВКП(б)-КПСС), 5 (Аппарат ЦК КПСС), 89 (Коллекция рассекреченных документов) и др. В данном архиве были исследованы материалы отделов ЦК КПСС (промышленно-транспортного, сельскохозяйственного и др.), документы отчетов, служебных записок, информаций по результатам проверок уполномоченных ЦК КПСС в Казахской ССР и т.п. Документы фонда 5 – письма, информации И. Худенко в ЦК КПСС позволили достаточно подробно отследить судьбу эксперимента в опытном хозяйстве в Акчи в 1960-е гг. К этим материалам исследователи практически не обращались. Значительная часть приведенных архивных материалов из РГАНИ также введена в оборот впервые.

В ЦГАЭ РФ исследованы фонды 127 (ВДНХ СССР), 233 (Совет Народного Хозяйства СССР), 1562 (Центральное Статистическое Управление при Совете Министров СССР), 7486 (Министерство сельского хозяйства СССР), 7803 (Министерство совхозов СССР). Документы этого архива были представлены преимущественно цифровыми данными сводных отчетов министерств, главков, предприятий и т.д. Архивные материалы ЦГАЭ РФ позволили произвести верификацию многих цифровых показателей опубликованных сборников статистических управлений республики.

В АП РК объектом изучения стал фонд 708 (Центральный Комитет Компартии Казахстана). Это материалы съездов, пленумов, заседаний бюро ЦК Компартии Казахстана, отделов ЦК КПК, отчеты, информации, документы проверок партийными структурами советских и хозяйственных органов и т.д. Эти

Репозиторий КарГУ

источники позволили на новом, ранее не задействованном, фактологическом материале концептуально переосмыслить проблемы экономической истории КССР. Большинство использованных материалов из АП РК впервые вводятся в открытую публикацию.

В советский период данный архив являлся партийным архивом КССР, для работы в нем требовалось специальное разрешение даже для исследователей – членов КПСС. Выбранный материал тщательно вычитывался работниками архива и возвращался в виде купюр. В связи с происходящими событиями в последнее десятилетие стали доступными для исследования многие описи и дела, но определенная часть из них, несмотря на то, что интересующий нас период от современности отделяет уже полстолетия, все равно до сих пор остается недосягаемыми для ученых.

В ЦГА РК нами были извлечены материалы из фондов 1137 (Совет Министров Казахской ССР), 1430 (Министерство государственного контроля Казахской ССР), 1479 (Государственная плановая комиссия при Совете Министров Казахской ССР), 1481 (Министерство сельского хозяйства Казахской ССР), 1488 (Министерство легкой промышленности), 1553 (Министерство цветной металлургии), 1677 (Комиссия государственного контроля Совета Министров Казахской ССР), 1734 (Казахский совет народного хозяйства), 2029 (Комитет народного контроля Казахской ССР), 1878 (Комитет партийно-государственного контроля ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров КССР) и др.

Характеризуя процесс изучения комплекса архивных источников по изучаемому периоду, необходимо обратить внимание на ряд обстоятельств и трудностей, с которыми пришлось столкнуться при этой работе. Во-первых, до сих пор остается недоступным, как уже отмечалось, значительная часть документов и материалов, касающихся наиболее острых, проблемных сюжетов истории советского периода. В частности, остаются недосягаемыми для рядового исследователя материалы многих отраслевых отделов ЦК КПК, архивов силовых структур, где могут быть сосредоточены интереснейшие документы (например, по событиям 1959 г. в Темиртау). Исследователям

Репозиторий КарГУ

доступна лишь «вершина айсберга» документов и материалов, относящаяся к истории 1940-1960-х гг. Во-вторых, диалоговый метод работы с источниками требовал отрешения от целого ряда стереотипов в работе с источниками, нового осмысления роли исследователя в формировании исторического знания. В-третьих, определенную сложность представляла необходимость преодоления идеологической направленности государственных ориентиров в исторических исследованиях, определявшихся как в советское время, так и существующих до сих пор.

Наконец, работа просто не состоялась бы, если б мы не использовали предшествующую историографию. Она уже сама по себе является весьма значительным источником, ибо содержит богатейшую фактологию, которая при новом видении открывает поистине широчайшие возможности.

Таким образом, работа построена на достаточно широком комплексе источников, в работе с которым автор опирался как на методы традиционного исторического исследования, классические приемы источниковедения, так и на те источниковедческие подходы, которые выработаны новейшим знанием.

Репозиторий КарГУ

Глава 2
Советская модель экономики в Казахстане: общая характеристика, специфика управления

2.1. К общей проблеме типологии советской модели экономики и системы управления: варианты интерпретаций

Функционировавшая в СССР модель экономики формировалась под неусыпным контролем и при непосредственном, довлеющем участии тоталитарного советского государства. Тоталитарный советский режим заменил рынок системой бюрократического производства и распределения, создав жестко-централизованную, директивно-плановую экономику с имманентной системой управления.

Экономику СССР историки, политологи, экономисты советского и постсоветского пространства с конца 1980-х – начала 1990-х гг. характеризуют как «командную», «административно-командную», «плановую», «сталинскую», «бюрократическую». На сегодняшний день более употребляемым стал концепт «советская модель экономики».

Первыми подвергать критическому анализу экономическую модель СССР стали западные советологи [47, 64-78]. На западе классический тип советской экономической системы называли по-разному: социалистическое планирование, централизованное планирование, административная экономика, командная экономика [48, 80]. Термин «командная экономика» достаточно точно, на наш взгляд, отражающий одну из основных специфических черт советской экономики, впервые появился в США еще в 1963 г. Он был введен в употребление Г. Гроссманом [49]. В 1960-1990-е гг. в западной советологии появилось значительное количество исследователей, занимавшихся анализом «сталинской модели экономики» на основе различных теорий с предсказаниями ее неизбежного краха. Американским советологом Р. Кемпбеллом была разработана «общая теория административной экономики». Р. Гринслейд пришел к выводу, что рост советской экономики может быть объяснен и понят лишь в рамках «теории бюрократизма» [50].

Многие советологи (О. Ланге, З. Фалленбухл и др.) сравнивали советскую экономическую систему с «военной

Репозиторий КарГУ

экономикой», поскольку она «концентрирует все ресурсы на достижение нескольких главных целей в условиях всеобщего дефицита, мобилизует все силы и ресурсы, невзирая на затраты. Такое случается во время войны» [51, 9]. Подобный мобилизационный тип экономики, считают они, позволяет успешно достигать заданных целей в течение короткого периода времени, но он не может обеспечить удовлетворения растущих потребностей населения, надлежащий рост его уровня жизни и повышение эффективности производства. Кроме того, по их мнению, такой тип экономики может существовать только в изоляции от мировой экономики, ибо его развитие происходит лишь на основе задаваемых сверху целеполаганий, а не благодаря внутренне присущим ему инициативности и духу предпринимательства.

Ряд советологов рассматривали экономику СССР как одну большую корпорацию. В 1980-е гг. в США и на Западе развернулись дискуссии о характере советской экономики. Исследователь Я. Корнаи ввел термин «экономика дефицита», Р. Порте и В. Брабан отстаивали дефиницию «экономика всеобщего разбалансирования» [52, 119]. Американские советологи П. Грегори и Р. Стюарт, определяя содержание сталинской модели экономики, включали в нее такие компоненты, как «централизованное планирование при партийном диктате; структурные изменения в пользу промышленности за счет сельского хозяйства при приоритетном развитии тяжелой индустрии; урбанизация и гигантомания; государственный контроль за финансами; создание монопольного банка – Госбанка; перераспределение капиталовложений в пользу промышленности и транспорта; государственная монополия внешней торговли» [53, 126]. Такая модель экономики, по мнению авторов, неизбежно ведет к «ресурсопожиранию, невозможности правильного выбора цели, то есть к большей неэффективности и расточительности, и, в конечном счете, – к замедлению темпов роста и краху всей экономики». В заключении учеными был сделан вывод об огромной цене, заплаченной СССР за переход к нерыночной и неэффективной модели [53, 127].

Американский экономист Р. Эриксон, подробно исследовавший характеристики советской экономической системы,

Репозиторий КарГУ

к ее сильным сторонам отнес «ясность и четкость целей, концентрацию ресурсов на заданном направлении, четкую управленческую иерархию. Все это давало запланированный эффект на определенном отрезке времени в рамках заданных простых и ясных для понимания целей». Однако, по его мнению, при этом обнаружились такие слабости, как «неэффективность производства, отсутствие внутренних стимулов и инициатив, отторжение научно-технического прогресса. Постепенно центр терял контроль над разбухавшей экономикой, и она, в конце концов, развалилась в результате исчерпания своих ресурсов, внутренней несрабатываемости» [54, 117].

Советская историография данной проблемы не выходила за жесткие идеологические рамки в оценке ни политической, ни экономической истории СССР послевоенного периода. Ни историки, ни экономисты не были способны в силу ряда причин к объективному исследованию данных процессов. Академик Т. Заславская отмечала, что «советская экономическая наука (а это замечание справедливо по отношению ко всем обществоведческим отраслям) оказалась бессильной понять подлинную природу советского общества, закономерности, механизм его развития, чрезмерно идеологизированное общественное сознание во многом утратило способность к критике, перестало отличать ложь от истины, стало очень консервативным» [55, 10]. В советской историографии критический анализ существовавшей экономической системы СССР появляется лишь с конца 1980-х гг. Значительная часть исследований этого периода была посвящена анализу отдельных аспектов экономической модели СССР [56].

В публикациях второй половины 1990-х гг. все чаще стали употребляться такие дефиниции, как «сталинская экономика», «казарменная экономика», «бюрократическая экономика» и другие.

Исследуя проблемы становления и развала советской модели экономики необходимо обозначить основу ее формирования, отмечая наиболее существенные вехи развития данной модели. В исследовательской литературе большинство историков и экономистов относят начало формирования советской модели экономики и ее системы управления к концу 1920-х гг., когда в СССР был окончательно свернут курс на развитие рыночной экономики.

Репозиторий КарГУ

Российские экономисты характеризуют 1930-1950-е гг. как наиболее значимые в формировании советской экономической системы. Именно в эти годы, по их мнению, в СССР была создана классическая модель командной экономики. Они считают, что именно тогда «произошел переход от нормальной, рыночной экономики к нерыночной, имела место широкомасштабная перестройка промышленности в сторону сверхиндустриализации, гигантизации, милитаризации, перемещения акцента на тяжелую промышленность» [57, 22-29]. Советская экономическая модель, по их мнению, получила завершенные формы уже в 1930-е гг. по мере проведения индустриализации и коллективизации, которые привели к тотальному вытеснению остатков частной собственности и смешанной экономики, к социализации, то есть резкому увеличению доли государственной собственности. Социализм способствовал тотальному огосударствлению всей экономики СССР, сделав государство единственным работодателем, который не давал людям шанса на свободный выбор работы, на возможность торговаться за цену своей рабочей силы. Последняя была объявлена не товаром. Реальным собственником средств производства «стала советская номенклатура – новый правящий класс в лице руководящих работников партийного аппарата, хозяйственных, военных, общественных и научных организаций и других начальников. Они-то и поделили между собой всю советскую экономику» [58, 136].

На наш взгляд, такая точка зрения не совсем оправдана. Вряд ли можно считать, что экономическая политика Советского государства с первых лет своего существования строилась на совершенно иных принципах функционирования, нежели позже в 1930-е гг. *В истории становления и развития советской модели экономики, по нашему мнению, можно выделить следующие этапы развития.*

Первый этап – этап формирования и становления ее сущностных черт – с момента возникновения Советского государства в 1917 до 1929 г. Этот период включает в себя «политику военного коммунизма» и этап «нэпа», вплоть до конца 1920-х гг., когда государство полностью и окончательно заблокировало все рыночные механизмы «нэпа». Именно в первые годы Советской власти, в период «военного коммунизма», начала

Репозиторий КарГУ

формироваться одноукладная экономика с жестким централизованным контролем над всеми фазами процесса общественного воспроизводства: производством, обменом, распределением и потреблением.

В период нэпа экономический механизм был несколько изменен, он стал базироваться на рыночных принципах. Товарно-денежные отношения, которые раньше изгонялись из производства и обмена, проникли во все поры хозяйственного механизма, стали главным связообразующим звеном между его отдельными частями. Высвобожденная из-под пресса административных запретов сила рынка стала доминирующей силой в экономической системе первой половины 1920-х гг. Несколько иными оказались в условиях нэпа и экономические функции государства; изменились цели, принципы и методы правительственной экономической политики. Если ранее центр прямо устанавливал в приказном порядке натуральные, технологические пропорции воспроизводства, то теперь он перешел к регулированию цен, пытаясь косвенными, экономическими методами обеспечить сбалансированный рост. Но постепенно новая экономическая политика стала сворачиваться, государство вновь вернулось к основным принципам советской модели экономики.

Создание советской модели экономики базировалось на ликвидации частной собственности и предпринимательства, появлении на их месте всеохватной государственной собственности и огромного бюрократического аппарата управления и планирования. Государственная собственность означала, прежде всего, ее обезличивание, создание атмосферы всеобщей внутренней незаинтересованности и ожидания указаний от начальства. Замена частных предпринимателей государственным аппаратом означала переход от экономики конкурентной и инициативной к экономике приказов и послушания. Эндогенные стимулы или побудительные силы была заменены силами экзогенными, приказными.

С первого своего шага советская модель экономики заработала не только как модель экстенсивного экономического роста, но и как классическая модель ресурсопожирания. Она как молох, требовала все больше и больше рабочей силы, сырья, основных фондов, капиталовложений, денег и др.

Репозиторий КарГУ

Второй этап – с 1929 до 1953 г. – период укрепления и наивысшей точки развития советской модели экономики. Начало этого этапа связано с «великим переломом» – коллективизацией, представлявшей собой фронтальное наступление на частную собственность. К концу 1920-х гг. в государственной собственности была крупная промышленность, вся транспортная инфраструктура, почти вся кредитная система, в частной собственности находились почти все сельское хозяйство, около одной трети промышленности (прежде всего группа «Б»), значительная часть розничной торговли и определенная часть кредитной системы (общества взаимного кредита). В 1930-е гг. в СССР вновь стала господствующей одноукладная экономика с жестким централизованным диктатом в планировании и распределении. Была создана замкнутая, самодостаточная система, достаточно стабильная и достаточно устойчивая.

На данном этапе росли обезличенные фонды, масштабы неиспользуемых ресурсов; все финансирование осуществлялось из госбюджета, не работали экономические рычаги и стимулы. Аккумулируемые государством огромные финансовые ресурсы направлялись на строительство гигантских предприятий – «строек коммунизма», на общественные фонды потребления при сохранении средней заработной платы на низком уровне. При этом государственные ресурсы были ориентированы на выпуск продукции, качество и ассортимент которой не получали общественного признания, так как это делается на основе рыночного механизма спроса и предложения. Они были результатом субъективных, командных решений сверху, выдаваемых якобы за решения, имеющие общественно необходимый характер. «Общественная рациональность и экономичность производства также не были присущи советской модели экономики. Экономическая система социализма не давала никаких сигналов хозяйствующим субъектам, что производить и потреблять, распределение получаемых доходов не зависело от результатов производства и определялось совсем другими факторами» [59, 82-84].

Этот этап являлся апогеем советской модели экономики, когда казалось, что ее преимущества доказаны самим ходом исторического развития. Страна, казалось бы, догнала ведущие

Репозиторий КарГУ

западные страны по основным экономическим показателям, победила в тяжелейшей Великой Отечественной войне, создав мощный арсенал ВПК, за короткий срок справилась с разрухой. СССР стала одной из самых мощных и влиятельнейших держав в мире. Темпы роста советской экономики в условиях созданного тоталитарного режима были, за исключением военных лет, достаточно высокими.

Третий этап начался в 1953 г. и продолжался до 1970. Данный период был связан с замедлением темпов экономического роста, исчерпанием основных ресурсов советской модели экономики, эрозией планового управления и начавшимся общим кризисом экономической и общественной системы. Для преодоления этих процессов были сделаны попытки активного реформирования советской модели экономики. Однако реформы носили косметический характер и сути данной модели экономического развития не меняли. Первой такой попыткой можно считать реформы Г. Маленкова, направленные на ускорение роста производства товаров народного потребления, на подъем сельского хозяйства. Вторая попытка экономического реформирования в СССР была связана с ликвидацией Н. Хрущевым в 1957 г. отраслевых министерств и образования территориальных совнархозов. Третья попытка была осуществлена в 1965 г., в период косыгинских реформ – восстановление отраслевой вертикальной структуры управления экономикой, расширение хозрасчетной инициативы государственных предприятий и т.п.

Четвертый этап – период 1970-х-1980-х гг. – этап, когда замедление экономического роста перешло в его прекращение, стагнацию экономики.

Итак, по нашему мнению, формирование, развитие и деградация советской модели экономики включали четыре основных этапа, причем на всех этапах она сохраняла свои сущностные характеристики. Какие же наиболее значимые, имманентные черты выделяют исследователи в экономической модели СССР?

Исследователь В. Киселев, выявляя наиболее существенные признаки сталинской модели социализма и ее экономической системы, в качестве основных характеристик выделяет [60, 363-364]:

Репозиторий КарГУ

1. Тотальную централизацию управления всеми сферами общественной и экономической жизни; административно-командные методы в сочетании с государственным террором, вплоть до организации массовых репрессий и создания лагерей с принудительным трудом в них.

2. Экстенсивный и затратный хозяйственный и политический механизм, при котором полностью исключается оценка достижений на основе социальной эффективности.

3. Отказ от ценностей предшествующих эпох; устранение масс от управления и формализация институтов демократии; отказ от идеи самоуправления; сакрализация власти вплоть до культа личности.

4. Сращивание партийного и государственного аппарата; контроль исполнительных органов над выборными; выход карательных органов из подчинения законам и обществу и как результат – произвол.

А.Г. Каратуев отмечает военно-полицейский характер модели экономики СССР и выделяет ряд несколько отличных сущностных черт [61, 268]:

1. Единообразие экономических форм, которое выступало как форма борьбы бюрократии против экономического творчества. К шаблону, по мнению исследователя, в равной мере оказались склонны большевики, ставшие бюрократами и бюрократы, мимикрировавшие под большевиков. Советская бюрократия не была готова к неожиданным, несанкционированным «сверху» экономическим явлениям, к многообразию экономической жизни. Отсюда ее стремление найти общую для хозяйственных субъектов формулу поведения. Многочисленные инструкции и постановления чиновничества не увеличивали многообразия форм деятельности исполнителей, так как последняя сводилась к нескольким основным апробированным формам. Все остальное запрещалось либо являлось исключением из правил. В этом смысле единообразие выступало как форма борьбы бюрократии против экономического творчества, как проявление ее интеллектуальной серости.

В известной степени единообразие, по нашему мнению, должно иметь место в любом обществе (например, единая система налогообложения, унификация документооборота и т.п.), но в

Репозиторий КарГУ

советской модели экономики подобное стремление было подменено примитивизацией и сверхунификацией. Вместо максимизации эффективности производства система стремилась максимизировать стабильность и надежность производства (облегчить управляемость, внедрить уравнительный подход, всеобщую «усредниловку»). Система не допускала самодеятельности даже для лучших работников.

Сверхунификация явилась основным инструментом в борьбе с любым личностным проявлением (как в сфере материального производства, так и в духовной сфере). Управление производством копировало армейские линейно-штабные структуры, являясь гиперцентрализованным.

Единообразие форм экономической деятельности способствовало краху «бюрократического» социализма.

2. Режим секретности являлся одним из наиболее характерных и имманентных черт модели. В СССР сложилось информационно закрытое общество. Основная причина существования режима секретности была связана с разворачиванием бюрократической системы господства, с укреплением партийных, военных и прочих столпов режима. Секретность была нужна в качестве средства, укрепляющего экономическое господство бюрократии с одной, и скрывающее его, с другой стороны. По меткому выражению исследователя М. Восленского, управляющие постарались тщательно замаскироваться. Новый класс скрывал сам факт своего существования [62, 123].

Режим секретности требовался также для сокрытия льгот и привилегий советской бюрократии, ее некомпетентности, правового нигилизма и т.п. Основное предназначение режима секретности – внутреннее – дозировать информацию.

Режим секретности, эзотеричности – это сознательное отлучение части общества от информации, нередко преступное сокрытие его, показатель тоталитарного, полицейского характера государства. Если в правовом гражданском обществе положение чиновников определяется их знанием и квалификацией, то в этой системе оно определялось обладанием информации, недоступной для управляемых. Нормой являлась практика принятия закрытых постановлений.

Репозиторий КарГУ

3. Милитаризация экономики. В СССР была самая милитаризованная экономика в мире. Только прямые расходы на содержание военно-промышленного комплекса определялись от одной трети до половины бюджета [63, 5]. Милитаризация экономики шла параллельно с милитаризацией общества. Неслучайно бюрократический социализм в СССР, особенно в послевоенное десятилетие, называют «казарменным социализмом».

Причины милитаризации общества и его модели социально-экономического развития, считает Каратуев, нельзя не связывать, поскольку партия доминировала в социально-политической системе, с боевым построением партийных рядов. Отношения между высшими и низшими партийными организациями осуществлялись в форме боевых приказов. Первые секретари областных партийных организаций входили в руководящие органы соответственных военных округов, имели воинские звания. Генеральный секретарь ЦК КПСС до августа 1991 г. одновременно являлся Главнокомандующим Вооруженных сил страны [61, 282]. По мнению академика Ю. Рыжова, Советским Союзом управлял так называемый военно-идеологический комплекс [64, 9].

Исследователь Ю. Яременко отмечает в качестве одной из основных черт ресурсозатратный характер советской экономики. Эта модель, пишет он, «отличалась ресурсорасточительством, объективно порождала экстенсивный тип экономического развития и неумолимую тягу к внеэкономическим технократическим решениям, а не нормальной экономической мотивации. Советская экономика была жесткой, уродливой системой. Когда возникала необходимость принятия каких-либо сильных решений, всегда появлялись и предлагались всякого рода псевдорешения, якобы очень эффективные, как правило, чисто технократические. Попытка за счет технократических решений выйти из трудных ситуаций была некой внутренней потребностью в чуде» [65, 103].

Проблемой развития советской модели экономики занимается российский экономист В. М. Кудров. В своих исследованиях В. Кудров для характеристики экономики СССР использует концепт «советская модель экономики»[47, 57, 58, 59].

В. Кудров определяет суть созданной в СССР экономической модели – это «модель нерыночной, командно-административной экономики, экономики тоталитарного государства со

Репозиторий КарГУ

сверхцентрализованным управлением сверху вниз, заменившим собой традиционные горизонтальные рыночные связи». Советская модель экономики (по В. Кудрову) включает в себя следующие составляющие элементы [59, 137-138]:

1. Однопартийная система с полным контролем со стороны партийных органов всех сторон экономической и социальной жизни страны.
2. Государственная собственность на средства производства.
3. Централизованное управление и планирование экономики.
4. Наличие правящей номенклатуры – чиновников особого советского типа, преданных идее и вышестоящему начальству, готовых на любые действия во имя достижения заданных показателей и удачного рапортования.
5. Строгая приверженность государственной идеологии, активная апологетика и широкая пропаганда «преимуществ и успехов реального социализма».
6. Изоляция от всего мира, осуществление внешней торговли на базе государственной монополии.

Следствием созданной в СССР социально-экономической модели стали: снижение трудовой мотивации, хищническое отношение к государственной собственности, развитие теневой экономики, отсутствие научно-технического прогресса, растущая зависимость от западных технических новшеств, рост дефицита и т.д. Людей такая система делала несамостоятельными, отучала думать и анализировать, приучала к безответственности и безынициативности.

Итак, считает профессор Кудров, та модель хозяйствования, которая была создана в бывшем Советском Союзе, коренным образом отличалась от традиционной рыночной модели. В отличие от последней, где государство регулирует деятельность хозяйствующих объектов лишь косвенным путем с помощью кредитно-денежной, финансовой политики и других экономических институтов, социалистическая, сталинская модель хозяйствования была построена на прямом администрировании, жесткой централизации управления, составной частью которого являлось и планирование, что полностью лишало хозяйствующие

Репозиторий КарГУ

субъекты как юридического права, так и реальной возможности самостоятельно решать, что и когда производить, кому и по какой цене продавать [58, 134].

Существовавшая жесткая регламентация деятельности предприятий, основанная на централизации планирования и управления, вела к выпуску товаров и услуг, общественно необходимая полезность которых лишь в малой степени могла быть признана обществом. В связи с присущей советской модели хозяйствования высокой степени монополизации, отсутствием внутренней и внешней конкуренции вообще терялись объективные ценностные ориентиры для производства продукции.

Исследователь обозначает один из факторов – причин краха советской экономики – расточительный характер всех без исключения видов ресурсов. Второй фактор неэффективности советской экономики, по его мнению, – высокая и повышающаяся материалоемкость, перерасход в использовании сырья и материалов. По расчетам, проведенным в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО), Советский Союз потреблял сырья и энергии в расчете на единицу конечной продукции в 1,6 и 2,1 раза больше, чем США. Третий фактор, отмеченный Кудровым, – ее высокая фондоемкость, также не имевшая аналогов в рыночной системе. Низкий уровень эффективности использования основных фондов в СССР определялся рядом факторов. Длительными были сроки строительства. Средний срок строительства среднего промышленного предприятия в СССР превышал 10 лет, в сравнении с 2 годами в США. В результате одновременно строилось около 200 тысяч объектов, и объем незавершенного строительства достигал огромных размеров – практически годовой величины капиталовложений [66, 53-54]. Реальные сроки строительства в СССР были еще длиннее: в соответствии со сложившейся практикой после официальной приемки якобы законченного строительства производственного объекта было необходимо потратить как минимум еще 3 года, чтобы довести его до проектной мощности. Реальные средние сроки строительства среднего предприятия, по расчетам В. Кудрова, составляли 15 лет [57, 23].

Репозиторий КарГУ

При функционировании советской модели экономики сформировалась специфичная структура производства. В результате социалистической индустриализации была создана, по мнению Кудрова, искусственная, предопределенная планом уродливая структура производства продукции и распределения ресурсов, когда приоритет в государственной экономической политике заранее отдавался не уровню жизни народа, эффективности или конкурентоспособности производства, а темпам экономического роста, точнее, производству ради производства. «Фетишизация темпов строительства стала самой сутью официальной экономической политики тоталитарного режима. Главными чертами сложившегося экономического механизма в СССР стали: затратный, ресурсопожирающий характер и экстенсивный тип развития» [57, 22-29].

Аналогичную характеристику советской экономической модели дает В.П. Попов. Он отмечает, что именно в силу внутренней природы государственной власти, играющей определяющую роль для общественного организма, «советская экономическая модель не подлежала реформированию и не подразумевала опору на рынок и товарно-денежные отношения» [67, 7].

Советская модель экономики действовала так, что резко понижала материальное благосостояние населения. Причина этого заключалась в целях экономической политики – борьбе СССР за мировую гегемонию, что вынуждало развивать производство в ущерб потреблению, уровень которого в Советском Союзе часто опускался ниже критической черты [68].

В полном соответствии со своими действительными целями (сохранение господствующего положения правящей элиты СССР) экономическая политика Советского Союза, по мнению автора, носила агрессивный характер. Во внутренней жизни главным способом решения больших и малых проблем стало внеэкономическое принуждение товаропроизводителей и соответствующая антирыночная идеология, направленная против любой формы хозяйственной самостоятельности. По исследованию В. П. Попова, в послевоенный период по-прежнему в модели экономики сохранились важнейшие черты, характерные для периода индустриального рывка и военного времени [67, 9]:

Репозиторий КарГУ

1. Вложение средств, полученных за счет сельского хозяйства и налогов с населения в промышленность (в первую очередь в военно-промышленный комплекс).

2. Признание базовых отраслей промышленности приоритетными; полное отсутствие заинтересованности в прибыли хозяйственных субъектов.

3. Принудительное государственное свертывание рыночных отношений, развившихся за военные годы.

4. Ужесточение трудового законодательства.

5. Достижение в качестве одной из главных целей экономической политики наиболее полной хозяйственной автаркии; т.е. замкнутой самообеспечивающейся экономики.

6. Накопление стратегических ресурсов для подготовки к новой мировой войне.

Во всех структурах советской системы, не только государственных, но также экономических, идеологических, культурных и прочих, насильственная природа нового строя заявляла о себе в первую очередь и решающим образом определяла все без исключения стороны жизни. Подведение экономического базиса под советскую государственную машину сопровождалась непрерывным насилием над всеми слоями общества [67, 208].

Исследователи А. А. Данилов и А. В. Пыжиков, анализируя экономическую политику в послевоенный период, отмечают, что советская модель – это «модель экономики, ориентированная, прежде всего, на обеспечение функционирования вооруженных сил и военно-промышленного комплекса. Как обычно экономика оказалась подчинена внешнеэкономическим и идеологическим программам» [69, 100]. Данная экономическая модель, заложенная Сталиным в первые послевоенные годы, пишет Пыжиков, определила хозяйственную структуру страны на десятилетия вперед. Обслуживание потребностей советского военно-промышленного комплекса превратилось в главную цель экономики СССР. Источником развития ВПК стали все ресурсы страны. Ограниченность производства товаров народного потребления, разоренное сельское хозяйство, низкий уровень жизни людей, голод – все это следствия особого положения военной промышленности, обеспечивавшей баланс противостояния с капиталистической системой на международной арене.

Репозиторий КарГУ

Поддержание статуса «сверхдержавы» было достигнуто путем прямого административного перераспределения скудных финансовых и материальных ресурсов в пользу постоянно растущих военных отраслей [70, 148]. Итак, исследователи отмечают: «военизированная модель экономики, сформированная в соответствии со сталинскими замыслами, развивалась по заданному сценарию, подчинив своим законам экономическую и социальную жизнь советского общества» [71, 136].

Рассмотрев различные варианты интерпретации категориально-понятийного комплекса «советская модель экономики», по нашему мнению, можно выделить ряд наиболее существенных черт анализируемой модели:

1. Партийно-государственный диктат в экономической жизни. Данная советская модель экономики строилась по законам и характеристикам, продиктованным идеологическими и политическими интересами КПСС. Партия доминировала в государстве, зачастую подменяя властные структуры. Абсолютно довлеющее положение КПСС в политической системе несколько позже было закреплено в Конституции СССР 1977 г. Главное содержание экономического развития страны определялось потребностями внутренней и внешней политики партии, которая тактически менялась в зависимости от конъюнктуры момента. Не бытие определяло сознание. Идеология и политика определяли бытие.

2. Нерыночный характер экономики. Советская экономика базировалась на тоталитарных методах управления. Рынок в этой системе представал как «архитектурное излишество». Душой рынка является конкуренция. Не случайно российский экономист, академик Л. Абалкин соглашается с мнением ведущих российских и американских экономистов, что государство должно признать, что если и существует «секрет» рыночной экономики, то он состоит не в частной собственности, а в конкуренции [72, 34].

Советский человек десятилетия имел дело с монополизированным рынком, рынком без конкуренции. Главное отличие и антагонизм функционирования двух моделей (советской и западной), по мнению российского экономиста Н. Петракова, заключались в том, что в одном случае конкуренция выхолащивается, а в другом является стержнем экономической

Репозиторий КарГУ

жизни. Все остальные атрибуты – форма собственности, материальные стимулы, денежная и финансовая система, ценообразование, распределительные отношения, планирование – всего лишь производные этого главного отличия [73, VI]. Отсутствие конкуренции приводило к созданию деформированной, тоталитарной экономики.

3. Примат государственной собственности, тотальное огосударствление экономики. В СССР был взят курс на развитие одноукладной экономики. До второй половины 1980-х гг. в стране фактически не было альтернатив ни модели хозяйствования, ни формам собственности. Все хозяйственные субъекты являлись государственными предприятиями или объединениями (колхозы лишь формально относились к типу кооперативной собственности). Тотальное огосударствление означало, что только государство было собственником производственных ресурсов, и только государство принимало экономические решения. Работник был полностью отчужден от собственности.

4. Тотальная централизация и тотальная унификация в планировании, управлении и производстве. Тотальная централизация и тотальная унификация пронизывали все вертикальные и горизонтальные структуры. Вводился один общегосударственный план, позволяющий управлять всем народным хозяйством как единым целым. Социалистическое планирование предусматривало три обязательных элемента: централизованность, директивность и адресность. Иерархия плановых показателей демонстрировала основные приоритеты системы: главные – объемные показатели, за ними шли стоимостные показатели, последними – социальные показатели. Причем план носил ненаучный, стихийный и волюнтаристский характер.

Возникла модель экономики, по которой государство «хозяйственным заданием», направляемым из центра, организовывало «всю хозяйственную деятельность страны». Этот принцип планирования и управления распространялся и на работников – предусматривалось «максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, ее правильное распределение и перераспределение, как между различными территориями страны, так и между различными отраслями народного хозяйства». Естественно, что эта система требовала

Репозиторий кафу

«новой социалистической дисциплины» с такими мерами, как «установление отчетности, норм выработки», унифицированных до абсолюта [74, 55-56].

5. Административно-командный характер экономики. Он определялся, на наш взгляд, в первую очередь особенностями системы управления, функционировавшей в советской модели экономики. Не случайно в исследованиях, как зарубежных, так и советских авторов, эта система управления получила название «административно-командной». Мы не сочли нужным подробно останавливаться на особенностях ее функционирования, так как административно-командная система управления несколько позже будет объектом специального анализа.

6. Экономическая автаркия, то есть расстыковка бюрократической экономики СССР с мировой экономикой. Экономическая автаркия – это один из стержней экономической политики КПСС. Истоки экономической автаркии лежали во внутренней природе социалистического строя, недаром автаркия в той или иной степени проявлялась во всех странах, называвших себя социалистическими. Курс на свертывание товарно-денежных отношений, натурализация хозяйства (например, сельского) приводили к расстыковке экономики СССР с мировым рынком. Для этого имелись такие предпосылки как богатые ресурсы страны, непритязательное население и официальный курс правящей партии, нацеленный на определенную независимость страны от внешнего мира. Так же в довоенный период к этим факторам присоединилась экономическая изоляция СССР со стороны Запада.

Проявление автаркии были многообразны: СССР производил чуть ли не всю номенклатуру мировой промышленной продукции; были перекошены внутренние цены, оторваны от интернациональной стоимости; сфера внешних расчетов была изолирована от внутреннего платежного оборота и т.п. В стране существовал валютный режим, рубль был неконвертируемым. Постоянно ограничивалось или запрещалось перемещение товарно-материальных ценностей и граждан через границы. Страна практически не была представлена в международных экономических организациях.

Автаркия – одна их важных причин экономического застоя, как и отставания в других сферах жизнедеятельности. Опора исключительно на собственные силы приводила к перенапряжению

Репозиторий КарГУ

экономического организма общества, снижалась эффективность производства. Постепенно замедлялся, а позже и совершенно прекратился, экономический рост. Эта черта являлась одной из наиболее деструктивных в советской экономике.

7. Специфичный характер труда (внеэкономическое принуждение и отсутствие сложного труда) и потребления работников. Советская модель экономического развития основывалась на принудительном труде, что, в первую очередь, определяло его низкую эффективность. Вопреки утверждениям официальной пропаганды, человек рассматривался системой не как самостоятельная творческая личность, а как абстрактная единица в балансе трудовых ресурсов страны, как «винтик» огромной государственной машины, ее необходимый элемент, который в случае поломки или выхода из строя, подлежал немедленной замене. В этом определении человека как винтика, по мнению исследователя В. В. Попова, «содержалось все, что определяло жизнь и смерть советского человека, а вместе с тем жизнь и смерть системы в целом, ибо она могла существовать до тех пор, пока все «винтики» этой государственной машины крутились и крутились в нужную для власти сторону» [67, 38]. В известном смысле в этом сталинском определении человека как «винтика» заключалась целая философия системы, которая низводила самоценность личности до абстрактной производственной единицы, имеющей цену лишь при объединении с себе подобными в больших количествах.

Поэтому и сложный труд, то есть творческая сторона любого труда, был подменен суммой простого: там, где экономика сталкивалась с историческими задачами, поставленными перед страной временем (например, задача перехода от аграрного к индустриальному обществу), там все решал не творческий потенциал каждого человека, а привлечение к труду по возможности больших масс. Изначально и до самого конца именно этот принцип действия лежал в основе всех «починов» и «соревнований» советской эпохи. Чем грандиознее была задача, стоящая перед государством, тем большее количество людей привлекало оно для ее выполнения. Основной принцип социализма «от каждого по способностям, каждому – по труду» на практике подразумевал только одно: социалистическое производство из

Репозиторий КарГУ

каждого своего работника должно было выжать максимум возможного. Для этого существовали системы правового оформления давления на население (например, «драконовские» законы 1930-х – 1940-х гг.), силовых структур и т.п.

Параллельно с этим существовала необходимость соблюдения другого основного принципа: работник без партийно-государственной санкции не должен был проявлять никакой инициативы. Система была готова «закрывать глаза» и терпеть халатность, недобросовестность, функциональную безграмотность, но не терпела и жестко пресекала любую творческую самостоятельность. От власти же требовалось только одно – организовать человеческую «стихию» в единый производственный процесс, в котором все подчинено интересам государства, а чувства и желания людей не подлежали учету. Там, где отсутствовала механизация труда, где для ее внедрения требовались большие капитальные вложения, там советская модель экономики обходилась ручным трудом миллионов. Когда в силу исторических обстоятельств (например, в годы войны) экономика СССР испытывала серьезный недостаток работников трудоспособного возраста, советская модель использовала труд детей и стариков. Там, где пробуксовывал «свободный труд», активно использовался труд «рабский» – заключенных, спецпереселенцев и т.п.

«Винтик» обходился системе сравнительно дешево – ему полагался минимум жизненных благ и удобств, необходимый для воспроизводства, а также минимум культурный, идеологический и прочие минимумы, которые связывали все винтики в единый общественный механизм, целиком подчиненный воле системы. Понимание того, что является для человека «необходимым жизненным минимумом» у системы и «винтика» было разным. Регуляторами здесь выступали, с одной стороны, естественные человеческие потребности, которые власти не могли полностью игнорировать, с другой – нехватка и ограниченность материальных ценностей, созданных для потребления, поскольку первоочередной задачей народного хозяйства страны было производство средств производства и только в последнюю очередь производство предметов потребления. По причине несоответствия между ростом потребностей «винтиков» и тем, что могла предложить им эта модель социально-экономического развития, в СССР стала

Репозиторий КарГУ

оформляться специфичная иерархия потребления, в различных ипостасях просуществовавшая до конца советской эпохи. В наиболее отчетливых формах она проявилась в периоды существования карточной системы, но даже после отмены карточек государство различными способами (через политику цен, систему привилегий для номенклатуры, запреты на личные хозяйства и прочее) продолжало жестко контролировать и регулировать внутренний потребительский рынок.

Именно эти черты, на наш взгляд, в значительной степени определяли сущность советской модели экономики, сложившейся в период возникновения и укрепления Советского государства.

Советская модель экономики, функционировавшая в СССР, имела и адекватную ей систему управления. Давая характеристику системе управления экономикой в СССР, как уже подчеркивалось выше, исследователи часто употребляли термин «административно-командная система».

В зарубежной историографии категория «административная система», как и дефиниция «командная экономика», применялись с 1960-х гг. В советской историографии этот термин появляется в ряде публикаций второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. Обществоведы обозначают приоритет российского экономиста Г.Х. Попова во введении в оборот в советских исследованиях концепта «административная система» в его рецензии на роман А. Бека «Новое назначение» [75, 68]. Г. Попов, анализируя административную систему, имеет в виду советскую систему управления экономикой. На наш взгляд, более точное определение данной системы управления экономикой в СССР как административно-командная система, причем эта дефиниция уже достаточно прочно устоялась в обществоведческих отраслях науки.

С этого периода в российской и казахстанской историографии данная категория вошла как качественный, вертикальный определитель социально—экономических отношений в советском обществе.

Что же такое административная система? Существует ли и в чем ее отличие от административно-командной системы?

В основе административной системы лежит простое отношение административного подчинения. Административное подчинение сходно с военным, поскольку калькировано с него

Репозиторий КарГУ

или, точнее, перенесено в другую, гораздо более широкую, сферу, где насилие в принципе не является обязательным атрибутом. По мнению ряда исследователей, специфика административной системы в том, что она основана на принципах рациональной организации [76, 69].

В начале XX века Макс Вебер, обобщив опыт крупных корпораций и государственного управления, разделив всю бюрократию на рациональную и нерациональную, сформулировал основные принципы рациональной организации [77, 24-25]:

Во-первых, разделение труда, четкое разграничение функций. Специализация звеньев системы повышает эффективность, каждое звено системы несет административную ответственность.

Во-вторых, единоначалие. Единоначалие позволяет определить, перед кем данное звено несет административную ответственность за возложенные на него функции.

В-третьих, иерархическая структура. Коль данный концепт обозначен как система – соответственно это порядок, обусловленный правильным, планомерным расположением частей в определенной связи. А порядок расположения частей вытекает из принципа единоначалия, обозначаясь как строгая иерархия. Многоступенчатая иерархия таких отношений во многих случаях оказывается наиболее эффективным орудием коммуникаций и координаций.

В-четвертых, формализм. Четко разделенные и распределенные функции выполняются в соответствии со столь же четкими правилами и инструкциями. Это обеспечивает единообразие и предвидимость действий, облегчает их планирование и контроль.

В-пятых, система санкций и поощрений. Организация, основанная на административном подчинении, нуждается в твердой дисциплине, которая поддерживается с помощью определенных стимулов.

Подобные системы, функционирующие на имманентных принципах, М. Вебер называет бюрократическим аппаратом, «человеческой машиной». Бюрократическое управление, считает он, означает господство посредством знания, и в этом состоит ее специфически – рациональный характер [78, 82].

Репозиторий КарГУ

Подобно всякой машине, сама она программы не имеет, будучи формально-рациональной структурой. Программу может задать политический лидер, ставящий эту машину на службу политическим ценностям. В зависимости от заданной программы система служила либо эволюции общества, либо способствовала ее стагнации.

По мнению экономиста Е. Г. Ясина, административная система – это большая организация, построенная на рациональных принципах и охватывающая всю страну, все общество, в которой линии административного подчинения идут сверху донизу от правительства до рабочего места [76, 69].

Эффективность принципов рациональной организации была замечена давно и положена в основу функционирования всех армий и аппарата государственного управления. Однако в экономике их применение долго было ограничено. Подобный тип рациональной бюрократии характерен для многих высокоразвитых стран с их «вышколенной» бюрократией. Он способствовал, по мнению многих историков и экономистов, быстрому послевоенному возрождению экономик Германии и Японии. Данная рациональная управленческая система относительно гибка и реагирует на изменения. Эти изменения влияют на содержание управления.

Практика хозяйствования в странах с рыночной экономикой в послевоенный период свидетельствовала о том, что идеи централизованного управления и директивного планирования были сочтены непродуктивными, нецелесообразными не только на макроэкономическом, но и на уровне предприятий. Постоянные реорганизации, проводимые в американских, западноевропейских и японских корпорациях, неизменно преследуют цели повышения самостоятельности, ответственности, а, следовательно, и эффективности филиалов, отделений и предприятий, «разгрузки» руководства фирм от принятия решений, которые вытекают из текущих оперативных задач и перехода от отношений иерархического типа к партнерским. Подобные тенденции в управлении ведут к ускорению научно-технического прогресса, диверсификации производства и рынков, увеличению номенклатуры и ассортимента выпускаемой продукции, серьезному повышению эффективности производства, уровня и качества жизни [77, 7].

Репозиторий КГПУ

В советский период управленческую основу составила так называемая нерациональная организация. Ее большинство исследователей и называет «административно-командной системой управления экономикой».

В период «военного коммунизма» сформировалась так называемая «военно-коммунистическая» система в управлении экономикой. Ее основу составили три доминанты – огосударствление, централизация, директивное планирование, именно они «стали отчетливо определять ориентацию государства в экономической политике» [58, 135]. В рамках данной политики (политики «военного коммунизма») делалась ставка на полное блокирование рыночных, товарно-денежных отношений, подмену экономических институтов и стимулов внеэкономической директивно-распределительной системой.

В военно-коммунистической системе уже были заложены основы административно-командной системы, хотя кроме национализированной промышленности и транспорта, были секторы народного хозяйства, которые государству не подчинялись, например, численно преобладающее сельское хозяйство. Ими приходилось управлять не административными, а военно-политическими методами.

В кризисной ситуации 1920-х гг. советское правительство было вынуждено отступить от военно-коммунистических, административно-командных методов управления экономикой. В период новой экономической политики был восстановлен, хотя и в ограниченных масштабах, рыночный механизм. Но с середины 20-х гг. XX века рыночная экономика полностью стала вытесняться директивно-плановой, централизованной экономикой, стержнем регуляции которой стала несколько отличающаяся система управления. Была восстановлена военно-коммунистическая система в несколько иной, адаптированной к мирным условиям, форме. Такой законченной вариацией стала уже полностью сформировавшаяся административно-командная система, основу которой составили те же доминанты – огосударствление, теперь уже глобальное, централизация и директивное планирование.

На истоки возникновения административно-командной системы управления у обществоведов достаточно разнообразные взгляды. Исследователь Е.Г. Гимпельсон считает, что существует

Репозиторий КарГУ

две точки зрения относительно времени формирования административно-командной системы: часть исследователей полагает, что эта система сложилась в период гражданской войны, другие историки утверждают, что в начале 1930-х гг. [80, 202].

По мнению Е.Г. Гимпельсон эта система сложилась в период гражданской войны. «Объективные же условия сохранения этой системы следует искать в противоречиях нэпа. Препятствием реформирования политической системы и отказа от административно-командных методов управления явилась также фактическая диктатура партии. Считалось, что в условиях нэпа речь должна идти не об ослаблении, а об усилении диктатуры пролетариата, а значит, и партии. Таким образом, незавершенность, неадекватность политических изменений экономическим реформам создавали почву для сохранения основ административно-командной системы, по сути своей, противоречившей новой экономической политике» [80, 202].

Историк И.В. Быстрова считает, что «как ни парадоксально, но именно во время относительной экономической «свободы», в условиях нэпа в общих чертах начала формироваться и в 1930-е гг. окончательно сложилась система административно-командного управления народным хозяйством. Именно эта «свобода» дала возможность системе укрепиться, набрать силу, а затем и уничтожить остатки свободы. Следовательно, система административно-командного управления экономикой в общих чертах сложилась в 1920-е – 1930-е гг.; вместе с тем в этот период были выработаны основные принципы, формы и методы государственного управления народным хозяйством» [81, 24].

Российские экономисты Н. Шмелев и В. Попов также считают, что административно-командная система вызрела в недрах нэповской рыночной экономики и явилась логическим следствием развития бюрократического аппарата при отсутствии действенного контроля снизу. Рыночная экономика 1920-х гг., обнаружившая такие потенции роста, которые никогда не проявлялись в советской экономике даже в лучшие периоды ее истории, – это рыночная, социалистическая по своей природе, экономика была побеждена бюрократической машиной, не встретившей на своем пути достаточного сопротивления. В историческом разрезе, считают российские исследователи,

Репозиторий КарГУ

командная экономика имела только одно оправдание: она соответствовала интересам бюрократии, обеспечивала привилегированное положение даже не всему слою, а узкой прослойке руководящих кадров. «С самого начала административно-командную систему отличал экономический романтизм, густо замешанный на экономической малограмотности, и невероятное преувеличение реальной действенности так называемого «административного фактора» по отношению к объективным экономическим процессам и естественным мотивам населения» [82, 102-103].

Экономист В. Кудров на природу возникновения административно-командной системы имеет несколько иную точку зрения. Эта система управления, по его мнению, базировалась на своеобразной управленческой утопии – якобы возможности управлять всем и вся из одного центра. По мнению Кудрова, эта утопия сформировалась первоначально на основе феодальных взглядов и установок на абсолютную власть. Таким образом, исследователь истоки данной управленческой утопии ищет не в советской модели экономики, а в абсолютизме России XVIII века. Позднее эта утопия, пишет он, стала «следствием технологического детерминизма, проводящего полную аналогию между человеческим обществом и технической системой. Свой вклад, считает он, сюда внесла и экономическая кибернетика, использовавшаяся для обоснования возможностей ЭВМ, подогреваемая ложной идеей о практической возможности замены рынка искусственной системой так называемого оптимального функционирования экономики» [59, 94].

Несмотря на регулярно декларируемую вторичность средств, то есть методов управления, по отношению к целям (повышение благосостояния народа), на деле соотношение между ними было как раз обратным. Тип, способ управления стали фактически самоцелью. Достижение запланированных целей объявлялось возможным не любыми средствами, а на основе вполне конкретной модели централизованного государственного управления. По мнению Кудрова, организационная основа этой системы была скопирована с административной структуры старой военно-феодальной России и распространена на все без исключения сферы человеческой деятельности.

Репозиторий КэрГУ

Исследователь выделяет ряд особенностей административно-командной системы [59, 94-97]:

1. Для систем такого типа характерно использование линейных структур с резким преобладанием вертикальных отношений (руководство – подчинение) над горизонтальными (сотрудничество). Распределение прав и ответственности на всех уровнях сводилось к концентрации полномочий у вышестоящих звеньев системы, что приводило к несоответствию прав и ответственности, прежде всего, в основном звене хозяйственной системы, то есть на производственных предприятиях. Подобный разрыв сковывал, лишал реальных производителей свободы маневра, столь необходимой для эффективной работы.

2. Важной особенностью такой системы управления являлась неразвитость свободных аналитических функций и низовых подразделений, их слабая роль в принятии решений. Перегрузка высшего эшелона управления текущими задачами руководства всеми отраслями экономики и иными сферами жизни отодвигала общие и перспективные задачи на второй план. Отсюда отсутствие реальной стратегии социально-экономического развития, непродуманность многих народнохозяйственных решений, принятых без учета экологических, социальных, экономических и даже географических факторов.

3. В качестве еще одной из особенностей административно-командной системы управления можно отметить ее негибкость и низкую адаптивность к новым задачам и, прежде всего, к научно-техническому прогрессу из-за сверхцентрализации управления. Жесткая иерархическая структура с формализованным распределением функций в сочетании с распределением уравнительного типа создавала организационные и экономические барьеры выдвижению новых идей и их практической реализации. Неэффективность системы проявлялась не только при решении новых задач, но и в низкой способности к реализации задач обычных, традиционных. Преобладанием властных, административных отношений над экономическими при недостатке прав у исполнителей приводило к низкой исполнительской дисциплине. Отсутствие встроенных экономических стимулов в известной мере компенсировалось механизмами контроля и управления.

Репозиторий КарГУ

4. Истинным «нововведением» системы стало многократное дублирование структур власти и контроля. Вместе с тем, «обилие контрольных структур побуждало предприятия к уменьшению собственной меры ответственности, делегированию ее вышестоящим органам власти, что способствовало лишь возрастанию степени неуправляемости» [58, 96].

Экономист Н.Я. Петраков административно-командные методы управления также называет военно-феодальными, а сталинскую концепцию управления обозначает как «целенаправленную систему противодействия требованиям объективных экономических законов в угоду созданию иллюзии реализации политических методов и искусственных идеологических конструкций» [83, 214]. Концепция управления как достижение политического результата, вопреки экономической логике и на пределе хозяйственных возможностей, не могла быть реализована никакими иными методами, кроме административно-командных. Идеологизация управления экономикой потребовала резкого повышения, а, главное, своеобразного толкования экономической роли государства при социализме. Безудержное огосударствление всего и вся, считает Петраков, равно как и безбрежное администрирование резко снижало эффективность советской экономики. «Однако командно-административная система не причина, а следствие. Это результат принятой концепции планирования экономики» [83, 215].

Исследователи, обращаясь к анализу сущности системы управления экономикой, определяют наиболее значимые, на их взгляд, характеристики [84, 146; 62, 71-77]:

1. Фетиш плана. План выступал в первую очередь политической, а уж потом экономической необходимостью. Он являлся обязательным, неукоснительным для выполнения, некоторая его корректировка допускалась лишь центром, для всех остальных структур это был объект, табуированный для обсуждения, объект слепого поклонения и исполнения. Выполнение плана давало множество различных привилегий, материальных и моральных вознаграждений и т.п. Невыполнение, наоборот, лишало всего этого. Поэтому выполнение плана зачастую добивались любой ценой, в том числе с помощью приписок.

Репозиторий КарГУ

2. Нерациональное администрирование и бюрократизм. Эти понятия многомерные. Исследователи вводят в него и кабинетный, бумажный стиль работы, инструкционизм, заседательскую суету, практику многочисленных согласований для решения мелких или незначительных вопросов, неадекватность хозяйственных решений, постановлений, приказов и т.д. Подобное бумаготворчество нередко вызывалось некомпетентностью чиновников, недостаточным знанием путей решения возникающих проблем.

3. Ведомственность. Это одно из главных, по мнению исследователей, проявлений бюрократизации общества на уровне отрасли (подотрасли) хозяйствования, сферы деятельности; групповой интерес, защитившихся отраслевым «иммунитетом»; корпоративный клановый эгоизм, корпоративное сознание, клановая солидарность отраслевой бюрократии; подмена государственных интересов отраслевыми; апофеоз отраслевого администрирования. С ростом масштабов производства все большую роль в стране начинали играть «генералы» от индустрии, аппарат министерств и ведомств. Они и определяли эти процессы. Ведомственность была губительна для общества и его экономики. Она «разрывала» государственную собственность на бюрократические вотчины. Ведомственность, будучи связана с «честью мундира», порождала антиобщественные хозяйственные решения и действия, приводила к приукрашиванию положения дел в отрасли, к трудностям получения достоверной информации.

4. Сакрализация и создание культа личности. Это искусственно созданная системой при помощи идеологического аппарата вера в непогрешимость руководства. Это гипертрофированное доверие к руководителям. Создание культа в бюрократической системе управления – это высшая ступень централизации руководства. Это гипертрофия центра, персонифицированная одним – первым лицом. Создание культа – это непомерное раздувание принципа единоначалия. Это подмена первым лицом выборного, коллегиального или общественного органа, организации. Это наложенное табу на критику действий первого лица. Это создание истины последней инстанции. На наш взгляд, верную характеристику этой особенности системы управления дал А.П. Бутенко. Он считает, что существовавшая

Репозиторий КарГУ

система с характерным для нее суеверным преклонением перед «гением вождя» (а это преклонение, культ – неизбежное следствие прямой зависимости благополучия его окружения не от успехов в работе, а от благосклонности вождя), бездушием, формализмом и демагогией убивала в толще масс всякую общественную инициативу и любую политическую активность, не запланированную «великим вождем» [85, 127].

Один из крупных современных экономистов Я. Корнаи, анализируя систему управления в СССР, в результате своих исследований пришел к выводу, что социалистическая система управления сама воспроизводит неразрешимые внутренние противоречия и конфликты и ведет себя иррационально [86, XX].

Г.Х. Попов в монографии, посвященной формированию и сущности системы управления в СССР, обозначает внутренние противоречия административно-командной системы [87, 190-194]:

1. Центр до всего дойти не может. С самого начала в этой системе закладывается опасность рассогласования решений центра и других уровней.
2. Фактор времени. Решения опаздывают, так как проблема уже исчерпана.
3. Не решена тупиковая для нее проблема объективности экономических оценок своих же решений. Цены и оплата труда все более отрывались от первоначальных объективных основ и все более запутывали центр.
4. Проблема кадров в административно-командной системе. Основные критерии выдвижения – посредственность, исполнительность, то есть, нет творчества, инициативы, личностных характеристик.
5. Проблемы с основной производительной силой – трудящимися. Пока у них есть энтузиазм, есть значительные резервы у административно-командной системы. Энтузиазм, считает Г. Попов, корректирует, исправляет, компенсирует недостатки системы управления. Но административно-командной системе инициативный работник не нужен. Исполнители отчуждаются от всего и все равно. Руководители, считает Попов, хозяевами тоже не являются. В итоге экономика существует в качестве общей только для системы в целом, а для всех в частности она становится как бы ничейной.

Репозиторий КарГУ

6. Административно-командная экономика пропитывается бюрократизмом. В системе нет иных стимулов, кроме стимула выполнить волю вышестоящего звена. А от него нижестоящие ожидают и получают блага и привилегии.

7. Необходимое звено – аппарат подавления. Сама внутренняя логика административно-командной системы требует создания подсистемы страха, возможности для центра в любой момент сместить любого нижестоящего руководителя без обязательства объяснить это решение. Но если такой аппарат давления, принуждения нужен системе, то он же ослабляет ее, многократно усиливая присущий ей формализм, безынициативность, ориентацию не на дело, а на приказ. Чем сильнее этот аппарат, тем менее динамичной становится система в целом.

Исследователь Г. Попов считает, что эти общие противоречия системы управления определили развитие экономических противоречий [87, 194].

Таким образом, рассмотрев позиции ряда исследователей – обществоведов, можно сделать вывод, что в историографии прослеживаются четыре основные позиции по времени зарождения командно-административной системы. Часть исследователей считает, что истоки данной системы управления следует искать в абсолютизме России XVIII века, некоторые полагают, что она сложилась в годы гражданской войны, другие – в 1920-е гг., ряд историков определяют время ее появления 1930-ми гг. По нашему мнению, административно-командная система управления экономикой формировалась параллельно с советской моделью экономики в первые годы создания Советского государства.

Административно-командная система, сохраняя некоторые элементы административной системы, имела ряд существенных отличий от нее. Ее особенностями были:

1. Данная система была построена не просто на единоначалии, а на концентрации полной и безграничной власти в одних руках. А для удержания власти нужен был аппарат подавления, который стал обязательным элементом этой системы.

2. Если административная (то есть рациональная) система означает (по М. Веберу) господство посредством знания, то административно-командная система не требовала от своих

Репозиторий КарГУ

чиновников особых знаний. Например, в 1940-е гг. не имели высшего и законченного среднего образования и при этом вообще нигде не обучались 21 % руководителей самого высокого уровня общесоюзных, республиканских и областных учреждений и 56 % всего руководящего персонала [80, 202]. Главным критерием отбора стали не профессиональная компетентность, не уровень, глубина знаний и интеллекта, не творческий подход к решению проблемы, а способность четко и, главное, беспрекословно выполнять спущенные «сверху» предписания. Безропотное подчинение и безусловная исполнительность стали доминирующими принципами отбора управленцев в систему. Инициативность, творчество, индивидуальность становятся пороком, идет подбор кадров – элементов системы скорее послушных, чем способных. А если способных, то способных на все, не стесненных моралью.

3. Обязательным элементом системы становится креатура. Отношения протекционизма пронизывают всю иерархическую структуру.

Безусловно, не только эти особенности определяют суть командно-административной системы, однако они являются, по нашему мнению, приоритетными и носят эзотерический и деструктивный характер. Все остальные характеристики, на наш взгляд, являлись производными этих черт.

Советская модель экономики и административно-командная система управления экономикой создали адекватный себе тип общественного сознания – на почве экономической неэффективности и уравнительности распределения, порожденных администрированием, произошли глубокие сдвиги в общественной психологии, деформация жизненных ценностей и приоритетов. В сознании людей глубоко укоренились сугубо административный взгляд на экономические проблемы, почти религиозная «вера в организацию», нежелание и неумение видеть, что силой, давлением и призывами к сознательности в экономической жизни достигнуть стратегически длительных результатов невозможно. Среди населения широко распространились настроения апатии и безразличия, иждивенческая уверенность в гарантированной работе и социальной безопасности и, в то же время, твердая убежденность в том, что «выкладываться», работать с полной отдачей сил

Репозиторий КарГУ

бесполезно, бессмысленно и даже зазорно. Не случайно в советский период появилось выражение, достаточно точно определяющее отношение к коммунистическому труду – «как вы нам платите, так мы вам и работаем» [82, 104]. Часть нации духовно деградировала на почве пьянства и безделья, развились массовое воровство, неуважение к честному труду, стойкое отторжение предпринимательства, инициативности, проявления ярких личностных качеств. И одновременно проявлялись агрессивная зависть к любым повышенным трудовым доходам, все более ощутимым становилось неверие в провозглашаемые цели и намерения, в том числе и в возможность более разумной, более рациональной организации экономической жизни [88].

Административно-командные методы управления экономикой продолжали функционировать в послевоенный период и вели страну к глобальному экономическому кризису.

Европейские советологи, характеризуя 1940-е – 1980-е гг. в СССР, отмечают, что особенно губительным представляется тот факт, что при коммунистической системе люди разучились думать экономическими категориями. Именно в этом и заключалась одна из причин того, почему положение коммунистической экономики обычно приукрашивалось. «Экономические показатели и другие статистические данные о социалистических хозяйственных системах искажали их истинное состояние. В этих системах не было ни экономического мышления, ни нормальных денег, они почти не производили потребительских товаров, тем более конкурентоспособных, и жестко отвергали автономию экономики по отношению к политике» [89, 39].

Советская модель экономики и характерная для нее система управления определяли содержание социально-экономического развития Казахстана в исследуемый нами период – 1946-1970 гг.

2.2. Партийно-государственное управление экономикой в Казахстане: структура, формы и методы

В СССР в первые же годы была создана четкая иерархическая структура управленческого аппарата. Советская модель экономики основывалась на трех вертикалях жесткой системы управления. Первая вертикаль – партийная, вторая –

Репозиторий КарГУ

хозяйственная, третья вертикаль – исполнительная, региональная власть, четвертая – силовые структуры. Главной вертикалью, основным орудием строительства нового общества, была партия, точнее партийный аппарат. В советском обществе постоянно укреплялись все четыре управленческие вертикали. Роль партии – ведущей и направляющей силы, постоянно подчеркивалась. Но эта роль подкреплялась и нарастанием мощи трех других вертикалей.

По партийной линии она пронизывала все структуры общества сверху донизу: Генеральный (Первый) секретарь, Политбюро (Президиум), Центральный Комитет ВКП(б) (с 1952 г. – КПСС), республиканские, областные, городские, районные партийные комитеты, парткомы на всех предприятиях и все они занимались управлением, в том числе и экономики, дублируя органы хозяйственного управления.

По хозяйственной линии (так же по вертикали) – Совет Министров, союзные, республиканские министерства, государственные комитеты и администрации предприятий. По третьей исполнительной вертикали каждое предприятие руководилось региональными властями – исполнительными органами всех вертикалей – областным исполнительным комитетом Советов, горисполкомом, райисполкомом.

Еще одна, четвертая вертикаль – по линии так называемой безопасности, а, точнее, тотальной слежки – аппарат Комитета государственной безопасности (первоначально НКВД, потом МГБ, КГБ), который имел свои ячейки и тайных агентов во всех иных управленческих структурах, во всех без исключения субъектах общественной жизни страны, и подразделения Министерства внутренних дел. Кроме того, экономические структуры контролировались Госпланом с его территориальными службами, народным контролем, подразделениями Министерства финансов, Центрального статистического управления, Государственного банка, различными инспекциями. Число различных субъектов руководства и контроля над каждым предприятием могло составить около десятка. Вместе с тем такое обилие контроля «побуждало предприятия к уменьшению собственной меры ответственности, к делегированию ее вышестоящим органам власти, что способствовало лишь возрастанию степени неуправляемости» [57, 96].

Репозиторий КарГУ

Экономическая политика партии, совпадавшая с экономической политикой советского государства, получившая закрепление в программных и директивных документах партии (как и экономические цели политики советского государства, получившие закрепление в Конституции и иных программных материалах советской власти), являлась, по сути, идеологическим прикрытием действительных целей партийной и советской верхушки, интересы которой изначально противоречили интересам общества. А ее российский историк В.П. Попов определяет как «поиск, налаживание и поддержание в нужном режиме специальных механизмов в экономике, которые гарантировали бы правящему слою стабильность господства над населением СССР и распространение своего владычества за пределы державы» [67, 5].

«Однопартийность» Системы и «монолитность» единственной партии до предела упростили проблему политического руководства, сведя его к администрированию. Была создана всевластная и всепроникающая вертикаль, работающая в одностороннем режиме – от центра к массам, лишенная обратной связи. Уже в 1920-х гг. сложилась система жесткой регламентации духовной, общественной и личной жизни коммуниста, которая была поставлена под надзор ячеек и контрольных комиссий. Особую роль в насаждении конформизма в партии сыграли «чистки» личного состава партии» [80, 203].

В отношении оценки роли партийного руководства экономикой в СССР у историков мнения несколько расходятся. Западный исследователь Д. Бофф отмечает, что у партии в государстве в послевоенный период при Сталине были две главные функции: вмешательство в экономику путем мобилизации имеющихся людских ресурсов и защита государственной идеологии. В последующее десятилетие, считает Бофф, Н. Хрущев выделял первую и пренебрегал второй. Под его руководством экономическая роль партии несравнимо возросла [90, 501]. Действительно, по мнению Хрущева, партия должна была посвятить себя «совершенно конкретным» задачам, а ее успехи определялись, прежде всего, «производственными результатами». Н. Хрущев даже предлагал, чтоб оплата партийных руководителей зависела от экономических успехов, при нем первичные партийные организации получили более широкие права по

Репозиторий КарГУ

контролю деятельности администрации предприятий [91, 11-17]. Идеологическую работу он, по его собственному выражению, «подчинил экономической, потому что идеалы коммунизма можно осуществить только при изобилии материальных и духовных благ» [92, 113-114].

Такого рода утверждения имели место, как показывают источники, в выступлениях Н. Хрущева. Но вряд ли можно согласиться с суждением Д. Боффа, что только при Хрущеве произошло возрастание роли партии в руководстве и управлении экономикой. На наш взгляд, партия всегда держала под жестким контролем экономические процессы в СССР. Основное отличие этой роли в послевоенное десятилетие и хрущевский период заключалось в методах управления. При Сталине работала сложившаяся, достаточно устойчивая система, не подвергавшаяся особенным изменениям в силу достаточно эффективного (исходя из приоритетов) функционирования. Кроме того, при Сталине экономические реформы носили более прагматичный, рациональный характер. При Хрущеве эту систему стали подвергать всевозможной масштабной и структурной коррекции, исходя из более идеологизированных, политических инсинуаций, а реформирование сопровождалось грандиозными прожектами и агитационно-пропагандистской шумихой.

Исследователь А. Авторханов отмечает, что еще при Сталине были введены в национальных республиках институты «вторых секретарей» партии и первых заместителей главы правительства, назначаемых прямо из Москвы. «Существовало неписаное правило, по которому первые секретари ЦК партии, председатели правительства и парламента назначаются из представителей коренной национальности республики. С 1930-х гг. это новое положение стало законом с уточнением функций вторых секретарей, которые руководили двумя отраслями партийной работы – распределением кадров и интернационализацией республик. Второй секретарь ЦК – не только «московское бдительное око», но и фактический правитель. Так же обстояло дело и в отношении государственных органов. При Хрущеве положение несколько изменилось» [93].

К моменту смерти Сталина власть на разных ступенях управлениях находилась в руках трех поколений партийных

Репозиторий КарГУ

функционеров. «Старики», то есть люди с дореволюционным партийным стажем, после чисток 1920-1930-х гг. уже не играли заметной роли в системе партийной и хозяйственной бюрократии. Основные позиции в управлении заняли представители «среднего поколения», то есть вступившие в партию сразу после революции или в 1920-е гг. Третье поколение – «молодые» функционеры, выдвинувшиеся во время и после войны. Если до 1953 г. власть в высшем эшелоне находилась в руках «стариков», то после 1953 г. она сосредоточилась у «среднего поколения», заметно потеснивших «стариков». После 1964 г. власть перешла в руки «молодых» партийцев. Представители и «среднего», и «молодого» поколения партийной номенклатуры усвоили у «старшего» поколения ту единственную модель организации власти, которая была выработана в первые годы Советского государства. «От людей, для которых принципы демократии не стали достоянием их опыта, трудно было ожидать существенного продвижения в этом направлении» [94, 105].

В Казахстане партийно-государственное управление экономикой было абсолютно идентичным с союзным. Содержание партийного управления экономикой в партийных директивных документах определялось достаточно абстрактно: «ЦК Компартии Казахстана постоянно ориентирует обкомы, горкомы, райкомы партии, первичные партийные организации на дальнейшее усиление роли многоотраслевой казахстанской индустрии, как основы укрепления всех отраслей народного хозяйства республики, повышения материального и культурного уровня жизни советских людей» [95, 23]. «Квалифицированный, предметный подход к решению вопросов партийного руководства экономикой, – обозначалось в партийной литературе советского периода, – проявляется в том, что, организуя работу по мобилизации трудящихся на успешное осуществление народнохозяйственных планов, на повышение эффективности общественного производства, партийные комитеты четко, глубоко научно определяют пути и средства, которые ведут к поставленным целям. Силы и внимание партийных, советских и хозяйственных органов сосредоточились на таких коренных, перспективных вопросах развития экономики, как ускорение научно-технического прогресса, интенсификация общественного производства,

Репозиторий КарГУ

рациональное использование производственного потенциала, всемерная экономия всех видов ресурсов, улучшение качества работы. Наиболее полной реализации этих проблем подчинена вся система организационно-партийной, идеологической и политико-воспитательной работы» [96, 16].

Совершенно очевидно, что данная цитата представляла собой идеологизированный вариант содержания партийного управления экономикой. Фактически же партийное руководство и управление экономикой сводилось к дублированию функций хозяйственных органов, подкрепленных мощной агитационно-пропагандистской работой. При этом использовались все возможные средства для достижения цели: для коммунистов – от награждения и выдвижения на должности вышестоящих партийных структур до исключения из партии и последующих за ним, как правило, «оргвыводов»; для беспартийных – от использования различного вида стимулирования (разумеется, преимущественно морального) до психологического давления и привлечения силовых структур для решения особо «спорных» вопросов.

Партийный управленческий аппарат представлял собой вертикальную структуру со строгой иерархией подчинения по армейскому образцу. Внутренняя структура партийно-управленческой иерархии в Казахской ССР в 1946-1962 гг. была следующей: первый секретарь Центрального Комитета Компартии Казахстана, Бюро ЦК КПК, областные комитеты, городские и районные комитеты, парткомы предприятий. На каждом уровне партийной структуры были специальные подразделения, курировавшие деятельность народнохозяйственных объектов.

После Великой Отечественной войны в 1946 г. бюро ЦК Компартии Казахстана подчинялись 19 отделов, 9 из которых курировали экономические процессы в республике: общей промышленности, металлургии, топливно-энергетической промышленности, машиностроения, пищевой промышленности, транспортный, сельскохозяйственный, животноводства, совхозный отделы.

Структурные реорганизации все время сопровождали республиканское партийное управление. Особенно многочисленными были реорганизации по части создания различных отраслевых отделов. В июне 1946 г. в ЦК КПК был

Репозиторий КарГУ

ликвидирован совхозный отдел, в 1947 г. отдел пищевой промышленности влит в отдел общей промышленности, объединены отделы металлургии и машиностроения. В 1948 г. ликвидированы 9 отделов, среди них отраслевые – общей промышленности, металлургии и машиностроения, животноводства и образованы 7 новых, в том числе отделы тяжелой промышленности и легкой промышленности. В 1952 г. был образован отдел строительства и строительных материалов. В 1954 г. ликвидированы отделы промышленно-транспортный и плановых органов и созданы отделы тяжелой промышленности, транспорта и связи, строительства и строительных материалов, промышленности товаров широкого потребления и продовольственных товаров. В 1956 г. ликвидированы отделы тяжелой промышленности, промышленности товаров народного потребления и продовольственных товаров и создан общий отдел – отдел промышленности. В 1957 г. отдел промышленности переименован в отдел тяжелой промышленности и создан отдел легкой и пищевой промышленности [97, 134-135].

Наряду с реорганизацией руководящих структур партийных органов проводились реорганизации и их аппарата. В областных партийных комитетах параллельно с другими отделами функционировали промышленно-транспортный и сельскохозяйственный отделы. В 1949 г. в городских и районных комитетах партии были созданы промышленные или промышленно-транспортные, а в сельских райкомах – сельскохозяйственные отделы. В первой половине 1950-х гг. подвергся перестройке аппарат сельских райкомов партии. Были созданы инструкторские группы во главе с секретарями райкомов партии по зонам МТС. VII съезд Компартии Казахстана (1954 г.) обязал «партийные комитеты в кратчайший срок завершить указанную перестройку, обеспечить закрепление за МТС, МЖС и колхозами наиболее квалифицированных и опытных работников, способных добиться улучшения партийно-политической работы и ликвидации отставания сельского хозяйства» [98, 208]. Однако это перестройка была затянута, пущена на самотек и проведена формально. Многие работники райкомов, закрепленные за зонами МТС, были малоопытными и плохо знали сельское хозяйство. В 1957 г. в 21 городском комитете, 85 сельских и 9 городских

Репозиторий КарГУ

райкомах партии были упразднены промышленные отделы. В 1960 г. они были восстановлены [97, 121].

В ноябре 1962 г. на пленуме ЦК КПСС было принято постановление «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством». В соответствии с решением ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС была осуществлена перестройка партийных органов по производственному принципу [99, 292-293]. Эта реформа изменила структуру партии, разделив ее надвое: одна половина должна была заниматься промышленностью, другая – сельским хозяйством. Все партийные организации, от центральных до районных, были разделены и специализировались в руководстве одного из двух секторов экономики. Реформа упразднила районные комитеты партии. Решение всех вопросов на этом уровне, как пишет Н. Верт, переносилось в «производственные зоны» [100, 419]. А так как партийная система была своего рода образцом для Советской власти, то и вместо единых Советов и их исполкомов создавались сельские и промышленные исполкомы Советов.

В Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской и Карагандинской областях были образованы по два самостоятельных обкома – промышленный и сельский. В составе Западно-Казахстанского, Целинного и Южно-Казахстанского крайкомов партии созданы самостоятельные бюро по руководству промышленностью и строительством. Сельские районы были укрупнены и на их базе было образовано более ста производственных колхозно-совхозных управлений, в которых действовали партийные комитеты, сменившие сельские райкомы партии. В областных центрах образованы объединенные партийные комитеты областных сельскохозяйственных учреждений, предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье и т.д. Появились зональные промышленно-производственные партийные комитеты и несколько парткомов крупных промышленных предприятий на правах райкомов партии, подчиненных непосредственно соответствующим бюро крайкомов и обкомов по руководству промышленностью и строительством. Алма-Атинский горком партии был упразднен, а горрайкомы стали подчиняться Алма-Атинскому промышленному обкому партии. Аналогичные

Репозиторий КарГУ

реорганизации прошли и в других регионах Казахстана. В ЦК Компартии Казахстана было образовано Бюро ЦК по руководству промышленностью и строительству и Бюро ЦК по руководству сельским хозяйством, а для координации деятельности отраслевых бюро и решения вопросов общереспубликанского значения создан Президиум ЦК [101, 292].

Однако вскоре, как показал практический опыт, эта перестройка партийных структур не оправдала себя. Стали ощущаться сложность и громоздкость новой структуры. В результате перестройки аппарат краевых и областных органов непомерно разросся, а районное звено, которое считалось наиболее функциональным, оказалось выпавшим из системы. Эта реформа партийной структуры была новой иллюзорной попыткой прийти к более эффективному управлению экономикой. В партийных документах того времени для объяснения причин реструктуризации использовались следующие формулировки – «перестройка мешала партийным органам комплексно решать политические и экономические вопросы, вела к дублированию и смешению их функций с советскими органами» [102, 41].

Доктринеры в партии не преминули подвергнуть критике и осудить покушение на «союз рабочих и крестьян» и профанацию роли партии, сведенной к решению экономических проблем. Многочисленные недостатки в предпринятой реорганизации нашли и прагматики: рост бюрократии, разобщение секторов, имевших общие проблемы, развал в «забытых» секторах (торговля, здравоохранение, образование, культура), общую дезорганизацию и т.п. Недовольство реорганизацией росло на всех уровнях партийного аппарата. Руководящее звено опасалось, что им придется решать конкретные экономические задачи, что снизит их престиж и вместе с тем возложит ответственность и возможные обвинения за провал в том или ином случае. Областные и городские руководители, заправлявшие во всех сферах жизни регионов, оказались ограничены лишь контролем экономической сферы. Многочисленные кадры районных партийных организаций из-за реформы оказались под угрозой сокращения.

В контексте осуществления политики разделения партийных и советских органов по производственному принципу Н.Хрущев предпринял попытки реализации дальнейших нововведений исходя

Репозиторий КарГУ

исключительно из собственных представлений об их целесообразности. Эти зигзаги политической линии первого секретаря ЦК КПСС, как считает исследователь А.Пыжиков, вызывали раздражение аппарата, усиливали недовольство, способствовали углублению конфликта с ним [103, 72]. Именно такие настроения породила попытка первого секретаря Целинного крайкома компартии Казахстана Т.Соколова при прямой поддержке Хрущева добиться утверждения Целинного края шестнадцатой республикой в составе СССР. В этих условиях Т.Соколов стал проводить линию на обособление края от Казахстана. В своих выступлениях он прямо говорил о стремлении преобразовать край в союзную республику СССР, добиваясь предоставления крайкому прав ЦК, крайисполкому прав Совета Министров и т.п. Эта идея не была воплощена в жизнь, однако она демонстрировала волюнтаризм центра в решении вопросов любых реорганизаций в республиках.

С декабря 1964 г. была восстановлена прежняя структура республиканских, областных, городских и районных комитетов партии. Структура партии развивалась главным образом по пути количественного наращивания руководящих партийных органов и их аппарата. Численность руководителей верхнего эшелона партийных структур в республике за исследуемый период существенно не изменилась. С 1946 по 1970 гг. было 5-6 секретарей ЦК КПК, секретарей обкомов партии – 68-71 (с недолгим уменьшением их числа в 1953, 1963, 1964 гг. до 47-55) [97, 157-160]. Однако заметна ориентация на усиление централизма: партийный аппарат рос, в основном, за счет увеличения численности штатных работников в ЦК и обкомах. В ЦК Компартии Казахстана, например, число ответработников возросло в период 1966-1980 гг. с 168 до 259 человек (на 54 %) [104, 199]. За исследуемый период значительно возросло среднее и низшее руководящее звено – секретари горкомов, райкомов и первичных парторганизаций. Число секретарей горкомов увеличилось с 68 до 94 (на 38 %), секретарей горрайкомов – с 27 до 42 (на 55 %), секретарей сельских райкомов партии – с 456 до 595 (на 30 %), секретарей парткомов – с 9955 до 16529 (на 66 %) [97, 161-168].

Репозиторий КарГУ

Процесс формирования управленческого аппарата в партийных структурах был достаточно специфичен. В результате разрастания бюрократизма и формализма свобода коммунистов выбирать в руководящие органы своих представителей была подменена возможностью лишь выразить полное одобрение и поддержку кандидатам, которые были отобраны без их участия. Отбор кандидатов происходил келейно (основные критерии отбора кадров были нами рассмотрены в предыдущем параграфе данной главы). Институт номенклатуры стал замкнутой системой. Номенклатурные работники стали передвигаться вверх и вниз, но в основном по кругу, перетекая из партийных органов в советские и хозяйственные. «Образовалась обширная, но замкнутая каста профессиональных начальников-управленцев, фактически несменяемых, со всеми классическими атрибутами бюрократизма: чинопочитанием, казенным формализмом, соблюдением форм и обрядов делопроизводства, затхлым рутинерством, боязнью новизны и инакомыслия, взяточничеством» [104, 200].

Дробление партийного аппарата по отраслям народного хозяйства предопределило не только пресловутую подмену партийными комитетами советских и хозяйственных органов, но и несогласованность действий и критериев в самой партийной работе. Отдельные подразделения партаппарата зачастую заботились лишь о решении «своих» вопросов, не проявляя интереса к тому, над чем работают другие. И, не сообразуясь с общей ситуацией, одни стремились скорее «протолкнуть» на рассмотрение пленума или бюро проблемы аграрного управления, другие настаивали на первоочередном внимании к проблемам промышленности, третьи – культуры или строительства.

В результате содержание партийного управления и руководства, а зачастую и в целом партийной работы, нередко представляло собой простую сумму разнородных вопросов, в которой трудно разглядеть единый комплекс, единую линию, единую цель. «А процесс партийного управления, – считает казахстанский исследователь Г. Козлов, – лишь внешне напоминал систему. На уровне же непосредственного объекта это часто были мало связанные друг с другом средства, формы и установки» [104, 202]. Эффективность работы оценивалась не по конкретным, качественным результатам, а по формальным показателям

Репозиторий КарГУ

деятельности: количеству проведенных заседаний, количеству прослушанных отчетов, количеству принятых резолюций, инструкций и т.п. Для имитации бурной работы, обоснования собственной полезности и незаменимости партийными структурами бесчисленное количество раз «проводились», «заслушивались» и «принимались» все «необходимые меры» для руководства и управления экономикой республики. Так, в 1950-е гг., в одно из самых сложных десятилетий для животноводства республики, ЦК Компартии Казахстана принимает множество решений по любому вопросу, касающегося развития животноводства в КазССР. За 1951 г. на заседаниях бюро ЦК КП(б) Казахстана этих решений было принято 80, только за три месяца 1952 г. – 14 [105, 44]. Однако в отрасли никаких существенных качественных изменений не произошло.

Тяга к устоявшимся организационно-структурным стереотипам, единообразию, жесткой централизации в партийных структурах не сопровождалась многообразием форм их работы, учитывающих национальные, культурные, бытовые и другие особенности народов СССР. Слепая вера в универсальную эффективность жесткой централизации явилась не только одной из причин утверждения удручающего единообразия в формах построения и деятельности партийных органов. Они стали похожи друг на друга как близнецы: одинаковая структура, одинаковые планы и мероприятия, одинаковые повестки дня пленумов и собраний, даже одинаковые недостатки. Она существенно деформировала всю совокупность внутрипартийных отношений между коммунистами, между руководящими партийными органами и партийными массами, между партийными комитетами различных уровней. Отношения в партийных структурах были основаны на приказах и исполнении, делении партийцев на начальников и подчиненных. В решениях стал преобладать мотив принуждения: «обязать», «потребовать», «усилить», «принять меры» и т.д. – все в повелительном наклонении. Долгие годы отношения верхнего эшелона партийных структур к «низам» основывались на патерналистской практике руководства, исходящей из того, что вышестоящие инстанции призваны «всегда все знать, все направлять, согласовывать и обо всем судить» [104, 208].

Репозиторий КарГУ

Принимаемые решения в партийных органах порой противоречили друг другу абсолютно. В марте 1955 г. в Алма-Атинской области в колхозах были проведены партийные собрания с повесткой дня, в которую первым вопросом был внесен вопрос об организации совхозов на базе колхозов. Причем во всех колхозах и повестки дня партийных собраний, и их решения, были тождественны. По первому вопросу были приняты решения о ликвидации колхозов и организации на их базе совхозов. На этих же собраниях вторым вопросом обсуждались и были приняты мероприятия по выполнению постановления январского пленума ЦК КПСС (1955 г.) о дальнейшем развитии колхозов. Итак, на одних и тех же партийных собраниях приняты решения о ликвидации колхозов и дальнейшем развитии колхозного производства на 1955-1960 гг. [106, 5]. Подобные методы управления не являлись редким исключением из правил, формализм пропитал все структуры партийного руководства, став одним из основных методов работы.

Перекосы в сторону централизации выявились и в чрезмерной производственно-отраслевой специализации партаппарата, которая на деле лишь усугубила ведомственную разобщенность в работе партийных органов, обусловила нацеленность их структуры на дубляж хозяйственных подразделений, усиливала их приверженность к технократическим подходам, административно-хозяйственным методам. Отраслевые подразделения партийного аппарата, отстаивая интересы курируемых ведомств, выступали нередко как их «полпреды», вольно или невольно втягивались в решение множества текущих хозяйственных проблем, ослабляя тем самым свою роль как органов политического руководства.

Российский исследователь Р.Г Пихоя отмечает, что «партийный аппарат, выполнявший управленческие функции, был лишен возможности участвовать в принятии управленческих решений» [2, 5]. Кроме того, Пихоя считает, что реальная власть в Советском Союзе принадлежала не высшим партийным структурам (Политбюро), так как «архивные изыскания подтверждают, что важнейшие решения (особенно до 1956 г.) принимались не на заседаниях Политбюро, а в так называемом «опросном порядке», то есть оформлялись задним числом. В то

Репозиторий КарГУ

время более важными были решения Совета Министров СССР, где власть концентрировалась в значительно большей степени, чем в собственно партийном руководстве» [2, 5-6].

Исходя из этих посылок, исследователь делает вывод, что ключевым звеном командно-административной системы являлись весьма разветвленные отраслевые министерства. «Министерства непосредственно или через подчиненные им главные управления управляли своими промышленными предприятиями, доводили до них цифры государственного плана, устанавливали для них многочисленные показатели – количество работающих, нормы повышения производительности труда и многие другие. Министерства определяли, кто должен быть поставщиком сырья для предприятий, и куда должна поступать их продукция. Дробная структура органов исполнительской власти – министерств (второй управленческой вертикали) – в принципе предполагала, что каждая отрасль хозяйства, промышленности, управления имеет свой «штаб отрасли», как нередко в советское время именовали министерства» [94, 111].

Но данное положение не является справедливым для всего исследуемого нами периода. С 1955 г. все совместные партийно-правительственные решения будут приниматься как постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, хотя раньше они действительно принимались и подписывались в обратном порядке – как постановления Совета Министров и ЦК [6, 32-39].

Вторая вертикаль управления – хозяйственная – была достаточно разветвленной и сложной. Центральные органы управления народным хозяйством СССР в исследуемый нами период подвергались бесконечным структуризациям и реорганизациям. До 1946 г. основным звеном управления народным хозяйством были наркоматы, с 1946 г. – министерства. Система этих учреждений исторически сложилась еще в первые годы Советской власти и была закреплена в Конституции СССР 1936 г.

Законодательная база функционирования министерств неоднократно менялась. 15 марта 1953 г. был принят Закон «О преобразовании Министерств СССР» [107, 4-18]. 10 мая 1957 г. был принят Закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» [108, 27]. 10

Репозиторий КарГУ

июля 1967 г. Совет Министров СССР утвердил постановление «Общие положения о министерствах СССР» для определения правового положения министерств СССР [109, 116]. Эти законы обозначали понятие министерства и его системы, определяли цели деятельности, задачи, ответственность и место министерств в системе государственного управления.

Министерства являлись центральными отраслевыми органами государственного управления, возглавляемыми членами правительства. Они осуществляли исполнительную и распорядительную, деятельность, руководили отдельными отраслями народного хозяйства и культуры. Министры осуществляли руководство порученной им отраслью на основе единоличного распорядительства, оформляемого приказами и инструкциями [110, 46].

По степени централизации руководства отраслями государственного управления министерства подразделялись на общесоюзные, союзно-республиканские и республиканские. Общесоюзные министерства создавались в тех отраслях экономики, которые, по мнению Москвы, являлись стратегическими и требовали управления из одного центра. Они осуществляли прямое руководство соответствующей отраслью на всей территории СССР и не имели в союзных республиках одноименных министерств. Союзно-республиканские министерства образовывались в отраслях, управление которыми считалось (опять таки центром) целесообразнее вести органами СССР совместно с органами союзных республик. Они руководили отраслью через одноименные министерства в союзных республиках, а непосредственно управляли определенным числом наиболее крупных предприятий, имеющих особо важное государственное значение. Республиканские (местные) министерства образовывались в отраслях управления, в которых в наибольшей степени отражались те или иные национальные особенности республик. Они являлись центральными отраслевыми органами республики и действовали под руководством Совета Министров соответствующей республики [111, 190].

В состав центрального аппарата, помимо министерств, входили специальные ведомства при Правительстве или в составе Правительства. Они осуществляли координацию деятельности

Репозиторий КарГУ

министерств и ведомств по тем или иным специальным вопросам или отраслям производства. Различие между ними проводилось по объему полномочий или характеру функций. Существовало несколько групп такого рода органов. Главные управления, имевшие в своем непосредственном подчинении предприятия (учреждения, организации), осуществлявшие оперативно-производственное руководство ими, и комитеты (комиссии), осуществлявшие, как правило, либо одну функцию (например, планирование, снабжение), либо представляли собой координирующие или контролирующие органы. Существовало две группы комитетов и комиссий: государственные комитеты Совета Министров СССР, призванные координировать работу министерств и ведомств по вопросам, имеющим общий для всех отраслей управления характер (например, Госплан, Государственный комитет по внешним экономическим связям и др.) и государственные комитеты Совета Министров СССР, призванные координировать деятельность соответствующих органов по вопросам, имеющим узкоотраслевой характер (например, Государственный комитет по оборонной технике и т.п.). [111, 189-190]

Послевоенный период характеризовался неоднократными реорганизациями, слиянием и разъединением министерств, главным образом промышленных. С одной стороны, специализация отраслей промышленности вела к разукрупнению министерств, число их увеличивалось. С другой стороны, дробление министерств нарушало сложившееся кооперирование отраслей и предприятий, которое складывалось десятилетиями, усиливало ведомственные тенденции, приводило к разбуханию управленческого аппарата. По мере увеличения отрицательных сторон разукрупнения снова начиналось слияние министерств. В свою очередь, объединенные министерства были не способны руководить производством конкретно и оперативно. В конечном итоге приходилось возвращаться к разукрупнению министерств, их количество снова возрастало. Аппарат управления был оторван от производства, отвлекал большое число работников от непосредственного участия в сфере материального производства. За период 1928-1955 гг. сильно выросло количество административно-управленческого персонала: управленческий

Репозиторий КарГУ

персонал в промышленности увеличился с 300 тысяч до 2 300 тысяч человек, то есть более чем в 7 раз, а численность рабочих – всего в 4,5 раза [112, 168].

В послевоенное десятилетие в СССР функционировало около 50 министерств (Таблица 1 [110, 52]).

Таблица 1 – Структура министерств в СССР в 1946-1957 гг.

Год	Министерства			Год	Министерства		
	все-го	обще-союзные	союзно-респуб-ликанские		все-го	обще-союзные	союзно-респуб-ликанские
1946	49	30	19	1952	51	30	21
1947	58	36	22	1953	25	12	13
1948	59	36	23	1954	26	24	22
1949	48	28	20	1955	51	25	26
1950	51	30	21	1956	55	27	28
1951	53	32	21	1957	52	23	29

В эти годы общим явлением для всей системы промышленных ведомств было интенсивное разукрупнение. Оно происходило почти во всех отраслях промышленности, особенно в топливной, машиностроительной, электропромышленности. Весьма частым реорганизациям подвергались министерства таких отраслей, как лесная, легкая и пищевая промышленность.

Первый удар этой системе (системе министерств) был нанесен после смерти Сталина. Уже в марте 1953 г. произошло резкое сокращение числа министерств (с 51 до 25). Оно затронуло главным образом связанные между собой отрасли оборонной промышленности и машиностроения. В 1955-1956 гг. была проведена целая серия мер по реорганизации системы союзных министерств. В течение 1954-1955 гг. из союзного в республиканское ведение в промышленности СССР было передано более 11 тысяч предприятий. Если в 1950 г. число предприятий союзного значения составляло 67 %, а республиканского и местного – 33 %, то в 1955 – число предприятий союзного значения сократилось до 53 %, а число предприятий республиканского и местного значения выросло до 47 % [113, 51].

В 1956 г. на декабрьском пленуме ЦК КПСС обсуждалась проблема укрепления централизованного планирования

Репозиторий КарГУ

промышленности и централизованного контроля над ней. В начале 1957 г. Н.С. Хрущев направил в Президиум ЦК КПСС записку «Об улучшении руководства промышленностью и строительством», а в феврале 1957 г. предложения Хрущева рассмотрел пленум ЦК КПСС. В тезисах доклада Хрущева на пленуме сообщалось, что «в соответствии с задачами дальнейшего развития народного хозяйства необходимо перенести центр тяжести оперативного руководства промышленностью и строительством на места, ближе к предприятиям и стройкам. В этих целях … следует перейти от прежних форм управления через отраслевые министерства и ведомства к новым формам управления по территориальному принципу. Формой такого управления могут быть, например, советы народного хозяйства (совнархозы)» [114, 4].

10 мая 1957 г. был принят Закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». В нем говорилось «о необходимости расширить права союзных республик в области хозяйственного строительства, перенести центр тяжести оперативного руководства предприятиями и стройками на места в экономические административные районы» [115, 275].

Централизованное управление было сохранено только для наиболее наукоемких и важных отраслей военной промышленности. В общей сложности было ликвидировано 141 общесоюзное, союзно-республиканское министерство. Численность хозяйственного управленческого аппарата сократилась на 56 тысяч человек [111, 286].

Для управления промышленностью и строительством в каждом экономическом административном районе был образован Совет народного хозяйства, которому передали предприятия черной и цветной металлургии, машиностроения и металлообработки, угольной, нефтяной и химической промышленности, промышленности строительных материалов, легкой, пищевой и других отраслей промышленности. Ключевым звеном управления становились созданные советы народного хозяйства (совнархозы) экономических административных районов. Итак, во-первых, совнархоз включал территорию, объединенную единством управления экономикой. Во-вторых, совнархоз выступал коллегиальным органом управления,

Репозиторий КарГУ

руководившим комплексным развитием промышленности, которому подчинялись промышленные и строительные предприятия, хозяйственные учреждения, расположенные на этой территории.

В подчинение совнархозов были переданы промышленные предприятия общегосударственного значения, тресты, стройки и другие производственные объединения, находившиеся на территории данного экономического района. Совнархозы наделялись правами, необходимыми для осуществления руководства промышленностью. В структуре этого учреждения, кроме самого совета народного хозяйства – руководящего органа, были еще производственно-отраслевые управления, создаваемые по отдельным отраслям промышленности, и функциональные органы – транспорта, финансовые структуры и некоторые другие [112, 53-55].

В руководство Совета народного хозяйства входили председатель совнархоза, его заместители, начальники управлений и отделов. В апреле 1960 г. Совет Министров СССР принял постановление, по которому в состав руководства Совнархозов вводились также директора крупнейших предприятий и строек. Изначально при образовании экономических административных районов центральные власти рассчитывали максимально приблизить оперативное руководство к сложившимся промышленным центрам, надеялись преодолеть разобщенность и ведомственную ограниченность, всесторонне учесть местные условия и потребности, стимулировать инициативу снизу.

Законом 1957 г. предусматривалось, что совнархозы в своей деятельности подчиняются Совету Министров своей республики. Однако на практике оказалось, что это положение приемлемо не для всех республик (в силу перегруженности Совета Министров вопросами руководства). В 1960 г. в трех республиках (РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР) было решено образовать республиканские СНХ, на которые были возложены задачи «координации работы совнархозов республик, решения оперативных вопросов хозяйственных связей между совнархозами республики, обеспечения материально-технического снабжения промышленности и строительства республики». В 1962 г. после укрупнения совнархозов был образован Совет народного хозяйства

Репозиторий КарГУ

СССР как общесоюзный (в 1963 г. преобразованный в союзно-республиканский) орган по руководству реализацией народнохозяйственных планов и планов материально-технического снабжения через Советы министров союзных республик, совнархозы и министерства. В 1963 г. был образован Высший Совет Народного Хозяйства как общесоюзный орган по руководству промышленностью и строительством [116, 134-136]. Параллельно Совету Министров СССР подчинялись Государственные отраслевые комитеты и Комиссии СССР.

Система управления промышленностью и строительством после четырех лет функционирования начала давать сбои. Переход от отраслевого принципа управления к территориальному стратегически оказался неверным. С 1965 г. начинается коренная перестройка управления экономикой. 2-3 октября 1965 г. были приняты законы об изменении системы органов управления промышленностью и внесены изменения в Конституцию в связи с этим. Упразднялись ВСНХ СССР, СНХ СССР, республиканские Советы народного хозяйства и Советы народного хозяйства экономических административных районов [117, 558]. Было образовано 29 общесоюзных и союзно-республиканских министерств СССР, к концу 1975 г. их насчитывалось уже 35 [111, 290].

В Казахстане в исследуемый период структура управления промышленностью была калькирована с общесоюзной. С еще довоенного периода в республике такие отрасли, как цветная металлургия, угольная и нефтедобывающая промышленность, управлялись общесоюзными наркоматами (министерствами). Эти союзные министерства претерпели за исследуемый период ряд различных изменений. В Казахстане не было республиканских структур в 1946-1954 гг., стоявших между союзным министерством и предприятиями отрасли. Все они непосредственно управлялись из центра.

В 1948 г. общесоюзное Министерство цветной металлургии СССР и общесоюзное Министерство черной металлургии СССР объединились в одно Министерство металлургической промышленности СССР (общесоюзное). В 1950 г. оно снова разделяется на два союзных ведомства: Министерство цветной металлургии СССР и Министерство черной металлургии СССР

Репозиторий КарГУ

[118, 15]. В 1953-1954 гг. в период укрупнения министерств вновь повторилось их слияние, было вновь создано союзное Министерство металлургической промышленности СССР. В 1954 г. вновь была восстановлена старая система, произошло новое разукрупнение данного министерства – на союзно-республиканские Министерство цветной металлургии СССР и Министерство черной металлургии СССР. В Казахстане в 1954 г. было образовано союзно-республиканское Министерство цветной металлургии Казахской ССР (1954-1957 гг., в 1965 создано вновь). Задачами министерства являлись «выполнение государственных планов добычи и обогащения руд цветных металлов, производство цветных, рудных и драгоценных металлов и т.п.» [119, 14]. В 1957 г. Министерство цветной металлургии было ликвидировано и было восстановлено уже как союзно-республиканское после принятия законов об изменении системы органов управления промышленностью в 1965 г. [120, 558]. В 1965 г. было образовано союзно-республиканское объединение предприятий черной металлургии Казахской ССР «Казчермет» (1965-1970 гг.) [121, 4].

Наркомат угольной промышленности СССР в 1946 г. был разделен по территориальному принципу на два общесоюзных наркомата: Наркомат угольной промышленности южных и западных районов СССР и Наркомат угольной промышленности восточных районов СССР [122, 6]. Предприятия данной отрасли в Казахстане находились в ведении союзного Наркомата угольной промышленности восточных районов СССР. В 1948 г. произошло слияние данных ведомств в одно Министерство угольной промышленности СССР. В 1957 г. министерство было ликвидировано и создано в 1965 г. как союзно-республиканское [123, 558].

Наркомат нефтяной промышленности СССР полностью повторил схему реорганизации Наркомата угольной промышленности. Наркомат нефтяной промышленности в 1946 г. также был разделен по территориальному принципу на два наркомата: Наркомат нефтяной промышленности южных и западных районов СССР и Наркомат нефтяной промышленности восточных районов СССР [124, 12]. В 1948 произошло слияние данных ведомств в одно Министерство нефтяной промышленности СССР. В 1957 г. данное министерство было ликвидировано, и в

Репозиторий КарГУ

1965 г. были созданы Министерство нефтедобывающей промышленности СССР (как союзно-республиканское) и Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР (союзно-республиканское) [125, 558].

В период 1946-1970 гг. в Казахстане функционировало около десятка союзно-республиканских и несколько республиканских промышленных и сельскохозяйственных министерств, в том числе, министерство лесного и водного хозяйства (См. таблицы 2-5) [126, 339,470].

В 1946 г. в республике функционировало 14 министерств, руководивших отраслями экономики, из них 12 являлись союзно-республиканскими.

К исключительной компетенции Казахской ССР относилось только управление предприятиями местной промышленности. В 1946 г. в республике функционировало всего 7 республиканских министерств, из них только 2 занимались вопросами управления промышленностью: местной промышленности (1937-1953 гг.) и местной топливной промышленности (1943-1953 гг.) [127, 6].

В послевоенное десятилетие, как и в центре, в республике происходили неоднократные реорганизации, слияния и разъединения министерств, главным образом, промышленных. Специализация отраслей промышленности вела к созданию новых министерств, разукрупнению их аппаратов.

Таблица 2 – Структура министерств в Казахской ССР в 1946-1970 гг.

Годы	Министерства			Годы	Министерства		
	всего	союзно-республиканское	республиканское		всего	союзно-республиканское	республиканское
1946	14	12	2	1953	4	3	1
1947	14	12	2	1954	11	10	1
1948	13	11	2	1955	12	11	1
1949	12	10	2	1956	13	10	1
1950	13	11	2	1957	9	8	1
1951	14	12	2	1965	14	12	2
1952	14	12	2	1970	13	11	2

В 1946 г. на базе Главного управления промышленности строительных материалов при Совете Министров Казахской ССР было образовано союзно-республиканское Министерство

Репозиторий КарГУ

промышленности строительных материалов Казахской ССР (1946-1957 гг., в 1965 создано вновь). Основными задачами министерства были «обеспечение комплексного развития всех отраслей, изыскание и широкое развитие производства новых строительных материалов и изделий, обеспечивающих повышение качества и снижение стоимости строительства новых предприятий и т. д.» [128, 127]. В состав министерства были переданы цементный, известковые, алебастровый и кирпичные заводы, комбинаты стройматериалов.

В 1947 г. образовано союзно-республиканское Министерство вкусовой промышленности (1947-1949 гг.). Ему были переданы из ведения Министерства пищевой промышленности Казахской ССР (1937-1953 гг., в 1965 создано вновь) предприятия, организации и совхозы винодельческой, пивоваренной отраслей и безалкогольных напитков, чайной, табачной и махорочной отраслей промышленности [129, 30].

В 1948 г. произошло слияние Министерства текстильной промышленности (1939-1948 гг., 1955-1956 гг.) и Министерства легкой промышленности (существовало с 1937 г.) в одно Министерство легкой промышленности Казахской ССР [130, 137-138].

В связи с новым этапом реорганизации управления промышленностью в Казахской ССР в 1953 г. были объединены Министерство местной промышленности (1937-1953 гг., 1960-1963 гг., с 1966 создано вновь) и Министерство местной топливной промышленности (1943-1953 гг.) и создано Министерство местной и топливной промышленности (1953-1957 гг.) [131, 42]. На министерство было возложено руководство непосредственно подчиненными ему республиканскими трестами и предприятиями следующих отраслей промышленности: металлообрабатывающей, пимокатно-войлочной, кожевенно-обувной, лесозаготовительной, ткацкой, швейной, трикотажной, торфяной, угольной, сланцевой.

Четыре министерства: легкой, пищевой, рыбной (1939-1953 гг., 1954-1957 гг.), мясомолочной промышленности (1939-1953 гг., 1954-1957 гг.) были объединены в одно – Министерство легкой и пищевой промышленности (1953-1954 гг.), впоследствии разделенного на Министерство промышленности товаров широкого потребления (1953-1955 гг.) и Министерство

Репозиторий КарГУ

промышленности продовольственных товаров (1954-1957 гг.) [132, 1].

Министерство промышленности товаров широкого потребления Казахской ССР было создано для руководства следующими отраслями легкой промышленности: кожевенной, обувной, овчинно-шубной, шорно-галантерейной, стекольной, шерстяной, хлопчатобумажной, трикотажной, швейной, меховой, заготовками и первичной переработкой хлопка, заготовками дубильного сырья [133, 1]. На Министерство промышленности продовольственных товаров было возложено руководство хлебопекарной, макаронной, пивоваренной, безалкогольной, винодельческой, консервной, мукомольно-крупяной, маслобойной, рыбной, мясной, маслодельно-сыроваренной промышленностью, строительными организациями, лесозаготовительными предприятиями, совхозами, организациями, осуществляющими заготовку и закупку сельскохозяйственных культур [134, 1].

Репозиторий КарГУ

Таблица 3

Структура органов управления промышленностью в КССР в 1946-1957 гг.

<table>
<tr><th>1946 г.</th><th>1947 г.</th><th>1948 г.</th><th>1949 г.</th><th>1950г.</th><th>1951 г.</th><th>1952 г.</th><th>1953 г.</th><th>1954 г.</th><th>1955 г.</th><th>1956 г.</th><th>1957 г.</th></tr>
<tr><td colspan="8"></td><td colspan="4">Министерство цветной металлургии (союзно-республиканское)</td></tr>
<tr><td colspan="8">Министерство местной промышленности (республиканское)
Министерство местной и топливной промышленности (республиканское)</td><td colspan="4">Министерство местной и топливной промышленности (республиканское)</td></tr>
<tr><td colspan="12">Министерство промышленности строительных материалов (союзно-республиканское)</td></tr>
<tr><td colspan="3">Министерство лесной промышленности (союзно-республиканское)</td><td colspan="3">Министерство лесной и бумажной промышленности (союзно-республиканское)</td><td colspan="2">Министерство лесной промышленности (с-р.)
Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности (с-р.)</td><td colspan="4"></td></tr>
<tr><td colspan="3">Министерство текстильной промышленности (с-р.)
Министерство легкой промышленности (союзно-республиканское)</td><td colspan="5">Министерство легкой промышленности (союзно-республиканское)</td><td rowspan="3">Министерство легкой и пищевой промышленности (союзно-республиканское)</td><td rowspan="2">Министерство промышленности товаров широкого потребления (союзно-республиканское)</td><td rowspan="2">Министерство легкой промышленности (с-р)
Министерство текстильной промышленности (с-р)</td><td rowspan="2">Министерство легкой промышленности (союзно-республиканское)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Министерство пищевой промышленности (союзно-республик.)</td><td colspan="2">Министерство пищевой промышленности
Министерство вкусовой промышленности</td><td colspan="3">Министерство пищевой промышленности (союзно-республиканское)</td></tr>
<tr><td colspan="4">Министерство рыбной промышленности восточных республик (союзно-республик)</td><td colspan="4">Министерство рыбной промышленности (союзно-республиканское)</td><td rowspan="2">Министерство промышленности продовольственных товаров (с-р)</td><td colspan="3">Министерство промышлен-ности продовольственных товаров (с-р)
Министерство рыбной промышленности (союзно-республиканское)</td></tr>
<tr><td colspan="8">Министерство мясной и молочной промышленности (союзно-республиканское)</td><td colspan="3">Министерство мясной и молочной промышленности (союзно-республиканское)</td></tr>
</table>

Репозиторий КарГУ

Таблица 4

Структура органов управления промышленностью в КССР в 1946-1957 гг.

1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.
Министерство энергетики и электрификации (республиканское)					
Министерство нефтедобывающей промышленности (союзно-республиканское)					
Министерство угольной промышленности (союзно-республиканское)					
Министерство цветной металлургии (союзно-республиканское)					
Союзно-республиканское объединение предприятий черной металлургии «Казмчермет»					
Управление химической промышленности (союзно-республиканское)					
Казахское производственное объединение по выпуску деталей к тракторам и сельскохозяйственным машинам Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР					
Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности (союзно-республиканское)				Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности (союзно-республиканское)	
Министерство промышленности строительных материалов (союзно-республиканское)					
Министерство местной промышленности и бытового обслуживания (республиканское)		Министерство местной промышленности (республиканское)			
Министерство легкой промышленности (союзно-республиканское)					
Министерство пищевой промышленности (союзно-республиканское)					
Министерство рыбного хозяйства (союзно-республиканское)					
Министерство мясной и молочной промышленности (союзно-республиканское)					

Репозиторий КарГУ

Таблица 5

Структура органов управления сельским, водным и лесным хозяйством в КССР в 1946-1957 гг.

<table>
<tr><th>1946 г.</th><th>1947 г.</th><th>1948 г.</th><th>1949 г.</th><th>1950 г.</th><th>1951 г.</th><th>1952 г.</th><th>1953 г.</th><th>1954 г.</th><th>1955 г.</th><th>1956 г.</th><th>1957 г.</th></tr>
<tr><td colspan="2">Министерство технических культур (с-р)</td><td colspan="5" rowspan="3">Министерство сельского хозяйства (союзно-республиканское)</td><td rowspan="7">Министерство селького хозяйства (союзно-республиканское)</td><td colspan="3"></td><td>Министерство хлебопродуктов (с-р)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Министерство земледелия (с-р)</td><td colspan="3" rowspan="2">Министерство сельского хозяйства (союзно-республиканское)</td><td rowspan="6">Министерство селького хозяйства (союзно-республиканское)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Министерство животноводства (с-р)</td><td colspan="3"></td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td colspan="5">Министерство совхозов (союзно-республиканское)</td><td colspan="3">Министерство совхозов (союзно-республиканское)</td></tr>
<tr><td colspan="7">Министерство лесного хозяйства (союзно-республиканское)</td><td colspan="3"></td></tr>
<tr><td colspan="7">Министерство мелиорации и водного хозяйства (союзно-республиканское)</td><td colspan="3">Министерство мелиорации и водного хозяйства (союзно-республиканское)</td></tr>
<tr><td colspan="5"></td><td colspan="2">Министерство хлопководства (с-р)</td><td colspan="3"></td></tr>
</table>

<table>
<tr><th>1958 г.</th><th>1959 г.</th><th>1960 г.</th><th>1961 г.</th><th>1962 г.</th><th>1963 г.</th><th>1964 г.</th><th>1965 г.</th><th>1966 г.</th><th>1967 г.</th><th>1968 г.</th><th>1969 г.</th><th>1970 г.</th></tr>
<tr><td colspan="3">Министерство хлебопродуктов (союзно-республиканское)</td><td colspan="2">Министерство заготовок (с-р)</td><td colspan="4">Министерство произ-водства и заготовок сельскохозяйственных продуктов (1 часть мин-ва)</td><td colspan="5">Министерство хлебопродуктов и комбикормовой промышленности</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Министерство селького хозяйства (с-р)</td><td colspan="5" rowspan="2">Министерство сельского хозяйства (союзно-республиканское)</td><td colspan="4">Министерство сельского хозяйства (союзно-республиканское)</td><td colspan="5">Министерство сельского хозяйства (союзно-республиканское)</td></tr>
<tr><td colspan="4">Министерство производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов (2 часть мин-ва)</td><td colspan="5"></td></tr>
<tr><td colspan="2">Главное управление водным хозяйством</td><td colspan="3">Министерство водного хозяйства</td><td colspan="3">Министерство орошаемого земледелия и водного хозяйства</td><td colspan="2">Министерство водного хозяйства</td><td colspan="3">Министерство мелиорации и водного хозяйства (союзно-республиканское)</td></tr>
</table>

Репозиторий КарГУ

Реорганизации 1946-1953 гг. центральных управленческих структур касались только управленческого аппарата, но не меняли методов, принципов управления. Объединенные министерства были неспособны оперативно руководить производством, в связи с этим приходилось сокращать их функции, что приводило к созданию большего числа министерств, замедлению управленческих процессов вследствие узковедомственности, отсутствия полномочий у отдельных министерств на комплексное решение народнохозяйственных задач в масштабах республики. В связи с этим были приняты обратные меры по децентрализации управления промышленностью, восстановлению старых и созданию новых министерств, что привело к увеличению бюрократического аппарата.

В 1954-1955 гг. из союзного в республиканское ведение были переданы ряд предприятий. Это позволило несколько приблизить руководство и управление экономикой к регионам, частично увеличило функции деятельности республиканских органов управления. В связи с этим в республике возникли новые ведомства для руководства переданными республике предприятиями.

В 1954 г. были вновь образованы Министерства рыбной промышленности Казахской ССР (1939-1953 гг., 1954-1957 гг.), промышленности мясных и молочных продуктов Казахской ССР (1939-1953 гг., 1954-1957 гг., в 1965 создано вновь) [135, 1]. В 1955 г. было вновь образовано Министерство легкой промышленности на базе ликвидированного Министерства промышленности товаров широкого потребления Казахской ССР [136, 1].

В 1957 г. началась реорганизация управления промышленностью и строительством по переходу с отраслевого на территориальный принцип. В основу районирования было положено административно-территориальное деление и сложившиеся экономические особенности районов республики. В Казахской ССР было создано 9 экономических районов: Алма-Атинский, Актюбинский, Восточно-Казахстанский, Гурьевский, Кустанайский, Карагандинский, Семипалатинский, Северо-Казахстанский, Южно-Казахстанский. На территории экономических районов функции управления промышленными предприятиями были переданы совнархозам. Так, в 1957 г. были

Репозиторий КарГУ

ликвидированы министерства: цветной металлургии, промышленности строительных материалов, промышленности продовольственных товаров, местной и топливной промышленности, легкой промышленности, мясной и молочной промышленности Казахской ССР, а подчинявшиеся им предприятия были переданы в ведение соответствующих совнархозов [137, 275].

В целях, как указывалось выше, «координации работы совнархозов Казахской ССР, решения оперативных вопросов хозяйственных связей между совнархозами республик, совершенствования и организации управления промышленностью и строительством» в Казахстане 23 июня 1960 г. был образован Казахский Совет народного хозяйства (1960-1965 гг.). Казсовнархоз непосредственно подчинялся Совету Министров Казахской ССР и «осуществлял контроль за выполнением совнархозами экономических районов хозяйственных планов и соблюдением ими хозяйственно-финансовой дисциплины, правильным использованием рабочей силы, фондов заработной платы, основных и оборотных фондов, принимал меры к всемерному развитию рационализации и изобретательства, осуществлял подбор и расстановку руководящих и инженерно-технических кадров, обеспечение планомерного и бесперебойного материально-технического снабжения промышленности и строительства». В структуру Казсовнархоза входило управление предприятиями: цветной металлургии, черной металлургии, топливной промышленности, машиностроения, промышленности строительных материалов, легкой промышленности, пищевой промышленности и др. В его ведении находилось 9 совнархозов экономических административных районов [138, 20-21]. В 1961 г. был образован президиум Казсовнархоза, в 1963 г. он был преобразован из республиканского в союзно-республиканский [139, 283]. 20 октября 1965 г. Казсовнархоз был ликвидирован с передачей функций республиканским министерствам.

На основании закона об изменении системы органов управления промышленностью в 1965 г. в Казахстане были образованы союзно-республиканское Министерство промышленности строительных материалов, союзно-республиканское Управление химической промышленности

Репозиторий КарГУ

Казахской ССР, Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности Казахской ССР, союзно-республиканское Министерство пищевой промышленности Казахской ССР, Министерство легкой промышленности, союзно-республиканское Министерство мясной и молочной промышленности Казахской ССР и т.д. [140, 125]. В целях «углубления хозяйственной реформы» произошла реорганизация среднего звена управления – создание вместо главных управлений министерств производственных и промышленных объединений. Тогда же были образованы союзно-республиканское объединение предприятий черной металлургии Казахской ССР «Казчермет» (1965-1970 гг.), на него было возложено руководство предприятиями черной металлургии Казахстана, и Казахское объединение по производству деталей к тракторам и сельскохозяйственным машинам (Казтрактордеталь) (1965-1972 гг.) [127, 11].

Система управления сельским хозяйством отличалась от управления промышленностью и строительством. Она в послевоенный период строилась, как и до войны, по территориально-производственному принципу и имела пять ступеней: предприятие (колхоз, совхоз) – районный отдел сельского хозяйства – областное управление – министерство союзной республики – министерство СССР. В послевоенный период эта система также подвергалась частой перестройке. В 1946 г. сельское хозяйство СССР управлялось тремя министерствами – земледелия, технических культур, животноводства. Вопросами заготовок сельскохозяйственных продуктов занималось министерство заготовок. МТС оказались поделенными между тремя министерствами в зависимости от специализации колхозов. В результате была создана сложная система земельных органов, которая порождала параллелизм и путаницу в руководстве, аппарат увеличился примерно в 2 раза. В 1947 г. из вышеперечисленных министерств были выделены все зерновые, животноводческие, овощные и другие совхозы и для руководства ими было создано союзно-республиканское Министерство совхозов СССР [141, 14], то есть руководство совхозами отделено в самостоятельную отрасль с созданием самостоятельного ведомства. После этого все три министерства – земледелия, технических культур,

Репозиторий КарГУ

животноводства, которые утратили функции по руководству совхозами, объединяются в единое Министерство сельского хозяйства. Одновременно создается союзно-республиканское Министерство лесного хозяйства.

В 1950-х гг. произошли различные реорганизации министерств, было создано Министерство хлопководства. Параллельно функционировал Совет по делам колхозов, также занимавшийся вопросами колхозного строительства. В 1953 г. все пять министерств (заготовок, сельского хозяйства, совхозов, лесного хозяйства, хлопководства) сливаются в одно союзно-республиканское Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР [142, 17]. Аналогичное слияние было осуществлено и в союзных республиках. Однако громоздкий аппарат министерства был не в состоянии оперативно руководить колхозами, совхозами и МТС, заготовительными органами. В сентябре 1953 г. начинается процесс разукрупнения этого министерства на три – Министерство совхозов СССР (союзно-республиканское), Министерство заготовок (союзное), Министерство сельского хозяйства СССР (союзно-республиканское).

Также значительные изменения в управлении сельским хозяйством произошли после реорганизации 1954 г.

На Министерство сельского хозяйства СССР были возложены задачи, главным образом, по планированию, материально-техническому снабжению и финансированию сельского хозяйства. Вопросы оперативно-производственного руководства сельским хозяйством предполагалось передать республиканским и местным сельскохозяйственным органам. Однако, как и большинство других решений, это осталось на декларативном уровне. Ни республиканские, ни местные структуры реальной самостоятельности не получили. Жесткая централизация и диктат по-прежнему сопровождали функционирование всех управленческих структур в экономике СССР. Однако часть функций союзным Министерством сельского хозяйства были переданы одноименным министерствам республик, а вместе с ними перешли ряд совхозов, МТС, заводов сельскохозяйственного машиностроения др. В 1956 г. Министерство заготовок было преобразовано в Министерство хлебопродуктов СССР.

Репозиторий КарГУ

К 1960 г. Министерство сельского хозяйства СССР утратило и другие функции производственного характера. Планирование производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов отошло к Госплану СССР, вопросы использования сельскохозяйственной техники отошли к Союзсельхозтехнике. У Министерства сельского хозяйства СССР остались функции инспектирования, изучения техники и экономики производства сельского хозяйства, внедрения достижений науки и передового опыта. Практически деятельность Министерства сельского хозяйства СССР, министерств союзных республик, областных и районных сельскохозяйственных органов сводилась преимущественно к административно-распорядительным функциям. В 1962 г. был проведен новый этап реорганизаций [143, 160]. В центре был создан Комитет по сельскому хозяйству, на местах – комитеты по сельскому хозяйству. Их главной функцией стали «организация оперативной проверки исполнения директив партии и правительства по вопросам сельского хозяйства». Министерство сельского хозяйства сохранялось как научный центр. В союзных республиках были созданы Министерства производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов. Местными органами стали областные, краевые органы управления производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов. Соответственно, упразднялись местные управления сельского хозяйства исполкомов Советов. При этом областные управления производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов стали подчиняться Министерствам производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов республики и областному Комитету по сельскому хозяйству [111, 298]. Такая система просуществовала три года.

В 1965 г. система управления сельским хозяйством была значительно упрощена. Аппарат сокращен, ликвидирован ряд управленческих звеньев. Министерство производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов республик включено в Министерство сельского хозяйства. Министерству сельского хозяйства СССР было вменено в обязанность «нести ответственность за состояние сельскохозяйственного производства в колхозах и совхозах», то есть осуществлять непосредственное управление сельским хозяйством.

В 1965-1969 гг. были созданы еще ряд союзно-республиканских министерств по управлению аграрным сектором

Репозиторий КГПУ

в СССР [144, 186]. В 1965 г. было образовано Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР (союзно-республиканское). Был перестроен и заготовительный аппарат: в 1958 г. было упразднено Министерство хлебопродуктов СССР, на его базе образован Государственный комитет Совета Министров СССР по хлебопродуктам. В 1961 г. создается Государственный комитет заготовок Совета Министров СССР, а в союзных республиках – министерства заготовок. На Государственный комитет возлагалось руководство заготовками всех видов сельскохозяйственных продуктов. В 1969 г. на базе Государственного комитета было образовано союзно-республиканское Министерство заготовок СССР [144, 187].

В аграрном секторе экономики Казахстана во второй половине 1940-х гг. также произошли существенные изменения структуры управления. В послевоенный период сохранилась довоенная система управления сельским хозяйством, которая стала строиться не по отраслевому признаку, а, как обозначалось выше, по производственно-территориальному принципу, и наблюдалась тенденция к расширению системы органов управления сельским хозяйством как в центре, так и на местах.

В 1945 г. был создан Наркомат технических культур Казахской ССР (1945-1947 гг.) в целях «обеспечения быстрого развития производства хлопка, сахарной свеклы, конопли, каучуконоса, люцерны и эфирно-масличных культур» [145, 16]. Однако, как показывают статистические материалы, валовой сбор технических культур вырос в среднем за послевоенное десятилетие лишь на 4-6 %. Вряд ли такое увеличение стоило создания специальных органов управления от местных до союзного уровней.

В 1946 г. в целях «восстановления и подъема животноводства» было образовано Министерство животноводства Казахской ССР (1946-1947 гг.). Ему были переданы все животноводческие совхозы из Наркомата зерновых и животноводческих совхозов Казахской ССР, подчинявшиеся ранее этому Наркомату зерновые совхозы были переданы в Министерство земледелия КССР (1946-1947 гг.). Наркомат зерновых и животноводческих совхозов был ликвидирован [146, 1-2].

На местах организованы областные и районные отделы земледелия, технических культур, животноводства. Эта излишне

Репозиторий КарГУ

сложная система земельных органов способствовала увеличению управленческого аппарата, породив асинхронность и путаницу в руководстве.

В 1947 г. было образовано Министерство совхозов КССР (1937-1946, 1947-1953, 1953-1957 гг.). Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 2 февраля 1947 г. три министерства – технических культур, земледелия и животноводства Казахской ССР, были объединены в Министерство сельского хозяйства КССР (существует с 1947 г. по настоящее время) [147, 26-27]. В областях республики были образованы областные управления сельского хозяйства, в районах – районные отделы сельского хозяйства. Районные сельхозотделы в своей деятельности подчинялись райисполкому и облсельхозуправлению, а областные сельскохозяйственные управления – облисполкомам и Министерству сельского хозяйства Казахской ССР. В 1950 г. было образовано Министерство хлопководства КССР (1950-1953 гг.) для руководства производством, заготовками и переработкой хлопка. В его ведение были переданы хлопковые совхозы, хлопкозаготовительные и перерабатывающие предприятия и хлопкоочистительные заводы [148, 25]. В 1953 г. Министерство хлопководства было ликвидировано с передачей функций вновь образованному Министерству сельского хозяйства и заготовок КССР.

С 1953 г. начинается новый, весьма активный, этап реорганизаций: в систему органов управления сельским хозяйством были внесены существенные, но малорезультативные изменения. В 1953 г. в результате слияния ряда министерств – сельского хозяйства, совхозов, лесного хозяйства, мелиорации и водного хозяйства и хлопководства, было образовано Министерство сельского хозяйства и заготовок Казахской ССР (1953 г.). В эти же годы были приняты меры по реорганизации Министерства сельского хозяйства и заготовок, распределению его функции между вновь образованными Министерствами: совхозов, сельского хозяйства и заготовок. Из бывшего Министерства сельского хозяйства и заготовок Казахской ССР в ведение Министерства совхозов Казахской ССР было передано 209 совхозов [149, 203]. В 1956 г. в Казахстане было создано Министерство хлебопродуктов (1956-1961 гг.) В задачи министерства входили: приемка,

Репозиторий КарГУ

размещение, хранение зерна, семян масличных культур, поступающих от колхозов и совхозов республики, проведение государственных закупок этих продуктов, снабжение республики хлебом и т.д. [150, 215]. В 1961 г. Министерство хлебопродуктов было ликвидировано, а на базе его предприятий и организаций образовано Министерство заготовок КССР (1961-1962 гг.). В 1957 г. функции Министерства сельского хозяйства расширились за счет объединения его с Министерством мелиорации и водного хозяйства (1940-1953, 1954-1957, 1960-1964 гг., в 1965 оно создано вновь) и Министерством совхозов.

Ряд изменений в системе аграрных министерств произошел в 1958-1961 гг. В 1960 г. Главное управление лесного хозяйства было передано в ведение Совета Министров КССР, функции по руководству совхозами в 1961 г. были возложены на вновь образованное Главное управление совхозов при Совете Министров Казахской ССР.

В 1961 г. функции Министерства сельского хозяйства КССР несколько изменились. Из административного аппарата по управлению сельским хозяйством республики его намечалось превратить в центр по внедрению в производство достижений науки и передового опыта. Министерству сельского хозяйства были переданы все высшие и средние сельскохозяйственные учебные заведения республики, государственное издательство сельскохозяйственной литературы. Функции планирования, финансирования и снабжения были переданы Госплану и другим организациям. Однако проведенная реорганизация не коснулась сферы производства, вопросов руководства совхозами и колхозами, что обусловило половинчатость принимаемых мер. В 1962 г. на базе Министерства заготовок и Главного управления совхозов при Совете Министров Казахской ССР было образовано (1962-1965 гг.) Министерство производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов КССР. Ему подчинялись 122 территориальных производственных управления [151, 2]. В этом же году часть отделов и управлений Министерства сельского хозяйства республики были переданы во вновь образованное Министерство производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов КССР.

После реорганизаций 1965 г. часть Министерства производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов,

Репозиторий КарГУ

оставшиеся отделы Министерства сельского хозяйства и часть Министерства орошаемого земледелия и водного хозяйства, были вновь преобразованы в союзно-республиканское Министерство сельского хозяйства Казахской ССР; с 1961 до 1965 гг. в его компетенции оставались лишь вопросы науки. Территориальные производственные колхозно-совхозные управления упразднялись, во всех 15 областях были созданы областные управления сельского хозяйства исполкомов Советов, а 151 районах – районные производственные управления сельским хозяйством [152, 92].

Часть Министерства производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов и республиканское объединение «Казхлебопродукт» вошли в состав вновь созданного Министерства хлебопродуктов и комбикормовой промышленности (1965-1970 гг.). Из состава бывшего Министерства орошаемого земледелия и водного хозяйства в 1965 г. было выделено Министерство водного хозяйства, которое в том же году преобразовано в Министерство мелиорации и водного хозяйства [153, 93].

Такого рода частные инверсии продолжались в последующие годы как в управлении промышленности, так и аграрного сектора (см. таблицу 5), и были не только алогичны и акциденты, по сути, они еще и носили иррациональный характер, не давая существенных результатов.

Методы, которые использовались советско-хозяйственными структурами управления в 1940-е – 1960-е гг., особенно не отличались от методов в последующие десятилетия.

Поскольку неэффективность экономики республики давно стала очевидной не только для всего населения, но и для самого аппарата управления, с целью «оздоровления ситуации» на протяжении многих лет использовался один и тот же метод. Создавались новые министерства, новые учреждения или их подразделения, увеличивалась численность аппарата управления. За 1940-е-1970-е гг. возникло несколько десятков новых министерств, комитетов, других крупных административных структур, которые составили своего рода дополнительный «каркас» административно-командной системы, мощно блокировавший все прогрессивные изменения в экономике, изолировавший ее от мирового рынка, отторгавший научно-технический прогресс и

Репозиторий КарГУ

подавлявший инициативу коллективов предприятий. Численность административно-управленческого аппарата в отраслях экономики росла более чем значительными темпами. В 1963 г. она составила 293,2 тысячи человек, в 1964 – 307,2 тысяч (рост составил 5 %), в 1965 г. – 327,7 тысяч человек (увеличение еще на 7 %) [154, 18]. Но эти данные были рассчитаны по штатному расписанию управленцев. В 1965 г. Министерством финансов было проверено 8000 предприятий и организаций и выявлено 3555 сверхштатных работников – управленческого персонала и 1772 завышенных оклада с месячным фондом зарплаты в 257 тысяч рублей [155, 17]. Так что действительные цифры работников – управленцев значительно превышают официальные данные. Так, например, в Уральской области на один совхоз в среднем приходилось 43 административных работника, в некоторых совхозах административно-управленческий персонал составлял от 15 до 18 % к числу работников, занятых в производстве [156, 56]. Таким образом, на 6 рабочих приходилось в среднем по 1 начальнику-управленцу.

Механизм осуществления руководства и управления предполагал теоретически в обычных случаях тесное взаимодействие многих управленческих институтов – партийных структур, министерств и ведомств и т.д. Вместе с тем кажущаяся безукоризненной система согласования постоянно давала сбои в силу ее громоздкости и особенно тогда, когда решения должны были приниматься оперативно. Эти решения принимались исходя из соображения целесообразности, точнее, того, как и кем понималась эта целесообразность в конкретный момент. Мнение руководства могло расходиться с мнением экспертов, отсюда зачастую ненаучный характер принимаемых решений, противоречить ранее принятым решениям (волюнтаризм, конъюнктура в управленческих решениях). Высочайший уровень централизации и стремление управлять всем, свойственные административно-командной системе, создавали известную управленческую проблему: поток информации, направлявшийся «снизу», не мог быть освоен и использован для принятия решения. Исследователи сравнивают административно-командную систему с громадным динозавром, мощным, но неповоротливым, с громадным телом и непропорционально маленькой головкой на длинной шее [2, 8].

Репозиторий КГПУ

Основные методы работы управленческой структуры демонстрируются архивными материалами. Панацеей в управлении для чиновников являлись бесчисленные приказы и инструкции, спускаемые с верхних иерархических ступеней управления вниз. Бумаготворчество и мелочная регламентация деятельности нижестоящих структур в управленческих звеньях стала нормой работы руководителей различного ранга. В 1950-х гг. министр пищевой промышленности тов. Бутин использовал этот метод в качестве единственного в работе. В 1950 г. им было издано 555 приказов, а за три месяца 1951 г. – 109. В отдельные дни им издавалось более десятка приказов, например, 11 августа 1950 г. им было издано 14 приказов. В связи с их обилием они задерживались в печати и рассылались на места с опозданием в 15-20 дней, а иногда и на месяц, когда установленные сроки исполнения становились нереальными [157, 10]. Совершенно очевидно, что контроль над выполнением приказов и инструкций отсутствовал. Нижестоящие структуры, не имея возможности и не стремясь к осуществлению подобных распоряжений, никак не реагировали на подобное «руководство». Такого рода управление неминуемо порождало в среднем, самом функциональном звене системы, равнодушие, халатность и формализм в деятельности.

Стиль работы данного конкретного чиновника – «бумаготворчество», формализм и бюрократизм, равнодушие к результатам работы и т.п. – являлись типичным проявлением функционирования управленческой административно-командной системы. Соответственными были и «результаты» деятельности структуры, возглавляемой этим руководителем. Сумма растрат, недостач и хищений в министерстве за 1950 г. по сравнению с 1949 увеличилась на 2,5 миллиона рублей и на конец года составила 4,5 миллиона рублей. Непроизводительные расходы и непланируемые убытки за 1950 г. составили 14,2 млн. руб. и увеличились почти на 3 млн. Дебиторская задолженность возросла на 15,7 млн. по сравнению с 1949 г. и достигла 30,5 млн. рублей [158, 11].

При хроническом невыполнении планов теми или иными промышленными и сельскохозяйственными предприятиями управленческая система видела один выход – необходимость, если это возможно, замены руководителя. Причем частая ротация кадров не смущала чиновников, лишь бы эти смещения не

Репозиторий КарГУ

затрагивали глобально саму систему. В 1963 г. в республике насчитывалось, по данным архивных материалов, 500 отстающих хозяйств в аграрном секторе Казахстана, в том числе 394 совхоза и 106 колхозов. В качестве основной меры для исправления ситуации было «признано необходимым заменить, как не обеспечивших должное руководство, 97 директоров совхозов и 16 председателей колхозов» [159, 87]. То есть в достаточно стабильный период одновременно (точнее, одномоментно) от управления предприятиями были отстранены каждый четвертый директор и каждый шестой председатель отстающих хозяйств. В принципе, это не удивило бы, если бы действительно основная причина убыточности данных хозяйств заключалась только в плохом руководстве. Но ведь существовали целый ряд важных нерешенных и нерешаемых объективных и субъективных причин, большинство из которых даже не выявляли, а выявленные причины не устранялись. В частности, было известно, что необеспеченность отстающих хозяйств специалистами составляла 60-95 %, но дальше констатации этого факта дело не пошло. Эти проблемы были вне возможности или интересов решения управленческой системы.

При назначении руководителя предприятия административно-командная система руководствовалась, как уже отмечалось в нашем исследовании, не профессиональными качествами, не интеллектуальным уровнем, для них даже не существовало образовательного ценза. Главный критерий – способность «вписаться» в данную систему. Неслучайно на XVIII пленуме ЦК Компартии Казахстана (19 января 1960 г.) выявились следующие факты. В Кустанайской области из 168 директоров совхозов 114 (68 %) не имели высшего образования, из 82 председателей колхозов не имели высшего образования 75 человек (91 %). При этом в Кустанайской области работали 2672 агрономов, зоотехников, инженеров и других специалистов с высшим сельскохозяйственным образованием. И такая ситуация была повсеместно в областях республики. В Акмолинской области из 120 директоров совхозов 75 руководителей (66 %) не имели высшего образования, из 107 председателей колхозов – 105 (98 %). В области работало 2679 специалистов с высшим аграрным образованием. В Кокчетавской области из 84 директоров совхозов – у 45 (54 %) не было высшего образования, из 133 председателей

Репозиторий КарГУ

колхозов – у 128 (96 %), при имеющихся в наличии 2451 специалисте с высшим сельскохозяйственным образованием [160, 20-21]. Но данные кадровые резервы не использовались системой.

Эти достаточно критичные для управленческой системы республики факты были озвучены на пленуме не случайно. Перед партийно-государственной системой управления республики центральным руководством, высшим звеном этой системы, была поставлена задача дискредитации руководителя республиканского звена системы – первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Н. Беляева. Его номенклатурная «участь» уже была решена в центре. Возникла необходимость «юридического» оформления этого решения. На пленуме «выявилось» (точнее, было разрешено выявить) достаточно много негативных фактов, позволивших отстранить Н.И. Беляева от занимаемой должности (вскоре он был направлен на Ставрополье). Однако не всегда руководство республики находилось под столь пристальным оком центра. В 1970-е-первой половине 1980-х гг. Центральный Комитет Компартии Казахстана и другие звенья административно-командной системы КССР находились вне контроля и вне критики со стороны центра [104, 203]. Эти противоречия объяснялись интересами самой системы.

Итак, нами рассмотрены еще два наиболее характерных метода в функционировании управленческой системы. Во-первых, система не позволяла, если это не было согласовано с системой, свободомыслия, своенравия и вообще своеобразия никому – не только руководителям среднего (районного, городского, областного) звена, но даже республиканского и союзного уровня. Например, вспомним, что Н. Хрущев, являясь первым лицом в государстве и стремясь несколько модернизировать систему, был отстранен самой системой от руководства в 1964 г.

Во-вторых, критика системы не допускалась и строго дозировалась. Критика использовалась в качестве компрометирующих материалов лишь в тех случаях, когда это было нужно самой системе. Ее могли сопровождать лишь похвальные и положительные интенции с чьей бы то ни было стороны. Говорить и писать можно было лишь об успехах административно-командной системы.

Одним из методов функционирования, в том числе и демонстрации этих успехов и эффективности функционирования

Репозиторий КарГУ

системы (при отсутствии таковых) являлась система злоупотреблений и государственного обмана, перед которой меркнут, по мнению исследователей, все мошенничества чиновников российской империи, описанные великим писателем и знатоком отечественной бюрократии XIX века М. Салтыковым-Щедриным. Именно система методов, считают они, так как можно говорить об устойчивых приемах и методах обмана государства [2, 172]. Эту систему объединяла заинтересованность управленцев в благополучных рапортах и отчетах. А поощрения за такого рода «успешные» отчеты позволяли улучшить и без того неплохое положение чиновников (награды, премии, повышение в должности и т.п.). Эта система методов фальсификации статистики, отчетных данных и т.п. будет отражена в последующих главах, построенных на архивных документах [161, 162, 163, 164, 165].

Такого рода методов партийно-государственного управления экономикой Казахстана и СССР в целом было множество. Они существенно не менялись в течение всех почти 70 лет существования советской модели экономики и административно-командной системы управления.

Но основным методом партийно-государственного управления, на наш взгляд, был метод принуждения. Метод принуждения, точнее, его степень, качество его использования, варьировался в зависимости от конъюнктуры момента и личностных характеристик первого руководителя СССР. В первые десятилетия функционирования системы в 1920-1940-е гг., в том числе при чрезвычайных обстоятельствах, например, в годы войны, он был более жестким с использованием крайних мер – суды без следствия, депортации, расстрелы. В «хрущевский» период – несколько более мягкие методы принуждения, без расстрельных статей за экономический «саботаж».

На наш взгляд, можно выделить три аспекта принуждения. Первым аспектом была мобилизация, причем мобилизация всего и вся – людей, ресурсов, конечного продукта производства и т.д. Казахстан и его ресурсы были максимально, насколько это было реально при тех возможностях СССР, использованы системой. Во-первых, республика была плацдармом для масштабных хозяйственных экспериментов (целина), сырьевым придатком в промышленном развитии СССР (гипертрофированное развитие

Репозиторий КарГУ

добывающих отраслей). Во-вторых, здесь были размещены наиболее значимые для военно-промышленного комплекса СССР лаборатории (ядерные полигоны, Байконур и т.д.). В-третьих, обширная территория республики являлась местом расположения значительной части ГУЛага, депортации народов.

Вторым аспектом принуждения был контроль. Но осуществление контроля предполагало либо неукоснительное выполнение функциональных обязанностей всех элементов управленческого звена для осуществления этого контроля, что было невозможным даже теоретически, либо сопряжено с издержками по содержанию контролирующих органов. В практике управления прижился последний способ. То есть создавались все новые бюрократические монстры, фактически дублировавшие и отраслевые отделы партийных структур, и аппарат министерств, к тому же наделенные большими контрольными полномочиями. Неслучайно в начале данного параграфа уже было отмечено, что число различных субъектов контроля и руководства над каждым предприятием могло составить около десятка. В 1946-1960-е гг. в Казахстане функционировало порядка десяти различных контрольных служб: Министерство государственного контроля КССР, Комитет партийно-государственного контроля ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров КССР, Комитет народного контроля и др. [166, 126-140].

Но оказалось, что только двух первых аспектов принуждения для эффективного управления было недостаточно.

Третий аспект принуждения оказался необходимым и достаточно эффективным. Это – механизмы стимулирования. Они были нужны для мотивации усилий. Людьми, которые руководствуются мотивом личного интереса, движет сравнение выгод и издержек трудовых усилий. Основным и самым эффективным двигателем этих усилий во все времена и народы было материальное стимулирование. Но оно не могло быть использовано системой в полную силу, так как мобилизация всего и вся была направлена на максимум возможностей при минимуме затрат. Управленческая система должна была придумать и использовать искусственную систему поощрений и наказаний, достаточную для компенсации тягостей труда. При наличии такой системы производители могли бы выбирать, прикладывать ли им

Репозиторий КарГУ

усилия и получать за это вознаграждения, либо не делать этого и нести наказания. Эту систему западные советологи называют искусственной, потому что градиент наказаний и поощрений задавался системой административно, а не автоматически рыночным механизмом [167, 125]. Эффективные наказания дешевле вознаграждений. В применении действительно эффективных наказаний в исследуемый период необходимость возникала не слишком часто. В памяти советских людей прочно сохранились воспоминания о массовых репрессиях в период коллективизации, репрессий 1937 г., процессах депортации и других подобных фактах. Страх перед наказанием порождал страх перед системой. Но только репрессивные меры не могли дать необходимого эффекта. В 1950-е гг. было воссоздано более сбалансированное сочетание поощрений и наказаний.

Система поощрения строилась в основном на заработной плате, премиях и других материальных и моральных стимулах. Заработная плата в советское время была недостаточно сбалансирована с трудовыми затратами населения и носила для абсолютного большинства населения, за исключением номенклатуры, весьма символический характер, особенно для населения аграрного сектора [168, 78-79; 169, 27-60], что также достаточно подробно будет отслежено в последующих главах.

Несбалансированность, несогласованность в заработной плате может быть продемонстрирована следующими архивными материалами. В 1963 г. Комитетом партийно-государственного контроля КССР проводилась проверка колхозов и совхозов Уральской области. Так, оклад председателя правления колхоза «Победа» Бурлинского производственного управления составлял 200 рублей, а зарплата председателя правления колхоза имени Ленина этого же района – 220 рублей. Доход первого колхоза и соответственно объем работы в нем был вдвое больше, чем во втором колхозе. Такого же рода различия в оплате были отслежены у руководителей и специалистов других колхозов и совхозов [170, 9-10].

Что же касается системы наказания, фактом, иллюстрирующим эту систему, является судьба экономиста – агронома И.Н. Худенко, создавшего в 1960-е гг. в Алма-Атинской области экспериментальное хозяйство по производству травяной

Репозиторий КарГУ

муки [171, 99-117]. Экономические методы функционирования, результаты деятельности экспериментального хозяйства, как и сам экспериментатор, не вписывались в систему. И.Н Худенко в полной мере опробовал данный аспект метода принуждения – наказание.

Таким образом, партийно-государственная система управления экономикой имела достаточно обширный арсенал различных методов воздействия на население страны, позволяющий осуществлять поставленные цели. И эффект этого воздействия носил значительный характер.

К середине 1940-х гг. Казахстан стал крупнейшим аграрно-индустриальным регионом в СССР, играющим значительную роль в союзной экономической интеграции. Агроиндустриальное пространство Казахстана к 1946 г. располагало рядом характеристик социально-экономического порядка:

1. Республика обладала одним из самых высоких потенциалов в СССР для дальнейшего развития: обширная, малоосвоенная территория, наличие богатейших месторождений полезных ископаемых, дешевая рабочая сила, заметно выросшие в годы войны благодаря эвакуации квалифицированные рабочие и инженерно-технические кадры.

2. В Казахской ССР ежегодно и значительно происходило увеличение посевных площадей зерновых культур.

3. В структуре промышленности преобладала тяжелая индустрия; прослеживалась высокая степень милитаризации отрасли, слабая диверсификация промышленности.

4. Для республики был характерен все растущий потенциал в культурной и социальной сфере, в том числе повышение образовательного ценза казахстанцев. Если в 1939 г. на 1000 человек приходилось лишь 60 человек с высшим, незаконченным высшим, средним и неполным средним образованием, то к 1959 г. этот показатель составил 238 человек [172, 315].

Данная система управления экономикой, несмотря на существенные изъяны и пороки, обладала высокой степенью мобилизации. Это было, по нашему мнению, одним из основных достоинств системы. Подкрепленная мощным аппаратом идеологического и политического давления, данная система была в исследуемый период относительно устойчивой и обеспечивала

Репозиторий КарГУ

достаточно стабильное функционирование всего экономического механизма страны. В 1946-1970 гг. в результате функционирования партийно-государственной системы управления экономикой агроиндустриальный потенциал Казахстана значительно возрос.

Репозиторий КарГУ

Глава 3
Авторитарно-внеэкономическая эксплуатация народнохозяйственных ресурсов как «модернизаторская» функция (1946-1954 гг.)

3.1. «Синдром послевоенной жертвенности» и характер изменений в аграрной сфере экономики Казахстана

В послевоенный период вера партийно-советского аппарата в правильность избранного экономического фарватера, в эффективность гиперцентрализованной экономики стала абсолютной.

Даже сегодня, то есть по происшествии более двух десятилетий, казалось бы, сокрушительного обличения пороков административно-командной системы, огромное множество людей, как регулярно это выявляют социологические опросы, продолжают сохранять почти что фанатическую приверженность ее идеалам. Тогда же – после войны, победа над фашизмом рассматривалась как прямое тождество преимуществ советского строя. А потому, если в недрах общественного сознания еще можно было обнаружить «закоулки», где политические конструкции советского режима подвергались негативной интерпретации, то касаемо экономического базиса таковых прецедентов было немного. Отсюда ясно, что идеологическим органам, даже не прибегая к массовым репрессиям, было достаточно легко в этот период манипулировать общественными настроениями, канализируя их в нужном направлении.

Идеологическая машина в период сложных послевоенных лет усиленно внедряла в массовое сознание установку на очередной виток трудового подвижничества, патриотического энтузиазма, нацеливала на усиление мобилизационных возможностей как в экстремальные военные годы. В обществе насаждался концепт «максимальных жертв» во имя Родины и в мирное время.

Все сколько-нибудь значимые социально-экономические акции, проводимые в рассматриваемый период, сопровождались демагогическими заявлениями партийных и государственных лидеров о том, что совершаются они во благо и во имя советского

Репозиторий КарГУ

народа и инициированы его настоятельным желанием. Во всех постановлениях послевоенного десятилетия и идеологических кампаниях, сопровождающих их, система прямо или косвенно обозначала необходимость жертвенности со стороны этого народа для его же будущего блага.

Весьма отчетливо обозначенная стратегия наглядно иллюстрируется содержанием текста известного постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Здесь после перечисления больших предстоящих материальных выгод городскому и сельскому населению недвусмысленно подчеркивается, что «при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет последняя жертва» [173, 255-256]. Разумеется, что это была не единственная и далеко не последняя жертва советского общества «во имя коммунистического будущего». Причем «максимальные жертвы» должны быть принесены обществом системе безвозмездно и ожидание компенсации за «жертвенность» трактовалось государством (или системой) как крамола, которая вытравлялась еще в зародыше.

Тяжелые последствия Великой Отечественной войны способствовали формированию «синдрома послевоенной жертвенности». *Общество, в течение длительного времени подвергавшееся аннигиляции, зажатое в тиски идеологического прессинга, было имманентно способно к восприятию любой идеологической доктрины, обещавшей все блага в скором будущем, и совершенно искренне большинство граждан ожидало явления коммунистического рая. Это состояние общества мы и предлагаем обозначить «синдромом послевоенной жертвенности».*

В данном случае дефиниция «синдром послевоенной жертвенности» используется для обозначения определенного состояния общества с релевантными признаками и общим механизмом их возникновения.

Испытать действие этого синдрома была обречена вся страна. Однако учитывая, что в призме и технологических (структура

Репозиторий КарГУ

производительных сил), и культурно-цивилизационных критериев она продолжала сохранять образ «аграрного колосса», то понятно, что самой массовой жертвой советского социально-экономического эксперимента должно было стать крестьянство.

Российские исследователи А.А. Данилов и А.В. Пыжиков считают, что вся совокупность аграрных преобразований в годы правления И. Сталина «может быть объяснена стремлением власти превратить крестьянский мир в часть государственной системы, поставить сельскохозяйственное производство под контроль бюрократического аппарата» [69, 128]. Стратегия политики власти на селе заключалась в превращении крестьян в сельских рабочих, обрабатывающих обобществленные земельные фонды. Марксистское мышление партийных лидеров, считавших крестьянство мелкобуржуазным классом, требовало реализации искусственных мер для подтверждения этого тезиса и осуществления этой пролетаризации. Поскольку крестьянство как самая консервативная часть общества всегда отличалось наименьшим включением в государственную экономическую жизнь, его ожидали наиболее радикальные перемены.

Последствия войны катастрофическим образом отразились на аграрном секторе СССР. Общие убытки сельского хозяйства исчислялись суммой в 181 миллиард рублей [174, 6]. С учетом возвратившихся по демобилизации, население колхозов в целом по стране за годы войны сократилось на 15 %, а число трудоспособных на 32,5 % [175, 21]. Женский и детский труд в колхозах на тяжелых полевых работах стал обычным явлением.

В 1946 г. многие зерновые районы СССР поразила засуха и, как его следствие, голод, охвативший ряд республик – Молдавию, Украину, РСФСР. Вследствие неурожая (валовой сбор зерновых составил в 1946 г. 39,6 миллионов тонн; в 1940 г. – 95,6 миллионов тонн; средняя урожайность по СССР – 4,6 центнера с гектара [176, 9]), обусловленного отчасти засухой, а отчасти катастрофическим провалом опыта «дробного управления» (каждый колхоз, подчиненный с начала 1946 г. одновременно трем министерствам, должен был выращивать многие сельскохозяйственные культуры, что не всегда соответствовало местным возможностям), правительство вновь ужесточило контроль над крестьянством.

Еще в годы войны (постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета Всесоюзной

Репозиторий КарГУ

Коммунистической партии (большевиков) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» от 13 апреля 1942 г.) для крестьян была установлена норма обязательного минимума работ в колхозе: 150 трудодней в хлопковых районах (до этого было 100); 100 – в нечерноземной полосе и северных районах (было 60) и 120 трудодней в остальных регионах страны, в том числе и Казахстане (было 80 трудодней). Колхозники, не выполнившие установленный государством минимум без уважительной причины, привлекались к судебной ответственности и приговаривались к исправительно-трудовым работам на срок до шести месяцев с удержанием 25 % заработка в пользу колхоза. Если в годы войны чрезвычайные меры были понятны населению и не вызывали резкого осуждения, то их сохранение после победы (постановление правительства от 31 мая 1947 г. еще раз подтвердило данные изменения) вызывало негативную реакцию сельских жителей [68].

19 сентября 1946 г. вышло постановление Совмина СССР и Центрального комитета партии «О мерах по ликвидации нарушений устава сельхозартели в колхозах». Постановление Пленума ЦК Компартии Казахстана от 3-5 января 1947 г. продублировало директиву центральных партийных и государственных органов [177, 385-391]. Для контроля по соблюдению устава сельхозартели, предотвращения его нарушения, решения вопросов колхозного строительства был создан Совет по делам колхозов во главе с членом Политбюро Центрального Комитета ВКП (б) А. Андреевым. Совет имел в республиках, краях и областях институт своих представителей в качестве контролирующих структур, независимых от местных властей. Никакого влияния на аграрную политику Совет не имел, работники его центрального аппарата и уполномоченные на местах нередко выступали сторонниками жестких мер. Одной из мер по ликвидации нарушений устава сельхозартели в 1946 г. было возвращение в колхозный фонд 4,7 миллионов гектаров земель, «незаконно присвоенных колхозниками», а в период с 1947 по 1949 гг. таким же образом были изъяты из земельного фонда личных хозяйств еще 5,9 миллионов гектаров [100, 332].

Стремясь предотвратить массовое «расхищение» зерна голодающими сельчанами, центральные органы пошли по пути усиления карательных санкций.

Репозиторий КарГУ

В 1946 г. Совмин СССР принял два постановления: «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи» (27 июня) и «Об обеспечении сохранности государственного хлеба» (25 октября). Они должны были объяснить и оправдать катастрофу, разразившуюся в сельском хозяйстве. С осени 1946 г., когда был осознан весь масштаб потерь от засухи, суды рассматривали дела «о хищении хлеба» в десятидневный срок. За хищения колхозного и кооперативного имущества допускался расстрел с заменой при смягчающих обстоятельствах на лишение свободы на срок не менее десяти лет.

Именно на этот период выпадает самая многочисленная «посадка» председателей колхозов, сельсоветского и колхозного актива. Только во втором полугодии 1946 г. в Российской Федерации было привлечено к уголовной ответственности более 5500 председателей колхозов, в Казахской ССР – 317 председателей, из активистов больше всего «преступлений» дали активисты России (2468), затем Украины (612) и Казахстана (308) [178, 48].

4 июня 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указы «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан». В части наказания они предусматривали даже более жесткие меры наказания, чем закон от 7 августа 1932 г. («О хищении социалистической собственности») и предусматривали от пяти до пятнадцати лет концлагерей за посягательство на государственную или колхозную собственность [179]. Строгость мер, как и в других случаях, объяснялась экономической необходимостью. Фактически же данными законами государство пыталось оправдать катастрофические последствия аграрной политики и подвести некую правовую подоплеку под массовые репрессии по отношению к сельскому населению, толкаемому тяжелейшим продовольственным положением на различные действия, в том числе и хищение хлеба, чтобы спасти семью от голода и смерти.

2 июня 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих

Репозиторий КарГУ

антиобщественный, паразитический образ жизни». По инициативе Н.С. Хрущева, первого секретаря Центрального Комитета Компартии Украины, апробированный на Украине метод был распространен на всю страну. Принудительная высылка на спецпоселения на восемь лет применялась в отношении лиц, которым выносился общественный приговор общим собранием колхозников, утвержденный исполкомом райсовета [180, 31-46].

Все вышеозначенные факторы, в сочетании со значительным сокращением посевных площадей, падением культуры агротехники привели к колоссальному падению продуктивности колхозного земледелия.

Состояние кризиса, в котором находилось сельское хозяйство, давало партийно-государственным бонзам основание полагать, что меры воздействия на крестьян недостаточны.

Поэтому в данный период система форсировала принятие ряда новых директив, видя именно в них инструмент санации аграрной сферы материального производства. Не случайно только с 1946 по 1954 гг. центральными партийно-советскими органами СССР было принято по вопросам сельского хозяйства около двух десятков постановлений. Аналогичное же количество директивных документов было спущено из республиканских партийных и государственных структур.

Партийно-государственные директивы касались самых различных аспектов партийного руководства аграрным сектором СССР: управленческой структуры (например, постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 9 июля 1950 г. «О задачах партийных и советских организаций по дальнейшему укреплению состава председателей и других руководящих работников колхоза»); идеологической работы (постановление Центрального Комитета ВКП (б) от 4 января 1952 г. «О социалистическом соревновании в промышленности и сельском хозяйстве») и т.п. [99, 130-142].

«Наказы» советско-партийного республиканского аппарата, как правило, дублировали уже принятые союзные постановления (постановление Пленума Центрального Комитета Компартии Казахстана от 3-5 января 1947 г. «О выполнении постановления Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП (б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений устава

Репозиторий КарГУ

сельхозартели в колхозах») или касались отдельных вопросов «совершенствования партийного руководства сельским хозяйством» (постановление Пленума Центрального Комитета Компартии Казахстана от 7 июля 1950 г. «О состоянии и мерах улучшения работы первичных партийных организаций колхозов, МТС, МЖС и совхозов КССР») [177, 495; 96, 405].

Проще говоря, республиканские директивные органы выполняли роль своеобразных «ретрансляторов» решений Центра. Поэтому содержание и структура многих, если не всех, постановлений были идентичны друг другу. Все постановления начинались с общей вводной части, где обосновывалась актуальность и значимость данного документа для конъюнктуры момента. Причем обязательно фиксировалось, что очередная, принятая вышестоящими партийными или государственными органами, директива – это «новый этап в развитии всего сельского хозяйства страны и новое яркое проявление заботы партии и правительства о дальнейшем процветании колхозов и подъеме материального благосостояния советского народа» (Постановление пленума ЦК КП(б) Казахстана от 10-11 июня 1949 г. «О мерах по выполнению постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства») [98, 36] или «новое проявление неустанной заботы о дальнейшем экономическом укреплении колхозов и совхозов Казахстана» (Постановление пленума ЦК КП(б) Казахстана от 25-27 января 1951 г. «О задачах партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, советских и сельскохозяйственных органов, колхозов, МТС, МЖС и совхозов республики по реализации постановления Совета Министров СССР от 15 декабря 1950 г. «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в Казахской ССР») [98, 89]. Кроме того, во всех постановлениях подчеркивалось, что они – «боевая программа дальнейшего укрепления и могучего развития социалистического сельского хозяйства нашей страны, образец большевистского решения конкретных задач развития сельского хозяйства в послевоенный период» (Постановление пленума ЦК КП(б) Казахстана от 25-28 июня 1947 г. «О мероприятиях по выполнению постановления февральского Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период») [177, 400].

Репозиторий КарГУ

После общей констатации успехов, достигнутых в результате «большой работы, проведенной партийными организациями» в той или иной области, идет признание некоторых недостатков. Причем в постановлениях отсутствуют конкретные цифры, названия хозяйств, районов, областей, критика ограничивается формулировками: «во многих районах республики», «в большинстве колхозов» и т.п. В материалах партийных форумов не дается анализ причин катастрофического положения в отрасли, а кризис в аграрном секторе объясняется частными субъективными моментами. В их числе: «слабая работа руководителей местных партийных и советских организаций, которые неудовлетворительно занимаются животноводством» (равно: полеводством), «передоверяют этот важнейший участок второстепенным работникам» [95, 38], «партийные и советские органы не принимают всех необходимых мер», «не ведут решительную борьбу» и т.п. [98, 127].

Далее в партийных директивах следует постановляющая часть, где по пунктам обозначены меры для улучшения сложившейся ситуации в отрасли. Значительная сумма этих мер содержит общие рекомендации: «…обязать Министерство сельского хозяйства Казахской ССР и его местные органы…», «…добиться, чтобы в каждом колхозе были организованы высокотоварные и высокодоходные фермы…»[98, 38]; «…принять все меры к налаживанию племенной работы в колхозах и совхозах республики…»[98, 90]; «…установить повседневный контроль за недопущением распространенной до сих пор в колхозах вредной практики…»[177, 381]; «…серьезно улучшить дело подбора и выдвижения кадров...»[98, 66]; «…направить на постоянную работу в районы и колхозы не менее 2 тысяч коммунистов из числа партийного, советского актива…»[177, 426]; «…систематически заслушивать на заседаниях бюро обкомов и райкомов КП(б) Казахстана отчеты секретарей райкомов…»[98, 134] и т.д. Причем из постановления в постановление в течение десятилетий «кочуют» абсолютно унифицированные, шаблонные рекомендации, ставшие нормами, клише партийно-государственной лексики. В некоторых постановлениях, в большей степени касающихся животноводства, во втором компоненте постановляющей части обозначаются конкретные цифры – задания по увеличению поголовья скота, его продуктивности и т.п.

Репозиторий КарГУ

Вышесказанное требует обращения к методу сопоставления данных плановых заданий, отраженных в трех постановлениях республиканских партийных структур и материалов фактического выполнения этих заданий. Использование метода сопоставления позволит нам определить реальность поставленных задач.

Для выявления степени расхождения плановых директив республиканских партийных органов с их фактическим выполнением нами составлены сравнительные таблицы 6 [181], 7 [182] и 8 [183], в которых в качестве примеров взяты решения июньского (1947 г.), июньского (1949 г.) и октябрьского (1953 г.) пленумов ЦК КП(б) Казахстана.

Таблица 6 (тыс. гол.) – Поголовье скота в КССР в 1946-1948 гг.

	Крупный рогатый скот		Овцы и козы		Свиньи		Лошади	
Фактическое поголовье, имевшееся в наличии в КССР	1946 г.		1946 г.		1946 г.		1946 г.	
	1734,5		7623,0		52,7		617,1	
По постановлению пленума ЦК КП(б)К от 25-28 июня 1947 г.: плановые задания	1947 г.	1948 г	1947 г.	1948 г.	1947 г.	1948 г.	1947 г.	1948 г.
	1950	2110	9600	11400	140	160	770	886
Предполагаемый рост в %	12	21	26	50	165	204	23	44

Как видно из таблиц, все планируемые показатели носили формальный характер: планируемый рост поголовья составлял от 12 до 204 %, но выполнение таких заданий было нереальным, что в целом и подтверждается графой о фактическом выполнении. И это притом, что метод приписки, широко использовавшийся в официальной статистике (в дальнейшем на этих фактах мы будем еще останавливаться), регулярно завышал выполнение плановых заданий. Фактически ни в один год, ни один из показателей, за исключением выполнения задания по увеличению поголовья свиней в 1954 г., не был выполнен. Реального контроля по выполнению директив партии и правительства не существовало. Формальный характер подобных резолюций был понятен всем. Принятие подобных партийно-государственных директив имитировало бурную деятельность нижестоящих структур для центральных властных органов. По количеству принятых

Репозиторий КарГУ

постановлений, проведенных заседаний, заслушанных отчетов и делались выводы об эффективности работы партийных и советских органов.

Таблица 7 (тыс. гол.) – Поголовье скота в КССР в 1949-1951 гг.

	Крупный рогатый скот			Овцы и козы			Свиньи		
По постановлению пленума ЦК КП(б)К от 10-11 июня 1949 г.: плановые задания	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1949г	1950г	1951г
	2506	2780	3300	14200	17050	20860	245	270	400
Фактическое поголовье, имевшееся в наличии в КССР	1951 г.			1951 г.			1951 г.		
	2529,5			14622,4			199,9		
Выполнение плановых заданий в %	77			70			50		

Таблица 8 (тыс. гол.) – Поголовье скота в КССР в 1953-1954 гг.

	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Свиньи
По постановлению пленума ЦК КП(б)К от 5-6 октября 1953 г.: плановые задания	1954 г.	1954 г.	1954 г.
	2800	20200	300
Фактическое поголовье, имевшееся в наличии в КССР	1954 г.	1954 г.	1954 г.
	2333,6	14857,8	315,7
Выполнение плановых заданий в %	83	74	105

Постановление Центрального Комитета ВКП (б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» положило начало широкомасштабной кампании по укреплению мелких колхозов, которые по размерам закрепленных за ними земель якобы не могли успешно развивать общественное хозяйство и использовать современную машинную технику. Вместо 6860 колхозов, существовавших до постановления Совета Министров СССР, в Казахстане стало 3324 колхоза. По данным Госплана Казахской ССР были существенно увеличены размеры общественного хозяйства колхозов. В 1952 г. на один

Репозиторий КарГУ

колхоз в среднем приходилось: посевных площадей – 2189 гектаров; крупного рогатого скота – 788 голов; овец и коз – 4335 голов; свиней – 72 головы; лошадей – 362 головы. На январь 1952 г. в данных 3324 колхозах числилось 581 тысяч дворов и 893 тысяч трудоспособных колхозников [184, 3].

К 1953 г. число сельхозартелей в республике уменьшилось до 2966. К 1950 г. по сравнению с 1945 г. средний размер посевных площадей на один колхоз увеличился в два с лишним раза и в 1953 г. в 3,5 раза, а количество скота (в переводе на овец) возросло в среднем на колхоз в три раза. Колхозы Казахской ССР имели к 1953 г. в среднем 2400-2500 гектаров и по 8-9 тысяч голов скота в переводе на овец [185, 106-108]. Многие созданные колхозы представляли собой искусственные объединения двух – трех и более мелких, по существу самостоятельных хозяйств, территориально разбросанных на расстоянии 10-20 и более километров, связанных плохими дорогами. Идеология примата государственных интересов над коллективными, по сути, стала служанкой экономических реформаций власти. Изъятие зерна в крупных коллективных хозяйствах происходило легче, чем в мелких. Это еще одна из причин, по которой за годы четвертой пятилетки значительно расширился государственный сектор сельского хозяйства.

И хотя в советской историографии закрепился тезис, что «укрупнение мелких сельхозартелей было проведено по инициативе колхозников на основе учета опыта работы передовых колхозов» [185, 109], фактически эта практика внедрялась сверху и была инициирована партией. Доминирующим мотивом оставалась идея централизации управления в сельском хозяйстве. Проведение данной кампании не подкреплялось ни научными расчетами, ни достаточной материально-технической базой. Характерными чертами укрупнения колхозов стали: «объединение колхозов без достаточной базы для осуществления этого мероприятия; слияние хозяйств, не имеющих возможности объединиться, разбросанных на отдаленных друг от друга массивах посевных площадей и животноводческих ферм; создание чрезмерно крупных громоздких колхозов, без учета имеющихся условий развития общественного хозяйства и т.д.» [186, 26].

Партийные органы не смущали низкие результаты работы колхозов, объединенных без учета экономической

Репозиторий КарГУ

целесообразности. Решения партии воплощалось ударными методами без подготовительной, разъяснительной работы и без всякого учета интересов и желания самих колхозников. К концу 1950 г. по всему СССР число колхозов сократилось вдвое. Несмотря на отрицательные результаты, опыт укрупнения колхозов применили для объединения совхозов в начале 1950-х гг., а затем в 1954-1958 гг.

Итак, данный комплекс мероприятий предполагал укрепление вертикальной государственной власти и был обусловлен скорее административной, чем экономической, необходимостью. Однако все данные инновации не принесли желаемого результата. Сельское хозяйство СССР находилось в состоянии глубокого имманентного кризиса. В аналогичном положении находился и аграрный сектор Казахской ССР.

Каким же образом государство предполагало вывести аграрный сектор из сложившейся ситуации? Учитывая в целом экстенсивный характер советской модели экономики, в первую очередь, необходимо рассмотреть вопрос о финансировании сельского хозяйства республики.

По таблице 9 [187, 351] можно проанализировать динамику инвестиций в сельское хозяйство, направляемых из государственного бюджета Казахской ССР за период 1940-1954 гг.

Данные таблицы показывают, что финансирование сельского хозяйства за 10 лет (с 1940 по 1950 гг.) увеличилось в 3,4 раза. Бюджетные вложения в аграрный сегмент экономики в этот период выросли незначительно (на 2-6 % ежегодно). Причем расходы на сельское хозяйство составляли в этот период от 58 до 73 % всех расходов в народное хозяйство республики (в отличие от промышленности, куда вкладывалось лишь 6-14 % всего республиканского бюджета). В целом выделяемых средств было явно недостаточно для более или менее стабильного функционирования аграрного производства. Форсирование вложений в милитаризацию и наращивание военного производства в СССР во второй половине 1940 – начале 1950-х гг. не позволяло отвлекать сколько-нибудь значительные средства на развитие аграрного сектора. Этим и был обусловлен, несмотря на катастрофическую продовольственную ситуацию в стране, незначительный рост бюджетных вложений в сельское хозяйство.

Репозиторий КарГУ

Тесная связь денежных дотаций в аграрный сегмент и столь необходимая динамика сельскохозяйственного производства в данный период оставалась лишь теоретической рефлексией.

Таблица 9 – Динамика инвестиций в сельское хозяйство КССР в 1940-1954гг.

		1940 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.
Всего расходов из государственного бюджета в народное хозяйство	млн. руб.	409,7	1269,9	1265,4	1275,5	1313,6	3546,5
	%	100	100	100	100	100	100
В сельское хозяйство	млн. руб.	250,6	869,4	903,7	922,3	970,3	2062,9
	%	61	68	71	72	74	58
В сравнении с 1950 г.	%	29	100	104	106	112	303

Посевные площади в Казахской ССР к 1945 г., по сравнению с 1940, сократились с 6808,6 тысяч гектаров до 6039,9 тысяч гектаров [187, 72]. Острая проблема обеспечения страны продовольствием (в первую очередь – хлебом) вызвала принятие экстренных, главным образом экстенсивных мер. 26 декабря 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР» [188, 368]. Согласно ему в 1947 г. планировалось расширить посевные площади на 10 миллионов гектаров, причем в 1947–1949 гг. площади под зерновыми культурами в восточных районах СССР (Казахстан, Сибирь, Южный Урал) должны были возрасти на 6,5 миллионов гектаров.

Если посевные площади в целом по Казахской ССР в 1945 г. составляли 6039,9 тысяч гектаров, то в 1950 – 7854,3 тысяч гектаров. Площадь зерновых культур соответственно увеличилась с 4907,7 тысяч до 6055,2 тысяч гектаров. Итак, за годы четвертой пятилетки вся посевная площадь в КазССР увеличилась на 1814,4 тысяч гектаров, что составило около 30 % прироста; а площадь зерновых культур – на 1147,5 тысяч гектаров (около 24 %). В течение последующих лет ежегодное увеличение посевных площадей (до 1954 г.) составляло по сравнению с предыдущим показателем 5-10 % [187, 72-73].

Динамику посевных площадей Казахстана и валовой сбор зерна за этот же период можно проследить по таблице 10 [187, 72-73].

Репозиторий КарГУ

Таблица 10-Динамика посевных площадей, валового сбора зерна в1940-54 гг.

		1940 г.	1945 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.
Вся посевная	тыс. га	6808,6	6039,0	7854,3	8638,1	9190,6	9716,9	11521,2
Площадь	%	87	77	100	110	106	112	147
Зерновые культуры	тыс. га	5817,1	4907,7	6055,2	6403,5	6668,7	7026,0	8396,9
	%	96	81	100	106	110	116	138
Валовой сбор зерна	тыс. т.	2515	-	4765	2620	3669	5432	7672
	%	58	-	100	55	77	114	161

Как свидетельствуют данные таблицы 10, за 1945-1954 гг. ежегодно происходило увеличение посевных площадей зерновых культур на 5-10 %.

Таким образом, количественные показатели формально свидетельствуют о росте производства в аграрном секторе. На основе этих данных в советской историографии делается вывод о прогрессирующей динамике сельскохозяйственного производства. Однако конечные результаты демонстрируют бессмысленность данного «роста». Валовые сборы зерна падают со значительной амплитудой. Если в 1951 г. сбор зерна составил лишь 55 % по отношению к сборам 1950 г., то в 1952 г. – 77 % от показателей 1950 г. и с 1953 г. возрастает до 114 %, в 1954 – 161 %.

В период четвертой пятилетки (1946-1950 гг.) среднегодовые валовые сборы зерна оказались меньшими, чем в 1928 г., а государственные закупки в среднегодовом исчислении уступали по объемам 1941 г. [189, 3].

В 1940 г. в республике было произведено в расчете на 1 человека 413 килограммов зерна, в 1950 – 727 килограммов. То есть, производство зерна в республике за 10 лет увеличилось в 1,8 раз. В СССР в 1940 г. в расчете на 1 человека было произведено 492, в 1950 – 455 килограммов зерна [190]. Об уровне развития зернового производства в Казахстане и СССР можно судить, если сравнивать эти показатели с дореволюционной Россией. В России 1913 г. производство зерна в расчете на 1 человека составило 940 килограммов [191, 4].

Советский Союз в данный период испытывал серьезные трудности с решением зерновой проблемы, и партия сочла, что темпы роста производства зерна в Казахстане не соответствовали

Репозиторий КарГУ

его потенциалу. Считалось, что для Казахской ССР с ее огромными аграрными возможностями, довоенный уровень развития сельского хозяйства, особенно в производстве зерна, не может являться ориентиром. Рост сельского хозяйства республики должен был соответствовать тем критериям, которые определялись для аграрного сектора в связи с возросшими потребностями промышленности СССР и динамикой процессов урбанизации.

На долю Казахской ССР приходилось в 1940 г. 4,4 % общесоюзной площади всех сельскохозяйственных культур и 5,2 % общесоюзной площади зерновых культур; в 1950 году – 5,3 и 5,8 % соответственно. Если в 1940 г. удельный вес Казахской ССР в союзном валовом сборе зерна (республика занимала четвертое место в СССР) составлял 2,6 %, то в 1950 г. – 5,8 %, в 1952 – 4 %, в 1953 году (когда в республике был наиболее высокий урожай) – всего 6,6 %. Государственные закупки зерновых культур республики в общесоюзном балансе составили в 1940 г. – 3,5 %, в 1950 – 6,6 %, а в заготовках зерна за 1950-1953 гг. – 8-10 %. Для сравнения приведем ниже аналогичные показатели по РСФСР. В Российской Федерации находились 61,1 % всех общесоюзных посевных площадей в 1940 и 60,8 % – в 1950 г. и соответственно 63,3 и 63,1 % от посевных площадей зерновых культур [192, 393].

Данные цифры свидетельствуют о том, что удельный вес Казахстана в общесоюзном производстве зерна в период 1946-1953 гг. был незначительным, и республика в аграрной специализации занимала «животноводческую» нишу.

Экстенсивные методы не могли стабилизировать состояние аграрного сектора. Урожайность зерновых культур в Казахстане в годы послевоенной пятилетки заметно колебалась и в среднем составила лишь 5,6 центнеров с гектара, что соответствовало показателям 1913 г. [189, 3].

Средняя урожайность зерновых культур во всех категориях хозяйств составила в 1950 г. 7,9 центнера с гектара, то есть даже не превысила показатели 1928 г. (9,2 центнера с гектара), а в 1955 г. средняя урожайность опустилась до 2,9 центнера с гектара [172, 138]. В частности, резко ухудшилась ситуация в земледелии в Западно-Казахстанской области, где сказались неблагоприятные климатические условия 1949-1952 гг. Средняя урожайность в эти годы составила здесь 2,2 центнера с гектара, площадь погибших

Репозиторий КарГУ

зерновых посевов в 1952 г. заняла 80900 гектаров, что представляло около 18 % от всей площади зерновых культур [193, 182-183].

В колхозах урожайность зерновых культур была несколько выше и составила в 1945 г. 5,5 центнера с гектара; в 1948 г. – 10; 1950 – 11,7; в 1951 – 7,5 центнера с гектара [194, 3]. Удельный вес сортовых посевов составил лишь 70-80 % (до войны – 85-87 %). Обеспеченность семенами зерновых в 1950 г. едва достигала 85 % [195, 21].

В целом структура земледельческого сегмента аграрного сектора Казахстана и динамика ее изменений представлены материалами таблицы 11 [196, 72-73].

1950-1953 гг. для земледельческой отрасли республики оказались также не самыми благополучными. Хотя количественные показатели создавали вполне позитивное впечатление, качественные параметры оставляли желать лучшего.

Таблица 11 – Структура посевных площадей в КССР в 1940-1953 гг.

Виды культур	1940 г.		1945 г.		1950 г.		1953 г.	
	тыс. га	% к общ. пос. пл.	тыс. га	% к общ. пос. пл.	тыс. га	% к общ. пос. пл.	тыс. га	% к общ. пос. пл.
Вся посевная площадь	6808	100	6039,9	100	7854,3	100	9716,9	100
Все зерновые культуры	5817,1	85	4907,7	81	6055,2	77	7026,0	72
В том числе, пшеница (озимая и яровая)	3446,4	51	2628,2	44	4024,0	51	4637,6	48
Технические культуры	341,3	5	263,7	4	367,5	5	427,8	4
Картофель и овоще-бахчевые культуры	155,6	2	214,2	4	196,7	2	156,3	1
Кормовые культуры	494,6	7	654,3	11	1234,9	16	2106,8	22

Посевные площади в республике возросли в 1953 г. на 37 % по сравнению с 1940 и на 47 % по сравнению с 1945 г., однако

Репозиторий КарГУ

посевные площади зерновых культур увеличились за 13 лет лишь на 19 %.

Итак, в земледельческой структуре половину посевных площадей занимала пшеница, все зерновые культуры составляли абсолютное большинство площадей всех посевов. Причем доля зерновых культур за период 1940-1953 гг. уменьшилась на 13 %, пшеницы – на 3 %.

Наряду с зерновыми культурами имел место рост посевов трудоемких технических культур, площадь под которыми увеличилась к 1954 г. на 17,1 % по сравнению с 1940 г. и на 55,1 % против 1945 г. Посевные площади хлопчатника увеличились в 1953 г. по сравнению с 1940 на 10,8 %, подсолнечника – на 28,3, сахарной свеклы – на 55,8 % . Однако удельный вес технических культур в общей структуре посевов несколько уменьшился (с 5 до 4,4 %). Снизился и удельный вес овощей и картофеля (с 2,2 до 1,6 %), посевы которых и так являлись незначительными, площадь этих посевов не достигла даже уровня 1940 г., что создавало большие трудности в снабжении продовольствием населения растущих городских и промышленных центров. Особенно плохое продовольственное снабжение было характерно для городов Алма-Ата, Караганда, Гурьев, Усть-Каменогорск и др. Площадь под овощами составила 94 % к посевам 1940 г., а по картофелю – 84 % [197, 15-16].

Общий рост посевных площадей происходил в основном за счет кормовых культур, площадь которых к 1953 г. возросла более чем в четыре раза против 1940 г. Хотя рост объемов производства кормовых культур расширял в некоторой степени кормовую базу животноводства, эффект от увеличения их посевов резко снижался вследствие того, что до 80 % всех кормовых культур приходилось на многолетние травы, дававшие в засушливых районах Казахстана крайне низкие урожаи [185, 112-113].

Такое положение в земледельческой отрасли объяснялось в советской аграрной историографии рядом факторов. Во-первых, во многих исследованиях в качестве основной причины указывались, как правило, «серьезные недостатки в руководстве аграрным сектором». В частности, в исследованиях 1960-1970-х гг. утверждалось, что такое положение в стране с хлебом, помимо некоторых объективных причин, явилось «прямым следствием

Репозиторий КарГУ

грубых ошибок, допущенных антипартийной группой Маленкова, Молотова, Кагановича, Булганина, Шепилова». Данный тезис отражал идеологическую конъюнктуру обозначенного периода. Во-вторых, в данных работах отмечалось «крайне неудовлетворительное осуществление агромероприятий, что приводило к снижению урожайности сельскохозяйственных культур и потерям урожая». Также фиксировалось, что «совершенно неудовлетворительно была поставлена работа по введению правильных севооборотов, во многих совхозах было запущено семенное хозяйство, в результате чего они из года в год не обеспечивали себя собственными, приспособленными к местным условиям, высокоурожайными семенами. Производительность тракторов во многих МТС и совхозах была низкой, неэффективной оставалась производительность труда сельских механизаторов. Отставал от потребностей механизации сельского хозяйства уровень электрификации аула и села. Имелись значительные недостатки в области эксплуатации уже существовавших станций и т.п.»[185, 114]

В архивных материалах, в отчетах руководителей-хозяйственников называется еще ряд причин, которые в силу той же идеологической конъюнктуры не попали в открытую печать и не были отражены в исследованиях советских историков и экономистов. Это слабое внедрение в практику колхозов и совхозов передовых агротехнологий, недостаточный потенциал машинотракторного парка, формальный подход в проведении основных сельскохозяйственных кампаний, где основным критерием являлся не конечный результат, а своевременная отчетность и т.п. В числе основных причин называется и крайне низкий размер оплаты трудодня в колхозах, причем как в денежном, так и натуральном исчислении [198, 10].

Количество тракторов и комбайнов с 1940 до 1951 гг. увеличилось на 24 и 35 % соответственно. Если в 1940 г. в машинотракторных станциях (МТС) и совхозах всех систем республики было сконцентрировано 31662 (в переводе на 15-сильные) тракторов и 11231 комбайнов, то к 1951 г. их соответственно стало 39285 и 15224 [199]. При сопоставлении цифровых данных о технической оснащенности сельского хозяйства республики в архивных источниках и материалах

Репозиторий КарГУ

статистических сборников прослеживаются некоторые несоответствия. По данным статистического сборника «Народное хозяйство Казахской ССР» (1957 г.) парк тракторов на конец 1950 г. составлял 50683 единицы (в переводе на 15-сильные), а комбайнов в 1951 г. – 18409 единиц [183, 69-71]. По данным сборника «Народное хозяйство Казахстана» (1968 г.) парк тракторов на конец 1950 г. составил 49300 единиц (в пересчете на 15-сильные), комбайнов – 16500 [172, 189]. Причем несоответствия по количеству тракторов в 1950-1951 гг. между данными архивных и опубликованных статистических материалов составил по тракторам 23 %, по комбайнам – 18 %. Имея представление о тенденции завышения цифровых данных в материалах официальных статистических сборников и отчетах различных ведомств, проанализируем материалы фонда 1497 – Госплана Казахской ССР, тем более что эти данные отслеживаются и в других архивных документах.

Определенный рост материально-технической базы аграрного сектора позволил, по сравнению с 1940 г., несколько расширить процент механизации основных полевых работ. Уровень механизации различных технологических операций, по архивным данным, составил в 1951 г.: посев яровых – 88,9 %, подъем паров – 98,9, вспашка зяби – 99,5, уборка зерновых – 93,8 %. В отчетах Госплана КазССР фиксируется, что выработка на один трактор возросла по сравнению с 1940 г. почти на 40 % и составила в 1951 г. 500 гектаров, на один комбайн (увеличившись на 20 %) – 332 гектара. Объем тракторных работ по сравнению с 1940 г. увеличился почти на 70 % и с 1945 г. – в 3 раза [200, 2,13-14]. Однако во всех отчетах этого периода в качестве одной из основных причин кризисного положения в аграрном секторе указывается на либо недостаточную механизацию полевых работ, либо неудовлетворительную производительность тракторов в МТС и совхозах, неэффективную производительность труда механизаторов и т.п. Следовательно, в 1950-е гг. основные полевые работы быть механизированными на 88-99 % не могли и данные показатели являлись значительной натяжкой.

Все вышеизложенные обстоятельства, безусловно, влияли на уровень, характер развития земледельческого хозяйства, однако не они в первую очередь определяли обвальный характер сельского

Репозиторий КарГУ

хозяйства в КазССР и СССР. Главная причина была заложена в глубоко иррациональном характере советской модели экономики, которая функционировала под диктатом политической системы, подчиняясь ей и обслуживая ее.

В наиболее сложном положении находилась такая традиционная для Казахстана отрасль сельскохозяйственного производства, как животноводство.

По материалам статистических сборников на 1 января 1928 г. общее поголовье скота (без учета верблюдов) в республике исчислялось 29500,8 тысячами голов, в 1946 г. – 14863,6 тысячами голов, что составляло лишь 50,3 % от всего поголовья скота до коллективизации. В период 1946-1951 гг. в республике имела место определенная динамика в росте общего поголовья стада. В 1951 г. общее поголовье скота насчитывало 24473,8 тысяч голов, что по сравнению с 1946 г. составило прирост 64,6 %. За данный период количество крупного рогатого скота возросло на 26,6 %; овец и коз – на 75,9; поголовье свиней – на 168,3; лошадей – на 70,6; верблюдов – на 33,1 % [187, 141].

Таблица 12 [187, 114] позволяет отследить количественные изменения поголовья скота по всем категориям хозяйств Казахской ССР.

Таблица 12 (тыс. гол.) – Поголовье скота в КССР в 1928-1953 гг.

Годы	Все поголовье	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Свиньи	Лошади	Верблюды
1928	29500,8	6534,3	19169,0	252,7	3544,8	-
1946	14863,6	3518,7	10249,0	149,2	851,8	94,9
1950	22594,5	4402.3	16440,7	305,4	1325,5	120,6
1951	24473,8	4454,9	18038,2	400,4	1453,9	126,4
1952	24360,3	4454,2	17711,7	493,3	1567,1	134,0
1953	23086,4	3919,9	17021,7	421,5	1589,5	133,8
В % 1946 г. к 1928 г.	50	54	53	59	24	-
В % 1951 г. к 1946 г.	165	127	176	268	171	133
В % 1953 г. к 1951 г.	94	88	94	105	110	106

Репозиторий КарГУ

Как видно из таблицы, по основным видам домашних животных сельское хозяйство Казахстана не смогло восстановить численность 1928 г. И только овцам в силу их большей биологической репродуктивности удалось преодолеть показатель 1928 г. [79, 232].

Архивные материалы позволяют проследить динамику роста поголовья скота в колхозах и совхозах Казахстана по сравнению с 1946 г. (таблица 13 [201, 46]).

Таблица 13 – Динамика роста скота в колхозах и совхозах КССР в 1948-50 гг.

Виды скота	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Крупный рогатый скот (в %)	14,3	8,4	4,4
Овцы (в %)	19,9	17,5	10,5

В колхозах план роста поголовья крупного рогатого скота за три года был выполнен только на 79 %, овец и коз – на 69, свиней – на 60 %. При наличии значительного роста поголовья скота в совхозах и увеличении сдачи животноводческой продукции государству, совхозы Министерства совхозов Казахской ССР систематически из года в год не выполняли планы развития животноводства и сдачи его продукции государству. В совхозах Министерства совхозов Казахской ССР план роста поголовья крупного рогатого скота выполнялся на 76 %, овец и коз – на 82, свиней – на 83 % [202, 46].

Рост поголовья скота в совхозах за период 1940-1950 гг. прослеживается в таблице 14 [203, 17].

Таблица 14 – Динамика роста скота в совхозах КССР в 1940-1950 гг.

Виды скота	Наличие на конец года						
	1940 г. тыс. гол.	1948 г.		1949 г.		1950 г.	
		тыс. гол.	% к 1940 г.	тыс. гол.	% к 1948 г.	тыс. гол.	% к 1949 г.
Крупный рогатый скот	309,08	326,90	106	348,19	107	407,31	117
Овцы, козы	698,07	785,80	113	912,01	116	1036,3	114
Свиньи	24,94	17,44	70	28.69	165	39,59	138
Лошади	24,70	36,35	147	41,48	114	48,48	117
Птицы	0,29	16,30	462	48,97	300	86,98	178

Репозиторий КарГУ

Наблюдаемая здесь динамика животноводческого хозяйства не была связана с какими-то кардинальными улучшениями в отрасли. Основным технологическим типом животноводческого хозяйства по-прежнему оставалось экстенсивное отгонно-пастбищное животноводство, которое абсолютно зависело от природно-климатических условий данного региона. Не случайно даже в советской историографии признается, что «в четвертой пятилетке росту поголовья скота содействовали исключительно благоприятные в этот период зимовки с незначительным снеговым покровом и ранней весной, что давало возможность избежать потерь скота даже при совершенно недостаточной заготовке сена на зимний период» [181, 118]. Никакой модернизации хозяйства, введения интенсивных методов в организацию животноводческого производства в данный период не проводилось и, более того, не предполагалось их проведение.

Положение в отрасли резко изменилось с 1951 г. Уже в начале лета сложились неблагоприятные условия для животноводов. В Гурьевской, Западно-Казахстанской, Актюбинской областях животноводство, носившее откровенно экстенсивный характер, не было обеспечено стойловыми кормовыми ресурсами и базировалось на круглогодичном использовании сезонных пастбищ. В этих условиях начавшаяся засуха с суховеями, вызвавшая выгорание травостоя на огромных площадях пастбищ и сенокосов, сделала невозможным проведение летнего нагула скота, а также лишила колхозы возможности заготовить необходимое количество кормов. В южных районах Гурьевской области вследствие сплошного выгорания всего травостоя оказалось невозможным содержать имевшееся поголовье даже в летний период, а потому скот перегоняли за сотни километров на территории южных районов Актюбинской области, в которых ввиду низкого урожая трав также не оказалось возможным создать страховые запасы сена.

Всего по республике урожайность кормовых трав составила 4,5 центнера с гектара, а в западных областях по 3 центнера, что составляло лишь 57-61 % от плана заготовки [204, 46-47]. Эта ситуация предрекала массовый падеж скота. Однако никаких превентивных мер руководителями животноводческих подразделений принято не было. За столь неудовлетворительной

Репозиторий КарГУ

подготовкой к зимовке последовала тяжелая суровая зима с обильными снегопадами, частыми буранами, затяжной весной, приведшая к падежу скота в ряде регионов Казахстана. В целом по республике за пять месяцев 1951 г. пало 375 тысяч голов крупного рогатого скота (12,2 %), овец и коз – 2200 тысяч голов (11,2 %). За 1952 и 1953 гг. поголовье скота уменьшилось на 6 % и составило 23086,4 тысяч голов [205, 46-47]. Если учесть, что среднегодовой прирост поголовья скота за 1946-1951 гг. составлял 12 %, то общие потери скота (прямые и косвенные с предполагаемым приплодом) за два года составили порядка 30 %, причем, в первую очередь, сократилось поголовье крупного рогатого скота, овец и коз [206, 18]. Эти данные демонстрируют степень тяжелейшего кризиса, который переживала животноводческая отрасль в послевоенный период.

Основные причины катастрофического состояния животноводства в официальной историографии объяснялись главным образом большим отставанием кормовой базы животноводства, особенно на участках отгона. «Большинство колхозов и многие совхозы, содержащие скот на зимних выпасах, игнорировали элементарные требования рационального ведения отгонно-пастбищного животноводства. Многие хозяйства не заготавливали в достаточном количестве сена на участках отгона на случай тяжелой зимовки и для подкормки скота, не строили животноводческих помещений для скота, не проводили обводнительных работ и, по существу, во многих случаях встали на путь восстановления прежнего экстенсивного, то есть кочевого и полукочевого животноводства» [185, 118].

Уменьшение общего поголовья скота в республике было связано также с тем, что в 1945-1950-е гг. Казахстан выделил значительное количество скота освобожденным районам после Великой Отечественной войны.

Количественные данные об уменьшении поголовья скота в Казахстане в материалах статистических сборников, научных исследованиях заметно отличаются от материалов архивов. Архивные документы свидетельствуют о гораздо большем кризисе в животноводстве республики. Так, только в течение 1951 г. в колхозах республики пало: крупного рогатого скота – 330 тысяч голов (9,6 %), овец и коз – 3239 тысяч голов (15,3 %), лошадей – 89 тысяч голов (6,8 %), свиней – 63,7 тысяч (10,7 %) [207, 42].

Репозиторий КарГУ

В Гурьевской области в два неблагоприятных года в результате плохо проведенных зимовок колхозы потеряли: в 1950 г. крупного рогатого скота – 57,7 тысяч голов (36 %), овец и коз – 497,1 тысяч (33 %); в 1951 г. крупного рогатого скота – 40,5 тысяч (21,7 %), овец и коз – 419,7 тысяч голов (49 %). В Западно-Казахстанской области падеж всех видов скота составил 1370 тысяч голов, что было почти в 2 раза больше, чем его имелось на начало 1953 г. [208, 50,182-183]

По сообщениям Министерства государственной безопасности Казахской ССР в течение только одного месяца – февраля 1952 г. по объективным (снегопад и морозы) и субъективным (необеспеченность кормами) причинам пало 70 тысяч голов скота различных видов. Особенно значительные потери были зафиксированы в колхозах ряда областей. За четыре месяца зимы в Западно-Казахстанской области падеж по крупному рогатому скоту составил 81,7 тысяч голов (33 % от поголовья КРС), овцам и козам – 573 тысячи (49,6 %); в Гурьевской области крупный рогатый скот – 32 тысячи (26 %), овцы и козы – 285 тысяч (38 %); в Джамбульской области крупный рогатый скот – 26,7 %; овцы и козы – 37 % [209, 38]. Таким образом, только за одну зиму в трех областях республики падеж скота составил от трети до половины общего поголовья стада.

В записке заместителя председателя Госплана Казахской ССР Н. Филатова в ЦК ВКП(б) даже не называются конкретные цифры: «в 1949 г. неблагоприятная зимовка вызвала гибель большинства скота в южных областях, в 1950 г. – катастрофу в Гурьевской области, где некоторые районы потеряли более половины скота» [210, 71].

Можно выделить ряд причин, обусловивших данную ситуацию. В качестве основного фактора, на наш взгляд, следует выделить неудовлетворительное состояние кормовой базы республики. Если за три года (с 1948 по 1950 гг.) поголовье скота в совхозах увеличилось на 40 %, то количество заготавливаемого сена только на 13 %. Кормовая база формировалась за счет естественных сенокосов, урожайность которых составляла в период с 1940 по 1950 гг. от 4,3 до 6,0 центнера с гектара и только в самый благоприятный 1948 г. поднялась до 6,8 центнера с гектара. Урожайность силосных культур также была весьма незначительна и составляла от 21,4 до 32,0 центнера с гектара,

Репозиторий КарГУ

лишь в 1950 г. достигнув уровня 45,5 центнера с гектара [211, 21]. В результате столь низкой урожайности кормовых культур и сена, совхозы не сумели обеспечить скот кормами.

Из таблицы 15 [212, 22] можно отследить разницу между нормами необходимых кормов и их фактической обеспеченностью на одну условную голову скота.

Таблица 15 – Годовая норма кормов на единицу скота в 1948-1951 гг.

Виды кормов	Годовая норма на одну условную единицу скота	Фактически	
		1948 г.	1951 г.
Сена (центнера с гектара)	20,8	19,2	16,7
Сочных кормов (ц. с га)	12,0	0,1	2,0
Концентратов (ц. с га)	3,7	0,6	1,6

Данные таблицы показывают, что в 1948 г. обеспеченность кормами по сравнению с годовой нормой составила на одну условную единицу скота лишь 54,5 %, в 1951 г. – 55,6 % от потребности. Совершенно очевидно, что это свидетельствовало о неудовлетворительном состоянии кормовой базы животноводства Казахстана.

Характерной особенностью кормовой базы Казахстана являлась исключительно резкая диспропорция между пастбищными и сенокосными угодьями, между ресурсами летних и зимних кормов. На каждые 100 гектар пастбищ в Казахстане приходилось менее 6 гектар сенокормов, а в основных животноводческих районах 1-2 гектара. Значит, реальная устойчивая кормовая база животноводческой отрасли республики определялась не 173 миллионами гектаров имевшихся сезонных пастбищ, а 10-11 миллионами гектаров сенокосов и сеяных трав, расположенных в основном в северо-восточных областях республики. По мнению уже упоминавшегося Н. Филатова, площадь сезонных пастбищ в урожайные годы могла бы обеспечить пастбищное содержание до 80 миллионов голов скота (в переводе на овец), но из этого поголовья зимними запасами кормов могли быть обеспечены не более 40-45 миллионов голов скота, в то время как уже в 1952 г. количество скота в Казахстане превысило этот рубеж, достигнув уровня 49 миллионов голов (в переводе на овец). В пустынных и полупустынных животноводческих районах Казахстана, где было сосредоточено

Репозиторий КарГУ

тогда более 40 % всего поголовья, эта диспропорция оказалась особенно сильной. Как следствие этого, утверждал заместитель председателя Госплана Казахской ССР Н. Филатов, происходил массовый падеж скота [213, 71]. Только в колхозах республики за пять лет пало 14,3 миллионов голов скота, что составляло более половины республиканского поголовья скота [214, 15]. В этой связи был сделан вывод, что основная причина обвала в животноводстве заключается в экстенсивном характере производства в данной отрасли сельского хозяйства Казахстана.

В отчете Госплана Казахстана отмечалось, что его колхозы накопили большое поголовье лошадей (более 1,2 миллиона голов). Лишь 20 % из них (а в животноводческих районах не более 10 %) использовалось в качестве рабочего скота, остальные (около 1 миллиона голов) за ненадобностью содержались в табунах, на обслуживание их шло большое количество трудовых затрат, кормов и т.д. Вследствие низкорослости лошадей, непригодности для армии, вывоз их за пределы республики прекратился с 1951 г. и с тех пор коневодство стало самой малодоходной отраслью животноводства. В записке в ЦК ВКП(б) предлагалось коренным образом пересмотреть направление развития коневодства Казахстана. Учитывая большой, ничем не покрываемый спрос городского и промышленного казахского населения на конину и изделия из нее, предлагалось придать коневодству в животноводческих районах республики мясное направление, что дало бы возможность ежегодно получать дополнительно до 40 тысяч тонн мяса в живом весе для внутреннего потребления республики [215, 75-76]. Если учесть, что в 1951 г. производство мяса в Казахской ССР, включая субпродукты первой категории, составило 130132 тонны, то данный ресурс явился бы весьма заметной составляющей в решении продовольственной проблемы. Однако это предложение осталось без внимания.

Большинство районов Казахстана специализировалось на производстве мяса, но недостаточное количество заготовительных организаций приводило к передерживанию скота, потере веса, к его падежу [216, 54-56].

В вышеупомянутой записке был поднят еще один из злободневных вопросов, касавшихся развития животноводства, а именно проблема планирования заданий по приросту поголовья, производству мясомолочной продукции. Н. Филатов указывал, что

Репозиторий КарГУ

в годы наивысшего подъема животноводства максимальный прирост поголовья крупного рогатого скота составлял 12-14 %, овец – 17-19 %. В планах на 1951 г. был предусмотрен рост поголовья крупного рогатого скота – на 29 %, овец и коз – на 40 %. Было совершенно очевидно, что плановые задания не имели реальной основы, были явно завышены и заведомо невыполнимыми. В течение 10-15 лет среднегодовые удои молока составляли около 800 литров. Еще более низкая продуктивность животноводства зафиксирована в отчете ЦК КП(б) Казахстана о состоянии отрасли в колхозах и совхозах республики. По этим материалам надои молока составили в 1951 г. 645 литров, а за шесть месяцев 1952 г. – 284 литра. План же надоя в 1950 и 1951 гг. предполагал ежегодное получение 1300 литров, что было выше фактического удоя на 100-400 % [217, 79].

В отчетной документации (записках, докладах и др.) партийных и советских органов неоднократно поднимался вопрос о непродуктивном использовании скота, необходимости смены мясомолочного направления животноводства на мясное. Цифровые выкладки и расчеты доказывали, что при удоях 300-400 литров на одну фуражную корову, затраты на ее содержание не окупаются полученной продукцией. Однако все данные предложения терялись в огромном потоке отчетной документации. Попытки руководителей среднего звена, экономистов-хозяйственников, животноводов рационализировать производство, сделать хозяйства менее убыточными попросту игнорировались. Все инициативы вязли в механизме инертной советской бюрократической системы. А чрезмерная централизация и мелочная регуляция всех производственных циклов исключали возможность сколько-нибудь самостоятельных действий даже во благо производства.

Таблица 16 (в руб.) – Себестоимость 1 центнера продукции в совхозах КССР

Виды продукции	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Зерно	50,77	48,99	38,67
Молоко	123,71	128,65	118,12
Мясо (крупный рогатый скот)	651,26	636,62	670,15
Мясо (свиней)	1508,47	1360,05	1109,66

Репозиторий КарГУ

Материалы таблицы 16 [218, 37-38] позволяют проследить в течение трех лет (с 1950 по 1952 гг.) фактическую себестоимость одного центнера основной сельскохозяйственной продукции в совхозах.

Фактическая себестоимость сельскохозяйственной продукции в совхозах была в два-пять раз выше рыночной цены в данный период. Например, в ряде совхозов Казахской ССР себестоимость одного центнера мяса свиней и птицы составляла 3-4 тысячи рублей [219, 38]. Если сопоставить государственную рыночную цену 1950 г., составлявшую 11 рублей 40 копеек за 1 килограмм, то фактическая себестоимость мяса оказывается в три-четыре раза выше. В таких условиях значительная часть колхозов и совхозов в Казахстане (и в целом в СССР) оказывались убыточными.

Низкая продуктивность, катастрофическое состояние животноводства объяснялись также низким уровнем механизации работ. В 1951 г. МТС выполняли план сенокошения на 24 % [220, 52]. Остальные 76 % сеноуборочных работ производились конной тягой и вручную. На животноводческих фермах преобладал ручной труд. Из имеющихся в колхозах республики 12734 животноводческих ферм водоснабжение было механизировано только на 146, автопоение – на 40, механическое приготовление кормов – на 243, механическая дойка – на 69 фермах. Не хватало в колхозах и профессионально квалифицированных специалистов: из 3183 колхозов зоотехников имели только 243, ветврачей – 13, веттехников и ветфельдшеров – 895 [221, 96].

Крайне неудовлетворительными были бытовые, социально-культурные условия жизни чабанов. Отсутствовали жилые стационарные дома, не хватало юрт, бань и т.д.[222, 60]

ЦК Компартии Казахстана принимало множество решений по любому вопросу, касавшемуся развития животноводства. За 1951 г. на заседаниях бюро ЦК КПК этих решений было принято около 80, за три месяца 1952 г. – 14. Но результативность, действенность данных резолюций была практически нулевая. Реагируя на каждое решение вышестоящих партийных и государственных органов, руководство многих районов, хозяйств отписывало множество документов, демонстрируя улучшение состояния производства в животноводстве. Однако, как показывают материалы архивов, зачастую хозяйственники,

Репозиторий КарГУ

руководители производственных подразделений с попустительства и молчаливой поддержки руководителей областного уровня занимались приписками [223, 44].

Однако все эти факты не получили отражения в общей картине аграрного развития как Казахской ССР, так и СССР в целом. Масштабная интерполяция состояния аграрного сектора на государственном уровне, бравые отчеты о стремительном росте сельскохозяйственного производства в СССР не только не отражали реального положения, они создавали иллюзию полного благополучия сельских жителей. А закрепленный в обществе «синдром послевоенной жертвенности» и эзотеричный страх советских людей перед системой и ее карательными органами приводили к полному подавлению инициативы, творчества, отсутствию заинтересованности в результатах труда.

Данные причины вынуждали крестьянство работать в колхозах за символические трудодни. Отсутствие реальной оплаты труда крестьян лишало этот труд всякого смысла. Это было еще одной из доминантных причин кризиса сельского хозяйства в СССР.

В 1940-1950-е гг. выдача зерна по трудодням практически не увеличилась (в качестве основных причин данного положения назывались низкая урожайность зерновых культур и большие потери при уборке хлеба), а в 1951 г. она даже снизилась по сравнению с довоенным периодом. Выдача зерна на один трудодень составляла: в 1940 году – 1,3 кг; в 1945 – 0,7; в 1946 – 1,0; в 1947 – 1,0; 1948 – 0,7; 1949 – 1,3; 1950 – 2,1; 1951 – 0,9 кг [224, 60].

В 1951 г. в 310 колхозах (9,7 % от их общего количества) выдача зерна на трудодни не производилась; в 5,1 % всех колхозов было выдано на трудодень менее 100 гр. зерна; в 27,2 % – от 100 до 500 гр. и лишь в 6,7 % коллективных хозяйств – более 2 кг зерна. На один колхозный двор в 1951 г. было выдано в среднем 510 кг зерна [225, 29].

Если учесть, что российская земская статистика конца XIX века нормой душевого потребления хлеба на одного работника считала около 25 пудов (400 кг) хлеба [2, 15-20], то получается, что в семье из пяти-шести человек (а в 1946-1950-е гг. в сельской местности в Казахстане именно таким был размер

Репозиторий КарГУ

среднестатистической семьи [226, 157]) на одного человека выходило в 1951 г. по 85-102 кг зерна, что было в четыре раза меньше нормы душевого потребления хлеба в конце XIX века.

Выдача деньгами на один трудодень в Казахстане составляла: 1940 г. – 0,93 руб.; 1945 – 1,15; 1946 – 1,17; 1947 – 1,37; 1948 – 1,05; 1949 – 1,16; 1950 – 1,15; 1951 г. – 0,94 руб.[227, 27]. В послевоенный период, таким образом, существовала нестабильная денежная оплата трудодня, причем к 1951 г. она по своему уровню сползает до довоенных показателей. В среднем на один колхозный двор было выдано деньгами около 500 рублей. Только в 170 колхозах (5,3 % от их общего числа) на один трудодень выдавали более 2,5 руб., в 33 % колхозов – от 41 коп. до 1 руб., в 14 % – от 21 до 40 коп. [228, 28]. В 385 колхозах (12 %) на один трудодень выдавалось до 20 коп., а в 515 колхозах (16 % от их общего числа в республике) из 3183 коллективных хозяйств совершенно не выдавали денег на трудодни [229, 98]. В 1951 г. в 99 колхозах (3,1 %), по материалам Госплана Казахской ССР, вообще не производилось выдачи на трудодни ни зерна, ни денег [230, 29].

Таким образом, мы можем констатировать, что труд колхозников оплачивался весьма символично или же отчуждался почти безвозмездно.

Что же касается дополнительной оплаты труда колхозников за переработки, перевыполнение планов, то здесь ситуация была следующей. С 1949 г. выдача дополнительной оплаты труда была поставлена в прямую зависимость от выполнения плана развития животноводства или земледелия в целом по хозяйству. В отличие от всех других отраслей экономики (промышленности, торговли и др.) в животноводстве оплата труда была полностью обезличена. Если на ферме какие-либо бригады работали неудовлетворительно, то бригады – передовики, перевыполнившие план, тоже не получали дополнительной оплаты. Количество чабанов, получавших дополнительную оплату в 1947-1948 гг., составляло 40-45 %, в 1951 г. их число снизилось до 8 %. Число доярок, получавших дополнительную оплату, снизилось до 14 % [231, 62]. Понятно, что уравнительный подход в оплате труда не стимулировал эффективный и производительный труд.

Данные факты свидетельствуют об экономической иррациональности действовавшей системы оплаты труда в

Репозиторий КарГУ

колхозах. По материалам ЦСУ СССР за счет труда непосредственно в общественном хозяйстве формировалось лишь около 20 % денежных доходов колхозников [232, 20]. Остальная же часть их семейного бюджета пополнялась из личных подсобных хозяйств. В 1951 г. из 584,3 тысяч хозяйств колхозников, имевшихся в республике, 22 % не имело в личном подворье никакого скота [233, 108]. Уровень жизни таких сельчан при существовавшей системе оплаты труда в колхозах и совхозах был крайне низким. Личные подсобные хозяйства, нередко являясь единственным источником жизнеобеспечения сельских жителей, облагались обременительными натуральными и денежными налогами. Крестьянский двор должен был платить государству натуральный налог в форме обязательных поставок зерна, риса, мяса, молока, шерсти, сыра-брынзы, яиц, картофеля и других сельхозпродуктов.

С осени 1940 г. серией правительственных постановлений в СССР отменялся действующий порядок исчисления обязательных поставок и вводился единый погектарный принцип [67, 186]. Личные хозяйства обязаны были сдавать: зерновые и картофель с площади сева, установленного государственными планами для личных хозяйств; яйца и животноводческую продукцию (мясо, молоко, шерсть, кожевенное сырье, овчины и т.д.) по установленным зональным нормам. В зависимости от зональных условий каждая семья сдавала в среднем от 40 до 60 кг мяса, 120-280 кг молока, 30-150 штук яиц в год [234, 179]. Мясо и яйца сдавались независимо от наличия в хозяйствах скота и птицы; шерсть и овчины – с каждой козы, овцы и верблюда (по фактическому поголовью, имевшемуся в хозяйстве на начало каждого года). По этой причине нередко взамен одних продуктов сдавались другие или государство взимало их рыночную стоимость (многое зависело от сельскохозяйственной специализации того или иного района).

Государство изымало поставки по низкой символической цене. Так, в 1950 г. молоко сдавалось крестьянами по цене 25 коп. за литр при государственной розничной цене 2,7 руб., мясо по 14 коп. за килограмм при государственной рыночной цене 11,4 руб. [67, 193]. Рыночные цены, по которым население платило недоимки по обязательным поставкам, в большинстве регионов

Репозиторий КарГУ

страны было выше, чем розничные цены. Эскапизм руководителей советского государства позволял системе, несмотря на бедственное положение аграрного сектора, изымать у колхозов сельскохозяйственную продукцию по неэквивалентным ценам, составлявшим 1-10 % от уровня себестоимости [69, 145].

Кроме этого, с крестьянских хозяйств взимали денежные налоги. Два раза за послевоенный период, в 1948 и 1952 гг., повышался сельскохозяйственный налог [90, 104]. С сентября 1939 г. они взимались по прогрессивным ставкам в зависимости от размера дохода в личном хозяйстве. Нормы доходности для исчисления облагаемого дохода устанавливались по отдельным отраслям и видам продукции сельского хозяйства исходя из фактической урожайности и продуктивности скота с учетом рыночных цен. По нормативным документам при доходе, исчисленном, например, в размере от 2000 до 3000 руб., налог на хозяйство составлял 160 руб. и еще 10 коп. с каждого рубля дохода свыше 2000 руб. На практике изъятие денег происходило по значительно более высоким планкам.

С одного хозяйства, размер облагаемого дохода которого исчислялся 2000-3000 руб., средняя сумма изъятого налога в 1950 г. составила 286 рублей. Насколько крупным являлось такое личное хозяйство с доходностью 2000-3000 руб. можно судить, если проанализировать средние нормы доходности по сельхозналогу СССР. В 1951 г. норма доходности одной коровы составляла 1800-2540 руб., с одной сотки посева зерновых – от 30 до 80 руб., с одной сотки посева картофеля – от 50 до 130 рублей и т.п.[69, 201-202]

Таким образом, крестьянское хозяйство, имевшее одну корову и пять-шесть соток огорода, считалось хозяйством со средней нормой дохода не менее 3000 рублей, облагалось денежным налогом в 286 руб. и натуральным налогом (мясом, молоком, яйцами, овощами и др.). Если учесть, что такое хозяйство должно было прокормить семью из пяти-шести человек, не имевшую другого источника дохода, то совершенно очевидно, что уровень дохода и уровень жизни крестьян оставались крайне низкими.

В декабре 1947 г. одновременно с денежной реформой была произведена отмена карточек. Продовольственные и

Репозиторий КарГУ

промышленные товары стали продаваться в порядке открытой торговли по единым государственным розничным ценам. Розничные цены на продукты правительство неоднократно снижало. Политика снижения цен являлась мощным средством пропаганды «достижений социализма» среди населения, она должна была способствовать укреплению советской системы. Механизм снижения был основан на том, что государство изымало продукцию сельского хозяйства по низким заготовительным ценам через систему обязательных поставок колхозов и личных хозяйств граждан, а продавало по относительно высоким розничным ценам. Так решался сразу целый ряд задач. Во-первых, полученные таким образом средства перераспределялись из аграрного сектора в индустриальный. Во-вторых, изъятие из деревни продуктов, необходимых для обеспечения нужд самого сельского населения, вынуждало аграриев постоянно трудиться в колхозах и личных хозяйствах, что гарантировало государству непрерывность обязательных поставок.

С отменой карточной системы розничные цены на сельхозпродукты снижались, что влекло за собой автоматическое снижение цен на колхозных рынках. Между тем размеры денежного налогообложения сельчан после войны постоянно повышались.

Все увеличивавшаяся разница между регулярным снижением рыночных цен и столь же регулярным повышением денежных налогов представляла собой искусственно созданный государством механизм, который, по мнению российского историка В.П. Попова, приводил к тому, что объемы продаж продуктов, произведенных в личных хозяйствах (ее физические объемы), из года в год увеличивались [235, 188-190].

Следовательно, снижение цен также проводилось за счет деревни, за счет перенапряжения ее сил и резкого ухудшения материального положения крестьянства. Таким образом, в кризисной ситуации находилась как сама аграрная отрасль производства, так и ее непосредственные производители. В результате к началу 1950-х гг. бегство из деревни, несмотря на наличие паспортного режима в городах, стало массовым явлением: только за четыре года – с 1949 по 1953 гг. – количество трудоспособных колхозников в колхозах СССР (без учета западных областей) уменьшилось на 3,3 млн. человек [94, 104].

Репозиторий КарГУ

Итак, характеризуя состояние аграрного сектора Казахстана в послевоенный период можно, в качестве главных, выделить ряд моментов.

Состояние коллапса, в котором находилось сельское хозяйство, давало партийно-государственному аппарату основание полагать, что меры воздействия на крестьян недостаточны. Поэтому в данный период система форсировала принятие целого ряда директив, именно в этом видя инструмент для регенерации аграрной структуры. За период 1946-1954 гг. центральными партийно-советскими органами было принято около двух десятков постановлений по аграрной проблематике. Аналогичное количество директивных документов было спущено из республиканских партийных и государственных структур на места.

В рассматриваемый период Советский Союз испытывал серьезные трудности с зерновой проблемой. Для ее решения, или хотя бы «смягчения», изыскивались самые различные варианты. В этой связи было признано, что для Казахской ССР с ее огромными аграрными возможностями довоенный уровень развития сельского хозяйства, особенно в производстве зерна, не может являться ориентиром. Рост сельского хозяйства республики должен был соответствовать тем критериям, которые определялись потребностями промышленности СССР. В эти годы центр форсирует рост посевных площадей в республике, но не осуществляет серьезных инвестиций в аграрный сектор, по-прежнему отводя ему роль «донора» для промышленности. Экстенсивный характер земледельческой отрасли уже исчерпывал свои ресурсы, а потому не позволил решить зерновую проблему.

Приведенные выше свидетельства подтверждают вывод о том, что удельный вес Казахстана в общесоюзном производстве зерна в период 1946-1953 гг. был незначительным, и республика в аграрной специализации страны являлась преимущественно животноводческим регионом. В животноводческом сегменте аграрного сектора КССР в данный период отслеживается определенная положительная динамика. Однако по основным видам скота восстановить его доколхозную численность (1928 г.) не удалось. Прослеженная количественная динамика животноводческого хозяйства не была связана с какими-то кардинальными улучшениями в отрасли. Основным типом

Репозиторий КарГУ

животноводческого хозяйства по-прежнему оставалось экстенсивное отгонно-пастбищное животноводство, которое продолжало сохранять свою жесткую зависимость от природно-климатических коллизий.

Действовавшая в колхозах и совхозах республики система вознаграждения труда напрочь была лишена способности стимулировать экономическую активность работников производства. Затраты труда крестьян в общественном хозяйстве и уровень его оплаты были, мягко говоря, неэквивалентны, а если называть вещи своими именами, то находились в вопиющей диспропорции. Размер трудодня как в его денежном, так и «натуральном» эквивалентах, и близко не соответствовал энергетическим затратам индивида. А потому послевоенная деревня балансировала буквально на грани голода. Но именно такая система оплаты труда в сельском хозяйстве позволяла постоянно снижать цены (известные сталинские мартовские снижения цен) на продовольствие и держать цены на основную потребительскую корзину в городе на уровне более или менее соответствовавшем нищенским зарплатам рабочих промышленности.

Уровень и качество жизни сельчан при существовавшей системе оплаты труда в колхозах и совхозах были крайне низкими. Личные подсобные хозяйства нередко являлись единственным источником жизнеобеспечения сельских жителей, но и их потенциал усилиями власти ограничивался путем обложения обременительными натуральными и денежными налогами. Таким образом, послевоенная деревня была поставлена в безвыходное положение. Колхозы не обеспечивали своих работников адекватной их труду заработной платой, что заставляло людей усиливать затраты труда в личных хозяйствах. В то же время государство всячески препятствовало попыткам сельских жителей расширить производство на индивидуальных участках, постоянно увеличивая натуральный и денежный налоги.

Кабальная, крепостническая политика государства по отношению к аграрному сектору (крестьяне не имели паспортов, им не полагались отпуска, пенсии, листки трудоспособности и т.д.) была связана с необходимостью обеспечения расширявшегося военно-промышленного комплекса продовольствием, с

Репозиторий КарГУ

сохранением и укреплением действовавшей системы управления и распределения. Основными методами данной политики были внеэкономические и идеологические инструменты принуждения, включая откровенный террор. Только при помощи идеологического манипулирования массами и постоянного государственного террора режим смог заставить население огромной страны приносить бесчисленные жертвы во имя «светлого коммунистического будущего».

Экстенсивный характер модели экономики определял основной фактор развития народного хозяйства Казахской ССР. Этим доминирующим фактором мог быть только рост капиталовложений в отрасли экономики. Однако в послевоенное десятилетие в силу необходимости восстановления разрушенного хозяйства СССР, вложения в сельское хозяйство республики не могли носить глобальный характер. Как было отмечено ранее, отсутствовали и материальные стимулы для высокопроизводительного труда аграриев. Чем же объяснялся пусть даже незначительный, но все же рост количественных характеристик аграрной структуры Казахстана? Мы предлагаем ввести в научный оборот новый понятийно-категориальный комплекс, позволяющий, на наш взгляд, более точно описать характер динамических процессов в послевоенном аграрном секторе в Казахстане. Тяжелые последствия Великой Отечественной войны способствовали закреплению в массовом сознании общества «синдрома послевоенной жертвенности». Общество, в течение длительного времени подвергавшееся аннигиляции, зажатое в тиски идеологического прессинга, было имманентно способно к восприятию любой идеологической доктрины, обещавшей все блага в скором будущем, и совершенно искренне (во всяком случае, большинство граждан) ожидало явления коммунистического рая. Это состояние общества мы и предлагаем обозначить «синдромом послевоенной жертвенности». В данном случае дефиниция «синдром послевоенной жертвенности» используется для обозначения определенного состояния общества с присущими ему релевантными признаками и общим механизмом их возникновения.

Идеологическая машина в период сложных послевоенных лет усиленно внедряла в массовое сознание установку на

Репозиторий КарГУ

очередной виток трудового подвижничества, патриотического энтузиазма, нацеливала на усиление мобилизационных возможностей как в экстремальные военные годы. В обществе насаждался концепт «максимальных жертв» во имя Родины и в мирное время.

3.2. «Промышленная» политика: продолжение экстенсивно-сырьевой доминанты

С окончанием Великой Отечественной войны СССР приобрел статус великой державы, продемонстрировав очевидные позитивы функционирующей системы. Ее преимущества перед капиталистическим миром нужно было подтвердить еще раз быстрым и эффективным восстановительным периодом, на преодоление которого был направлен весь арсенал идеологических, политических и экономических средств.

Советское промышленное производство послевоенных лет, унаследовавшее многие параметры военной экономики, отличалось не только стабильной организацией и управлением, но и форсированной направленностью на решение общегосударственных задач, что было в достаточной мере отражено в основных источниках исследуемого периода.

Вектор экономического развития советского государства в послевоенный период был обозначен И. Сталиным на встрече перед избирателями Сталинского округа Москвы в феврале 1946 г. Здесь он выделил четыре приоритетные позиции, такие как «металл – для производства вооружения и оборудования для предприятий, топливо – для поддержания работы заводов, фабрик и транспорта, хлопок – для производства обмундирования, хлеб – для снабжения армии» [236, 22].

«Что касается перспектив развития на более длительный период, – заявил И.В. Сталин на этой встрече, – то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем» [236, 26].

Предполагалось, что выплавка чугуна возрастет до 50 миллионов тонн в год, стали – до 60 миллионов тонн, то есть их

Репозиторий КарГУ

производство увеличится в 3,3 раза; нефти – до 60 миллионов тонн, рост – в 2 раза.

Нетрудно заметить, как указывают российские исследователи А.А. Данилов и А.В. Пыжиков, что перед нами «модель экономики, нацеленная, прежде всего, на обеспечение функционирования вооруженных сил и военно-промышленного комплекса» [69, 101].

Таким образом, стратегия выстраивания индустриальных процессов концептуально не менялась. Реконверсия промышленности не стала матрицей послевоенного развития. Политика «холодной войны» и дальнейшее наращивание военно-промышленного комплекса в СССР оказались импликацией послевоенной декады. Советское руководство не смущало, что эти процессы противоречили насущным экономическим потребностям общества и сдерживали рост уровня жизни населения. Экономика оставалась подчиненной политическим и идеологическим программам. Средства массовой информации активно внедряли в коллективное сознание представление «о необходимости общественными усилиями и максимальными жертвами» компенсировать расходы на наращивание обороноспособности страны.

Технологическая модернизация промышленной инфраструктуры, осуществленная в 1920-1930-е гг. – годы «социалистической реконструкции промышленности», позволила существенно изменить пропорции в структуре производительных сил, придав гораздо больший удельный вес ее индустриальному сегменту. Но новые индустриальные технологии соединялись с рабочей силой таким образом, что доводили последнюю до предела физического и морального износа.

Во всех базовых отраслях промышленности СССР в первый послевоенный год имело место абсолютное падение производства. В 1945 г. чугуна выплавлялось 59 % от уровня 1940 г., стали – 66 %, проката – 65 %, добывалось нефти – 62 %. Автомобилей, тракторов, комбайнов, паровозов изготовлялось в 2-5 раз меньше, чем накануне войны [237, 192].

В этих условиях процесс восстановления тяжелой индустрии СССР являлся приоритетным. В его динамике выделяются два этапа: I этап – 1946-1948 гг. – период частичной реконверсии промышленности; II этап – с 1948 г. – укрупнение индустриального сектора и, в первую очередь, военно-промышленного комплекса.

Репозиторий КарГУ

Однако, на наш взгляд, послевоенный период в развитии промышленности страны можно квалифицировать как «восстановительный» лишь с целым рядом допущений. Сталинская модель соединения факторов и условий производства исчерпывала себя. Придание «модернизаторской» функции репрессивному террору и угнетению рабочей силы вкупе с внеэкономическими, по большей мере идеологическими, стимулами уже не могли сообщать импульсов, достаточных для движения общества.

В 1951-1952 гг. были достигнуты показатели, утвержденные в 1932 г. для второй пятилетки (1933-1937 гг.), да и то в их откорректированных, т.е. уменьшенных (в отдельных позициях до 25 %) параметрах. Но если даже согласиться с советской историографией и принять ее тезис о восстановлении в послевоенной промышленности довоенного уровня, то важно вспомнить что это был за базовый срез. Известно, что за три довоенные года третьей пятилетки (1938-1942 гг.), утвержденные XVIII съездом Компартии, планы по чугуну были выполнены на 52 %, стали – на 5,9, по прокату черных металлов – на 1,25, по добыче угля – на 33, нефти – на 12,3 , по производству электроэнергии – на 31,1 % [238, 81]. Имея в виду, что названные отрасли относились к группе «А», которая более чем на 80 % формировала валовой продукт промышленности, можно утверждать, что и все макропоказатели не достигали нужной динамики.

Итак, вопреки ангажированию этого периода как «восстановительного», т.е. восстанавливающего уровень довоенного 1940 г., его таковым, вероятно, считать не совсем правомерно.

Спецификой Казахской ССР являлось то, что во время войны промышленное развитие республики не только не приостанавливалось, а, наоборот, непрерывно наращивалось. В отличие от промышленности некоторых других республик Союза, которые нуждались в восстановительном периоде, индустрия Казахстана имела иной базовый отсчет. Эвакуированные предприятия и собственная промышленная база, созданная в период индустриализации 1920-1930-х гг., составили во время войны один из самых мощных арсеналов фронта. Промышленная инфраструктура республики в силу ее пополнения эвакуированными предприятиями существенно разрослась. Но,

Репозиторий КарГУ

будучи частью союзного народнохозяйственного комплекса, она испытывала так называемый «эффект эха»: стагнирование, симметричное промышленным центрам страны.

Финансовая стабилизация страны, достигнутая правительством в ходе проведения денежной реформы 1947 г., создала необходимые условия для увеличения капиталовложений в промышленность. Так же как и в целом по Советскому Союзу, в Казахстане в четвертой пятилетке первоочередное внимание уделялось развитию тяжелой промышленности, доля которой в основном объеме капиталовложений в индустриальный сектор республики составила 94,2 % [239, 18].

Расходы в промышленность Казахстана из государственного бюджета в 1940 г. составил 53,1 миллиона рублей, в 1950 – 177,3, а в 1954 – 1231,9 миллиона рублей. Таким образом, в 1950 г. объем расходов вырос по сравнению с 1940 более чем в 3,3 раза, в 1954 г. – в 23,2 раза [187, 351]. Данные цифры свидетельствуют о существенном росте капитальных вложений бюджета в индустрию в годы послевоенного десятилетия, и ее рост обозначился в 1950 – 1954 гг. Однако темпы роста валовой продукции всей промышленности республики не соответствовали росту объемов вложений. Темпы роста валовой продукции всей промышленности в 1945 г. превысили уровень 1940 лишь на 37 %, в 1950 г. рост составил 31, в 1954 – 60 % [187, 18].

Понятно, что вложения в тяжелую индустрию не могут дать скорой отдачи, причем для этого необходимы не год и не два. Но рациональный подход в нормальном функционировании экономики требует возвращения вложенных средств в виде промышленного роста, роста продукции, роста производительности труда и т.п. Между тем экстенсивный, ресурсозатратный характер советской экономики требовал неадекватных вложений. Так, при увеличении бюджетных вложений более чем в 23 раза, рост валовой продукции промышленности составил 2,6 раза.

Но, тем не менее, темпы роста валовой продукции промышленности Казахской ССР опережали как общесоюзные показатели, так и темпы роста многих союзных республик в период всей послевоенной декады. Казахская ССР занимала четвертое место в Союзе по темпам роста валовой продукции

Репозиторий КарГУ

промышленности, уступая лишь Эстонской, Латвийской и Армянской союзным республикам. В 1951-1953 гг. республику стали опережать Молдавия и Литва [240, 50].

Отраслевая структура промышленности республики до войны отличалась от структуры промышленности послевоенного периода. В 1913 г. на долю группы «А» (производство средств производства) приходилось 27,2 %, на долю группы «Б» (производство предметов потребления) – 72,8 % промышленного производства, в 1940 г. это соотношение было представлено несколько иначе: «А» – 52 %, «Б» – 48 % общего объема промышленной продукции Казахстана [241, 5].

Структуру промышленности Казахстана в первой половине 1950-х г. и удельный вес отдельных отраслей в общем объеме валовой продукции мы можем наблюдать по таблице 17 [187, 21].

Таблица 17 (в %) – Структура промышленности КССР в 1950-1955 гг.

Отрасли промышленности	1950 г.	1955 г.
Вся промышленность, в том числе:	100	100
Черная и цветная металлургия (включая добычу руд)	22,0	25,5
Топливная промышленность	13,4	12,4
Электростанции и электросети	2,3	2,7
Химическая (включая горнохимическую)	2,0	2,6
Машиностроение и металлообработка	12,9	13,3
Лесозаготовки и деревообрабатывающая промышленность	4,8	4,3
Промышленность строительных материалов	2,8	4,2
Легкая промышленность	13,8	14,4
Пищевая промышленность	24,7	18,9

Самой крупной из промышленных отраслей являлась черная и цветная металлургия (включая добычу руд), удельный вес которой в общем объеме валовой продукции промышленности составлял 22 % в 1950 и 25,5 % в 1955 гг. Далее по аналогичным показателям следовала пищевая промышленность – 24,7 и 18,9 % в 1950 и 1955 гг. соответственно; легкая промышленность – 13,8 и 14,4; топливная промышленность – 13,4 и 12,4; машиностроение и металлообработка – 12,9 и 13,3 %. Остальные сегменты индустрии (химическая, деревообрабатывающая, промышленность

Репозиторий КарГУ

строительных материалов и т.д.) не занимали ведущего положения в промышленном производстве: на каждую из данных отраслей приходилось менее 3-5 % всей валовой продукции промышленности.

Итак, данные таблицы четко фиксируют преобладание в структуре промышленности Казахстана продукции предприятий группы «А» – черной и цветной металлургии, химической отрасли, машиностроения и металлообработки и других – 52,6 % в 1950 и 56,5 % – в 1955 гг. Эти данные зафиксированы во многих статистических материалах [187,21; 172,24-25].

Однако в исследованиях казахстанских ученых структурное соотношение между отраслями промышленности представлено в несколько иных пропорциях. В частности, С.А. Нейштадт пишет: «Если вся промышленность Казахской ССР в 1950 г. увеличилась по сравнению с 1940 более чем в два раза, то производство средств производства возросло за тот же период более чем в три раза и составило 66,5 % всей промышленной продукции Казахской ССР. В 1954 г. удельный вес производства средств производства (группа «А») в валовой продукции всей промышленности составлял 75,8 %, а производство предметов потребления (группа «Б») – 24,4 %» [185, 79]. Расхождения цифровых данных в литературе (С.А. Нейштадт, С. Баишев и другие) и материалах статистических управлений составляет около 10 % в 1950 и 20 % в 1954-1955 гг. Не абсолютизируя материалы статистических сборников, издававшихся в советское время, мы опираемся на данные последних. В исследовательских работах отсутствуют сноски, позволяющие сверить количественные показатели с архивными материалами и данными статистических сборников. Большинство из этих трудов, особенно изданные в 1950-1980 гг., строились на интенциях очередного и аксиоматичного подтверждения правильности избранного партией и государством фарватера экономического развития. Не случайно цифровые данные, приведенные в трудах казахстанских исследователей, комментируются такими экспликациями: «это свидетельствует о новых достижениях в индустриальном развитии республики, о дальнейших успехах советского метода социалистической индустриализации» [185,79; 242,29]. К концу 1940-х – началу 1950-х гг. обнаружилась неспособность сталинской

Репозиторий КарГУ

индустриальной махины преодолеть экономическое и технологическое отставание от стран Запада. Но советская историография должна была каким-то образом завуалировать эти всем понятные и очевидные моменты, отсюда и всевозможные преувеличения темпов развития индустрии СССР.

За довоенные годы индустриальной модернизации в республике была создана мощная база тяжелой промышленности – предприятия машиностроения, химической, металлургической и других отраслей. В 1940 г. тяжелая индустрия превысила дореволюционный уровень в 20 раз. За более чем 20 лет (с 1913 по 1939 гг.) валовая продукция каменноугольной промышленности выросла в 70 раз, нефтедобывающей – в 6, цветной металлургии – в 17, химической – в 64, металлообработки – в 137 раз [243, 3].

За 1940-е гг. в республике появились новые отрасли промышленности: машиностроение, нефтепереработка, производство стали, ферросплавов, цинка, редких металлов, добыча хромитов, марганца, боратов, производство цемента, минеральных удобрений, искусственного волокна и т.д. Появились новые виды продукции, в особенности в машиностроении: производство оборудования для предприятий цветной и черной металлургии, горнорудной и угольной промышленности, кузнечно-прессового оборудования, сложных сельскохозяйственных машин и т.п.

С 1940 по 1950 гг. в республике были построены и введены в действие новые предприятия, их число за этот период увеличилось более чем на 4000 единиц. В первый послевоенный, 1946 г. в строй действующих вступили десятки новых заводов, фабрик и шахт: первая очередь горнохимического комбината «Каратау», прокатный стан «400» на Карагандинском передельном заводе, первая очередь вольфрамовой Акчатауской фабрики, вагоноремонтный завод в Алма-Ате, КарГРЭС и др.

За годы четвертой пятилетки (1946-1950 гг.) развитие отраслей тяжелой индустрии было отмечено рядом важных событий. В частности, было закончено строительство и введен в эксплуатацию первый казахский металлургический передельный завод, начато строительство Карагандинского металлургического завода, Соколовско-Сарбайского обогатительного комбината, проведена реконструкция и начато строительство ряда

Репозиторий КарГУ

предприятий цветной металлургии и редких металлов, введены в строй шесть новых угольных шахт и ряд угольных карьеров в Карагандинском угольном бассейне, шахты на Актюбинском месторождении и крупный угольный разрез на Экибастузском месторождении, введены в эксплуатацию ряд нефтяных скважин на Каспии. Расширялась инфраструктура энергетической промышленности: заработала Усть-Каменогорская ГЭС, строились Бухтарминская, Кзыл-Ординская, Алма-Атинская ГЭС, на действующих электростанциях были введены новые мощности. В действие вступил ряд машиностроительных предприятий, суперфосфатный завод в Джамбуле. Были построены около двух десятков предприятий по производству строительных материалов: кирпичные заводы в Талды-Кургане, Кустанае, Усть-Каменогорске, Петропавловске, Караганде, Сас-Тюбинский известковый завод, Ленгерский комбинат строительных материалов, Сас-Тюбинский и Карагандинский цементные заводы и т.д.

Отрасль легкой промышленности пополнилась полутора десятком новых предприятий: в Алма-Ате – фабрика кожевенно-галантерейных изделий, трикотажная, хлопкопрядильная, швейная, обувная фабрики, швейная фабрика в Петропавловске, дубильно-экстратовый завод в Семипалатинске, кожевенные заводы в Кзыл-Орде и Джамбуле, Чимкентский каракулевый завод и др.

В пищевой промышленности были сданы в эксплуатацию 178 маслозаводов, 3 пивоваренных завода, макаронная фабрика в Алма-Ате, введены в действие завод сухого молока в Павлодаре, мясокомбинаты в Алма-Ате, Караганде, Гурьеве, хлебозаводы в Кокчетаве, Зыряновске, Джезказгане, Усть-Каменогорске, Караганде и ряде других городов [185,87-89; 244,95-96].

Таким образом, развитие промышленности в исследуемый период шло только в одном русле – увеличение отраслей индустрии, рост числа предприятий в отрасли, укрупнение предприятий, увеличение числа рабочих на заводах, т.е. исключительно в количественном измерении. О качественных, структурных реорганизациях не было и речи. Понимание необходимости промышленной модернизации стало проникать в сознание не только части элиты, но и общества в целом. Однако оно было настолько глобально ориентировано на идеологию экстенсификации, что всякие мысли о переструктуризации

Репозиторий КарГУ

производительных сил вообще и их промышленной инфраструктуры в частности квалифицировались как крамола. Поэтому и сам процесс индустриального развития, и анализ этого процесса в исследовательской литературе, проводились исключительно под знаками экстенсивных показателей – «расширение», «увеличение», «укрупнение», «рост» и т.п.

В 1946 г. – первом году первой послевоенной пятилетки шел процесс реконверсии промышленного производства. Это время было самым неблагополучным для промышленного развития региона в послевоенной декаде. Советский Союз восстанавливал разрушенную промышленность в республиках, подвергшихся оккупации в годы войны, и именно они стали полюсами притяжения инвестиций. Капитальные вложения в промышленность республики были недостаточными. Поэтому в ряде отраслей произошел спад производства.

Но уже с 1947 г., с наращиванием капвложений начинается постепенный рост промышленного производства. Ежегодные темпы роста промышленной продукции устанавливались в интервале от 7 до 17 %. Фактический рост валовой продукции за первую послевоенную пятилетку достиг 68 %, а за 7 лет (с 1945 по 1952 гг.) валовая продукция увеличилась более чем вдвое. Если принять в качестве базы объем валовой продукции промышленности в довоенном 1940 г., то в 1946 она составила 141 %, в 1950 – 232, в 1952 – 289 %, то есть возросла почти в 3 раза, в 1955 г. ее рост составил 422 % [172, 23].

За 1946–1950-е гг. количественные показатели демонстрируют существенную динамику в развитии промышленного производства.

В 1949 г. многие предприятия достигли уровня производства, запланированного на 1950, в их числе комбинат «Карагандауголь», Казахский металлургический, Балхашский медеплавильный, Усть-Каменогорский цинковый комбинаты, 11 заводов машиностроения и ряд других предприятий [245, 93].

В материалах фонда 1562 (Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР) ЦГА РФ зафиксировано, что в 1946 г. в Казахстане промышленная инфраструктура имела следующий вид: в топливно-добывающей отрасли – 135 предприятий, из них крупных – 73; черной металлургии – 2 и 2; цветной металлургии – 41 и 41; марганцеворудной – 1 и 1;

Репозиторий КарГУ

горнохимической – 6 и 5; топливно-перерабатывающей – 7 и 1; химической – 152 и 15; производстве строительных материалов – 416 и 92 и т.д. [246, 3-4]. Некоторые расхождения в определении количества промышленных объектов имеются в материалах бывших союзных и республиканских архивов.

Энергетическая промышленность в 1946 г. была представлена 40 основными электростанциями, которые выполнили план 1946 г. на 108 % [247, 5]. Рост промышленной продукции электроэнергетики с 1945 по 1950 гг. составил 228 % [185, 78], за 1950-1955 годы – 217 % [187, 21]. За годы пятой пятилетки заметно возросла энергетическая база республики, в 1955 г. мощность электрогенераторов всех электростанций Казахстана увеличилась по сравнению с 1950 г. в 2,2 раза [248, 41]. Во второй послевоенной пятилетке Казахстан перешел с четвертого на третье место среди союзных республик по производству электроэнергии [244, 108].

Согласно документам фонда 708 Архива Президента РК черная металлургия в Казахстане после войны была представлена четырьмя предприятиями: Донские хромитовые рудники, Актюбинский завод ферросплавов, Казахский передельный металлургический завод и Джезказганские марганцевые рудники.

Цветная металлургия включала следующие производства: медная промышленность – 2 медеплавильных завода (Балхашский и Карсакпайский), 3 меднорудных предприятия (Джезказганский, Успенский и Коунрадский рудники) и завод по цветному прокату, расположенный в Карагандинской области; полиметаллическая промышленность (предприятия располагались в Восточно-Казахстанской, Южно-Казахстанской, Талды-Курганской областях) – 2 свинцовых завода (Чимкентский и Текелийский свинцово-цинковые комбинаты), 9 рудников и 10 обогатительных фабрик (в том числе, Ачисайский, Лениногорский, Иртышский полиметаллические комбинаты), Зыряновское рудоуправление и т.д.; золотопромышленность – 2 треста («Каззолото» и «Алтайзолото») и 2 комбината («Майкаинзолото» и «Джетыгарзолото»). Данные предприятия располагались на территории Восточно-Казахстанской, Семипалатинской, Павлодарской, Акмолинской, Кустанайской областей. Промышленность редких металлов – 7 предприятий

Репозиторий КарГУ

(рудоуправление «Калбаолово», «Нарымолово», «Калбаредмет», «Убаредмет», «Чиндагатуй-строй», комбинат «Тургайстрой» и молибдено-вольфрамовый комбинат «Акчатаустрой»); никелевая отрасль – 1 предприятие.

Итак, к началу четвертой пятилетки черная и цветная металлургия Казахстана включала 38 объектов – 9 заводов (8 действующих и 1 строящийся) и 29 горнорудных предприятий, то есть металлургия республики была представлена отраслями преимущественно горнодобывающего, а не перерабатывающего цикла [249, 70-83].

Отрасли тяжелой промышленности в основном носили добывающий характер и были тесно связаны с развитием геологической отрасли. Геологи открыли в 1946 г. новые месторождения полезных ископаемых, были уточнены запасы железных руд Аятского месторождения (крупнейшее месторождение железной руды в СССР). В южной части Карагандинского угольного бассейна было сделано геологическое открытие, значительно увеличившее размеры угольных запасов: доказана угленосность участков в непосредственной близости к площадке, намеченного к постройке металлургического завода. К этому же времени были открыты залежи марганца в Прибалхашье, молибдена к югу от Каркаралинска, ванадия в горах Терской-Алатау. Изысканиями геологов на Алтае были обнаружены значительные запасы свинцово-цинковой руды в районе Крюковского рудника, коренное месторождение олова и месторождение редких металлов, а в районе Эмбы доказана нефтеносность ряда новых месторождений (Каратон и др.) Вновь открытые месторождения в дальнейшем составят базу для будущего развития промышленности: металлургии, топливной, химической отраслей и т.д.

Предприятия цветной металлургии за 1946 г. годовые планы выполнили на 99,9 %. Выплавка меди увеличилась за год на 4,1 %, свинца – на 29,9 %, добыча медной руды возросла на 9,8 %, полиметаллических руд – на 12,2 % [250, 3-4].

Значительную роль в промышленном производстве в цветной металлургии и других отраслях сыграл один из основных источников дармовой рабочей силы – «лагерный труд», использовавшийся на тяжелых физических работах в климатически

Репозиторий КарГУ

неблагоприятных регионах. «Особые» лагеря дислоцировались по районам строительства крупных народнохозяйственных объектов, поставляя на них рабочую силу (Джезказган, Балхаш, Актюбинск и т.д.).

Многие предприятия цветной металлургии – Карсакпайский, Иртышский медеплавильные заводы, Балхашский завод цветного проката, все полиметаллические предприятия (Лениногорский, Текели, Ачисай, Миргалимсай) планы 1946 г. перевыполнили. Успешно функционировали предприятия по добыче редких металлов – «Калбаолово», «Нарымолово». Балхашский медеплавильный завод не выполнил годовые плановые задания, из-за чего план выплавки меди по республике в 1946 г. не был выполнен в целом. Не был выполнен также план по производству свинца, так как крупнейший Чимкентский свинцовый завод недодал в этом году продукции [251, 3-4].

В цветной металлургии за годы четвертой пятилетки на 78 % увеличилось производство черновой меди, в 2,2 раза свинца, в 2,6 раз цинка [252, 41]. В пятой пятилетке началась выплавка рафинированной меди. В строй вступил ряд новых предприятий: Курганский свинцовый рудник (1951 г.), Усть-Каменогорский свинцовый завод (1952 г.) и кислородная станция (1953 г.), шахта № 45 в Джезказгане, обогатительная фабрика Зыряновского свинцового комбината (1953 г.), обогатительная фабрика в Джезказгане (1954 г.) и другие предприятия [244, 105]. За период 1950-1953 гг. мощности цветной металлургии возросли в 1,6 раз [185, 78].

Получила дальнейшее развитие черная металлургия – отрасль, появившаяся в годы Великой Отечественной войны. В июне 1946 г. с пуском первого прокатного средносортового стана впервые в республике был получен стальной прокат. Одно из основных предприятий отрасли – Казахский металлургический завод, досрочно выполнив план 1946 г., дал около 1 тысячи тонн стали сверхплана. В 1949 г. все мартеновские печи, предусмотренные проектом, находились в эксплуатации. К концу четвертой пятилетки в строй вступили остальные прокатные станы. В это же время Актюбинский завод ферросплавов освоил производство высококачественных марок ферросплавов [253, 3-4].

Черная металлургия увеличила свое производство с 1945 по 1950 гг. на 81 %, а с 1950 по 1953 гг.– в 2 раза. [254, 78] Темпы

Репозиторий КарГУ

роста валовой продукции черной металлургии в 1950 г. (если принять за исходные данные 1940 г.) составили 1789 %, а в 1955 г. по отношению к 1950 рост составил 206 % [255, 24-25]. Производство стали в 1950 г. по сравнению с 1945 увеличилось в 28,5 раз, в 1955 по сравнению с 1950 г. – на 179 %, проката – на 219 % [256, 21]. В 1955 г. по сравнению с 1950 производство стали увеличилось в 1,7 раза, стального проката в 2,3 раза [257, 41].

Преимущественное развитие в тяжелой индустрии Казахстана получили добывающие отрасли, поэтому в производстве некоторых видов конечной продукции республика занимала среди других регионов СССР незначительное место. Существенной роли в союзной интеграции черная металлургия республики не играла (см. таблицу 18). Удельный вес республики в союзном производстве стали в 1950 и 1955 гг. составил лишь 0,5 %, в производстве проката черных металлов – 0,5 и 0,7 % соответственно [258, 33].

В архивных материалах одного и того же фонда (Фонд 708), одного и того же периода (за 1951 г.) отслеживаются отчеты, в которых расходятся цифры по выполнению плановых заданий от 0,1 до 12 %, что требует критического отношения к количественным показателям. По мере передвижения информации вверх по вертикали партийно-государственных структур отчетные цифровые материалы подвергались определенной коррекции. В значительной мере эти расхождения объясняются не только приписками или иными фальсификациями, а также разными методиками статистического счета и их несовершенством.

Например, в одних отчетах по итогам развития тяжелой промышленности зафиксировано, что план четвертой пятилетки по выплавке черновой меди был выполнен на 100,4 %, цинка – на 101,2, феррохрома – 109, стали – 105,5, по производству черного проката – 107,5, цветного проката – 105 % [259, 94]. В других документах эти цифры несколько отличаются. Так, в отчете отдела промышленности ЦК Компартии Казахстана отмечено, что четвертый пятилетний план выполнен (по сумме годовых заданий): по выплавке черновой меди – на 100,5 %, цинка – 113,2, ферросплавов – на 109,2, стали – на 108,2, по производству цветного проката – 100,7, черного проката – 106,5, по добыче медной руды – 102,1, никелевой – 104,1, хромитовой – 113,9,

Репозиторий КарГУ

марганцевой руды – 111,2, по выпуску вольфрамового концентрата – 102,1, оловянного концентрата – 117 % [260, 163-164].

Но как бы то ни было, четвертую пятилетку успешно закончили 19 предприятий цветной и черной металлургии, в том числе Балхашский и Иртышский медеплавильные заводы, Усть-Каменогорский цинковый, Актюбинский завод ферросплавов, Казахский металлургический завод и др.[261, 163-164]

Несмотря на подобные бравые реляции, отчетные материалы часто подвергались коррекции или фальсификации в угоду определенным идеологическим или экономическим парадигмам. Были случаи банальных приписок для получения более высоких зарплат и премий.

В частности, на Балхашском медеплавильном заводе, который во всех отчетах проходил как передовое предприятие, в течение ряда месяцев в 1946 г. руководство завода занималось приписке невыработанной черновой меди, показывая тем самым выполнение производственного плана. Только в один месяц приписки составляли 5-10 % от фактической выплавки. За «выполнение» плана заводу за четыре месяца 1946 г. было присуждены четыре премии в сумме 825 тысяч рублей [262, 168-169].

Если в исследованиях по экономической истории по данному периоду отражены преимущественно достижения в промышленном развитии, то архивные материалы позволяют отследить и проблемные моменты. Значительная часть предприятий цветной металлургии отставала от заданных в планах темпов развития. По золотодобывающей промышленности план по добыче металла был выполнен в четвертой пятилетке на 98,3 %, план-задание по выпуску молибденовой продукции – на 83,2 % [263, 94-95].

В списке отстающих в металлургической промышленности зафиксированы 13 предприятий, в том числе Коунрадский рудник, Чимкентский, Усть-Каменогорский, Лениногорский свинцовые заводы. Задолженность этих предприятий составила: по свинцу – 1894 тысячи тонн, медной руды – 189,2 тысяч тонн, полиметаллической руды – 18,2 тысяч тонн, по золоту – 95,6 килограмм [264, 11].

В рассматриваемые годы определенную динамику демонстрировали ряд промышленных отраслей народного

Репозиторий КарГУ

хозяйства Казахстана. Так, в топливной промышленности с 1940 по 1950 гг. рост составил 190 %, с 1950 по 1953 гг. – 39,5 %, с 1950 по 1955 гг. – 70 % [258, 24-25].

Значительное развитие получила угольная промышленность. Наибольшее число предприятий и объем добычи угля приходились на Карагандинскую область. В Карагандинской области в 1945 г. было добыто 11456,1 тысяч тонн угля (из 12015,3 тысяч тонн), что составляло 95,3 % от общего объема добычи, 3 % от общей объема добывалось в Южно-Казахстанской области (Ленгерское месторождение), 0,8 – в Актюбинской, 0,4 – в Акмолинской, 0,2 % – в Павлодарской области [265, 36]. Итоги выполнения плана первого послевоенного года этой отраслью были неудовлетворительными. Карагандинский угольный бассейн не выполнил план 1946 г.: задолженность составила 340 тысяч тонн угля. Другие предприятия отрасли также остались задолжниками государству. Ленгерские шахты выполнили план на 78 %, Актюбинские – на 51 %, по сравнению с 1945 г. добыча угля на этих предприятиях упала. Основными причинами, по материалам отчетов, названы: срыв графика ввода в действие новых шахт и изношенность оборудования [266, 5].

Угольная промышленность в 1946-1955 гг. пополнилась новыми месторождениями, районами и участками. Добыча угля к концу четвертой пятилетки (в 1950 г.) по сравнению с довоенным 1940 увеличилась в 2,5 раза, а в сравнении с 1945 – в 1,45 раза [267, 21]. В 1950 г. шахтами Карагандинской области было добыто 94,8 % от общего объема добычи угля, в Южно-Казахстанской – 3,7 %, удельный вес других областей в добыче угля существенно не изменился [268, 36]. В пятой пятилетке в Карагандинском угольном бассейне был построен ряд шахт: в 1951 г. – 2 шахты, 1952 – 4, 1953 – 3, 1954 – 4, 1955 – 1 шахта. В 1954 г. был введен в действие Экибастузский угольный разрез (уникальный по мощности угольного пласта, достигающего 160 метров), где осуществлялась добыча открытым способом [244, 106].

К 1955 г. изменилась география и роль областей в угледобыче. Более значительную роль стал играть Экибастузский угольный бассейн. Удельный вес Карагандинской области в угледобыче уменьшился до 88,3 %, а в Павлодарской области, напротив, увеличился до 8,3, Южно-Казахстанской области составил 2,5, остальные области – менее 1 % [269, 36].

Репозиторий КарГУ

И хотя внутриреспубликанские показатели значительно увеличились, например, добыча угля в Павлодарской области за пятилетие выросла почти в 50 раз, а Караганда являлась третьей угольной базой в СССР после Донбасса и Кузбасса, удельный вес республики в производстве угля в целом по СССР был незначительным (см. таблицу 18) и составлял в 1940 г. – 4,2 %, в 1950 – 6,7, а в 1955 г. – 7,1% [270, 33].

Нефтяная промышленность в Казахстане относилась к числу традиционных отраслей, развитие которых началось еще в XIX веке. В период индустриализации 1920-1930-х гг. были введены в действие новые промыслы, а во время войны добыча нефти в Казахстане находилась примерно на уровне добычи предвоенных лет (787 тысяч тонн – в 1939 г., 788 тысяч тонн – в 1945) [271, 37]. В 1946 г. нефтяная промышленность значительно недовыполнила плановые задания: их выполнили лишь на 22,5 %, было недополучено около 59 тысяч тонн нефти. В более благополучном положении находились только Эмбенские нефтепромыслы, годовой план был выполнен здесь на 93,3 %. Недостаточная подготовка к работе в зимних условиях, по мнению руководителей промыслов, обусловила невыполнение годовых заданий. Аналогичные и ряд других обстоятельств (отставание во вводе в действие новых нефтяных полей, неполадки в эксплуатации действующих скважин и др.) обозначены в отчетах как причины, повлиявшие на выполнение «Актюбнефтью» плана лишь на 80 % [272, 5].

За годы четвертой пятилетки нефтедобыча в республике выросла на 34,8 % [273, 3]. В конце 1940-х гг. в эксплуатацию было сдано несколько месторождений, в том числе одно из крупных – Каратон.

Значительное количество нефти добывалось на промыслах Кошкар, Косчагыл, Доссор, Макат, причем основным способом добычи оставался насосный метод. В 1950 г. в нефтяной отрасли крупные нефтепромыслы снизили темп добычи по сравнению с 1949 г. В отчетах зафиксирована неудовлетворительная работа новых промыслов – Каратон и Мунайлы [274, 94-95].

В 1955 г. по сравнению с 1950 добыча нефти возросла с 1059 до 1397 тысяч тонн, или почти на 32 % [271, 37]. Валовая продукция нефтеперерабатывающей промышленности увеличилась на 40 % [244, 107].

Репозиторий КарГУ

Несмотря на то, что геологоразведочными съемками была охвачена значительная территория Западного Казахстана, и предварительная разведка выявила ряд перспективных нефтегазоносных площадей, основной показатель, характеризующий эффективность геологоразведочных работ – объем промышленных запасов нефти и газа – в 1955 г. находился на уровне 1940 г. Большинство площадей, по которым были подсчитаны и утверждены Государственным комитетом запасов резервы сырья, представляли собой месторождения с небольшими потенциалами, не достигавшими 3-5 миллионов тонн [275, 188].

Итак, анализ развития черной, цветной металлургии, угольной и нефтяной индустрии подтверждает, что сырьевая доминанта в этот период в республике только усиливалась, еще более расширяя сегмент добывающих отраслей промышленности. И хотя тяжелая промышленность страны развивалась значительными темпами, к концу 1940-х – началу 1950-х гг. обнаружилась неспособность сталинской индустриальной махины преодолеть экономическое и технологическое отставание от стран Запада.

Химическая промышленность в Казахстане была создана в годы первых пятилеток. К 1940 г. по сравнению с 1913 ее валовая продукция увеличилась в 130 раз, по сравнению с 1937 г. в 1,8 раза. Однако удельный вес этой отрасли в 1940 г. в валовой продукции всей промышленности составил 2,5 % [275, 210].

Развитие химической промышленности не соответствовало ни потребностям экономики региона, ни его сырьевым возможностям. В частности, республика обладала таким фосфорсодержащим сырьем, как каратауские фосфориты, которые составляли пятую часть союзных и шестую – мировых ресурсов. Запасы актюбинских фосфоритов исчислялись более чем в 1 миллиард тонн. Однако республика снабжалась привозными минеральными удобрениями и другой продукцией химической промышленности (лаками, красками, резинотехническими изделиями и т.д.)

До войны Казахстан выпускал незначительное количество фосфорных удобрений (преципитат). В конце первой пятилетки в Актюбинске на базе Богдановских месторождений фосфоритов был построен комбинат по производству фосфорных удобрений. Здесь же начал строиться сернокислотный цех, который должен был

Репозиторий КарГУ

работать на привозном сырье с Урала (пиритный колчедан). Этот комбинат начал работать более слаженно, когда стало возможным поставлять сюда Хибинские апатитовые концентраты с Кольского полуострова. С точки зрения рациональности размещения производительных сил и максимально эффективного использования местных сырьевых возможностей, создание подобного цеха было экономически нерациональным. С 1942 г. производство остановилось из-за невозможности (в период войны) доставки необходимого сырья с Кольского полуострова. Фактически в годы войны промышленность минеральных удобрений как таковая перестала существовать.

Но возникли ряд других производств химической индустрии. В Кустанае начал работать завод искусственного штапельного волокна (1943 г.), шло строительство Карагандинского завода синтетического каучука (начатого в 1940 г.), вступил в строй цех карбида кальция (1943 г.), наращивали мощности химико-фармацевтический завод и комбинат «Аралсульфат».

Послевоенное развитие химической промышленности характеризуется освоением более крупных капиталовложений, созданием новых производств, изменением географии размещения предприятий.

В годы четвертой пятилетки на Актюбинском комбинате вступили в строй мощности по производству кислот, закачивалось сооружение суперфосфатного цеха на 120 тысяч тонн продукции в год. На Карагандинском заводе синтетического каучука был введен в действие цех ацетальдегида, готовился к пуску цех уксусной кислоты. Комбинат «Каратау» стал поставлять фосфорную муку суперфосфатным заводам СССР, первые тысячи тонн казахстанского суперфосфата отправил потребителям Джамбульский суперфосфатный завод [275, 211].

Предприятия химической промышленности выполнили план 1946 г. на 104,3 %. Одно из крупнейших предприятий отрасли – горно-обогатительный комбинат «Каратау», по сравнению с 1945 г., освоил капиталовложений в 2,5 раза больше [276, 5].

В годы четвертой пятилетки химическая промышленность план по валовой продукции в суммарном выражении выполнила на 96 %. Наиболее отстающими предприятиями в отрасли были Каратауский горно-химический комбинат, Карагандинский завод

Репозиторий КарГУ

синтетического каучука, Джамбульский суперфосфатный завод [277, 94-95].

Выпуск продукции химической и резиноасбестовой промышленности с 1940 по 1950 гг. увеличилась на 193, с 1940 по 1955 – на 623 % [172, 24-25].

Во второй послевоенной пятилетке химическая индустрия развивалась довольно значительными темпами. На всех предприятиях отрасли появились новые производства: значительно расширилась инфраструктура комбината «Каратау» (состоял из рудника Чулактау, дробильно-размольной фабрики, цеха фосфорной муки и т.п.); на Джамбульском суперфосфатном заводе в 1951 г. в эксплуатацию вступили цеха башенной серной кислоты, контактной серной кислоты, в 1954 г. – цех гранулированного суперфосфата; на Усть-Каменогорском свинцово-цинковом комбинате – сернокислотный цех и др. В Актюбинске началось сооружение завода хромовый солей на базе Донского месторождения хромитовых руд. Выпуск валовой продукции химической индустрии в 1955 г. по сравнению с 1950 увеличился в 2,3 раза [183, 22]. К концу пятой пятилетки производство серной кислоты (по сравнению с 1950 г.) увеличилось в 2,6 раза, суперфосфата – в 4,6, фосфоритовой муки – в 2,9 раза [278, 41]. Удельный вес республики в общесоюзном производстве минеральных удобрений возрос с 0,4 % в 1950 году до 3,6 в 1955.

Таблица 18 [172, 33] позволяет проследить динамику удельного веса индустрии республики в производстве некоторых видов промышленной продукции по СССР в целом.

Удельный вес химической отрасли Казахстана в союзном производстве был еще незначительным, тем не менее, производство продукции выросло здесь за пятилетие в 9 раз [279, 33]. Но в целом удельный вес химической отрасли в общем объеме валовой продукции за годы пятой пятилетки вырос незначительно – на 0,6 % (см. таблицу 17).

Развивалось машиностроение – на территории Казахской ССР работали предприятия машиностроительной отрасли пяти союзных министерств. Машиностроение в республике являлось наиболее молодой отраслью, развивалось на базе эвакуированных заводов и в начале 1946 г. включало 16 заводов союзного значения. Кроме 30 наименований изделий оборонного значения, заводы

Репозиторий КарГУ

выпускали прессы, токарные станки, бороны, жатки и другие сельскохозяйственные машины. Наиболее крупными предприятиями в отрасли были Алма-Атинские завод тяжелого машиностроения и завод имени Кирова, «Казахсельмаш», завод малолитражных двигателей в Петропавловске, завод имени Петровского в Гурьеве, завод «Большевик» и механический завод треста «Актюбнефть» в Актюбинске и т.д. [280, 30-36]

Таблица 18 (в %) – Удельный вес продукции КССР в союзном производстве

Виды продукции	1940 г.	1950 г.	1955 г.
Сталь	-	0,5	0,5
Прокат черных металлов	-	0,5	0,7
Железная руда	-	-	0,3
Уголь	4,2	6,7	7,1
Нефть	2,2	2,8	2,0
Минеральные удобрения	-	0,4	3,6
Цемент	-	0,2	1,6

За период 1940-1950 гг. валовая продукция машиностроения выросла в 68,5 раз, за 1940-1955 гг. – в 155 раз [283, 24-25]. Беспрецедентные темпы развития отрасли в данный период был связаны с эвакуацией машиностроительных заводов во время войны.

В отличие от добывающих отраслей капиталовложения в машиностроение и металлообработку носили весьма ограниченный характер. Так, за 1952-1953 гг. этой отрасли было выделено немногим более 1 % всех капиталовложений, направленных в промышленность республики. Для сравнения можно указать, что за 1952-1954 гг. во все машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия, подведомственные Совету Министров республики, было вложено средств меньше, чем за 1963-1965 гг. на строительство одного только Павлодарского машиностроительного завода [275, 230].

Поскольку развитие промышленности, как и аграрного сектора, носило экстенсивный характер, темпы и уровень развития отраслей напрямую зависели от размеров капиталовложений. Такие размеры вложений, как в машиностроении, не могли не оказать влияние на замедленные темпы развития отрасли.

Репозиторий КарГУ

За пятое пятилетие объем продукции машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности республики возрос на 88 %, что было несколько выше, чем в четвертой пятилетке. Если сравнить ведущие отрасли индустрии, то показатель роста оказывается ниже, чем в цветной и черной металлургии, электроэнергетики, химической промышленности, промышленности строительных материалов и лесозаготовок [172, 24-25].

По-прежнему сохранялась тенденция преимущественного развития отраслей добывающего, сырьевого направления, обрабатывающий же сектор оказался подчиненным ей. В пятой пятилетке сравнительно больше внимания стало уделяться металлообработке, в частности, ремонтному производству, связанному с интенсивным расширением добывающих отраслей. Удельный вес ремонтных работ в продукции машиностроения и металлообработки в 1955 г. составил 45 %.

В 1952 г. в машиностроении доля его отдельных отраслей характеризовалась следующими данными (по объему валовой продукции, в % к итогу) – таблица 19 [281, 230]. В 1952 г. самым крупным сегментом отрасли являлось сельскохозяйственное машиностроение, составлявшее 11 % и энергетическая отрасль – 7 %. Остальные отрасли машиностроения были незначительны. К 1955 г. в машиностроении республики произошли существенные структурные преобразования, прежде всего, появились и стали доминирующими тяжелое машиностроение (16 %), электротехническое (12,8 %), существенно вырос удельный вес таких сегментов, как энергетическое, сельскохозяйственное машиностроение.

Деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность Казахстана за 10 лет (с 1940 по 1950 гг.) возросла на 63 %, а с 1950 по 1955 гг. рост валовой продукции составил 64 % [172, 24-25].

Экстенсификация промышленного производства потребовала адекватного расширения масштабов промышленности строительных материалов: новые стройки нуждались в кирпиче, цементе, бетоне и т.д. Поэтому не случайно темпы роста валовой продукции в этой отрасли в 1950 г. по отношению к 1940 составили 302 %, а в 1955 г. по отношению к 1950 – 267 % [172, 24-25].

Репозиторий КарГУ

Таблица 19 (в %) – Структура машиностроения КССР в 1952-1955 гг.

Отрасли машиностроения	1952 г.	1955 г.
Все машиностроение	100	100
Энергетическая	7	18
Электротехническая	-	12,8
Тяжелое машиностроение	-	16
Станкостроение и инструментальная промышленность	3	4
Сельскохозяйственное	11	16
Прочее машиностроение	79	33,2

Во время войны производство стройматериалов резко снизилось, а многие предприятия попросту перестали функционировать. После войны капиталовложения, направленные в экономику республики, способствовали развитию данной отрасли. Наиболее интенсивно в промышленности стройматериалов развивались следующие отрасли: цементная, нерудных материалов, сборного железобетона, камышитовых изделий. Основное внимание в четвертой пятилетке было уделено развитию цементной промышленности. До середины 1940-х гг. эта отрасль в республике фактически не существовала, за исключением небольшого Чуйского завода, выпускавшего низкомарочную продукцию. В послевоенное пятилетие были построены пять цементных заводов, из которых Чимкентский, Карагандинский и Семипалатинский заводы являлись самыми крупными.

В кирпичное производство в четвертой и пятой пятилетках капиталовложения выделялись в незначительных размерах, а потому предприятия здесь не оснащались новой техникой, так как в связи с быстро расширяющейся практикой применения сборного железобетона считалось, что кирпич свою роль в строительстве исчерпал. Эта отрасль оказалась буквально в критическом положении. И, наоборот, в пятой пятилетке ускорилось создание новых производств сборного железобетона [275, 276].

К числу традиционных отраслей относилась и легкая промышленность. За годы войны она значительно расширилась и усилилась за счет эвакуированных предприятий. Однако материально-техническая база отрасли оставалась очень слабой. Все эвакуированные предприятия размещались в неприспособленных помещениях складского и торгового типа,

Репозиторий КарГУ

изнашивалось и устаревало оборудование, производственный аппарат не соответствовал новым потребностям.

Объем капитальных вложений в легкую промышленность в четвертой пятилетке был незначительным, причем освоение даже этих средств происходило медленно. За 1946 г. план капитальных работ по министерству легкой промышленности был выполнен на 62 % (по министерству тяжелой промышленности, где вложения в сотни раз превышали вложения в легкую промышленность, на 75 %) [282]. В пятой пятилетке сумма капиталовложений составила 260 миллионов рублей, что было втрое больше объема средств, выделенных в четвертой пятилетке [283, 24].

В легкой промышленности сформировались три крупные отрасли, включающие ряд самостоятельных и специализированных производств: текстильная (включая трикотажную и валяльно-войлочную), швейная и кожевенно-обувная (включая меховую) промышленность. Удельный вес каждой из них составил: текстильная – 7,9 %, кожевенно-обувная – 11,2 % и на долю швейного производства приходилось 29,6 % [275, 298].

В годы четвертой пятилетки осуществлялись реконструкция 11 предприятий республики, строительство новых заводов. В годы пятой пятилетки реконструировалось более 10 фабрик и заводов, достраивалось 3 и было начато строительство 17 новых объектов [284, 164].

Строительство ряда предприятий не смогло существенно изменить уже сложившуюся до этого географию размещения легкой промышленности в республике. Предприятия данной отрасли размещались в основном в Алма-Атинской, Семипалатинской и Южно-Казахстанской областях, а в Гурьевской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Кустанайской и Кзыл-Ординской областях, в которых была сосредоточена треть населения Казахстана, имелись достаточные трудовые ресурсы, а также богатая сырьевая база, легкая промышленность была развита очень слабо [284, 470].

В 1946 г. предприятия легкой промышленности уменьшили выпуск продукции на 11 %, выполнив план по валовой продукции лишь на 84,5 %, было недодано продукции на 14,3 миллионов рублей [285, 10].

В последующие годы четвертой и пятой пятилеток наметился некоторый рост подразделений группы «Б», причем представлены

Репозиторий КарГУ

они были преимущественно предприятиями легкой и пищевой промышленности. Данные отрасли развивались на уровне ниже средних темпов роста промышленности региона. Например, текстильная промышленность возросла за 1945-1950 гг. на 39,1 %, за 1950-1955 гг. – на 85 % [172, 26-27].

Если исходить из количественных показателей валовой продукции отрасли в 1940-1950-е гг., то они демонстрируют значительную динамику в развитии легкой промышленности. Например, производство хлопчатобумажных тканей в 1950 г., по сравнению с 1940 увеличилось в 74,5 раза, по сравнению с 1945 – в 10,1 раз. В 1955 г. рост данной продукции по отношению к 1950 составил 338 %. Производство шерстяных тканей в 1950 г. по отношению к 1945 составило 260 %, в 1955 по отношению к 1950 г. – 165 % , производство кожаной обуви – 210 и 188 % соответственно [187, 21]. За годы пятой пятилетки темпы роста отраслей легкой промышленности иллюстрируют следующие показатели: в текстильной отрасли с 1950 по 1955 гг. – на 82 %, швейная – на 108, кожевенно-обувная и меховая – на 88 % [187, 22].

Анализ показателей валовой продукции отраслей легкой промышленности за десятилетний период послевоенного развития показывает, что ежегодные темпы развития, как всей легкой индустрии, так и ее отдельных отраслей, были неравномерны. В частности, в четвертой пятилетке производство шерстяных тканей (в натуральном выражении) снизилось с 458 тысяч метров в 1947 г. до 167 тысяч метров в 1950 (то есть производство сократилось в 2,7 раза), по бельевому трикотажу – с 419 тысяч штук в 1946 г. до 271 тысячи в 1950 (сокращение произошло в 1,5 раза) [240, 20].

Легкая, как и пищевая промышленность, заметно отставали от темпов развития отраслей группы «А» и от возрастающих потребностей региона. Производство продукции легкой промышленности на душу населения было недостаточным и выросло за годы пятой пятилетки незначительно. Производство тканей всех видов на душу населения увеличилось с 1,1 погонного метра в 1950 до 2,6 – в 1955 г., чулочно-носочных изделий – с 2,1 до 2,5 пар, бельевого и верхнего трикотажа – с 0,5 до 1,0 штук, обуви кожаной – с 0,5 до 0,8 пары и т.д. Очевидно, что «собственная» легкая промышленность и близко не удовлетворяла

Репозиторий КарГУ

потребности населения Казахстана, а потому значительная часть продукции завозилась из других республик СССР.

Незначительный удельный вес продукции легкой промышленности в общем объеме валовой продукции всей промышленности (в 1950 г. – 13,8; в 1955 – 14,4 %) был обусловлен небольшим количеством предприятий данной отрасли.

Так, из более чем 9 тысяч крупных и мелких промышленных предприятий в Казахстане, по данным Ж. Абылхожина, насчитывалось всего 65 предприятий легкой промышленности, причем многие из них имели чуть ли не дореволюционную историю [79, 235]. Исследователь С.К. Жакупбеков считает, что из-за частых реорганизаций системы управления легкой промышленностью и передачи предприятий в другие структуры и обратно, трудно проследить динамику количества последних, а изменение их численности по отраслям вообще установить не представляется возможным [284, 169].

По архивным материалам в 1946 г. общее число предприятий легкой и текстильной промышленности было 60 [286, 441], в 1950 – 54 [287, 86], в 1954 – 47 [288, 6], в 1956 – 51единица [289, 34].

На темпы роста валовой продукции также влияли и ряд других причин. В частности, нельзя не отметить, что уровень технической вооруженности легкой промышленности Казахстана был невысоким, например, механизация производственного процесса в швейной отрасли составляла около 30, а в обувной – 49,3 % [290, 220]. По уровню технической оснащенности, использованию передовых достижений науки и техники предприятия легкой промышленности Казахстана сильно отставали от аналогичных предприятий в СССР.

Кроме того, без непрерывного расширения и укрепления сырьевой базы ускоренный подъем легкой промышленности и увеличение производства товаров массового спроса были попросту невозможны. От сырья во многом зависело и качество продукции легкой промышленности. Послевоенное состояние сырьевой базы, в первую очередь, сельского хозяйства, было таким, что она не могла обеспечивать легкую промышленность качественным сырьем в необходимом количестве. Темпы развития аграрного сектора экономики отставали от темпов развития индустрии, и отставание сельского хозяйства сдерживало развитие производных от него отраслей, как легкая и пищевая промышленность.

Репозиторий КарГУ

Эта связь имела и обратный характер. Сырьевая направленность региона, недостаточное количество перерабатывающих предприятий приводили к тому, что, выступая одним из крупнейших производителей хлопка, шерсти, кожевенного сырья, республика имела крайне неадекватный удельный вес в союзном производстве основных видов продукции отрасли. Например, удельный вес хлопчатобумажных тканей составлял всего 0,1 %, шерстяных – 1,4, кожаной обуви – 0,6 % [172, 33]. При значительных заготовках шерсти, в том числе тонкорунной, Казахстан не имел ни одного предприятия по выпуску тонкосуконных тканей. Несмотря на достаточность хлопкового сырья, хлопчатобумажная промышленность в республике не стала доминирующей отраслью в легкой промышленности [284, 170].

Таблица 20 [172, 33] дает представление об удельном весе продукции легкой и пищевой промышленности Казахстана в производстве некоторых видов промышленной продукции по СССР в целом.

Таблица 20 (%) – Удельный вес продукции КССР в союзном производстве

Виды продукции	1940 г.	1950 г.	1955 г.
Ткани хлопчатобумажные	0,0	0,1	0,3
Ткани шерстяные	0,3	1,4	1,4
Обувь кожаная	0,6	1,7	2,3
Сахар-песок	3,3	2,8	2,2
Масло животное	5,4	6,6	5,6
Масло растительное	0,6	3,4	4,1
Мясо	6,5	7,0	7,8
Улов рыбы	6,2	5,8	4,3
Консервы	2,7	6,0	4,1

Одной из самых старых отраслей индустрии Казахстана являлась пищевая промышленность, развитие которой было связано еще с дореволюционных времен. В годы четвертой пятилетки в республике были построены 178 маслозаводов, Павлодарский завод сухого молока, Карабулакский сахарный завод, 3 пивоваренных завода, макаронная фабрика, Алма-Атинский завод шампанских вин, ряд других предприятий и крупных цехов. Началось сооружение мясокомбинатов в Алма-Ате,

Репозиторий КарГУ

Караганде, Гурьеве, хладобойни в Аягузе, молочного завода в Усть-Каменогорске, маслобойного предприятия в Туркестане [291].

Капитальные вложения в пищевую промышленность в четвертой пятилетке более чем на 20 % превысили объем средств, освоенных за две довоенные пятилетки.

В пятой пятилетке капитальные вложения в отрасль составили 40,5 миллионов рублей, или примерно 1,3 % от всех капиталовложений в промышленность [292]. Количество данных вложений было недостаточным для необходимого уровня развития пищевой промышленности края.

За 1950-1955 гг. были введены в действие Алма-Атинский и Карагандинский мясокомбинаты, 5 холодильников, 70 маслосыродельных заводов, 6 хлебозаводов, пивоваренный завод в Актюбинске, завод фруктовых и минеральных вод в Алма-Ате.

Несмотря на строительство новых и реконструкцию старых предприятий, пищевая промышленность в Казахстане развивалась недостаточными темпами и не удовлетворяла потребности растущего населения в продовольственных товарах. Темпы роста валовой продукции пищевой промышленности были самыми низкими по республике. Рост валовой продукции предприятий пищевой отрасли с 1940 по 1950 гг. составил лишь 27 %, с 1950 по 1955 гг.– 49 %. В сахарной промышленности рост валовой продукции составил в 1940-1950 гг. – 32 %, 1950-1955 гг. – 6 %, в мясной – 21 и 73 %, в маслосыродельной и молочной – 134 и 21 %; в рыбной промышленности произошло падение производства на 6 % в 1940-1950 гг. и рост на 79 % в 1950-1955 гг.; в мукомольно-крупяной отрасли – падение в 1940-1950 гг. составило 12 % и рост в 1950-1955 гг. на 33 % [172, 26-27].

По таблице 21 [293, 42] можно наблюдать динамику производства некоторых видов промышленной продукции в натуральном выражении на душу населения.

Производство сахара-песка на душу населения снизилось с 11,5 килограмм в 1940 г. до 10,8 килограмм в 1950 и 9,4 в 1955. Незначительно выросло производство животного масла на душу населения с 2,0 килограммов в 1940 г. до 3,3 – в 1950 и 1955 гг.; мяса – с 15,7 килограммов в 1940 до 16,5 в 1950 и 24,9 килограммов в 1955 гг. Значительный рост произошел только при производстве некоторых видов продукции (на душу населения): масло растительное – с 0,8 до 4,2 килограммов за 1940-1950 гг. и до

Репозиторий КарГУ

6,0 килограммов в 1955 г.; консервы – с 4,9 до 16,5 условных банок за 1940-1955 гг. [172, 33].

По производству на душу населения Казахстан заметно отставал от уровня союзного производства многих товаров народного потребления [238, 126].

Итак, по данным 1955 г., в Казахской ССР насчитывалось 9,5 тысяч крупных и мелких предприятий государственной промышленности, которые производили 91,4 % от общего объема валовой продукции республики [187, 15].

Таблица 21 – Динамика производства продукции в КССР в 1913-1955 гг.

Виды продукции	1913 г.	1940 г.	1950 г.	1955 г.
Чугун (кг)	-	-	-	-
Сталь (кг)	-	-	19,8	29,7
Прокат черных металлов (кг)	-	-	16,2	29,8
Железная руда (кг)	-	-	-	30,1
Уголь (т)	0,02	1,1	2,6	3,5
Нефть (кг)	21,2	112,6	159,8	177,2
Электроэнергия (тыс.квт-ч)	-	0,1	0,4	0,7
Цемент (кг)	-	-	2,4	46,3
Ткани всех видов (пог.м)	0,02	0,07	1,1	2,6
Чулочно-носочные изделия (пар)	-	0,04	2,1	2,5
Бельевой и верхний трикотаж (штук)	-	0,05	0,5	1,0
Обувь кожаная (пар)	…	0,2	0,5	0,8
Сахар-песок (кг)	-	11,5	10,8	9,4
Консервы (усл. Банок)	-	4,9	14,0	16,5
Масло растительное (кг)	…	0,8	4,2	6,0
Масло животное (кг)	0,4	2,0	3,3	3,3
Мясо (кг)	…	15,7	16,5	24,9

В целом, характеризуя процессы промышленной модернизации в Казахстане в послевоенное десятилетие, можно сделать ряд выводов.

Спецификой Казахской ССР являлось то, что во время войны промышленное развитие республики не только не приостановилось, а, наоборот, непрерывно расширялось. В отличие от промышленности некоторых республик Союза, которые нуждались в восстановительном периоде, индустрия Казахстана не нуждалась в нем. Процессы реконверсии не коснулись республики. В Казахстане промышленная инфраструктура в силу ее пополнения

Репозиторий КарГУ

эвакуированными предприятиями и стимулированной войной реконструкции имевшихся заводов, фабрик, рудников, шахт и т.д., существенно разрослась. Но, будучи частью союзного народнохозяйственного комплекса, она испытывала так называемый «эффект эха»: стагнирование, симметричное промышленным центрам страны.

В развитии промышленности рассматриваемого периода доминирует экстенсивный и капиталозатратный характер. В 1980-1990-е гг. исследователями для обозначения характеристики советской индустрии использовалась категория «капиталоемкость». На наш взгляд, использование данной дефиниции не правомерно. Капиталоемкость – это характеристика рыночной модели модернизации, характеристика высоких технологий. Советская индустрия носила скорее капиталозатратный характер, так как единственным фактором, детерминирующим количественную динамику в промышленном развитии республики, оставался рост капиталовложений в индустрию региона (причем практически без адекватной отдачи).

Расходы в промышленность Казахстана из государственного бюджета к 1950 г. выросли по сравнению с 1940 более чем в 3,3 раза, к 1954 г. – в 23,2 раза. Эти данные свидетельствовали о существенном росте капиталовложений из бюджета в индустрию в годы послевоенного десятилетия, их более значительное увеличение произошло в период 1950 – 1954 гг. Однако темпы роста валовой продукции всей промышленности республики не соответствовали росту объемов вложений.

Рациональный подход в нормальном функционировании экономики требует возвращения вложенных средств в виде промышленного роста, роста продукции, роста производительности труда. Индустрия республики требовала огромных, неадекватных и постоянных вложений для незначительной положительной динамики развития. Так, при увеличении бюджетных вложений более чем в 23 раза, валовая продукция промышленности выросла лишь в 2,6 раза. В данное десятилетие рост бюджетных вложений в промышленность почти в 9 раз превышал увеличение производства продукции данного сектора экономики.

Но, тем не менее, темпы роста валовой продукции промышленности Казахской ССР опережали как общесоюзные

Репозиторий КарГУ

показатели, так и темпы роста многих союзных республик в период всей послевоенной декады. Казахская ССР занимала четвертое место в Союзе по темпам роста валовой продукции промышленности.

Приоритетными в промышленном развитии республики являлись отрасли тяжелой индустрии, доля которых в основном объеме капиталовложений в индустриальный сектор республики составила 94,2 %. Архивные данные фиксируют преобладание в структуре промышленности Казахстана продукции предприятий группы «А» – черной и цветной металлургии, топливной отрасли. Причем доля добывающего сектора в тяжелой индустрии составляла более 40 %. Казахстан являлся одной из основных сырьевых баз, работавших на военно-промышленный комплекс СССР и позволявших стране наращивать его объемы. Сырьевая направленность в индустриальном развитии в послевоенную декаду подтверждает характеристику Казахстана в исследуемый период как региона развивающейся экономики (страны так называемого «третьего мира»).

В 1946 г. в ряде отраслей произошел спад производства, но уже с 1947 г., с наращиванием капвложений начинается постепенный рост промышленного производства. Ежегодные темпы роста промышленной продукции устанавливались в интервале от 7 до 17 %. Объем валовой продукции промышленности в 1954 г., по сравнению с 1945, увеличился почти в 2 раза.

Однако негативные тенденции, развивавшиеся в экономике республики, свидетельствовали о начале стагнации, о наступающей перманентной кризисной ситуации, о необходимости структурной перестройки народного хозяйства КССР. Директивное, ненаучное планирование, в частности, проявлявшееся в несбалансированности плана, завышенных заданиях и т.п., использование в качестве определяющих показателей экономического роста – валовой (товарной) продукции и ряд других объективных и субъективных причин, выступали в качестве основных деструктивных элементов в индустриальном развитии Казахстана.

Как уже отмечалось, преимущественное развитие в тяжелой индустрии Казахстана получили добывающие отрасли, поэтому в

Репозиторий КарГУ

производстве многих видов конечной продукции республика занимала среди других регионов СССР незначительное место. За исключением единственной отрасли – цветной металлургии, ни черная металлургия республики, ни угольная промышленность, ни нефтяная отрасль существенной роли в союзной интеграции в 1946-1954 гг. не играли, и удельный вес продукции этих отраслей в общесоюзном производстве был незначительным.

Развитие химической промышленности не соответствовало ни потребностям экономики региона, ни его сырьевым возможностям. Несмотря на значительные запасы полезных ископаемых, республика снабжалась привозной продукцией химической промышленности (удобрениями, лаками, красками, резинотехническими изделиями и т.д.) Удельный вес химической отрасли Казахстана в союзном производстве также был незначительным,

Машиностроение в республике являлось наиболее молодой отраслью, развивавшейся на базе эвакуированных заводов. В отличие от добывающих отраслей капиталовложения в машиностроение и металлообработку носили весьма ограниченный характер. Поскольку развитие промышленности, как и аграрного сектора, носило экстенсивный характер, темпы и уровень развития отраслей напрямую зависели от размеров капиталовложений. Такие размеры вложений, как в машиностроении, не могли не оказать влияние на замедленные темпы развития данной отрасли.

Объем капитальных вложений в легкую промышленность в исследуемые годы так же был незначительным, причем освоение даже этих средств происходило медленно. Строительство ряда предприятий не смогло существенно изменить уже сложившуюся до этого географию размещения легкой промышленности в республике. Предприятия данной отрасли размещались в основном в южных областях, а в областях (северные, центральные, западные и восточные районы республики), в которых была сосредоточена треть населения Казахстана, имелись достаточные трудовые ресурсы, а также богатая сырьевая база, легкая промышленность была развита очень слабо.

Пищевая промышленность в Казахстане развивалась недостаточными темпами и не удовлетворяла потребности растущего населения в продовольственных товарах. Темпы роста

Репозиторий КарГУ

валовой продукции пищевой промышленности были самыми низкими по республике.

Уровни технической вооруженности предприятий группы «Б» промышленности Казахстана, использования передовых достижений науки и т.п. были невысокими и сильно отставали от аналогичных предприятий в СССР. Кроме того, без непрерывного расширения и укрепления сырьевой базы ускоренный подъем перерабатывающей промышленности и увеличение производства товаров массового спроса были попросту невозможны. От сырья во многом зависело и качество продукции легкой и пищевой промышленности. Темпы развития аграрного сектора экономики отставали от темпов развития индустрии, и отставание сельского хозяйства сдерживало развитие производных от него отраслей, таких как легкая и пищевая промышленность. Эта связь имела и обратный характер.

Сырьевая направленность региона, недостаточное количество перерабатывающих предприятий, технологически устаревшее оборудование на них, отсутствие модернизации в этих отраслях и т.п. приводили к тому, что, выступая одним из крупнейших производителей хлопка, шерсти, кожевенного сырья и др., республика имела крайне неадекватный удельный вес в союзном производстве основных видов продукции перерабатывающих отраслей.

Итак, обобщая итоги промышленной модернизации в КССР в послевоенный период, на наш взгляд, можно сформулировать ряд теоретических выводов. В процессе своей эволюции человечество сумело выработать лишь две системы принуждения. Одна из них – это административное воздействие на волю, другая – система экономического принуждения при гарантии правовой свободы производителя. Их параллельное существование в принципе невозможно, ибо административная система ослабляет и ограничивает действие экономических стимулов принуждения, равносильно как внедрение в нее экономических стимулов подрывает власть административной системы.

Послевоенный период, совпавший последними годами эпохи Сталина, характеризовался усилением ориентации именно на первую альтернативу. Поэтому понятно, что идеи модернизации в плане их реализации предполагали дальнейшее сохранение таких императивов, как функционирование деспотической системы с ее

Репозиторий КарГУ

совокупностью крепостнических и даже рабских (ГУЛАГ) методов эксплуатации.

Технологическая модернизация промышленной инфраструктуры, осуществленная в годы «социалистической реконструкции промышленности» (вторая половина 1920-х – 1930-х гг.) позволила существенно изменить пропорции в структуре производительных сил, придав гораздо больший удельный вес ее индустриальному сегменту. Однако в призме зависимости «экономика – человек» противоестественным образом, но логично, если учитывать природу системы, индустриализация только усугубила положение последнего. Ведь новые индустриальные технологии соединялись с рабочей силой таким образом, что норма извлечения труда возрастала почти до предела физического и морального износа рабочей силы.

В послевоенные годы режим продолжая, с одной стороны, использовать всю мощь репрессивного аппарата, а с другой – укрепившуюся после победы над фашизмом, веру общественного сознания в светлые горизонты «царства свободы», продолжал наращивать давление в «экономическом котле» государства, сжигая в его топке человеческие ресурсы.

Но, несмотря на это, к концу 1940-х – началу 1950-х гг. обнаружилась неспособность сталинской индустриальной махины преодолеть экономическое и технологическое отставание от стран Запада. Более того, вопреки ангажированию этого периода как «восстановительного», т.е. восстанавливающего уровень довоенного 1940 г., его таковым, вероятно, считать не совсем правомерно.

Итак, послевоенный период в развитии промышленности можно квалифицировать как «восстановительный» лишь с целым рядом допущений. Сталинская модель соединения факторов и условий производства исчерпывала себя. Придание «модернизаторской» функции репрессивному террору и угнетению рабочей силы вкупе с внеэкономическими, по большей мере идеологическими, стимулами уже не могли сообщать импульсов, достаточных для движения общества.

Понимание этого уже начинало проникать в сознание не только части элиты, но и общества. Однако они были настолько мощно «зомбированы» на идеологию экстенсификации как альфу и

Репозиторий КарГУ

омегу развития, что всякие мысли о переструктуризации производительных сил вообще и их промышленной инфраструктуры в частности квалифицировались как крамола. А потому сырьевая доминанта в этот период только усиливалась, еще более расширяя сегмент добывающей промышленности.

Промышленность Казахстана была обречена стать заложницей экстенсивной индустриальной идеологии. «Проклятье сырьевых ресурсов», т.е. их «от бога» изобилие, стало невольным блокиратором той промышленной парадигмы, которая выстраивалась на пионерных тенденциях «новой волны» мировой модернизации с ее послевоенной ориентацией на «общество потребления» прежде всего. И в этом заключался качественнообразующий момент послевоенного состояния промышленной сферы Казахстана.

Репозиторий КарГУ

Глава 4
Казахстанская экономика в фарватере хрущевских модернизаторских опытов (1954-1964 гг.)

4.1. Реализация «нового курса» аграрной политики Н.С. Хрущева в Казахстане

Среди множества проблем, которые СССР унаследовал от сталинского периода, одной из самых болевых было сельское хозяйство. Именно поэтому реформирование хозяйственного механизма в СССР в послесталинский период началось с аграрного сектора.

Вряд ли можно утверждать, что аграрные реформы Н.С. Хрущева представляли собой синкретическую систему – множество закономерно связанных друг с другом новаций, представляющих собой определенное целостное образование, единство. И, конечно же, в данное десятилетие не возникло радикальной концепции аграрного развития, как комплексной системы теорий, программ, взглядов на развитие аграрной сферы экономики. Практически все реформы были направлены на частные изменения, не затрагивающие имманентных черт «советской модели экономики», сохраняющие ее как основную стереотипическую доминанту.

Все аграрные инновации возникли как импровизации, не имевшие продуманной связи друг с другом. В отличие от предшествующего периода – сталинского, где основные императивы всех аграрных реформ носили прагматический, рациональный характер и сосредотачивались на доминирующем концепте – обеспечение города и армии продовольствием, реформаторские новаций Н.С. Хрущева носили более идеологизированный, более политизированный характер. «Догнать и перегнать Америку» – было не просто лозунгом, это было кредо в экономической политике Н. Хрущева.

Для улучшения положения в аграрном секторе Н. Хрущевым был предложен ряд реформ. Их характерной чертой в сельском хозяйстве стала унаследованная еще от сталинских времен вера в некий чудодейственный одномоментный метод, который мог бы разом радикально улучшить положение в этой отрасли. Такими

Репозиторий КарГУ

методами у Н. С. Хрущева были: то внедрение кукурузы во всех регионах страны, то квадратно-гнездовой метод посадки растений, то ликвидация чистых паров и раздельная уборка хлебов, то внедрение беспривязного содержания коров и т.п.

Компонентами «нового курса» Хрущева стали кредо-лозунги, которые определяли содержание аграрного развития страны в данное десятилетие: «Создание агрогородов», «Целинная эпопея», «Чудо-культура: королева полей – кукуруза и царь полей – горох», «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения».

Один из самых первых после смерти Сталина пленумов ЦК КПСС – сентябрьский 1953 г. – был посвящен положению, сложившемуся в сельском хозяйстве. На пленуме с необычной для того времени откровенностью признавались провалы в обеспечении населения продуктами питания, отмечалась необходимость повысить материальную заинтересованность самих крестьян [294, 373]. Основными причинами отставания сельского хозяйства были названы: материальная незаинтересованность колхозников, противоречия личных и общественных интересов, низкий уровень механизации труда, отсутствие компетентного руководства в колхозах, совхозах и МТС.

Новым стало и то, что пленум признал неоправданно высокими налоги, взимавшиеся с приусадебных участков, и указал на связь между этими налогами и снижением числа коров, свиней и овец в хозяйствах колхозников. В постановляющей части решений пленума были предусмотрены реальные меры поддержки деревни – налоговые льготы, которые должны были способствовать восстановлению поголовья скота в хозяйствах колхозников; с колхозников, рабочих и служащих списывалась задолженность по обязательным поставкам продуктов животноводства [2, 170].

Сторонником смягчения налогового пресса на крестьянство и попыток развития сельского хозяйства в его традиционных районах – в России, на Украине, в Белоруссии был Г.М. Маленков. Он защищал «колхозно-крестьянский тип развития», обосновывал необходимость снижения налогов и невмешательства в подсобное крестьянское хозяйство. Но эти меры не предполагали наращивание государственных инвестиций в сельское хозяйство. В начале 1950-х гг. в село вкладывалось около 20 % от общей суммы

Репозиторий КарГУ

капиталовложений в промышленность [295, 453]. Деревня должна была сама выбираться из кризиса за счет предоставления крестьянству минимума прав – так можно сформулировать смысл реформ «по-маленковски» [296, 19].

Экономическая программа Г. Маленкова вскоре была подвергнута критике. Первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев придерживался иных взглядов на развитие сельского хозяйства в СССР. Российский исследователь Р.Г. Пихоя этот тип развития называет «совхозно-рабочим» и считает, что «он стал основным направлением сельскохозяйственной политики Н. Хрущева» [2, 169].

Н.С. Хрущев отстаивал курс на создание крупных, хорошо механизированных хозяйств, где должны были работать не крестьяне, а сельскохозяйственные рабочие. Этот курс своей конечной целью имел сближение города и деревни, ликвидацию «мелкобуржуазных пережитков» в жизни крестьянства, создание «агрогородов». Это была одна из компонент аграрной политики Н. Хрущева, только таким путем, по его мнению, можно было решить все растущие проблемы аграрного производства.

Выступая оппонентом экономической программы Г.М. Маленкова, Н. Хрущев понимал, что «крепостническая» зависимость крестьян от государства, отсутствие материальной заинтересованности в собственном труде, неоправданно высокие натуральные и денежные налоги, взимаемые с аграриев, низкие закупочные цены на сельхозпродукты не способствовали развитию аграрного сектора, какие бы масштабные инвестиции не были вложены в аграрный сегмент. Поэтому в данное десятилетие были пересмотрены и значительно изменены эти составляющие аграрной политики СССР.

В 1954 г. отменили налоги на владение коровами и свиньями, другие налоги на крестьянство были снижены вдвое по сравнению с 1952 г. и стали исчисляться не с дохода, а по размеру земельного участка. Нормы поставок с личного подворья были снижены, недоимки за прошлые годы списаны. Закупочные цены на сельхозпродукты в последующие годы выросли в среднем в 3 раза. В результате значительного повышения заготовительных и закупочных цен на все продукты сельского хозяйства, особенно животноводства, колхозы получили за свою продукцию, сданную и

Репозиторий КарГУ

проданную государству, уже в 1953 г. на 12, а в 1954 – на 25 миллиардов рублей больше, чем в 1952 г. [185, 182].

В марте 1956 г. было принято беспрецедентное решение, согласно которому предлагалось кардинальным образом изменить практику планирования сельскохозяйственного производства. «Для того чтобы обеспечить государство всеми видами сельскохозяйственной продукции, – говорилось в директиве, – совсем не требуется из центра доводить до колхозов и совхозов планы посева по всем культурам, планировать все виды скота и количество поголовья, не предоставляя возможности колхозам и совхозам проявить инициативу в более правильном и рациональном ведении хозяйства» [297, 149].

Это означало не что иное, как серьезную попытку подорвать абсолютное доминирование принципа авторитарного управления. Колхозно-совхозные структуры обязывались обеспечивать натуральные поставки государству полеводческой и животноводческой продукции, но размер посевных площадей по культурам, а также продуктивность животноводства и скота по его видам, они могли определять самостоятельно. Иными словами, теперь планирование в сельскохозяйственном производстве должно было начинаться непосредственно в колхозах (совместно с МТС) и в совхозах.

Стремление ограничить административное вмешательство в экономическую сферу прослеживается и в постановлении того же периода (март 1956 г.), посвященном Уставам колхозов. В нем требовалось прекратить «нарушение колхозной демократии со стороны местных партийных, советских и сельскохозяйственных органов, когда колхозам навязываются общие, не отвечающие конкретным условиям производства и уровню развития хозяйства, организационные формы и хозяйственные нормативы [297, 211] В этой связи колхозам разрешалось самим изменять или корректировать отдельные места и положения принятого сельскохозяйственной артелью устава с учетом местных конкретных условий колхоза. Следовательно, допускалась инициатива мест даже в сфере организационного творчества. Однако инертность колхозно-совхозного производства не смогли приостановить даже хрущевские инновации, связанные с идеями расширения «колхозной демократии».

Репозиторий КарГУ

Подвергнем детальному анализу хрущевские реформации в агросфере Казахстана. В записке, направленной в январе 1954 г. в ЦК КПСС, Н. Хрущев сообщал, что в стране неуклонно снижается производство зерна. «В 1949 г. было заготовлено зерна 2225 миллионов пудов, – отмечает он, – а 1953 г., лишь 1850 миллионов пудов, то есть меньше на 375 миллионов пудов. В то же время в связи с общим ростом народного хозяйства, значительным увеличением городского населения и ростом реальной заработной платы из года в год увеличивается расход хлебопродуктов» [2, 170].

Основным способом изменения ситуации и увеличения производства зерновых должно было стать, по мнению Н. Хрущева, резкое расширение посевных площадей. Так как в Центральной России, на юге СССР, в европейской части страны, то есть в традиционных зерновых районах, уже не было резервов земли, то следовало освоить «целину» – огромные пространства степей в Северном Казахстане, Западной Сибири, в Приуралье. Освоение целины стало, пожалуй, крупнейшим аграрным проектом, реализованным во времена Хрущева. Он игнорировал все осторожные замечания, которые были высказаны руководством Казахстана, ссылавшимся на отсутствие транспортных путей для вывоза хлеба, острую нехватку специалистов, помещений для хранения зерна и т.п.

На сентябрьском пленуме 1953 г. ЦК КПСС Н. Хрущев критиковал руководство Казахстана за недостаточную реализацию сельскохозяйственного потенциала. Руководителям республики было предложено разработать конкретный план подъема целинных земель. Такой план был представлен в ЦК КПСС в ноябре 1953 г., по нему предполагалось, что в течение четырех лет посевные площади Казахстана увеличатся на 2,5 миллиона гектар [298, 498].

Однако такие масштабы целинной вспашки не устраивали союзное руководство, целина мыслилась Н. Хрущевым как куда более масштабный и краткосрочный проект. Казахстан был уже запроектирован как крупный зерновой регион, и никакие экономические расчеты и здравый смысл не могли остановить запущенный в действие механизм.

Между тем целинные земли не пустовали: степные пространства Казахстана использовались как пастбища для скота,

Репозиторий КарГУ

кормовая территория для коневодства – традиционной отрасли хозяйства казахов. На совещании руководителей Казахстана в 1954 г. Н. Хрущев заявил, что «в Казахстане курица дает большие доходы, чем лошадь. Лошадь топчет пастбища, уничтожает сено, отрывает рабочую силу в большом количестве» [299, 137].

Мнение Хрущева не совпадало с мнением руководства республики, которое стремилось сохранить пастбища Казахстана как основу кормовой базы животноводства. По настоянию Хрущева произошла смена руководства республики. Вместо Ж. Шаяхметова первым секретарем ЦК Компартии Казахстана был назначен П.К. Пономаренко, правительство республики возглавил Д.А. Кунаев.

С 23 февраля по 2 марта 1954 г. проходил пленум ЦК КПСС, принявший постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». В материалах пленума было обозначено, что важным и совершенно реальным источником увеличения производства зерна в течение короткого времени является расширение посевов зерновых культур путем освоения залежных и целинных земель в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и частично Северного Кавказа. Далее в материалах пленума отмечалось, что в этих районах имеются огромные массивы неиспользуемых земель с плодородными черноземными и каштановыми почвами, на которых можно выращивать высокие урожаи. В 1954 г. из 13 миллионов гектар целинных и залежных земель, которые подлежали освоению в целом по Советскому Союзу, на долю колхозов и совхозов Казахстана было установлено задание в 6300 тысяч гектар [294, 373].

В российском государственном архиве социально-политической истории в фонде 625 (фонд Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко) нами были обнаружены интересные материалы – статья «Битва за зерно» из американской газеты «Нью-Йорк таймс» за 2 ноября 1954 г. Перевод был сделан специально для П. Пономаренко. Приведем выдержку из этой статьи.

«Лица, занимающие высокие посты в кремлевской иерархии любят мыслить большими категориями огромных проектов, включающих сотни тысяч или миллионы людей. Время от времени неудачи прерывают эти возвышенные мечтания, и резкие

Репозиторий КарГУ

обвинения в гигантомании наполняют московскую атмосферу. Но это скоро проходит, и рождаются новые «восхитительные» проекты.

Последний из этих претенциозных планов был разъяснен П.К. Пономаренко. Он указывает, что сейчас эта центральноазиатская республика (имеется в виду Казахстан) должна утроить свои посевные площади и производство зерна к концу 1956 г. В течение 1954-1955 гг. около 50 миллионов акров целинных и залежных земель, которые сейчас пустуют, или используются в качестве пастбища, должны быть вспаханы и засеяны. В течение этого процесса, по меньшей мере, несколько сот тысяч людей будут, очевидно, перемещены из Европейской России в Казахстан, продолжая, таким образом, вторжение русских и украинцев на земли, некогда принадлежавшие туземному казахскому народу. В основном эти земли являются засушливыми и полузасушливыми, где посевам каждый год угрожает страшная опасность засухи. Мы здесь, в США, по собственному опыту знаем высокую стоимость вспашки сухих земель под пшеницу, когда наблюдаются пылевые бури в результате повторения периодов без дождей. Если не будет дождей в 1955-1956 гг., то господин Пономаренко может оказаться в положении разоблаченного «диверсанта» и кампания против гигантомании начнется снова» [300, 499-500].

Американские журналисты являлись не единственными и далеко не первыми оппонентами массовой распашки земель в Казахстане. Вопрос о возможной распашке казахстанской целины муссировался еще в начале XX века чиновниками Переселенческого Управления, затем новый бум возник в 1920-е гг. накануне сплошной коллективизации.

В этот период в печати развернулась дискуссия по поводу судеб казахского кочевого хозяйства и перспектив земледелия на аридных пространствах республики. К таким публикациям можно отнести статьи А.Н. Донича, И.В. Ларина, А.А. Рыбникова, М.Г. Сириуса, А.Н. Челинцева, К.А. Чувелева, С.П. Швецова и др.[301, 212-223]. Так, М.Г. Сириус в своих трудах утверждал, что «в аридных районах Казахстана рентабельность сухого земледелия при данном уровне развития производительных сил крайне проблематична» [302, 36].

Репозиторий КарГУ

В периодике 1920-1930-х гг. неоднократно звучала мысль, что сама природа Казахстана, ее естественные и климатические условия ставят некоторые пределы для форсированного развития зерновой производства. Вся огромная территория Казахстана, простирающаяся к югу от изогиеты в 250 миллиметров, самой природой предназначена только для развития животноводства [303, 52].

Представитель Наркомата земледелия К. Султанбеков еще в 1927 г. предостерегал от форсированного и непродуманного развития зернового хозяйства, предупреждая, что это неизбежно приведет к кризису скотоводства [304, 11].

Аридные пространства Казахстана занимают абсолютное большинство земельных угодий Казахстана (в сумме на них приходится 181 миллион гектар или 66,2 % всей площади республики). А если принять во внимание степень возможной засушливости, то к ним можно отнести почти все 100 % площади, за исключением горных районов юго-восточного Казахстана [301, 203].

Уровень развития агрикультуры в 1950-е гг. кардинально не отличался от 1930-х гг., за исключением более широкого использования в 1950-е г. машинной техники (тракторов, комбайнов и т.п.) и незначительного уменьшения доли ручного труда в аграрном секторе. Поэтому для столь масштабного освоения целинных и залежных земель требовалась значительная подготовительная работа по тщательному выявлению и отбору пахотопригодных земель, работа институтов и лабораторий по созданию рациональной системы земледелия, селекционная работа по созданию морозо- и засухоустойчивых сортов пшеницы, материально-техническому обеспечению целины, жилищному строительству, подготовки кадров т.п. Однако никакой подготовительной работы проведено не было, как и в предшествующие периоды советской истории, эта реформа носила характер чрезвычайной кампании. Механизм практической реализации этого проекта стал разворачиваться во всю мощь. Система уже в который раз поступала по принципу: «ввяжемся в бой, а там посмотрим».

Архивные материалы позволяют отследить рвение партийного и государственного синклита по выполнению данной

Репозиторий КарГУ

программы. В фонде П.К. Пономаренко нами обнаружена докладная записка, позволяющая проследить давление центра на руководство Казахстана по вопросу определения потенциала пахотопригодных земель в крае. В ней обозначено, что «исчисление пахотоспособных земель в Казахстане велось таким образом, что их количество с течением времени уменьшалось, хотя по всем законам количество их должно увеличиваться вместе с ростом техники и агрономии. Вот некоторые данные. Земельный баланс Госземтреста 1931 г. определил наличие пахотоспособных земель в Казахстане в 41 миллион 345 тысяч гектаров; экспликационная комиссия Наркомзема КазССР 1932 г. насчитывала 40 миллионов 596 тысяч гектаров; экспликация отдела землеустройства Наркомзема Казахской ССР 1937 г. – 37 миллионов 980 тысяч гектаров. По данным сектора учета Наркомзема Казахской ССР в 1938 г. в Казахстане имелось 25 миллионов 800 тысяч гектар пахотоспособных земель.» Также в записке обозначено, что «правильный методологический подход к оценке количества пахотоспособных земель и конкретный опыт развития земледелия приводят к непоколебимому выводу, заключающемуся в том, что Казахстан обладает огромными потенциальными возможностями развития земледелия. Устойчивое количество пахотоспособной земли – 30 миллионов гектаров может быть прокорректировано только в сторону повышения. Всего же земель, которые можно использовать – 47 миллионов 500 тысяч гектаров, цифра, близкая к начальной цифре 1931 г.» [305, 549-550].

Реляции подобного рода определяли масштабы и темпы целинной кампании. Зимой (это ли не факт, подтверждающий чрезвычайный характер кампании) 1953-1954 гг. в отдаленные районы Северного Казахстана выезжали экспедиции и землеустроительные бригады с целью обследования и определения земельных участков, подлежащих освоению.

30 марта 1954 г. для исполнения решений февральско-мартовского пленума ЦК КПСС было принято постановление Совета Министров Казахской ССР и ЦК Компартии Казахстана «О мерах помощи районам со стороны научных учреждений республики в отборе целинных и залежных земель для освоения в 1954-1955 гг. и в соблюдении агротехники, обеспечивающую высокую урожайность» [306, 212-214].

Репозиторий КарГУ

Начался масштабный процесс выявления, отбора и обследования целинных земель. Академия наук республики направила на землеустройство десятки комплексных экспедиций и отрядов [307, 88]. Только сотрудниками института почвоведения АН Казахской ССР в 1954 г. было выявлено 22,6 миллионов гектар пахотопригодных земель. В результате работы около десятка различных учреждений по обследованию и выявлению земель (Академия наук СССР, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, сельскохозяйственная академия им. Тимирязева и т.п.), подлежащих освоению, было отобрано около 40 миллионов гектаров земли. Итак, полученный результат совпал с обозначенным выше заданием партии и правительства. Такое совпадение не было случайностью, направление деятельности научных учреждений также строго определялось и регламентировалось интересами системы.

По постановлению ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР от 5 мая 1954 г. «Об увеличении производства зерна в 1954-1955 гг. за счет освоения целинных и залежных земель в колхозах и совхозах республики» предполагалось увеличить посевы на вновь осваиваемых землях в 1954 г. в колхозах на 550, совхозах – на 105 тысячах гектаров, в 1955 г. в колхозах на 3550 тысячах, совхозах – на 2063 тысячах гектаров [303, 221].

Чрезвычайный характер целинных мероприятий исключал всякую возможность не только подготовительного этапа в проведении реформ, данный крупномасштабный проект даже не был экономически проработан. Волюнтаристский подход при проведении данных реформ обрекал их на множество тактических ошибок, приводя к стратегическим просчетам.

Государство направило на осуществление этого проекта всю свою мощь – финансовую, техническую, трудовую. Сравнить расходы из государственного бюджета в сельское хозяйство Казахстана в период 1940-1950-х гг. мы можем по таблице 22 [187, 351].

Итак, по данным таблицы мы видим, что рост капиталовложений в аграрный сектор заметно опережал рост вложений бюджета в народное хозяйство вообще. Происходило значительное увеличение расходов в сельское хозяйство в 1950 г.

Репозиторий КарГУ

по сравнению с 1940. Рост составил 347 %. В последующие годы бюджетные вложения в сельское хозяйство увеличивались на 8-19 % ежегодно. Но рост бюджетных вложений в аграрный сегмент в 1955 г. превысил все предшествующие и последующие вложения в период 1940 – 1960-х гг. В 1955 г. вложенные в аграрный сектор средства по сравнению с 1940 г. возросли в 18 раз, в сравнении с 1950 – в 5, с 1953 – в 4 раза, с 1954 – более чем в 2 раза.

Таблица 22 – Расходы из бюджета в сельское хозяйство КССР в 1940-1956 гг.

	1940 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.
Всего расходов (в млн. руб.):	1644,9	3936,7	4155,6	4168,0	4349,2	6758,6	10292,8	11256,2
В %:	100	239	252	253	264	411	626	684
По отраслям хозяйства: Сельское хозяйство (в млн.руб.)	250,6	869,4	903,7	922,3	970,3	2062,9	4572,2	2914,1
В %:	100	347	360	368	387	823	1824	1162
В % (ко всем расходам):	15	22	22	22	21	30	44	26

Вложения увеличились с 970,3 миллионов рублей в 1953 до 2062,9 миллионов рублей в 1954 г., составив третью часть расхода бюджета и до 4572,2 миллионов рублей в 1955 г., составив почти половину расходной части бюджета. В принципе, это было явлением беспрецедентным: в 1940-х – начале 1950-х гг. из расходной части бюджета на аграрный сектор шло не более 15-22 % (см. таблицу 22).

За целинный период была значительно укреплена материально-техническая база сельского хозяйства путем увеличения капитальных вложений, расширения парка тракторов, комбайнов и других машин. С 1954 по 1958 гг. промышленность поставила сельскому хозяйству 664 тысячи различных тракторов (или более 1 миллиона тракторов в переводе на 15-сильные), 361 тысячу зерновых комбайнов и большое количество других сельскохозяйственных машин. С 1953 по 1958 гг. энергетические мощности сельского хозяйства возросли в полтора раза [185, 182-183]. Заказы целины на высокопроизводительную технику выполняли сотни заводов. Около 100 предприятий Украины изготавливали машины и оборудование для целины, техника шла

Репозиторий КарГУ

из Москвы и Московской области, Ленинграда, Волгограда, Челябинска, Минска, Ростова-на-Дону, Сибири, Прибалтийских республик и т.д. В Казахстане сельскохозяйственную технику и преимущественно запасные части к ним производило более 50 предприятий.

В 1955 г. при плане 7,5 миллионов гектаров было вспахано 9,4 миллионов гектаров целинной нови, а за 2 года (1954-1955 гг.) было поднято 17,9 миллионов гектаров (вместо 15,3 миллионов по плану). Наибольшее количество земель было освоено в Кустанайской области – 3,8 миллиона гектаров, Акмолинской – 3,3 миллиона га, Кокчетавской – 2,3 миллиона, Павлодарской – 2,2 миллиона гектаров [308, 83]. Уже в 1954 г. за счет освоения новых земель посевная площадь в колхозах и совхозах увеличилась на 1,7 миллионов га, производство зерна выросло на 35 %. Республика сдала в 1954 г. государству 238,6 миллионов пудов хлеба, что на 98 миллионов пудов больше, чем в 1953 г. Посевные площади зерновых культур выросли до 16,4 миллионов гектар, вместо 8,4 миллионов га в 1954 г.

В 1955 г. в Казахстане разразилась сильная засуха, подобно которой не отмечалось десятки лет. Урожайность зерновых была крайне низкой – 2,9 центнера с гектара [309, 7]. В целинных совхозах урожайность составила 1,5-2 центнера с гектара [310, 89]. И хотя, в целом, посевные площади зерновых культур в 1955 г. увеличились почти в 2 раза (с 8372,5 тысяч гектаров до 16217,6 тысяч), валовой сбор зерна в этом же году не только не возрос, а даже уменьшился на 40 % – с 76318 тысяч центнеров до 47187 тысяч центнеров (см. таблицу 23).

Валовой сбор дал лишь 272 миллиона пудов, в результате чего республика сдала государству лишь 103 миллиона пудов хлеба, из них 80 % хлеба с целинных земель [311, 83-87]. В этот год в совхозах Казахской ССР погибло зерновых культур на площади 1272 тысячи гектаров, что составляло 20,9 % общей площади зерновых культур [310, 89].

В отчетах хозяйственников отмечается ряд причин такого состояния зерновой отрасли. Кроме засухи, в качестве основного фактора называется «проведенная наспех вспашка из-за больших площадей, так как совхозы получили задания по сверхплановому посеву без наличия подготовленных земель». В этих документах отмечается, что «целину поднимали наспех, как правило, по

Репозиторий КарГУ

неразделенным пластам, без нормальной заделки семян производили посев, поэтому на большей части этих площадей не получили даже всходов» [313, 89]. Кроме того, из-за неорганизованности, недостаточного количества и неудовлетворительного использования машинной техники, уборка зерновых культур производилась до конца октября. Затягивание уборки на 40-50 дней, а были зафиксированы случаи продления уборки до 75 дней, приводило к массовым потерям урожая [314, 168-169].

Летом в 1955 г. только в Кокчетавской области погибло зерновых культур на площади 123,3 тысячи гектаров. На 1 октября того же года в совхозах Кокчетавской области было неубрано зерновых культур на площади 140 тысяч гектаров. Понятно, отмечается в этих материалах, что большая часть урожая с них погибла [315, 94].

Засуха 1955 г. обнажила проблемы не только целинной кампании – ее недостаточную подготовленность, отсутствие научных расчетов, прогнозов, ее слабую материально-техническую базу, несмотря на кажущуюся масштабность таких работ, и т.д., но и в целом проблемы экстенсивной модели аграрного развития СССР. И все просчеты и ошибки 1955 г. были типичны для всех последующих лет.

Несвоевременный и некачественный ремонт тракторов, их недостаточное количество, проблемы с горюче-смазочными материалами и т.п. приводили к затягиванию сроков сева, уборки и других полевых работ. Уборка продолжалась более 2,5 месяцев. В 1959 г. в республике остался нескошенным и неубранным хлеб на площади в 1 миллион 618 тысяч гектар [316, 46].

Однако подобные цифровые материалы не всплывали в официальных отчетах, докладах и т.п. Лишь победные реляции могли сопровождать течение этого крупномасштабного проекта.

Реализованная на практике экстенсивная модель решения проблемы дефицита зерна позволила на некоторое время снять остроту в этом направлении. Опубликованные статистические материалы позволяют более детально рассмотреть данный вариант решения проблемы.

Резкое увеличение посевных площадей под зерновыми культурами произошло в первые целинные годы – 1954-1956: в

Репозиторий КарГУ

1954 г. – на 19 %, в 1955 – на 131, в 1956 г. – на 220 % по сравнению с доцелинным 1953 г. Самым благоприятным для хлеборобов республики в исследуемый период стал 1956 г. Урожайность зерна поднялась до 10,6 центнеров с гектара, хотя все равно не достигла запланированной для целины планки в 14-15 центнеров с гектара. Такой урожайный год за 25 лет (с 1940 по 1965 гг.) был единственный. Валовой сбор зерна в 1956 г. в 4,4 раза превысил валовой сбор 1953, в 3,1 раза валовой сбор 1954 и в 5 раз – 1955 г. В последующие 1950-1960-е гг. существенной динамики ни в количестве посевных площадей, ни в валовом сборе, ни в государственных закупках не отслеживалось. Итак, посевные площади, отведенные по зерновые культуры, возросли с 1953 по 1964 гг. в 3,5 раза (с 7010,3 тысяч гектаров до 24415,2 тысяч гектаров), а среднегодовой валовой сбор зерна за период 1961-1965 гг. вырос по сравнению со среднегодовым 1951-1955 гг. в 3 раза.

Динамику посевных площадей, урожайности, валового сбора и государственных закупок зерновых культур мы можем отследить по таблице 23 [172, 105].

За период 1950-1960-х гг. урожаи зерновых колебались от 2,9 центнеров с гектара (1955 г.) до 10,6 (1956 г.). Средняя урожайность в данное десятилетие составила 7,35 центнеров с гектара и была практически одинаковой как в 1954-1958 гг. (7,3 центнеров с гектара), так и в 1959-1964 гг. (7,4 центнеров с гектара). Наиболее урожайными были 1956 (10,6 центнеров с гектара), 1958 (9,4 центнеров с 1 га) и 1964 (9,8 центнеров с 1 га) гг. (см. таблицу 23).

Валовое производство зерна в благоприятные годы достигало 1,3 – 1,4 миллиард пудов, в неблагоприятные годы – снижалось до 500 – 600 миллионов пудов. Такая нестабильность в зерновом производстве, по мнению специалистов, была «свидетельством низкой культуры земледелия» [317, 19].

Структуру посевных площадей в Казахстане во всех категориях хозяйств мы можем проследить по таблице 24 [172, 109-110].

Итак, в течение 1955-1965 гг. структура посевных площадей земледельческих культур в Казахстане существенно не изменилась с 1950 г. Доминирующее место по-прежнему занимали зерновые культуры (77-79 %), затем шли кормовые культуры (17-20 %),

Репозиторий КарГУ

незначительно уменьшилась площадь технических культур (с 2,2 до 1,2 %) и небольшой объем был отведен картофелю и овощебахчевым культурам (менее 1 %).

Таблица 23 – Динамика основных показателей аграрного производства КССР

Годы	Посевная площадь зерновых культур (тыс. га)	Урожай-ность зерна (ц. с 1 га)	Валовый сбор зерна (тыс. т)	Государст-венные закупки (тыс. т)
В среднем за 1946-1950 гг.	5452,8	5,6	3090,4	1546,5
1952 г.	6653,5	5,5	3662,4	1514,2
1953 г.	7010,3	7,7	5425,0	2388,6
1954 г.	8372,5	9,1	7631,8	3995,5
1955 г.	16217,6	2,9	4718,7	1714,5
В среднем за 1951-1955 гг.	8928,1	5,9	48 06,7	2194,1
1956 г.	22435,0	10,6	23769,1	16130,5
1957 г.	22752,9	4,6	10542,0	4779,0
1958 г.	23200,6	9,4	21952,2	14799,6
1959 г.	21832,6	8,6	18974,8	11469,5
1960 г.	21932,7	8,5	18693,2	10513,4
В среднем за 1956-1960 гг.	22430,8	8,3	18786,2	11538,4
1961 г.	21983,9	6,6	14587,2	7505,6
1962 г.	24571,8	6,5	15888,4	8214,9
1963 г.	24173,7	4,4	10592,4	4788,6
1964 г.	24415,2	9,8	23850,0	15425,1
1965 г.	24297,3	3,1	7595,1	2371,5
В среднем за 1961-1965 гг.	23888,4	6,1	14502,6	7661,1

В ходе освоения целины Северный Казахстан превратился в крупную зерновую базу. Если в 1953 г. здесь засевалось 6,7 миллионов гектаров пшеницы (3,4 % всех пахотных земель СССР), то к 1964 г. площадь пашни возросла в 3,3 раза, составив 21,9 миллионов гектаров (9,9 % пашни СССР). За десятилетие площадь посевов всех зерновых культур увеличилась в регионе в 4,1 раза, а посевы основной товарной культуры – яровой пшеницы возросли в 4,8 раза. Государственные закупки увеличились более чем в 5,5 раз и достигли в среднем за 1954-1958 гг. 5,73 миллионов тонн. По объемам заготовок зерна Северный Казахстан уступал в эти годы только Украине и Западной Сибири [318, 72-73,106-107].

Репозиторий КарГУ

Таблица 24 (в %) – Структура посевных площадей в КССР в 1955-1965 гг.

Виды посевов	1955 г.	1960 г.	1965 г.
Вся посевная площадь	100	100	100
Все зерновые культуры (в том числе):	79,1	77,2	79,9
Пшеница озимая	2,1	2,6	2,6
Пшеница яровая	56,8	60,9	58,9
Рожь озимая	2,1	1,0	0,8
Кукуруза на зерно полной спелости	0,5	0,3	0,1
Ячмень яровой	5,0	5,4	12,3
Овес	5,2	3,8	1,2
Просо	7,3	3,0	2,4
Гречиха	0,0	0,0	0,4
Рис	0,1	0,0	0,1
Технические культуры (в том числе):	2,2	1,2	1,2
Хлопчатник	0,3	0,1	0,1
Сахарная свекла (фабричная)	0,1	0,2	0,2
Подсолнечник	1,3	0,5	0,3
Лен-кудряш	0,2	0,2	0,3
Картофель	0,8	0,6	0,6
Овощи	0,2	0,2	0,2
Кормовые культуры	17,5	20,7	18,0

В рассматриваемый период 90-95 % мировых посевных площадей, отводимых под хлебные злаки, занимали мягкие пшеницы. Особая ценность зерновых культур целинных районов заключалась в том, что здесь выращивали твердую пшеницу, ее сильные сорта, отличающиеся высоким содержанием белка. Чтобы понять преимущества твердой пшеницы достаточно знать, что из одного центнера муки, произведенной из зерна с низкими технологическими качествами, выпекают 91 килограммов хлеба, из такого же количества муки сильного зерна – 115 килограммов, 20-30 % сильной пшеницы, добавленной к слабому зерну, уже позволяет получить качественный хлеб [80, 270-271].

Во многом благодаря целине по содержанию белковых веществ в пшенице СССР стал занимать первое место в мире: содержание белка в пшенице составляло 18,5 %, в США – 17 %, в других странах еще меньше. Северные области Казахстана давали пшеницу с максимальным содержанием белка до 20,5 % [319, 54].

Репозиторий КарГУ

В годы Великой Отечественной войны посевы твердой пшеницы в Казахстане выросли до 17-18 %, перед войной они составляли 13 %. В 1940 г. посевные площади твердой пшеницы в Казахстане составляли 563 тысячи гектаров. В 1950 г. твердая пшеница занимала 315,7 тысяч гектаров (9 % к общей площади яровой пшеницы) [320, 73-75].

Удельный вес посевов твердых и сильных сортов пшеницы в 1958 г. составил лишь 15 % [321, 7]. Если соотнести данный показатель с общими посевами зерновых культур, то к 1958 г. общая площадь посевов, отведенных под сильные и твердые сорта пшеницы, составит в абсолютных показателях более 3200 тысяч гектаров. Таким образом, площадь посевов под высокотехнологичными сортами зерновых выросла по сравнению с 1950 г. в 10 раз.

За 1953-1955 гг. в Казахстане было создано 337 целинных зерновых совхозов, из них 250 – только в 1955 году [322, 87]. За пять лет (1953-1957 гг.) появилось 573 новых совхоза, а в 1958 г. насчитывалось 876 совхозов всех видов. Они имели 84 миллиона гектаров земли, в том числе 18 миллионов пашни. Площадь пашни увеличилась за пять лет с 1,9 миллиона гектаров до 17,8 миллионов гектаров. Если в 1953 г. они сдали государству 25 миллионов пудов хлеба, то в 1958 – 625 миллионов или 65,8 % от общих заготовок в республике [323, 41].

В материалах пленумов ЦК КПСС отслеживается явная тенденция подтвердить и доказать правильность фарватера политики партии и правительства в аграрном секторе. В частности, здесь приводятся цифры, демонстрирующие, что расходы государства на строительство целинных совхозов с лихвой окупились. За 1954-1959 гг. государство вложило в освоение целинных земель 20 миллиардов рублей, а товарной продукции хлеба из районов целинных земель в государственный бюджет поступило на 31 миллиард рублей [324, 189]. Кроме того, целинные совхозы, согласно официальной версии, давали самое дешевое зерно. Себестоимость 1 центнера в совхозах Акмолинской области за четыре года в среднем составила 37 рублей 73 копейки, а в Федоровском районе Кустанайской области и того меньше – 25 рублей 75 копеек [325, 41].

Репозиторий КарГУ

Данный тезис развивают практически все исследователи советского периода. В частности С. Баишев пишет, что «освоение новых земель в Казахстане стало крупнейшей и экономически выгодной акцией: за 25 лет (1954-1979 гг.) государству продано почти 250 миллионов тонн зерна, что составляет 15,5 миллиардов пудов. За это время все затраты государства на сельское хозяйство республики составили 21,1 миллиард рублей, а налога с оборота от продажи хлеба получено 27,2 миллиарда рублей, то есть страна получила 6,1 миллиарда чистой прибыли» [326, 161].

Несколько иной точки зрения на этот счет придерживается Ж. Абылхожин, считая, что аспект экономической целесообразности трудно иллюстрируется, ибо многие факторы рентабельности зернового производства статистика игнорировала или выводила за рамки действовавших методик. «Поэтому, – констатирует он, – вряд ли точно кто знает, какова действительная цена экономических издержек легендарных казахстанских миллиардов» [79, 273].

Действительно, за 1956-1980 гг. государственные капитальные вложения в сельское хозяйство республики составили 44 миллиарда 702 миллиона рублей [327, 35]. Но необходимо учитывать, что государство продавало технику и другие материалы по сниженным ценам, а закупочные цены на продукцию сельского хозяйства несколько раз поднимались, кроме того, ежегодно на целине использовалась огромная масса «дармовых» трудовых ресурсов: студенчество, школьники, рабочие-горожане, солдаты срочной службы и т.д. Также был весьма значительным расход энергетических затрат – горюче-смазочных материалов в связи с отдаленностью хлебных полей от зернотоков. Средняя урожайность за двенадцать лет с 1954 по 1965 гг. составила 7 центнеров с гектара (см. таблицу 23), тогда как вкладывалось в целинный гектар в качестве семенного материала 1-2 центнера. И еще, если учесть огромные потери зерна во время уборки, транспортировки, хранения и т.п., то тезис об экономической целесообразности целины становится весьма сомнительным.

В архивных фондах обнаруживается множество свидетельств, подтверждающих экономические просчеты целинной кампании. Однако они не были опубликованы, чтобы не «портить» картину благополучия на целине. И естественно, что ни

Репозиторий КарГУ

хозяйственники, ни статистические органы, ни ученые не занимались общими подсчетами потерь и убытков на целинной ниве. При этом они руководствовались принципами типа «цель оправдывает средства», «победа спишет все» и т. п.

Целинная эпопея форсировала создание новых совхозов, причем зачастую целесообразность их создания не просчитывалось экономически. В наследство от целины республика получила неперспективные и депрессивные населенные пункты. Непродуманное размещение населения привело к тому, что за первые два года нового третьего тысячелетия в РК самоликвидировалось около трехсот населенных пунктов [328].

Одной из серьезных проблем целины было то, что многие зерновые хозяйства создавались на малопродуктивных землях. Долгое время такие хозяйства были убыточными и существовали за счет дотаций государства. Только в 1960 г. совхозы республики вместо запланированных прибылей в сумме 478,2 миллиона рублей получили 1018,9 миллиона рублей убытка [329, 52]. В 1963 г. в республике убыточными были около 500 хозяйств – 394 совхоза и 106 колхозов (около 22 % от всех хозяйств). Из 394 совхозов – 171 были организованы на базе колхозов, 137 – новых, целинных совхоза и остальные 86 из числа старых. Причем максимальное количество отстающих хозяйств было в целинном крае – 215 (27 % от всех хозяйств целинных районов) [330, 85-87].

Еще один частный пример. В Карагандинской области в Осакаровском районе в 1954 г. был создан целинный совхоз «Родниковский». Из прибывших в этом году 232 целинников (в том числе 169 механизаторов) осталось к 1959 г. 37 человек. Из прибывших в 1959 г. через год выбыл 71 человек. Такая значительная текучесть кадров (58-79 %) была связана с отсутствием нормальных жилищных и социально-бытовых условий и т.п. На 140 комбайнов, имевшихся в совхозе, приходилось 58 комбайнеров. Ремонтные работы техники не осуществлялись. За 1955-1960 гг. количество комбайнов снизилось на 65 единиц, из оставшихся – 39 машин оказались разукомплектованными. Количество тракторов уменьшилось на 113, из 31 зерноочистительной машины 13 вышли из строя. Ущерб, нанесенный совхозу, исчислялся суммой в 690 тысяч рублей. В 1958 г. под снегом осталось 4 тысячи гектаров с хлебом. На 1

Репозиторий КарГУ

ноября 1959 г. в совхозе не было убрано 3,4 тысячи гектаров хлеба хорошего урожая. После интенсивного снегопада уборка прекратилась [331, 6-9].

Это, к сожалению, были не единичные примеры бесхозяйственности, нерационального отношения к производству. Экстенсивная модель аграрного развития требовала для более или менее стабильного функционирования все больших и больших вложений. А властные структуры в лице партийно-советских органов требовали в отчетности показателей, адекватных вложениям, выполнения все растущих плановых заданий. Нереальность их выполнения, партийные взыскания, потеря чинов, должностей за невыполнение плановых заданий с одной стороны и различные льготы, премии, награды за их выполнение с другой, рождали приписки, фальсификацию в отчетах руководителей предприятий, районов, областей. В основных зерновых областях зафиксированы приписки, недостача и порча зерна: из урожая 1958 г. – в размере 1184,2 тысячи тонн, 1959 г. – 159 тысяч тонн, 1960 – 143 тысячи тонн. Всего за 3 года – 1486, 2 тысяч тонн [332, 172]. Это учтенные данные. Можно предположить насколько значительную цифру составляют неучтенные данные.

По материалам проверок в 1961 г. выяснилось, что приписки по сдаче хлеба в течение ряда лет во многих областях носили систематический характер. В частности, только в 1958 г. Павлодарская область, отрапортовавшая о сдаче 155 миллионов пудов зерна, фактически сдала его 133,6 миллиона пудов. Таким образом, 21,4 миллиона пудов оказались фикцией, то есть 17 % общей сдачи. Причем приписки осуществлялись при продаже не только зерна, но и шерсти, молока, мяса и другой продукции [333, 9-10].

Однако даже масштабные фальсификации не решали проблему выполнения завышенных планов. Только в 1958 г. задание по сдаче и продаже государству зерна не выполнили 51 район из 204 сельских районов республики (25 % от общего числа), в 1959 г. – 83 района (40 %); по сахарной свекле в 1958 г. – 9 районов, в 1959 – 23; хлопка-сырца в 1958 г. – 12, в 1959 – 3 района; мяса в 1958 г. – 51 район; молока в 1958 г. – 52, в 1959 – 72 района [334, 21].

Экстенсивные методы решения зерновой проблемы на некоторое время оттянули обострение кризиса в аграрном

Репозиторий КарГУ

сегменте. Ж. Абылхожин считает, что «в известном смысле целина сыграла роль фактора, сработавшего на реанимирование входившей в состояние комы системы, оттянув ее агонию еще на долгие годы» [79, 267].

Массовая распашка целинных земель привела к значительным экологическим проблемам. В годы целины (1957-1958 гг.) в результате беспрецедентных распашек начались пыльные бури на легких почвах в Павлодарской области, а в начале 1960-х гг. процессы дефляции (выдувания почв) охватили земли всего целинного региона. К 1960 г. в Северном Казахстане было подвержено ветровой эрозии более 9 миллионов гектаров почв, что равнялось тогда примерно всей сельскохозяйственной площади Франции [79, 271].

Кроме того, целина породила ряд негативных социально-демографических последствий. Обширные миграционные потоки из европейской части СССР привели к тому, что удельный вес титульного этноса в национальной структуре населения Казахстана снизился до 30 %, в результате возникла объективная угроза языку, социокультурным институтам и всей системе жизнеобеспечения казахского этноса. А это не могло не отразиться на всем комплексе межнациональных отношений, порождая здесь взрывоопасные проблемы и ситуации [79, 277].

Целина в тот период не оправдала себя экономически, создала значительные социальные, этнодемографические, экологические проблемы. Однако, по нашему мнению, в целом для Казахской ССР в процессе освоения целины преобладали положительные моменты. Целина сыграла огромную роль в создании в регионе обширной социальной и производственной инфраструктур, возникновении новых и расцвете старых городов.

Также позитивы итогов целины заключались в огромном потоке капиталовложений, которые аграрный сектор республики, находясь на периферии и как второстепенный сегмент экономики, и территориально, не получил бы никогда, если бы не целинная кампания. Этот компонент позволил выйти аграрному сектору Казахстана на если не качественно, но хотя бы количественно новый уровень. Крупные вложения в аграрный сектор республики способствовали, пусть даже временному, его заметному оживлению.

Репозиторий КарГУ

Выступая на праздновании 50-летия целины, Президент РК Н. Назарбаев сказал: «Время показало, что освоение целины было оправданным. Хлебное поле Казахстана не только полностью обеспечивает страну хлебом, но и вывело республику в десятку мировых экспортеров зерна» [335, 2]. Действительно, благодаря трудовым достижениям первоцелинников Казахстан стал крупнейшим производителем зерна. За 50 послецелинных лет валовой сбор пшеницы в Казахстане составил более 640 млн. тонн, почти по 13 млн. тонн зерна в год. На сегодняшний день Казахстан поставляет высококачественное зерно в сорок государств мира [328, 2].

Целинная кампания, ставшая одним из крупнейших проектов в аграрной политике Н.С. Хрущева, была не единственным компонентом его «нового курса». Одной из составных частей этого курса являлось расширение посевных площадей и масштабное распространение технических «чудо- культур». По мнению Н. Хрущева, следовало изменить структуру посевов зерновых, резко увеличив удельный вес кукурузы, малоизвестной к тому времени и распространенной в незначительной степени в СССР. Сравнивая сельскохозяйственное производство в США и СССР, Н. С. Хрущев писал, что удельный вес посевов кукурузы в СССР составляет 3,6 % от всех зерновых, тогда как в США – 36 %. Этим в значительной степени, по его мнению, объяснялась высокая урожайность всех зерновых культур в США (17,3 центнеров с гектара), так как урожайность кукурузы в США с каждого гектара более чем в 2 раза превышала урожайность пшеницы и овса [336, 208].

Свое отношение к кукурузе Н. Хрущев сформулировал очень четко: «Кукуруза, товарищи, – это танк в руках бойцов, я имею в виду колхозников; это танк, который дает возможность преодолевать барьеры на пути к созданию изобилия продуктов для нашего народа» [336, 212]. «Нашей ли рати коммунистической и комсомольской, советской бояться трудностей освоения таких могучих культур как кукуруза и сахарная свекла, которые сделают буквально переворот в производстве продуктов животноводства!» – подчеркивал он неоднократно в своих выступлениях [336, 78].

Считалось, что в колхозах и совхозах кукуруза будет давать по 500-600 центнеров зеленой массы с гектара, а в районах недостаточного увлажнения – примерно 300 центнеров. Вскоре под

Репозиторий КарГУ

давлением партийно-государственного аппарата произошли изменения в структуре посевных площадей в СССР. Земли, отведенные под кукурузу, увеличились с 18 миллионов гектаров в 1956 г. до 37 миллионов в 1962 [336, 498]. «Королеву полей» сеяли на огромных пространствах СССР – от Кубани, Ставрополья и Средней Азии на юге до Архангельской области на севере. Площади земель под кукурузу превзошли тот объем пашни, который был введен в сельскохозяйственный оборот в ходе освоения целины. Под кукурузу по рекомендации вышестоящих органов стремились отводить лучшие земли, те поля, которые прежде отводились под традиционные зерновые культуры – пшеницу и рожь.

Во исполнение данных директив 13 февраля 1959 г. ЦК Компартии Казахстана и Совет Министров КССР приняли постановление «О мерах по увеличению кукурузы». Однако проверки по исполнению данного постановления давали неутешительные сведения. Кукуруза не приживалась в Казахстане и роли, отводимой ей по партийным документам, не занимала. Сеяли ее формально, для отчетности. В 1959 г. посевы кукурузы довели до 1348 тысяч гектар, что составило 6 % от посевной площади зерновых культур. К 1960 г. под кукурузу было отведено 1952,2 тысячи гектар. В 1962 г. планировали довести посевы кукурузы до 4500 тысяч гектар [337, 158]. Однако даже в 1965 г. посевные площади едва достигали 2290 тысяч гектар (7,5 % общей посевной площади), что составляло лишь половину планируемого роста [172, 107]. Посевные площади кукурузы в республике выросли в 1965 г. по сравнению с 1940 в 249 раз, с 1950 – в 50, с 1955 – почти в 3, с 1960 – в 1,2 раза. Но вместо ожидаемой средней урожайности в 300-600 центнеров получили всего 83 центнера с гектара, в некоторых хозяйствах урожай зеленой массы едва превышал 5 центнеров с гектара [338, 1].

Формальный подход к распространению кукурузы демонстрировали следующие факты. В ряде хозяйств допускались некачественные посевы кукурузы, использовались семена кукурузы в непротравленном и не откалиброванном виде, сев проводился в непрогретую почву. Проверка исполнения «кукурузной кампании» показала, что механизаторы были плохо знакомы с приемами квадратно-гнездового сева, что

Репозиторий КарГУ

свидетельствовало об отсутствии подготовительной работы. С целью стимулирования внедрения новых методов посева новой культуры – кукурузы, в колхозе имени В.И. Ленина Сайрамского района Джамбульской области была обещана премия в 1000 рублей каждому механизатору, который выполнит план квадратно-гнездового сева и получит правильные квадраты по всей площади [339, 35].

В 1959 г. бюро Северо-Казахстанского обкома партии шесть раз рассматривало вопросы по «кукурузной проблематике», но это, тем не менее, не сдвинуло ее с «точки замерзания» [340, 9]. В 1960 г. по республике был проведен «общественный смотр состояния посевов кукурузы». Итоги смотра обсуждались на партийных активах, собраниях рабочих совхозов и колхозников. Директивное распространение этой «чудо культуры» сопровождалось активной агитационно-пропагандистской работой, которой пытались компенсировать конкретные результаты производства – урожайность, валовой сбор и т.п. Доходило до курьезов. Так, например, в отчете Северо-Казахстанского обкома партии в ЦК КПК на полном серьезе сообщалось: «Создание общественного мнения вокруг вопросов, связанных с выращиванием кукурузы, позволило увеличить валовой сбор и снизить себестоимость заложенного силоса» [341, 9]. Цифровыми аргументами эта цитата, разумеется, не иллюстрировалась.

Таким образом, архивные материалы демонстрируют формальный характер очередной ударной кампании. Премии вручались не за результаты посевов, не за рекордные урожаи, а за «правильные квадраты по всей посевной площади». Временный кампанейский характер этих мероприятий был понятен всем: от руководящих работников до механизаторов. Отсюда соответственно, и формальное отношение к данным постановлениям, инструкциям, проверкам.

Значительную роль в сельскохозяйственном производстве играли технические и овощные культуры. Валовой сбор технических, овощных и кормовых культур прослеживается в материалах таблицы 25 [172, 132-133].

Данные таблицы демонстрируют значительный рост валового сбора кукурузы на силос и зеленый корм – десятикратный, причем, рекордный урожай выпал на 1964 г. и

Репозиторий КарГУ

составил 279438 тысяч центнеров. Эти результаты – последствия «кукурузной эпопеи». Также за десятилетие 1956-1965 гг. возросли валовые сборы сахарной свеклы – на 366 %; овощей – на 204 %; хлопка-сырца – на 201 %; картофеля – на 164 %; подсолнечника – на 151 %.

Увеличение капиталовложений в растениеводческую отрасль, рост парка тракторов и комбайнов способствовали в некоторой степени процессу восстановления аграрной структуры. В этом смысле целинная кампания, действительно, реанимировала аграрную структуру, находившуюся в глубочайшем кризисе, где в качестве основной санации выступили огромные капиталовложения в аграрный сектор Казахстана. Но они носили временный и разовый характер.

В отсутствии продуманной инвестиционной политики в аграрном сегменте (проблема его финансирования оставалась нерешенной, так как государство не решалось перенести на розничные цены прибыль, получаемую производителями с 1953-1954 гг.) повышению эффективности сельского хозяйства должны были способствовать две административные реформы, также являвшиеся частью «нового курса» экономической хрущевской политики.

Первая новация заключалась в ликвидации машинотракторных станций (МТС) и передачи техники (тракторов и сельхозмашин) в собственность колхозов, что предполагало ее лучшее использование. 28 марта 1958 г. ЦК Компартии Казахстана принял постановление «О постановлении февральского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» [306, 296-298]. С экономической точки зрения эта мера, несомненно, позволила многим колхозам улучшить организацию производства и поднять производительность труда; однако для других был более выгоден прокат техники, поскольку обеспечивал большую гибкость. Колхозы Казахской ССР купили у государства 33 тысячи тракторов, 20 тысяч комбайнов и много другой техники на общую сумму около 1,6 миллиардов рублей. На базе МТС в Казахстане было создано 209 ремонтно-технических станций [342, 221].

Данная реформа навязала всем колхозам немедленный выкуп парка МТС, что поглотило финансовые ресурсы колхозов,

Репозиторий КарГУ

образовавшиеся с 1954-1955 гг. благодаря повышению закупочных цен. Если некоторые колхозы-миллионеры извлекли выгоду из этой реформы, то слабые хозяйства, которых было подавляющее большинство, попали в критическое положение. Немедленная и обязательная ликвидация МТС имела и другие отрицательные последствия, в первую очередь, отток в города большого количества технических специалистов, которые не желали вливаться в состав колхозов, осознавая крайне тяжелое экономическое и социальное положение колхозников. Естественно, что в этих условиях оборудование и техника, оставшиеся без квалифицированного обслуживания, быстро выходили из строя.

Таблица 25 – Валовой сбор технических и др. культур в КССР в 1940-1965 гг.

	1940 г.	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.	Во всех категориях хозяйств в среднем за год	
						С 1956 по 1960 гг.	С 1960 по 1965 гг.
Хлопок-сырец тыс. ц.	635,4	619,9	427,2	489,1	857,1	576,5	697,6
В %	100	97	67	77	135	91	110
Сахарная свекла тыс. ц.	3846	5407	5280	11483	19299	10076	14922
В %	100	141	137	299	502	262	388
Подсолнечник тыс. ц.	235,0	313,7	358,6	380,5	539,9	510,0	390,2
В %	100	133	153	162	228	217	166
Картофель, тыс. ц.	3936	11583	6865	12649	11284	11222	11782
В %	100	294	174	321	287	285	299
Овощи, тыс. ц.	1674	1818	2853	3893	5832	3681	5524
В %	100	108	170	233	348	220	330
Кукуруза на силос и зеленый корм тыс. ц.	-	-	11813	154353	71462	81029	157211
В %	-	-	100	1307	605	686	1331

Исследователь Н. Верт считает, что в СССР в 1958-1961 гг. – впервые с конца 1920-х гг. – произошло сокращение парка сельскохозяйственных машин [100, 405]. Совершенно очевидно, что вышеуказанные факты не нашли отражения в официальных опубликованных материалах. Отследить сокращение парка

Репозиторий КарГУ

тракторов и комбайнов в республике в 1958-1961 гг. нам не удалось. Официальные статистические материалы свидетельствуют об обратном – количество сельскохозяйственных машин в КазССР росло на 25-95 % из пятилетки в пятилетку [343, 189-192]. Объяснение этого противоречия, на наш взгляд, достаточно простое. Это были первые годы целинной кампании, и никакие минусы не должны были портить картину полного благополучия на целинной земле.

Вторая реформа заключалась в очередном укрупнении колхозов, что должно было, по мнению Хрущева, привести к образованию мощных «колхозных союзов», способных стать началом подлинной индустриализации сельского хозяйства. Если в 1955 г. число сельскохозяйственных артелей в Казахстане составляло 2631, то к 1965 г. остался лишь 441 колхоз [172, 200]. Этот проект, возрождавший идею агрогородов и лежавшее в ее основе стремление ускорить социальное преобразование деревни через развитие социалистических аспектов образа жизни, требовал более крупных капиталовложений, чем те, которые были выделены аграрному сектору. Колхозы были не в состоянии участвовать в формировании данных капиталовложений из-за недостатка средств, вызванного в самодостаточных колхозах выкупом техники у МТС, а в слабых колхозах – их нерентабельностью, причем последних было подавляющее большинство. По мнению ряда исследователей, это стало «причиной неудачи первой серьезной попытки добиться реальной интеграции колхозного сельского хозяйства» [100, 403].

На январском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев говорил о необходимости дальнейшего развития животноводства и превращении Казахской ССР в крупнейшую животноводческую базу на Востоке страны, «которой она может и должна стать» [344, 68]. В этой связи в январе 1957 г. было принято постановление пленума ЦК Компартии Казахстана «О состоянии и мерах по дальнейшему развитию животноводства и, особенно, овцеводства в колхозах и совхозах Казахской ССР». В нем говорилось о необходимости всемерного развития животноводства в республике, и была обозначена задача – довести поголовье овец и коз в 1960 г. до 33,1 миллиона голов, в 1965 – до 50,8 миллионов голов [304, 270].

Репозиторий КарГУ

Роль и место Казахской ССР как животноводческой республики за период 1940-1960 гг. значительно возрастали. Если в 1941 г. общее поголовье скота в республике составляло лишь 6,3 % от общесоюзного стада, то в 1954 г. – уже 10,6 %, в 1959 – 11,8 %, а в 1964 – 14,6 % [345]. Причем в эти годы, за исключением лошадей, поголовье которых уменьшилось как в целом по стране, так и в Казахстане, прирост всех видов скота, в особенности овец и коз, был более значительным, чем в СССР в целом.

Восстановить численность стада «доколхозного» 1928 г. удалось лишь в 1958 г., когда общее количество скота перевалило за 29 миллионов голов. За данный период изменилась и структура стада. В 1953 г. мелкий рогатый скот (овцы и козы) составлял 74 %, крупный рогатый скот – 17, лошади – 6,9, свиньи – 1,8, верблюды – 0,5 % общего поголовья скота в КазССР. К 1964 г. структура стада имела следующий вид: овцы и козы – 78 %, крупный рогатый скот – 16, свиньи – 3,3, лошади – 2,6, верблюды – 0,3 %. Уменьшилось поголовье и удельный вес лошадей, коневодство становилось все более незначительной отраслью животноводства республики. Более чем в три раза увеличилась численность свиней, удельный вес этих животных в структуре стада увеличился более чем в два раза.

Количественную динамику поголовья скота в республике можно отследить по таблице 26 [172, 163].

В результате распашки целинных и залежных земель животноводческая отрасль потеряла значительный объем пастбищных пространств. Если иметь в виду, что эта отрасль аграрного производства носила даже еще более экстенсивный характер, чем сельское хозяйство в целом, то факт массовой распашки пастбищных ареалов должен был создать довольно острую проблему для развития животноводства в Казахстане. Нарастив в погоне за валовыми показателями огромнейшее (в 1954 г. – 24421,5 тысячи голов, к 1964 – 40625,2 тысячи голов), низкопородное и малопродуктивное (средний вес одной головы крупного рогатого скота увеличивался всего на 3 килограмма в год) стадо, сельское хозяйство республики хронически испытывало кормовой дефицит [346, 350].

При сохранении деформированной структуры сельскохозяйственного производства (в 1965 г. из всех посевных площадей лишь 18 % отводилось под кормовые культуры)

Репозиторий КарГУ

потребности животноводства решались, главным образом, за счет грубых кормов и зерна. По расчетам Госплана Казахской ССР колхозам и совхозам республики, чтобы обеспечить животноводство грубыми кормами, было необходимо ежегодно собирать сено и солому с площади в более чем 40 миллионов гектар [347, 187]. Но в 1956 г. вся посевная площадь в республике едва превышала 27 миллионов гектаров, и еще можно было учесть 10-11 миллионов гектаров сенокосов и сеяных трав, значительная часть которых позже, в период целины, была распахана. Данные ресурсы не покрывали необходимых площадей. Таким образом, животноводство даже в минимальном объеме не обеспечивалось грубыми кормами. Но отчеты о своевременной подготовке к зиме регулярно шли вверх по властной вертикали, обрастая все более высокими показателями. В частности, только в Гурьевской и Джамбульской областях в отчетах колхозов и совхозов по заготовке кормов за 1963-1964 гг. приписки составляли от 16 до 64 % [348, 62].

Таблица 26 (тыс. гол.) – Поголовье скота в КССР в 1953-1964 гг.

Годы	Всего	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы и козы	Лошади	Верблюды
1953	22751,5	3887,3	417,6	16748,5	1567,8	130,3
1954	24421,5	4100,9	495,9	18036,6	1647,8	140,3
1955	23392,8	4171,8	658,1	17012,6	1421,1	129,2
1956	23425,1	4198,2	581,8	17246,3	1271,1	127,7
1958	29882,6	4786,5	1082,1	22715,6	1159,8	138,6
1960	36821,2	5473,8	1570,9	28445,4	1186,9	144,2
1962	37825,1	5817,4	2049,4	28720,3	1101,5	136,5
1964	40625,2	6483,7	1357,6	31586,1	1064,9	132,9
В %1955 к 1954 г.	96	102	133	94	86	92
В % 1960 к 1955 г.	157	131	239	167	84	112
В % 1964 к 1960 г.	110	118	86	111	90	92

Нехватка грубых кормов приводила к увеличению объема зерна, используемого на фураж. Зерна же ежегодно скармливалось скоту до 40-45 миллионов тонн [346, 350].

Несмотря на общий рост поголовья стада, выполнение плановых заданий было проблематичным для хозяйств, где планы

Репозиторий КарГУ

предполагали увеличение поголовья скота в хозяйствах на 30-40 % [349, 79]. Поэтому на протяжении ряда лет государственный план развития животноводства в республике не выполнялся. Из 2861 колхоза план увеличения поголовья скота за 1953-1954 гг. выполнили лишь 126 колхозов (4,4 % от общего числа колхозов) [350, 14].

По данным ЦСУ, рост поголовья скота в колхозах и совхозах был гораздо ниже, чем в личных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих. Если поголовье крупного рогатого скота, например, в колхозах и совхозах за пять лет (с 1953 по 1958 гг.) увеличилось на 12,6 %, то в личных хозяйствах оно возросло более чем на 61 %. Подобная разница была характерна и для других видов скота [351, 70]. В советской историографии основными причинами такого положения в животноводстве назывались: «недостаточное использование всех резервов, значительные потери скота в колхозах и совхозах, отвлечение сил колхозников и рабочих совхозов от работы в общественном хозяйстве и совхозном производстве на личное хозяйство и т.п.» [352, 212]. На наш же взгляд, эти факты были обусловлены целым рядом причин, среди которых основными являлись отсутствие материальной заинтересованности работников в общественных хозяйствах и обезличивание труда в колхозах и совхозах.

Скорый эффект от целинной кампании привел к эйфории партийного руководства, данные факты эксплицировались как доказательство необходимости продолжения политики экстенсификации. 22 мая 1957 г., выступая в Ленинграде, Н.С. Хрущев выдвинул лозунг, ставший своего рода матрицей для всей его последующей деятельности. Стереотипическая доминанта политики Н.С Хрущева базировалась на интеграле экстенсивных методов, в числе которых было использование ресурса, который должен был в существенной степени «прикрыть» пробелы колхозно-совхозного строя сектора экономики, – личных хозяйств колхозников и рабочих совхозов. Необходимость решения внутренних проблем шла в одном контексте с желанием Н. Хрущева продемонстрировать преимущества Союза перед всем миром. Отсюда вытекали интенции подобного рода: «Советский Союз, народы в прошлом отсталой России, взявшие власть в свои руки, построили хозяйство на социалистических основах… и

Репозиторий КарГУ

получили возможность поставить вполне реальную задачу – догнать и превзойти США по уровню производства на душу населения» [353, 446].

Лозунг «Догнать и перегнать Америку», по мнению российского историка Р.Г. Пихоя, «персонифицировал» политику Хрущева. «Отсюда, – считает он, – лихорадочные попытки любыми путями увеличить производство хлеба, мяса, молока. И именно тогда, в конце 1950 – начале 1960-х гг., в Советском Союзе складывается система злоупотреблений, государственного обмана, приписок, политического фарисейства. Именно система, так как можно говорить об устойчивых приемах и методах обмана государства. Эту систему, по мнению исследователя, объединяла заинтересованность партийных органов в благополучных, отвечающих интересам «самого» Н. Хрущева рапортах и отчетах» [2, 172].

Для реализации лозунга «Догнать и перегнать Америку» как одного из базовых элементов «нового курса» аграрной политики Н.С. Хрущева, было необходимо найти резервы. Пленум ЦК КПСС (декабрь 1958 г.) принял решение о том, чтобы постепенно в течение двух-трех лет совхозы и колхозы купили скот у своих рабочих и служащих, обеспечив их продуктами животноводства. Не случайно, выступая на XIV пленуме ЦК Компартии Казахстана 7 января 1959 г., первый секретарь ЦК КПК Н.И. Беляев заявил: «Мы хотим иметь продукты животноводства не вообще от всех секторов, мы хотим иметь продукты животноводства от общественных хозяйств» [354, 71]. В начале августа 1959 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР принял указ «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках КССР» [355, 33]. Эти директивы республиканских структур стали логическим следствием выполнения хрущевской программы «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла». Провозгласив эту программу, и сам Н. Хрущев, и партийно-государственный аппарат были вынуждены добиваться зримого, хотя и временного успеха сельскохозяйственной политики.

То поголовье скота, которое постепенно увеличивалось в личных хозяйствах в 1940-1950-е гг., значительно уменьшилось в течение двух-трех последних лет. Если в 1956 г. в личных подсобных хозяйствах колхозников было 2358,5 тысячи голов, к

Репозиторий КарГУ

1964 г. осталось 1028,7 тысячи голов, то есть уменьшение поголовья стада произошло более чем вдвое. Осуществление в 1959 г. этих мероприятий обеспечило временный рост поголовья скота в колхозах и совхозах. Так, только за один 1959 г. количество крупного рогатого скота возросло на 15 %, свиней – 31, овец – 11 % [356, 212]. В результате часть зерновых совхозов, организованных в южных областях Казахстана, были преобразованы в животноводческие совхозы. Удельный вес совхозов в животноводстве республики увеличился в 2-2,5 раза.

С точки зрения статистики, произошло долгожданное – объемы заготовок животноводческой продукции резко возросли. В исследованиях 1950-1960-х гг. эти успехи обозначены как «подтверждение правильности курса партии и правительства». Производство мяса и сала в живом весе увеличилось с 1953 г. на 64 %, молока – на 53, шерсти – на 78, яиц – на 68 %. Особенно резко возросли в 1959 г. производство и заготовка мяса. Советская историография объясняла этот факт через следующий тезис: «Осуществляя призыв партии – догнать и перегнать в ближайшие годы США по производству на душу населения мяса, молока и масла, – колхозы и совхозы обеспечили за один 1959 г. увеличение производства мяса на 30 %, а его продажу государству на 80 %. Причем, если до 1958 г. животноводческое производство в обобществленном секторе развивалось медленней по сравнению с индивидуальным хозяйством, то с 1958 г. наблюдается значительное опережение производства совхозов и колхозов» [357, 214-217].

В 1959 г. заготовка мяса в республике увеличилась в 2 раза по сравнению с 1953, молока – в 1,6, шерсти – в 2,3, яиц – в 4 раза [358, 153-154].

Среди постановлений и реформ хрущевской поры вышеобозначенная кампания – одна из самых идеологически заостренных и экономически нелепых [359]. Сиюминутный результат – насильственное изъятие скота из личных подсобных хозяйств и передача его в совхозы и колхозы – привели к тому, что значительная часть скота, как и во времена коллективизации, пошла под нож. В колхозах и совхозах не было ни помещений, ни кормов, чтобы сохранить скот на будущее.

Наряду с образцово-показательными механизированными фермами, построенными для демонстрации «гигантского скачка» в

Репозиторий КарГУ

развитии социалистического животноводства республики, были совхозы, уровень производства в которых соответствовал началу века. В одном из отчетов лаборатории института животноводства Казахского филиала ВАСХНИЛ описаны подобные хозяйства в Кзыл-Ординской области. «Помещением для крупного рогатого скота служили полуземлянки, – ямы, вырытые в земле, обложенные дерном изнутри, покрытые сверху легкой крышей из навоза. Крыша защищала животных разве только от солнечных лучей. Так называемые «телятники» представляли собой более глубокие ямы, вырытые рядом с землянкой для коров. Кормушки, двери, окна в помещениях отсутствовали. Такие помещения, – резюмируется в отчете, – являются основным условием для возникновения различных заболеваний и гибели животных» [360, 100-102]. В обследованных лабораторией колхозах Сыр-Дарьинского и Терень-Узяковского районов Кзыл-Ординской области, по состоянию на 31 октября 1959 г. было подготовлено к зимовке 1 помещение, по сводке райисполкома числилось 7 из необходимых 18. Основной кормовой базой для крупного рогатого скота являлся камыш; силос, в основном, также был заложен из камыша. Таким образом, однообразное и недостаточное кормление в течение круглого года и полуголодное содержание скота зимой явились одной из основных причин низкой продуктивности коров и уменьшение его поголовья. Во время обследования проводился хронометраж доения: за 2 часа доения 6 доярок обслужили 46 коров и надоили 49 литров молока [361, 102-104]. Подобные материалы являются частным свидетельством кризисного состояния животноводческого сектора.

К 1959 г. в республике не были обеспечены помещениями для содержания более 7 миллионов овец, около 800 тысяч крупного рогатого скота, 300 тысяч свиней [362, 187]. Крупный падеж скота в республике произошел в 1960 г. В Алма-Атинской области за зиму 1959-1960 гг. пало более 508 тысяч овец, в ряде хозяйств падеж скота составил 70 % всего поголовья. В республике за пять зимних месяцев 1960 г. потери продуктивного скота составили 2170 тысяч голов [363, 252]. Всего за три года (1958-1960 гг.) животноводство республики потеряло порядка 7 миллионов голов скота, что составляло 20 % общего стада [364, 154].

Итак, несмотря на формальную динамику количественных показателей животноводческого сектора, фактическое состояние

Репозиторий КарГУ

отрасли существенно отличалось от положения, обозначенного в официальных статистических сборниках и исследовательских публикациях советского периода.

Никоим образом, не забывая сталинскую максиму «чем больше, тем лучше», нацеливавшую на рост концентрации сельскохозяйственного производства, Н. Хрущев пытался внедрить в аграрную политику вполне рыночный принцип «чем больше вложишь, тем больше получишь». И делал он это не безуспешно.

Сегодня мы можем апеллировать к ранее секретным расчетам Института мировой экономики и международных отношений, произведенным в 1960-е гг. для руководства СССР. Из них выявляется, что объемы капитальных вложений в советское сельское хозяйство по отношению к аналогичному показателю США составил в 1952 г., т.е. еще при Сталине 52, 4 % (в долларовом эквиваленте), а уже в 1964 г. (последний год «хрущевской декады») – 235,3 % [365, 141].

По отношению к США основной капитал в советском сельском хозяйстве составил в 1950 г. всего 36, 5 % (в долларовом эквиваленте), тогда как в 1965 г. – 84, 8 %, а в 1969 г. Советский Союз не только достиг по этой позиции американского уровня, но и превзошел его – 102, 0 % [365, 144].

Эти данные, казалось бы, свидетельствовали о том, что в колхозно-совхозном производстве созданы предпосылки для интенсификации такие же, как и в сельском хозяйстве США. Однако подобный настрой, которым была заражена партийно-государственная номенклатура, являлся большой иллюзией. Чтобы убедиться в этом, вовсе не надо было углубляться в дебри экономических теорий: достаточно было обратиться к такому фундаментальному индикатору уровня интенсивности экономики, как производительность труда.

В 1960 г. в сельском хозяйстве США было занято 8,2 млн. человек, в аграрной сфере материального производства СССР – 36,1 млн. человек. В том же году 39,3 % всех занятых в народном хозяйстве СССР приходилось на сельское хозяйство, тогда как в США в 3 раза меньше – 12,4 %.

Итак, инвестируя в сельское хозяйство капиталов почти в два с половиной раза больше, чем США, имея в этой отрасли даже превышающий объем основного капитала, располагая здесь огромной армией рабочей силы, советское сельское хозяйство

Репозиторий КарГУ

производило в 1960 г. валовой продукции на уровне около двух третей от американского показателя. И это свидетельствовало о крайне низкой производительности труда, а, следовательно, и интенсификации аграрного производства. И в самом деле, производительность труда в колхозах и совхозах составляла в рассматриваемый период лишь 18,6 % от американского уровня [365, 147]. Что касается собственно сельского хозяйства Казахстана, то здесь пропорции по всем прослеженным выше позициям были еще более удручающие, ибо фиксировали показатели ниже среднесоюзных.

Нерешенные и не решаемые проблемы, накапливаясь, постепенно вели к тупику в аграрном секторе. Не способствовали решению аграрных проблем и низкие заработки сельчан. Проблемы материального стимулирования труда по-прежнему считались второстепенными, уступая приоритет декларациям о скором явлении коммунизма, изобилия и достатка.

Положение колхозников в сравнении с довоенным 1940 г. не только не улучшилось, а даже заметно ухудшилось. С 1958 г. трудодень колхозника вырос всего на 36 копеек – с 1,56 до 1,89 рубля, а средний ежемесячный заработок находился на уровне 37-40 рублей [366, 94].

Если в 1940 г. на один колхозный двор выдавали 8,2 центнера зерна, то в 1963 – только 3,7 центнера [2, 230]. В 1954 г. в 817 колхозах на трудодень выдали менее 1 килограмма зерна и в 350 колхозах – менее 1 рубля деньгами. В 73 колхозах совершенно не выдали на трудодни зерна [367, 94]. Сельчане были вынуждены закупать ими же выращенное зерно и муку в своих же хозяйствах по рыночным ценам. К 1958 г. выдача на 1 трудодень возросла в 2,3 раза и составила 10,6 рублей натурой и деньгами, но денежную оплату в республике практиковали лишь около 100 колхозов (7 %) из 1425 [368, 199]. Остальные хозяйства получали оплату продукцией по рыночным ценам.

В этот период сельчане потеряли возможность существовать за счет основного источника – личных подсобных хозяйств. Партийно-государственные власти сломали механизм самообеспечения широких слоев аграрного населения, не располагая возможностью эффективно заменить его. Потребовалось лишь несколько лет, чтобы изменения в этой структуре производства оказались настолько необратимыми, что

Репозиторий КарГУ

попытки преемников Н. Хрущева восстановить домашнее хозяйство стали давать холостой ход.

Система социальных реформаций, затронувшая горожан (рабочих, служащих), миновала сельских жителей. Колхозники по-прежнему не имели паспортов, были лишены возможности уехать из села, право на пенсию они получили лишь в 1964 г., а пенсионный возраст наступал для них на пять лет позже, чем для других категорий трудящихся [100, 405].

Эффективность аграрной политики Хрущева, по оценкам специалистов, сохраняла свою силу примерно до 1957-1958 гг. В «хрущевской декаде» период 1954-1957 гг. считается успешным [94, 111]. Однако уже с 1958-1959 гг. провал «нового курса» агарной политики Н. Хрущева становился очевидным. Уже к 1961 г. ни в ЦК КПСС, ни в Совете Министров по этому поводу не строили никаких иллюзий. В 1961-1962 гг. в СССР стала остро ощущаться нехватка не только мяса, молока и масла, но и хлеба, круп, сахара и других видов сельскохозяйственной продукции. С 1963 г. начинается закупка ряда сельскохозяйственных продуктов за границей, страна оказывается в зависимости от импорта зерна [2, 176]. Из Государственного фонда СССР в 1963 г. было продано на экспорт рекордное за весь послевоенный период количество золота – 520,3 тонн, из которых 372,2 тонны (72 %) ушли непосредственно на оплату импортного продовольствия [2, 223]. Страна, обладавшая одним из крупнейших в мире сельскохозяйственным потенциалом, была не в состоянии прокормить себя.

Итак, подытоживая последствия «хрущевской декады» в Казахской ССР, следует, по нашему мнению, артикулировать следующие позиции.

Аграрные реформы Хрущева не представляли собой какой-то целостной системы закономерно связанных друг с другом новаций, формирующих единую тенденцию. В данное десятилетие не возникло радикальной концепции аграрного развития как единой, определяющей приоритеты, перманентной системы теорий, программ, взглядов на развитие аграрного сегмента экономики. Практически все реформы были направлены на парциальные изменения, не затрагивающие имманентных черт «советской модели экономики», сохраняющие ее как основную стереотипическую доминанту.

Репозиторий КарГУ

В отличие от предшествующего периода – сталинского, где основные императивы всех аграрных реформ носили прагматический, рациональный, с позиций целеполагания власти, характер и сосредотачивались на доминирующем концепте – обеспечение города и армии продовольствием, новации Н.С. Хрущева носили более идеологизированный, более политизированный характер.

Все аграрные инновации возникли как импровизации, не имевшие казуальной связи друг с другом. «Новый курс» аграрной политики включал ряд мер различного характера. Но общей чертой всех хрущевских реформ в сельском хозяйстве стала унаследованная еще от сталинских времен вера в некий чудодейственный метод, который мог бы разом улучшить положение этой отрасли. Причем сроки реализации, прогнозируемые и ожидаемые результаты не просчитывались специализированными научными учреждениями, плановыми органами и носили ненаучный характер.

Чрезвычайный характер всех аграрных реформ, в том числе и наиболее масштабных из них – целинных мероприятий, исключал всякую возможность подготовительного этапа в проведении реформ. Волюнтаристский подход при проведении данных реформ обрекал их на множество тактических ошибок, приводя к стратегическим просчетам.

Оценка аграрной политики Н. Хрущева в современной исследовательской литературе, в отличие от советской историографии, носит достаточно критический или отрицательный характер.

Ориентируясь на сталинский концепт «чем больше, тем лучше», нацеливавший на рост концентрации сельскохозяйственного производства, Н. Хрущев пытался внедрить в аграрную политику вполне рыночный принцип «чем больше вложишь, тем больше получишь». И делал он это не безуспешно. Цифровые данные, казалось бы, свидетельствовали о том, что в колхозно-совхозном производстве созданы предпосылки для интенсификации такие же, как и в сельском хозяйстве США. Однако подобный настрой, которым была заражена партийно-государственная номенклатура, являлся большой иллюзией. Чтобы убедиться в этом, вовсе не надо было углубляться в дебри

Репозиторий КарГУ

экономических теорий: достаточно было обратиться к такому фундаментальному индикатору уровня интенсивности экономики, как производительность труда. А он демонстрировал крайне низкий уровень производительности труда советских аграриев, следовательно, крайне низкий уровень и интенсификации советского аграрного производства. Что касалось собственно сельского хозяйства Казахстана, то здесь пропорции по всем прослеженным выше позициям были еще более удручающие, ибо фиксировали показатели ниже среднесоюзных.

Реальной проекцией неэффективности сельского хозяйства являлся остававшийся низким уровень потребления советских людей, который по группе продовольственных товаров составлял чуть более половины показателя США.

Таким образом, колхозно-совхозная модель организации сельскохозяйственного производства не выдерживала соревнования с его рыночной альтернативой развития. Наращивание инвестиций в направлении агросферы, о чем ратовал Н.Хрущев, не давало нужного результата. И, прежде всего, потому, что сохранялось фундаментальная причина: огосударствленные отношения собственности в сельском хозяйстве. Поскольку они предполагали отчуждение хозяйствующих субъектов всех уровней (от индивида до коллективных организационных структур) от средств производства и результатов труда, принцип «чем больше вложишь, тем больше получишь» был обречен на провал. Проливая «кровь и пот» за отдачу с каждого рубля, вложенного в личное подворье, сельчане на массовом уровне демонстрировали психологию и поведенческие установки крепостных крестьян, отбывающих барщину, т.е. в принципе безразличных к так называемому общественному производству.

И ни какие силы, будь то идеологическая мотивация или комплекс разнообразных в своей изощренности форм принуждения, не могли сломать генетический код крестьянина, ориентированного на примат личного интереса над государственным, тем более что последний являл собой не более чем амбиции партийно-чиновничьей номенклатуры.

Инертность колхозно-совхозного производства не смогли приостановить и хрущевские инновации, связанные с идеями расширения «колхозной демократии». Это означало не что иное,

Репозиторий КарГУ

как серьезную попытку подорвать абсолютное доминирование принципа авторитарного управления. Колхозно-совхозные структуры обязывались обеспечивать натуральные поставки государству полеводческой и животноводческой продукции, но размер посевных площадей по культурам, а также продуктивность животноводства и скота по его видам, они могли определять самостоятельно. Иными словами, теперь планирование в сельскохозяйственном производстве должно было начинаться непосредственно в колхозах совместно с МТС и в совхозах. Допускалась инициатива мест даже в сфере организационного творчества.

И все же колхозы и совхозы, объектами приложения каких бы паллиативных реформ (в плане затрагивания ими отношений собственности) не начинали выступать, не могли стать самодеятельными, самоорганизующимися и самоуправляемыми, наподобие тех, которыми выступают сельскохозяйственные кооперативы. Как известно, последние являются объединениями владельцев частной собственностью на средства производства, прежде всего на землю. Считая нерентабельным выполнение отдельных технологических операций и организационно-производственных функций (например, снабженческо-сбытовых, кредитных и т.д.) в индивидуальном порядке, они объединяются в кооперативы, где сами решают свою судьбу.

Колхозная же система, как и все сельское хозяйство, и близко не соответствовала принципам и природе сельской кооперации, поскольку со времен сталинской коллективизации выступала чисто огосударствленной структурой, а потому и могла как-то функционировать только в контексте авторитарного, т.е. жесткого этатистского (государственнического) административно-командного дирижизма. И чтобы поломать это, нужно было отречься от базовых принципов общественно-политического развития, о чем, конечно, не могло быть и речи. Поэтому хрущевские реформы, направленные на модернизацию сельского хозяйства, имели импульсивный характер и по большей мере «пробуксовывали». И сельское хозяйство Казахстана, как один из самых крупных полигонов хрущевского аграрного эксперимента, демонстрировало на этот счет самые яркие проекции.

Репозиторий КарГУ

4.2. Реформационные подходы в осуществлении промышленной политики и их проекции в индустрии Казахстана (1954-1964 гг.)

Реформационные усилия в данный период были осуществлены не только в аграрной сфере материального производства, но и в индустриальном секторе экономики СССР в целом и в Казахстане, в частности.

В историографии стало традиционным деление хрущевского десятилетия на два периода. Первый – 1953–1958 г. – рассматривается как наиболее позитивный, «когда реформы эффективно изменили экономический и социальные механизмы», и второй – 1959–1964 гг. – период, с которым связывают отрицательные результаты реформ, когда «пробуксовка в дальнейшем движении привела к воспроизводству взаимоотношений сталинской, волюнтаристской модели управления» [90; 98]. Например, западный исследователь Н. Верт даже считает, что, с экономической точки зрения, «1958 г. предстает той вехой, миновав которую хрущевский проект, осуществлявшийся с 1953 г., так и не сломавший основ волюнтаристского управления, покатился под гору» [100, 412].

В Казахской ССР были созданы новые министерства: министерство цветной металлургии, министерство строительства предприятий металлургической и химической промышленности, министерство геологии и охраны недр, министерство хлебопродуктов и др. В их ведение были переданы предприятия союзного значения, в результате чего увеличился объем промышленности союзно-республиканского и республиканского подчинения. Всего с 1954 по 1957 гг. в ведение органов управления Казахской ССР было передано 144 крупных предприятия, в том числе, вся цветная металлургия, 24 предприятия сахарной, соляной, табачной, масложировой и других отраслей промышленности продовольственных товаров [185, 137].

Структура промышленности по формам подчинения предприятий отслеживается по таблице 27 [187, 15].

Передача предприятий из союзного подчинения резко увеличила объем производства республиканской и местной промышленности, и ее удельный вес к 1957 г. поднялся до 98 % против 34 % в 1953 г. Удельный вес промышленности

Репозиторий КарГУ

республиканского и местного подчинения за 7 лет увеличился почти в 3 раза.

Таблица 27 (в %) – Структура промышленности в КССР в 1950-1957 гг.

Формы подчинения	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1956 г.	1957 г.
Вся промышлен-ность, в том числе:	100	100	100	100	100
Союзного подчинения	64	66	39	25	2
Республиканского и местного подчинения	36	34	61	75	98

В 1954 г. система министерств, подвергнутая заметному сжатию после смерти Сталина, была почти восстановлена. Однако она не удовлетворяла Н. Хрущева. Стремление первого секретаря ЦК КПСС реформировать все, в том числе и структуры управления, привело к осуществлению реформы, предполагавшей ликвидацию вертикального, отраслевого управления (промышленных министерств) и вертикального планирования (директивных указаний партий, постановлений Совмина СССР, приказов министерств промышленным предприятиям) и переход к территориальной системе управления [369, 4].

10 мая 1957 г. Верховный Совет СССР принял закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». Вскоре аналогичные директивы были продублированы и республиканскими государственными и партийными органами. В частности, пленум ЦК Компартии Казахстана (29 мая – 1 июня 1957 г.) принял постановление «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством Казахской ССР» [306, 295]. В соответствии с данными законами управление промышленностью и строительством в республике стало осуществляться по территориальному принципу на основе экономических административных районов.

Для этой цели в Казахской ССР было образовано 9 экономических административных районов, границы которых совпадали с границами областей: 1.Алма-Атинский район с центром в городе Алма-Ата, объединявший промышленность и строительство Алма-Атинской, Джамбульской и Талды-Курганской областей; 2.Актюбинский – с центром в городе

Репозиторий КарГУ

Актюбинске, объединявший промышленность и строительство Актюбинской и Западно-Казахстанской областей; 3.Восточно-Казахстанский – с центром в городе Усть-Каменогорске, объединявший промышленность и строительство этой области; 4.Семипалатинский – с центром в городе Семипалатинск; 5.Гурьевский – с центром в городе Гурьеве; 6.Карагандинский – с центром в городе Караганде, объединявший промышленность и строительство Карагандинской, Акмолинской и Павлодарской областей; 7.Кустанайский – с центром в городе Кустанае; 8.Северо-Казахстанский – с центром в городе Петропавловске, 9.Южно-Казахстанский – с центром в городе Чимкенте, объединявший промышленность и строительство Южно-Казахстанской и Кзыл-Ординской областей [370, 151].

В результате реформирования управления промышленность Казахстана перешла в подчинение 9 совнархозов, вместо подчинения промышленных предприятий 52 союзным и союзно-республиканским министерствам и ведомствам.

Следует признать, что реформации Хрущева и его правительства по управлению промышленностью и строительством были обусловлены желанием преодолеть негативные факторы, детерминировавшими нижеследующую картину.

В экономике республики прослеживались значительные потери от чрезмерной и односторонней ведомственной централизации управления производством, от межведомственной разобщенности министерств. Так, например, только металлообрабатывающие заводы Алма-Аты были подчинены 10 различным союзным и союзно-республиканским министерствам.

Ведомственная распыленность приводила к нечеткому планированию и слабой специализации, нерациональному распределению сырьевых и других ресурсов. Например, Алма-Атинский механический завод министерства строительства электростанций СССР получил годовой план только во втором квартале. На Алма-Атинском заводе тяжелого машиностроения (АЗТМ) периодически накапливался резерв стального и чугунного литья. С 1956 г. его отправляли в Москву, Ленинград, Ташкент, то есть за пределы республики, хотя это литье было крайне необходимо другим заводам города, а железнодорожный тариф за их перевозку составлял примерно 400 тысяч рублей в год.

Репозиторий КарГУ

Аналогичное литье присылалось в Алма-Ату на заводы с нарядами министерств из Ленинграда, Казани, Сталинграда, Полтавы, Ташкента и других республик вместо перераспределения этого литья по городу Алма-Аты. Иногда для своевременной доставки литье доставлялось самолетом. Между тем стоимость перевозки по воздуху одной тонны литья в 6-7 раз превышала себестоимость тонны литья местного производства. Понятно, что в результате этого предприятия-потребители несли большие убытки [371, 153].

Подобные примеры имели место на многих предприятиях республики. Так, Актюбинский ферросплавный завод, который мог бы использовать уголь Актюбинской области, работал на сырье Карагандинского угольного бассейна, на перевозку которого ежегодно расходовалось 20-22 миллионов рублей. Кроме того, в Актюбинской области имелись кварциты, известняк, но это сырье завод ферросплавов получал с Урала. Поэтому и себестоимость ферросплавов, выпускаемых в Актюбинске, была на 70 % выше, чем на других заводах страны [372, 3-4].

Ведомственные барьеры, отнесенность одних и тех же предприятий к многочисленным министерствам и ведомствам оказывали отрицательное влияние на производство, особенно на строительную промышленность, приводили к систематическому невыполнению планов строительства. Капитальное строительство в Казахстане оказалось распыленным между 7 специализированными строительными министерствами. Кроме того, другие министерства также занимались строительством. Строительно-монтажные работы выполняли 115 строительных трестов и специальных управлений, подведомственных 26 министерствам и ведомствам республиканского, союзно-республиканского и союзного подчинения. Отсюда срыв планов капитального строительства, долгострой, который стал обычным явлением. Например, за десять лет, истекших со дня закладки Карагандинского металлургического завода, к 1956 г. было освоено лишь 12 % его сметной стоимости [373, 373].

Последствия реорганизации управления промышленностью и строительством оцениваются в литературе достаточно противоречиво, в зависимости от времени издания научных работ. В исследованиях, вышедших до 1964 г. (в хрущевский период), данная перестройка оценивается как максимально рациональная и эффективная. В трудах более позднего периода она обозначается

Репозиторий КарГУ

как волюнтаристская, бесцельная и безрезультатная. Так, например, казахстанский исследователь В. Кольцов в двух работах, изданных с разницей в девять лет, абсолютно полярно характеризует реформы 1957 г. в промышленности, причем, совершенно не объясняя такую метаморфозу в собственных научных суждениях. В работе, изданной в 1961 г., он пишет: «Реорганизация управления промышленностью и строительством устранила ведомственные барьеры, позволила оперативно, по-деловому решать многие вопросы. Особенно положительно повлияла перестройка управления народным хозяйством на развитие промышленности. Создались благоприятные условия для устранения организационных недостатков, которые раньше сдерживали темпы роста производительности труда. Характерной чертой в деятельности промышленных предприятий явились повышение ритмичности в работе, выполнение планов по номенклатуре и технико-экономическим показателям, сокращение убыточности. О преимуществе новой системы руководства убедительно свидетельствуют успехи, достигнутые в промышленности и строительстве в 1957, 1958, 1959, 1960 гг. Уже 23 декабря 1957 г. промышленность республики выполнила годовой план по производству валовой продукции, превысив объем промышленного производства на 11 %. В 1958 г. по сравнению с 1957 промышленное производство выросло на 10,5 %» [244, 123].

В исследовании 1970 г. В. Кольцов резюмирует итоги реформы 1957 г. следующим образом: «В период существования совнархозов был нарушен научный подход к планированию, процветал волюнтаризм, выразившийся, в частности, в установке не давать высоких заданий промышленности. Создавалось показное благополучие с выполнением планов. Многие совнархозы выполняли планы на 107-113 % и более. Процент выполнения заниженных планов был высоким, а ежегодные темпы прироста промышленной продукции снижались. По Казахской ССР среднегодовой прирост производительности труда за 1951-1958 гг. составил 6,9 %, а за 1959-1965 гг. – 4,9 %. При этом среднегодовой прирост промышленной продукции за 1959-1965 годы составил 11,3 %. Если учесть среднегодовой прирост промышленно-производственного персонала республики в 3,8 раз, а за 1959-1965 гг. – в 7,9 раз, то выходит, что прирост промышленной продукции

Репозиторий КарГУ

за этот период был обеспечен повышенным привлечением в промышленность рабочей силы. Территориальная организация управления привела к раздробленности руководства отраслями промышленности по многочисленным районам, нарушению единства технической политики» [239, 117-118].

В значительной части исследований казахстанских авторов о реформах 1957 г. по управлению промышленностью и строительством даже не упоминается [374].

Д. Кунаев, бывший первый секретарь ЦК КПК, в хрущевский период занимавший должность председателя Совета Министров Казахской ССР, в своих мемуарах о данной реорганизации ограничивается достаточно кратким упоминанием: «Практика показала, что реформа 1957 г. привела к разобщенности промышленности и нанесла немалый урон единой технической политике. Проведенная волюнтаристскими методами реформа практически расслабила руководство промышленностью и строительством, как на местах, так и в центре» [307, 116].

Современный российский исследователь Р. Пихоя положительно оценивает экономические последствия создания совнархозов. «Уже в первые годы, – отмечается им, – уменьшились затраты на транспортировку сырья и продукции, усилились кооперационные связи предприятий, расположенных на одной территории. Сложнее и противоречивее оказались социальные последствия организации совнархозов. Эти реформы вызвали негодование столичной бюрократии; рушилась складывавшаяся десятилетиями управленческая вертикаль наркоматов-министерств, а вместе с ликвидацией министерств – рабочие места министерской номенклатуры» [2, 209].

Итак, оценивая результативность хрущевских реформ по управлению промышленностью, можно сделать вывод, что совнархозы позволили перенести решение многих хозяйственных вопросов на региональный уровень, освободиться от дублирования отдельных видов промышленного производства различными ведомствами, сократить затраты на неоправданные перевозки грузов. В рамках совнархозов произошло зарождение производственных объединений, возросла оперативность управления предприятиями и стройками. Первоначальные, казалось бы, результаты деятельности совнархозов обнадеживали,

Репозиторий КазГУ

однако вскоре обнаружились недостатки новой системы. Основным из них было то, что совнархозы управляли не отраслями, а группами предприятий. Набирали силу местнические тенденции при распределении продукции, возникли затруднения с осуществлением общегосударственного планирования, проведением скоординированной научно-технической политики, обменом опытом, организацией производства.

В 1960-1963 гг. в промышленности прокатилась очередная волна преобразований; частичные изменения вновь коснулись совнархозов. Несколько были изменены их функции. Госкомитеты по отраслям промышленности, ответственные за разработку единой отраслевой политики, дробились, ликвидировались, занимались переделом функций, меняли подчиненность. Так, вне их ведения оказалась строительная отрасль, их управленческие права распространялись по преимуществу на промышленную сферу. Сами совнархозы укрупнялись, над ними надстраивались новые управленческие звенья (общесоюзные СНХ, ВСНХ и т.п.). В Казахстане решением Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 23 июня 1960 г. в целях дальнейшего совершенствования планирования и руководства народным хозяйством был создан Казахский совет народного хозяйства (КСНХ) [375, 20-21]. На него была возложена координация работы совнархозов республики по выполнению народнохозяйственных планов, специализации и кооперированию промышленности и планов капитального строительства.

С 1961 г. рост промышленного производства в СССР приостановился. Промышленное развитие в стране в целом и по республикам осуществлялось по народнохозяйственным планам шестой пятилетки (1956-1960 гг.), затем, в связи с управленческой реорганизацией, были приняты планы развития народного хозяйства СССР на семилетку (1958-1965 гг.).

Характеризуя развитие промышленности в СССР в период 1958-1964 гг., исследователи выделяют ряд следующих сущностных характеристик [100, 412]:

– значительное увеличение капиталовложений и быстрый рост кредитов, превышающих возможности государственного бюджета;

– резкий неконтролируемый рост промышленности, производящей средства производства;

Репозиторий КарГУ

– непредвиденный массовый приток низкоквалифицированной рабочей силы из сельской местности;

– ощутимое снижение темпов экономического роста;

– увеличение дефицита, связанного со снижением интенсивности развития промышленности средств потребления.

Промышленное развитие КазССР в 1954-1964 гг. имело ярко выраженный экстенсивный характер: рост валовой продукции отраслей преимущественно обеспечивался глобальными капиталовложениями в отрасли, строительством новых предприятий и т.п. при полном игнорировании экономических стимулов, слабой восприимчивости производства к новшествам технического прогресса. Ориентация в течение всех послевоенных лет на приоритет сырьевых, добывающих отраслей привела к низкому уровню развития обрабатывающей и перерабатывающей промышленности, недостаточному развитию тех сегментов индустрии, которые были призваны обеспечить производство товаров широкого потребления. Строительство гигантов индустрии в исследуемый период вполне соответствовало методике экстенсификации, ставшей экономическим маяком, как в аграрном, так и в индустриальном развитии регионов.

В 1954-1964 гг. сырьевая направленность промышленного освоения обозначилась еще более видимо. В КазССР этому способствовали широкомасштабные геологические работы, которые велись по всей территории республики. Так, в середине 1950-х гг. геологоразведочными работами было охвачено 85 % территории Казахстана [376, 3-4]. В результате этих работ было выявлено более 90 видов полезных ископаемых: около 90 % всех разведанных запасов хромитов СССР, 50 – вольфрама и свинца, 40 – цинка, меди и фосфоритов, 25 – бокситов, 13 – железных руд, около 9 % угля [377, 373].

В период 1950-х гг. объем капитальных вложений в экономику республики резко вырос. Если за всю четвертую пятилетку (1946-1950 гг.) сюда было направлено 12 миллиардов рублей, за пятую пятилетку (1951-1955 гг.) – 30 миллиардов рублей, то только за три года шестой пятилетки (1956-1958 гг.) инвестиции составили более 39 миллиардов рублей, то есть оказались на 30 % больше, чем за все предшествующее пятилетие [378, 31]. Одновременно увеличился и объем капиталовложений, выделенных на развитие промышленности (таблицу 28 [378, 31]).

Репозиторий КарГУ

Таблица 28 (млн. руб.) – Капиталовложения в экономику КССР в 1946-65 гг.

Годы	Капитальные вложения в народное хозяйство	В том числе:					
		промышленность	%	строит. индуст.	%	сельс. хоз-во	%
1946-1950 гг.	1250	493	39,4	54	4,3	176	14,0
1951-1955 гг.	3117	1070	34,3	202	6,5	711	22,8
1956 г.	1203	301	25,0	64	5,3	403	33,5
1957 г.	1271	397	31,2	59	4,6	322	25,3
1958 г.	1425	491	34,5	54	3,8	327	22,9
1959 г.	1673	551	32,9	94	5,6	367	21,9
1960 г.	2059	655	31,8	94	4,6	462	22,4
1956-1960 г.	7631	2395	31,4	365	4,8	1881	24,6
1961 г.	2475	730	29,5	106	4,3	591	23,8
1962 г.	2631	833	31,7	92	3,5	649	24,7
1963 г.	2733	880	32,2	90	3,3	632	23,1
1964 г.	2936	925	31,5	85	2,9	751	25,6
1965 г.	3315	1069	32,2	85	2,6	776	23,4
1960-1965 г.	14090	4437	31,5	458	3,3	3399	24,1

В период 1956-1960 гг. среднегодовой прирост объема капиталовложений в индустрию республики составил 21 %, в сельское хозяйство – всего 4 %, в период 1960-1965 гг. – объем капиталовложений в промышленность в среднегодовом исчислении увеличивался ежегодно, как и в аграрном секторе, на 10 %. За исследуемое десятилетие капиталовложения в промышленность республики увеличились, по сравнению с 1946-1955 гг., в 4,4 раза. Однако удельный вес капиталовложений в промышленность (от всех капиталовложений в народное хозяйство) в целом оставался неизменным и составлял 31-32 %, за исключением 1956 г. – 25 % (таблица 28).

По предприятиям и организациям, подведомственным Совету Министров Казахской ССР, объем государственных капитальных вложений составил в 1958 г. 80,9 % всего объема капиталовложений в народное хозяйство Казахской ССР. Характерно, что в 1957 и 1958 гг., то есть в период организации совнархозов, капитальные вложения в промышленность совнархозов росли значительно быстрее, чем в целом по народному хозяйству республики [379, 8].

Значительная часть капитальных вложений направлялась в тяжелую индустрию. Так, в 1957 г. по сравнению с 1956 капитальные вложения в черную металлургию увеличились на 59

Репозиторий КарГУ

%, в цветную металлургию – на 29, в промышленность строительных материалов – на 60 %.

Об удельном весе капиталовложений в отрасли промышленности в 1958 г. можно судить по таблице 29 [378, 58].

Таблица 29 (в %) – Структура капиталовложений в индустрию КССР в 1958 г.

В промышленность и строительную индустрию, в том числе:	100
Черная металлургия	15,6
Цветная металлургия, включая добычу руд цветных металлов	21,3
Угольная промышленность	19,0
Нефтяная промышленность, включая бурение	5,7
Электростанции, электрические и тепловые сети	4,5
Машиностроение	3,4
Химическая промышленность	3,3
Строительная индустрия	12,5
Промышленность строительных материалов – всего,	7,8
В том числе, цементная промышленность	4,27
Лесная, бумажная и деревообрабатывающая промышленность	1,4
Легкая промышленность	1,4
Пищевая промышленность	3,7

Основные капитальные вложения направлялись на развитие отраслей тяжелой промышленности, удельный вес, которых преобладал во всем объеме капиталовложений в промышленность и составлял около 90 %. Наиболее крупные вложения осуществлялись в цветную металлургию, угольную промышленность, черную металлургию.

В соответствии с приоритетами в распределении капиталовложений сформировалась и структура промышленности (по валовому продукту) (таблица 30 [378, 60]).

В отраслевой структуре индустрии (основной показатель – производство валового продукта) с 1955 г. произошли следующие изменения: снизился удельный вес топливной промышленности (в 1955 г. – 13,4 %, в 1958 – 8,2, в 1968 г. – 5,4 %); лесной и деревообрабатывающей отрасли (в 1950 г. – 4,8, в 1968 – 3,9 %). Повысился удельный вес черной металлургии (1958 г. – 1,8 %, 1968 г. – 4,1 %); машиностроения и металлообрабатывающей промышленности (1950 г. – 12,9 %, 1968 – 15,6 %); химической (1950 – 2 %, 1968 г. – 3,0 %); электроэнергетической (в 1950 г. – 2

Репозиторий КарГУ

%, в 1968 – 4,6 %); промышленности строительных материалов (1950 г. – 2,8, 1968 – 7,5 %); легкой промышленности (в 1950 г. – 13,8 %, в 1958 – 15,8 %); пищевой отрасли (1950 – 24,7 %, 1958 г. – 26,6 %).

Таблица 30 – Структура промышленности КССР в 1958-1968 гг.

Отрасли	Удельный вес в % к итогу		
	1958 г.	1960 г.	1968 г.
Вся промышленность республики	100	100	100
Цветная металлургия	-	22,7	-
Черная металлургия	1,8	3,8	4,1
Топливная	8,2	9,0	5,4
Производство электроэнергии	3,3	3,4	4,6
Химическая	2,6	2,8	3,0
Машиностроение и металлообработка	10,7	9,6	15,6
Лесная, деревообрабатывающая	4,1	1,3	3,9
Промышленность строительных материалов	5,6	6,4	7,5
Легкая	15,8	13,7	13,9
Пищевая	26,6	26,1	24,7

Исследователь С. Нейштадт утверждает, что в валовой продукции промышленности удельный вес подразделения «А» – производства средств производства поднялся в 1958 г. до 76 % по сравнению с 60 % в 1940 [185, 153]. В работах В. Кольцова удельный вес предприятий группы «А» в 1958 г. определяется в объеме 70,6 % [244, 141-142]. Причем темпы роста валовой продукции группы «А» в 1950-1960-е гг. опережали динамику группы «Б» на 2-6 % ежегодно [380, 6].

В структуре основных промышленно-производственных фондов республики больший удельный вес, чем по СССР, занимали черная металлургия, промышленность строительных материалов, угольная промышленность, производство электро- и теплоэнергии [381, 25]

Темпы роста валовой продукции в изучаемое десятилетие были в Казахстане выше, чем в СССР, и являлись одними из самых высоких в Союзе, уступая только республикам Прибалтики, Молдавской и Армянской ССР [382, 55].

Несмотря на значительный рост индустрии республики, удельный вес промышленности Казахстана в производстве некоторых видов промышленной продукции СССР в целом был

Репозиторий КарГУ

незначительным и существенной роли не играл (см. таблицу 31 [383, 33]).

За десятилетие (1955-1965 гг.) произошло двукратное увеличение производства чугуна, стали, цемента, возросла добыча угля, однако в общесоюзном производстве их объемы составляли лишь от 2 до 9 %. Уменьшилась доля продукции легкой и пищевой промышленности в общесоюзном производстве, несмотря на то, что в республике имелась огромная сырьевая база для развития данных отраслей, и КазССР являлась крупнейшим животноводческим районом страны.

Таблица 31 (в %) – Удельный вес продукции КССР в союзном производстве

Виды продукции	1955 г.	1960 г.	1965 г.
Чугун	-	0,6	2,5
Сталь	0,5	0,5	1,2
Прокат черных металлов	0,7	0,6	0,6
Железная руда	0,3	5,5	9,2
Уголь	7,1	6,4	7,9
Нефть	2,0	1,1	0,9
Минеральные удобрения	3,6	3,4	2,5
Цемент	1,6	4,8	5,6
Ткани хлопчатобумажные	0,3	0,3	0,3
Ткани шерстяные	1,4	1,2	1,1
Обувь кожаная	2,3	2,9	3,1
Сахар-песок	2,2	1,9	1,5
Масло животное	5,6	3,9	4,2
Масло растительное	4,1	3,2	2,1
Мясо	7,8	6,3	7,8
Улов рыбы	4,3	3,0	1,6
Консервы	4,1	3,3	3,5

В 1958 г. в республике действовало 26 тысяч предприятий, на которых работало свыше 473 тысяч рабочих, из них свыше 407 тысяч рабочих было занято на 7700 крупных предприятиях [384, 151]. В 1959-1965 гг. намечалось построить еще 240 промышленных предприятий [385, 36].

В литературе фиксируется, что за годы семилетки в республике было построено и сдано в эксплуатацию 729 крупных промышленных предприятий и 535 цехов [386, 21]. В работах других исследователей даются иные данные – 760 промышленных предприятий и 600 цехов [281, 285].

Репозиторий КарГУ

Другие цифры в архивных материалах. Причем, расхождения носят значительный характер. По архивным данным за четыре года (1956-1959 гг.) в республике были введены в действие 693 новых промышленных предприятия и цехов, в том числе, 9 шахт и угольных разрезов общей производственной мощностью около 10 миллионов тонн угля – Актюбинский завод хромовых соединений, Усть-Каменогорский конденсаторный, Чимкентский гидролизный, Семипалатинский и Чимкентский цементные заводы, Карагандинский шиферный завод, 5 мясокомбинатов, 11 хлебозаводов и т.п. [387, 22-23]. За период 1959-1964 гг. промышленная инфраструктура республики пополнилась 173 новыми объектами, в том числе: черной металлургии – 24, цветной металлургии – 18, машиностроения – 18, угольной промышленности – 16, химической промышленности – 16, промышленности строительных материалов – 9, легкой промышленности – 13, мебельной промышленности – 5, мясной промышленности – 14, молочной – 12, сахарной – 1, пищевой промышленности – 27 [388, 69-70]. Из этих 173 объектов полностью освоили свои проектные мощности только 61 предприятие (35,5 % к их общему числу). Освоили мощности, но полностью не использовали их вследствие необеспеченности сырьем, ограниченности сбыта и другим причинам – 40 объектов (23 % от общего числа). 72 объекта (41,5 %) по состоянию на 1 января 1965 г. еще не достигли проектных показателей. Из приведенных 72 объектов 47 предприятий были введены в действие в последние два года (1963-1964 гг.), а 25 объектов – в числе тех, которые были введены ранее (1959-1962 гг.) [389, 69-70].

С. Нейштадт отмечает, что с момента проведения перестройки управления промышленностью и строительством и организации совнархозов, то есть с 1957 г., промышленность стала работать ритмичнее, более стабильным стало выполнение планов. Действительно, как показывают статистические материалы, планы по производству промышленной продукции в 1957-1959 гг. выполнялись достаточно ритмично (см. таблицу 32 [185, 152]).

Данные таблицы, казалось бы, демонстрируют относительно стабильное положение в индустрии республики. Но проверкой, проведенной бригадой Центрального статистического управления КССР совместно с работниками статистических управлений

Репозиторий КарГУ

областей и совнархозов, было установлено, что в официальных статистических материалах не обеспечивалась достоверность отчетных данных, кроме того в них допускались грубые ошибки, несоответствия данным первичного учета, прямые приписки к выполненным объемам работ [390, 3]. Совершенно не случайно, что наряду с подобными материалами (таблица 32) проходят и другие. Несмотря на достаточно благополучные формальные показатели общего выполнения плана, в промышленности республики отсутствовала сколько-нибудь стабильная динамика и ритмичность производства.

Данные таблицы 33 [391, 25] демонстрируют группировку промышленных предприятий совнархозов республики по выполнению плана по валовой продукции в 1958 г.

Таблица 32 – Выполнение планов совнархозами КССР в 1957-1958 гг.

	1957 г.		1958 г.	
	% выполнения плана	в % к предыдущему году	% выполнения плана	в % к предыдущему году
Алма-Атинский совнархоз	105	112	100,5	114
Актюбинский совнархоз	103	110	105	109
Восточно-Казахстанский совнархоз	101	112	103	109
Гурьевский совнархоз	101	95	108	119
Карагандинский совнархоз	100,5	109	100,3	110
Кустанайский совнархоз	100	135	103	136
Северо-Казахстанский совнархоз	102	114	102	108
Семипалатинский совнархоз	108	108	102	115
Южно-Казахстанский совнархоз	104	112	103	98 (1)

1.Сокращение по сравнению с 1957 г. связано с подчинением некоторых предприятий другим системам.

Итак, как иллюстрирует таблица, в республике не было ни одного совнархоза, в котором бы все предприятия выполнили планы за 1958 г. В 1958 г. из 474 планово-прибыльных промышленных предприятий совнархозов 39 предприятий допустили убыток, по 97 предприятиям было недополучено 145 миллионов рублей плановых прибылей. Непроизводительные расходы и потери от брака по государственной промышленности республики составили 101,3 миллион рублей, в том числе, по промышленности совнархозов – 96 миллионов рублей [185, 157].

Репозиторий КарГУ

Таблица 33 – Выполнение планов совнархозами КССР в 1958 гг.

	Число предприятий	Из них в %		Недодано валовой продукции предприятиями, не выполнившими план (млн. руб.)
		выполнили план	не выполнили план	
Всего по совнархозам, в том числе	460	72,4	27,6	-
Алма-Атинский	84	88,1	11,9	105
Актюбинский	23	82,6	17,4	19,5
Восточно-Казахстанский	31	58,1	41,9	-
Гурьевский	25	92,0	8,0	1,8
Карагандинский	169	62,1	37,9	-
Кустанайский	17	52,9	47,1	13,6
Северо-Казахстанский	29	82,8	17,2	5,1
Семипалатинский	29	79,3	20,7	17,6
Южно-казахстанский	53	71,7	28,3	21,9

С 1958-1960 гг. начинается достаточно резкий спад производства тяжелой промышленности в КазССР. В Казахстане, как и по СССР в целом, с конца 1950-х гг. проявляются негативные стороны экономических реформаций в промышленности, которые нашли отражение в архивных документах.

В 1959 г. по совнархозам республики не выполнили план по валовой продукции 95 предприятий из 491 (19,3 %), недодано продукции на 205 миллионов рублей, из 49 важнейших видов промышленной продукции план не выполнен по 20 видам [392, 45-46]. План по выпуску валовой продукции промышленности Казахский совнархоз выполнил в 1960 г. на 103,1 %. В целом за этот год по промышленности КСНХ не выполнили план 177 предприятий или 23,6 %. Предприятия, не выполнившие план, недодали продукции на 42 миллиона рублей. Из 9 совнархозов республики план по всем отраслям промышленности был выполнен только Кустанайским СНХ, остальные совнархозы по ряду отраслей планы практически сорвали.

Например, Алма-Атинский СНХ не выполнил план по цветной металлургии, лесной и деревообрабатывающей промышленности. Из 127 промышленных предприятий – 20 (15,7 % от всех предприятий) не выполнили план по валовой продукции за 1960 г. и недодали продукции на 8,7 миллионов рублей.

Репозиторий КарГУ

Актюбинский СНХ не выполнил планы по промышленности строительных материалов, производству электроэнергии и пищевой промышленности и т.п. [393, 3].

Причиной такого состояния в промышленности СНХ в отчетах производственников называлась неритмичность производства, когда основная часть продукции производилась в третьих декадах месяца. За одну декаду выполнялось 50-70 % месячного задания. Следствием этого стали штурмовщина и сверхурочные работы. Мониторинг промышленного процесса, проведенный на Текелийском свинцово-цинковом комбинате, позволил обобщить и обозначить основные проблемы производства – нарушение трудовой и производственной дисциплины, нарушение технологического процесса, неудовлетворительная организация труда. Все это в комплексе приводило к невыполнению планов по многим показателям. Потери рабочего времени составили 15 %, текучесть рабочей силы – 30 % [394, 64-65,71]. В Алма-Атинском совнархозе ввод в действие предприятий осуществлялся со значительными опозданиями. Например, завод железобетонных изделий № 2 строился с 1954 г., и до 1960 г. дважды допускалось перепроектирование предприятия, строительство велось 7 организациями. Вследствие распыления средств, передачи строительства от одной организации к другой, строители выполняли только дорогостоящие работы. К 1961 г. из всей суммы выбранных капиталовложений – 80 тысяч рублей составили перепроектированные средства, около 65 тысяч – бросовые работы, в 212 тысяч рублей обошлось трехкратное проектирование, в том числе третье – 83 тысячи рублей. В целом, из 7 миллионов выбранных средств было затрачено непроизводительно 2,74 миллиона рублей, или 39 % общей использованной суммы. Числящееся за управлением промстройматериалов и предназначенное заводу № 2 оборудование на сумму 160 тысяч рублей в результате бесхозяйственного отношения, будучи неиспользованным на протяжении 5 лет, пришло в негодность. Анализ простоев на заводе ЖБИ № 2 в течение 1960 г. показал: простои составили 59 суток (это более 2 месяцев рабочих дней), в том числе, из-за отсутствия цемента – 19, металла – 21, топлива – 5, неблагоприятных природных условий (атмосферные осадки) – 14 [395, 68-69].

Репозиторий КарГУ

В Актюбинском совнархозе план по выпуску валовой продукции в 1960 г. был выполнен на 101,5 %. Но ежемесячно от 21 до 47 % предприятий совнархоза не выполняли план по валовой продукции. Такая картина прослеживалась во всех совнархозах республики [396, 86]. В Гурьевском совнархозе на промышленных предприятиях опережение заработной платы роста производительности труда происходило на 8-29 % [397, 141].

В Карагандинском совнархозе из 229 предприятий – 62 (27 %) не выполнили план по валовой продукции, ими было недодано продукции на 10,5 миллионов рублей [398, 148]. За период 1957-1960 гг. на Карагандинском угольном бассейне ежегодно не выполняли план от 10 до 23 (26-59 %) из 39 действующих шахт [399, 46].

План по выпуску валовой продукции Семипалатинским совнархозом за 1960 г. был выполнен на 100,7 %. Но по всем другим показателям планы не выполнялись. Основными причинами «неудовлетворительной деятельности» (формулировка, зафиксированная в отчетах) назывались «низкий уровень технического руководства, недостаточное решение экономических и организационных вопросов, слабый контроль за работой промышленных предприятий и строительных организаций, низкая финансовая дисциплина в совнархозе и на ряде предприятий» [400, 190]. В Восточно-Казахстанском совнархозе высокой была текучесть кадров. Только на машиностроительных предприятиях области она составляла 41,8 % [401, 104]. Во всех совнархозах республики с 1959 г. прослеживалось удорожание продукции [402, 190].

Факты подобного рода не являлись частным исключением. Они были общей тенденцией, элементами функционировавшей экономической системы, неспособной к изжитию подобных негативов производства.

В рассматриваемый период отраслевая структура промышленности имела вид, характерный для слабо диверсифицированной индустрии.

Топливно-энергетический комплекс республики был представлен двумя сегментами – угольной и нефтяной отраслями.

Угольная промышленность была одной из традиционных отраслей индустрии Казахстана. По данным на 1965 г., 40 шахт

Репозиторий КарГУ

угольной промышленности республики располагались в 3 областях Казахстана: в Карагандинской (Карагандинский бассейн – 37 шахт и разрезов, Куу-Чекинское месторождение – 1), Павлодарской (Экибастузское – 1 шахта) и в Чимкентской области (Ленгерское месторождение – 1 предприятие).

В течение 1956-1959 гг. в Карагандинском бассейне были введены в действие 8 шахт и первая очередь разреза № 2 в Экибастузе. В 1959-1965 гг. в угольной промышленности КССР было введено в действие 14 шахт и разрезов с производственными мощностями на 19,5 миллионов тонн. Причем только по 6 объектам из 14 проектные мощности были освоены [403, 6-7].

В годы семилетки в Карагандинском бассейне добыча угля возросла в 1,3 раз, в Экибастузе – более чем в 2,3 раза. В 1960 г. добыча угля в Казахстане выросла по сравнению с 1950 г. почти в 2 раза, по сравнению с 1955 – в 1,2 раз и составила более 32,3 миллионов тонн. К 1965 г. добыча угля составила более 45,8 миллионов тонн, по сравнению с 1960 г. – увеличение произошло на 40 % [172, 30-31]. По объему производства угольная промышленность Казахстана занимала 3 место в стране. К 1965 г. удельный вес подземных работ составлял 65 %, 35 % добычи угля шло открытым способом [404, 7].

Самым крупным оставался Карагандинский угольный бассейн, здесь было сосредоточено 93 % общего количества шахт и разрезов, 90 % всех рабочих отрасли и 64 % всего объема добычи угля в Казахстане. В Карагандинском угольном бассейне развивались наиболее крупные шахты мощностью свыше 1200 тысяч тонн в год, давших в 1965 г. около 20 % общей добычи угля в бассейне. Среднегодовая мощность шахт Карагандинского угольного бассейна в 1950-е гг. уступала только показателю Кузнецкого и превышала в 1,5–2 раза показатели Донецкого и Подмосковного угольных бассейнов. К концу семилетки среднегодовая мощность шахт Карагандинского угольного бассейна достигла 806 тысяч тонн. Начиная с 1959 г. проектировались шахты мощностью 1200-3000 тысячи тонн в год.

Шахты Карагандинского бассейна отличались газоносностью, превышающей степень газоносности Донецкого, Кузнецкого и других бассейнов СССР. Это обстоятельство значительно осложняло ведение горных работ и снижало технико-

Репозиторий КарГУ

экономические показатели эксплуатации шахт, так как требовало проведения предварительной дегазации рабочих пластов [405, 169-170]. Данное обстоятельство и еще ряд причин объективного и субъективного характера приводили к невыполнению шахтами годовых плановых заданий. В 1959 г. из 37 шахт и разрезов не выполнили планы 10 (27 %), в 1960 – 9 шахт (24 %) [406, 15].

В республике 32 % угля добывалось в Павлодарской области. В развитии добычи угля открытым способом значительную роль в республике играло Экибастузское месторождение, уже в 1956 г. проектная мощность карьера № 1 была перекрыта в 1,5 раза. В 1959 г. был сдан в эксплуатацию карьер № 2 (первая очередь) мощностью в 3 миллиона тонн в год.

По уровню производительности труда угольная промышленность республики занимала 1 место среди республик СССР, но в значительной мере уступала показателям отрасли в США (в 4 раза – по подземному способу и на 40 % – по открытому). В 1950-1960-е гг. шел процесс механизации угольной промышленности, но удельный вес ручного труда оставался еще значительным. Механизация навалки угля и проходка подготовительных работ составляла всего 65-70 % [407, 21].

Потребление угля в республике было увеличено (предприятиями черной металлургии, тепловыми электростанциями и т.п.). Республика потребляла преимущественно свой уголь. Самый дешевый – Экибастузский – использовался электростанциями и вывозился в большом объеме на Урал. Угли Ленгерского месторождения шли на удовлетворение нужд населения и промышленных предприятий близлежащих районов. Карагандинский бассейн являлся поставщиков углей для коксования. В 1965 г. Казахстан отправил в различные районы страны более 5,6 миллионов тонн угля [408, 135].

Итак, угольная отрасль в республике продолжала развиваться, удовлетворяя, в первую очередь, собственные промышленные потребности. Несмотря на значительный рост добычи угля в данное десятилетие (на 64 % с 1955 по 1965 гг.), значительной роли в общесоюзной интеграции угольная промышленность КССР не играла. За данный период удельный вес республики в добыче угля увеличился лишь на 0,8 %, составив 7,9 % общесоюзной добычи (см. таблицу 31).

Репозиторий КарГУ

Во второй половине 1950-х гг. структурные изменения произошли в нефтяной отрасли. В январе 1957 г. был организован трест «Мангышлакнефтегазразведка», основными задачами которого являлись исследование территории полуострова Мангышлак, выявление наиболее перспективных месторождений нефти и газа и подготовка их к промышленной эксплуатации. В результате этих работ абсолютная величина запасов нефти в республике в 1956-1960 гг. выросла в 11 раз, в 1961-1965 – в 59 раз. Причем, объем приращенных запасов в первой половине 1960-х гг. по сравнению с шестой пятилеткой увеличился в 6 раз [409, 190].

Выявление высокоперспективных нефтяных и газовых месторождений на Мангышлаке определило главные направления развития этой отрасли. Была начата эксплуатация богатейших месторождений нефти и газа – Жетыбай, Узень, Прорва и др. Добыча нефти в 1965 г. возросла по сравнению с 1955 г. в 1,4 раза и в 1,3 раза по сравнению с 1960, составив более 2 миллионов тонн [172, 30-31]. В 1950-1960-е гг. в республике развиваются новые способы добычи нефти. Кроме фонтанного способа добычи нефти (наиболее экономичного) предприятия нефтедобывающей отрасли стали осваивать новые методы буровой проходки, например, турбинное бурение.

К началу семилетки в составе объединения «Казахстаннефть» находилось 10 действующих укрупненных нефтепромыслов и нефтеуправлений. Наиболее крупными предприятиями были Каратон, Байчунас, Кульсара. Старые промыслы (Доссор, Макат, Сагиз, Шубар-Кудук) давали незначительное количество нефти, и себестоимость добычи 1 тонны нефти на этих месторождениях была очень высока. Так, себестоимость добычи 1 тонны нефти на промыслах Доссор составила в 1965 г. 28,6 рублей, на Сагизе – 23,7 рублей, в то время как среднее значение этого показателя по объединению составляло 9,96 рублей [409, 69]. Однако нефть, добываемая на старых месторождениях, являлась наиболее качественной.

В 1959-1965 гг. в разработку были введены новые месторождения – Карсак (1959 г.), Тажигали (1960 г.), Прорва (1963 г.), Узень (1965 г.). Промышленная эксплуатация двух последних площадей дала возможность увеличить добычу нефти

Репозиторий КарГУ

фонтанным способом. Непосредственное влияние на темпы развития нефтяной отрасли оказал технический прогресс, затронувший все участки этой отрасли. Возрос уровень автоматизации и механизации процесса добычи нефти и бурения скважин. Внедрялись методы искусственного воздействия на нефтяные пласты: заводнение нефтесодержащих горизонтов, гидравлический разрыв пластов и другие. Значительные работы проводились по сокращению времени на бурении, монтаже оборудования, ремонте скважин.

Нефтепереработка осуществлялась на Гурьевском нефтеперерабатывающем заводе, технологическая схема переработки которой была рассчитана на получение авиа-, автобензина, дизельного и моторного топлива. Переработка эмбенской нефти на Гурьевском заводе началась с 1958 г. Их переработка осуществлялась в смеси с нефтью Поволжья и Туркмении. За 1958-1965 гг. объем перерабатываемого заводом сырья увеличился в 1,3 раза, расширился ассортимент выпускаемой продукции, в числе которой появились бензины авиационные, автомобильные с повышенным октановым числом, а также продукция, отправляемая на экспорт [409, 198]. Дальнейший рост производства нефтепродуктов в республике был связан с сооружением двух новых перерабатывающих заводов – в Павлодаре и Чимкенте.

Выявление высокоперспективных нефтяных и газовых месторождений на Мангышлаке сыграло огромную роль в стратегической перспективе развития отрасли, привело к освоению обширной территории полуострова и росту городов и поселков – Шевченко, Ералиево, Жетыбай и др. Именно в исследуемый период был заложен фундамент для будущего нефтяной отрасли в республике.

Достаточно высокими темпами в республике развивалась электроэнергетика. До конца 1950-х гг. особенностью ее развития являлось строительство ведомственных электростанции, обеспечивавших, прежде всего, нужды тех предприятий, которым они принадлежали. Такая тенденция в развитии энергетики Казахстана обеспечивала более высокий уровень электрификации промышленного производства по сравнению с другими отраслями экономики. В 1950-1960-е годы строились новые крупные

Репозиторий КарГУ

электростанции – Джезказганская ТЭЦ, Усть-Каменогорская ГЭС, первый агрегат Бухтарминской ГЭС, Лениногорская ТЭЦ, Павлодарская ТЭЦ-2, а также электростанции в Экибастузе, Рудном, Атасу, Уральске, Целинограде, Кустанае, Текели и расширялись прежние мощности на действующих ТЭЦ. Если к концу 1950-х годов крупнейшей электростанцией была Карагандинская ГРЭС-1 мощностью 271 тысяч киловатт, то в 1965 году – мощности Карагандинской ГРЭС-2 и Бухтарминской ГЭС составляли 600 тысяч киловатт каждая [410, 69].

В 1960 г. мощность электростанций Казахстана увеличилась в 5 раз. Если в 1950 г. выработка электроэнергии составляла 2617,2 миллионов киловатт-часов, то в 1960 – 10469,6, в 1965 г. – 19226,3 млн. квт-час [411, 30-31].

Электроэнергетика Казахстана еще отставала в своем развитии от других республик СССР. Среднедушевой показатель производства электроэнергии в СССР также был выше, чем в КССР. В 1965 г. производство электроэнергии в СССР на душу населения составило 2,2 тысячи квт-час, тогда как в Казахстане – 1,6 тысяч квт-час [412, 49-57,33].

В 1960-е гг. электроэнергетика превратилась в крупную отрасль экономики, ее промышленно-производственные фонды занимали второе место после топливной промышленности. По темпам роста валовой продукции энергетическая промышленность в регионе уступала лишь черной металлургии и промышленности строительных материалов. Однако потребности экономики эта отрасль еще не удовлетворяла, и если промышленность еще как-то, в силу вышеозначенных обстоятельств, обеспечивалась в определенной степени электроэнергией, то в сельском хозяйстве Казахстана, да и СССР в целом, проблема электрификации производства практически не была решена.

Значительное развитие в данный период получила черная металлургия. По объему капиталовложений и потреблению черных металлов республика занимала третье место в СССР. В Казахстане производились основные виды продукции отрасли, в ее состав входили доменное, сталелитейное, прокатное производство, ферросплавная, метизная, коксохимическая, железорудная, хромитовая, марганцевая отрасли и отрасли промышленности нерудного сырья. Темпы роста валовой продукции черной

Репозиторий КарГУ

металлургии являлись одними из самых высоких среди отраслей индустрии республики. В 1960 г. они составили по отношению к 1950 г. 640 %, а в 1965 – 1633 % [168, 24-25]. Производство железной руды с 1955 к 1965 г. выросло в 59 раз, чугуна с 1960 к 1965 г. почти в 6 раз, стали – за данное десятилетие в 4,8 раза, прокат черных металлов – в 1,6 раз [413, 30].

При сооружении гигантов индустрии руководство республики игнорировало интересы, потребности населения, форсируя строительство промышленных объектов. Одной из крупнейших строек в республике стало сооружение «казахстанской Магнитки», на которой в 1959 г. произошли трагические события, продемонстрировавшие сущность функционировавшей политической системы. Система продолжала оставаться тоталитарно-коммунистической, антиправовой, способной решать любые социально-экономические и политические конфликты исключительно в контексте привычных репрессивных методов. Совершенно логично, на наш взгляд, остановиться более подробно на данных событиях.

Сооружение Карагандинского металлургического завода в г. Темиртау Карагандинской области было объявлено всесоюзной молодежной стройкой, ЦК комсомола направлял на стройку из всех уголков СССР большое количество молодежи. Если в 1953 г. коллектив предприятия состоял из 3,5 тысяч человек, то уже в 1959 г. на строительстве Карагандинского металлургического комбината работало 25,5 тысяч человек. За короткое время на работу было принято около 3 тысяч рабочих, в том числе около 1500 юношей и девушек, не достигших совершеннолетия. Накануне событий в тресте было более 3 тысяч человек сверх государственного плана, а нажим на увеличение приема новой рабочей силы со стороны вышестоящих органов продолжался. В результате этого на стройке сложилось такое положение, когда приток рабочих кадров опережал возможности его размещения и использования. Текучку кадров на строительстве Карагандинского металлургического завода подтверждают следующие факты. В 1956 г. на казахстанскую Магнитку прибыло 6 тысяч человек, убыло 3,5 тысячи (58 % прибывших), 1957 г. – прибыло 7 тысяч, убыло 5 тысяч человек (71 %), 1958 г. – прибыло 11 тысяч, убыло 7 тысяч, 1959 г. – прибыло 14 тысяч, убыло более 9 тысяч рабочих (64 %)

Репозиторий КарГУ

[414, 12]. Люди приезжали за тысячи километров, получали подъемные и из-за отсутствия жилья и ряда других причин уезжали назад. Серьезные производственные и социально-бытовые проблемы и абсолютное игнорирование партийными и советскими функционерами этих проблем вызвали появление в этом регионе очага социальной напряженности.

Нерационально осуществлялся производственный процесс строительства завода. В результате неквалифицированного руководства использование рабочей силы и техники находилось в крайне неудовлетворительном состоянии. Например, простой экскаваторов на стройке составлял от 50 до 80 %, в то же время четверть всех земляных работ в 1959 г. выполняли вручную. Систематически нарушалась производственная дисциплина: редкий день обходился без простоев, поломок техники, аварий; постоянно срывался график поступления стройматериалов, оборудования, инструментов, спецодежды. Эти простои сказывались на оплате труда, 60-70 % рабочего времени не оплачивалось из-за простоев в связи с отсутствием строительного материала. Не соблюдалась техника безопасности. Происходило много несчастных случаев, но за них практически никто не нес ответственности. На стройке неоднократно бывали партийные и хозяйственные руководители как областного, так и республиканского масштаба, но проблемы не решались.

14600 человек жили в общежитиях, но их не хватало. Ежедневно прибывавшие на стройку люди оставались без жилья и с 1958 г. в Темиртау для рабочих стали ставить палатки. Резко континентальный, холодный климат Караганды не благоприятствовал таким условиям размещения. Палатки были не благоустроенные, промокали, не хватало постельных принадлежностей, умывальников и т.п. В отдельных кварталах заводского поселка отсутствовал водопровод, канализация. При остром недостатке воды строительство дополнительного водопровода тянулось с 1955 г. Нерешенными оставались проблемы организации питания. На 31 тысячу человек, проживавших в восточной части Темиртау, имелось лишь 1300 посадочных мест в столовых, что едва покрывало возможности обеспечения питания половины рабочих, в итоге столовые могли обслужить лишь 18 тысяч человек. Были нередки перебои в работе

Репозиторий КарГУ

магазинов. Магазинов требовалось на 204 рабочих места, было только на 142, в них не хватало продуктов и предметов первой необходимости. Случались перебои в снабжении и хлебом и даже с подвозом питьевой воды. Не хватало больничных и детских учреждений (школ, детских садов и т.п.) [415, 72].

События начались с того, что в субботу 1 августа 1959 г. вечером группа рабочих направилась в столовую, но все столовые оказались закрытыми. Это вызвало возмущение рабочих и некоторые из них приняли участие в разгроме столовой. Во время погрома было задержаны милицией два участника. Неуправляемая толпа попыталась их освободить, но это им не удалось. Утром и днем 2 августа проводились стихийные собрания и митинги. В данных событиях принимали участие болгары, приехавшие на всесоюзную комсомольскую стройку (из 2 тысяч болгар, трудившихся в Казахстане, более половины работало в Темиртау [42, 276]). Но ни партийные, ни хозяйственные органы, ни руководство стройки действенных мер для решения конфликтного вопроса не предприняли. Вечером 2 августа ситуация стала еще более напряженной и неуправляемой. По данным 1 секретаря Карагандинского обкома партии в событиях приняли участие более 3 тысяч человек [416, 48]. Начался погром милиции и универмага. Секретарь Темиртауского горкома партии А.Г. Коркин известил об этом обком. В обкоме было принято решение поднять силы милиции и солдат вооруженной охраны КарЛАГа и направить их на стройку для наведения порядка. На протяжении всей ночи с 2 на 3 августа к универмагу подъезжали подразделения конвойной охраны мест заключения, военнослужащие, которые были вооружены карабинами и автоматами с боевыми патронами. Ночью 2 августа с устного разрешения областного партийного руководства и руководства МВД республики силовые структуры стали применять оружие. Солдаты и милиция, как было зафиксировано в обвинительном заключении, вели беспорядочную стрельбу из карабинов и автоматов в сторону собравшихся вокруг универмага жителей поселка. Стрельба особенно усилилась на рассвете и утром 3 августа после прибытия к универмагу большинства подразделений конвойной охраны [417].

К утру 3 августа в г. Темиртау находилось уже около 600 человек из личного состава конвойной охраны МВД, горотдела

Репозиторий КарГУ

милиции, УВД области и других подразделений. О массовых беспорядках на стройке было доложено в ЦК КПК и ЦК КПСС. По указанию МВД СССР в город Темиртау с 3 на 4 августа на самолетах было доставлено 1400 солдат и офицеров частей внутренних войск МВД [418, 175]. К концу дня 3 августа беспорядки были ликвидированы.

В работе Абылхожина Ж. [79, 263] констатируется, что кровавыми итогами «умиротворения» этих волнений стали 16 убитых и более 50 раненых. Исследователь Лельчук В.С. сообщает, что если верить данным, которые позднее фигурировали в материалах прокуратуры и судебных органов, среди «мирного населения» 11 человек были убиты и 5 умерли от огнестрельных ран. По свидетельству полковника М.П. Васютина (в 1959 г. он занимал должность заместителя начальника управления внутренних дел по Карагандинской области и непосредственно возглавлял в те дни милицейский отряд в Темиртау) «от рук хулиганов и грабителей пострадало 111 военнослужащих и работников милиции; из них 30 человек получили огнестрельные раны, а 13 человек – тяжелые ранения; однако ни один военнослужащий и милиционер не погиб» [42, 291]. В записке секретаря Карагандинского обкома КП Казахстана П. Исаева в ЦК КПСС было отмечено, что «оружие применялось только против участников грабежа магазинов, против тех, кто стрелял из огнестрельного оружия в солдат, офицеров, работников милиции и дружинников, нападал на них с ножами, камнями и палками» [419, 176]. П. Исаев при выяснении обстоятельств применения оружия первоначально сообщал, что было лишь 2 случая применения оружия в Темиртау. Первый факт применения был, когда 2 грузовых автомобиля подъехали к динамитному складу, чтобы разоружить охрану, тогда военизированная охрана применила оружие. И второй случай применения – у магазина сторож применил оружие против грабителей. О том, что оружие применялось для расправы с рабочими, П. Исаев умолчал [420]. В числе пострадавших оказались невиновные, случайные люди. В архивных документах отмечено, что 27 человек получили тяжелые и средние ранения [421, 176].

Безусловно, что об этих событиях не сообщалось ни в одной центральной газете, ни в одном журнале, последствия событий в

Репозиторий КарГУ

Темиртау власти постарались замять. Министр внутренних дел КазССР Ш. Кабылбаев и начальник УВД Карагандинской области Н.Н. Любых были обвинены по статье 144 ч. 2 УК Казахской ССР (превышение власти), но дело до суда не дошло, и следствие было прекращено. Ряд руководителей (Н.И. Беляев – первый секретарь ЦК Компартии Казахстана; П.Н. Исаев – первый секретарь Карагандинского обкома партии и др.) лишились свой постов [422]. А прошедшие трагические события трактовались как хулиганская вылазка уголовных элементов из Темиртау. Фактически эти события были очередным проявлением экономического, политического, социального кризиса, тупика в развитии Системы, демонстрацией необходимости коренных изменений в обществе.

В целом проблемы, возникшие при строительстве Карагандинского металлургического завода, являлись типичными для индустриального развития не только республики, но и страны в целом. Государство всегда делало ставку на энтузиазм, альтруизм и способность к жертвенности советских людей. Нетипичной оказалась реакция рабочих в данной ситуации. Система была не готова к подобной реакции общества, соответственно и скрывала собственную агрессивную «беспомощность», неспособность конструктивно и адекватно реагировать на подобные явления. Поэтому ни в средствах массовой информации, ни в научной литературе в советский период о событиях в Темиртау не говорилось ни слова.

После событий 1959 г. в Темиртау на некоторое время стабилизировались поставки строительных материалов, техники, частично были решены и социально-бытовые проблемы.

Основной рудной базой Карагандинского металлургического завода являлся Атасуйский железорудный район, где были введены в эксплуатацию два карьера – Большой Ктай и Западный Каражал. Наиболее крупным являлся первый, введенный в эксплуатацию в 1961 г. на полную мощность, уже в 1962 г. сверх проектной мощности выдавший 202 тысячи тонн руды. К 1965 г. добыча железных руд Атасуйским рудоуправлением по сравнению с 1958 г. возросла более чем в 3,5 раза [423, 141].

В июне 1960 г. на Карагандинском металлургическом заводе была задута первая доменная печь, и получен первый чугун. В декабре 1960 г. вступила в строй первая коксовая батарея, было положено начало производства казахстанского кокса.

Репозиторий КарГУ

Однако даже к 1965 г. в черной металлургии из 24 объектов, введенных в эксплуатацию за предшествующие семь лет, не были освоены проектные мощности доменной печи № 1, мартеновских печей № 1 и № 2 на Карагандинском металлургическом заводе, а также мощности первой очереди фабрики мокрой магнитной сепарации на Соколовско-Сарбайском горно-обогатительном комбинате. На нем в связи с допущенными ошибками и просчетами в проектировании фактическая мощность в 1960 г. была на 30 % ниже, чем предусматривалось по проекту [424, 1-3].

Соколовско-Сарбайский комбинат начал сооружаться с 1955 г. на основе Кустанайского железорудного бассейна, частью которого являлись открытые в годы пятой пятилетки Соколовское и Сарбайское месторождения. Проектная мощность комбината составляла 26,5 миллионов тонн сырой руды в год. В составе комбината действовало 2 карьера – Соколовский и Сарбайский, рудоподготовительный комплекс с фабрикой доменных и мартеновских руд, фабрика глубокого мокрого магнитного обогащения, 1 очередь фабрики окомкования, теплоэлектроцентраль, ремонтно-механический завод и т.д. В Кустанайской степи возник город Рудный с населением в 100 тысяч человек.

Проблемы и противоречия индустриального развития не миновали и эту отрасль промышленности. По-прежнему доминировал ресурсозатратный, «природофобный» характер развития индустрии. Уровень технического прогресса 1950-1960-х гг. в СССР не позволял развивать рациональное, безотходное производство. Даже в современных условиях технология добычи и использования минерального сырья и другие причины позволяют реализовать в виде продукции лишь 1-5 % всего объема извлекаемых из недр полезных ископаемых, а остальное попадает в категорию отходов. В условиях, когда ограничены возможности извлечения одного или нескольких элементов из комплексного сырья, искусственно сужается сырьевая база. Так, при обогащении железных руд Соколовско-Сарбайского месторождения извлекался лишь один компонент – железо. Поскольку обогащалось многокомпонентное сырье, то в хвосты переходили и переходят до сих пор недоизвлеченные ценные вещества. Таких отходов здесь накопилось в течение десятилетий более 200 миллионов тонн, и

Репозиторий КарГУ

ежегодно их пополняли новые 12-13 миллионов тонн. При рациональной организации отходов переработки можно было бы дополнительно получить более 1 миллиона тонн полезного концентрата, 2,2 миллионов тонн серной кислоты и такие металлы, как цинк, кобальт, свинец, медь и другие [425, 124]. Однако даже сейчас, в начале XXI века, в Казахстане очень медленно реализуется программа комплексного извлечения полезных компонентов из руд. Накопление вторичных материальных ресурсов уже давно породило серьезные экономические, экологические и социальные проблемы.

Самой значительной отраслью по многим параметрам в тяжелой индустрии республики являлась цветная металлургия. В 1959-1965 гг. в цветную металлургию КазССР была вложена одна пятая всех капитальных вложений в цветную металлургию СССР. В данный период среднегодовая валовая продукция отрасли по сравнению с 1958 г. увеличилась в 1,7 раз [426, 40].

Освоение новых месторождений и строительство ряда предприятий обусловили некоторое территориальное рассредоточение цветной металлургии и расширение ее географии. Кроме основных очагов – Восточного, Центрального и Южного Казахстана, которые сохранили свои позиции, предприятия этой отрасли появились в Павлодарской (глиноземный завод), Кустанайской (Тургайский бокситовый рудник) областях. Наиболее крупными новыми объектами были в отрасли были Иртышский химико-металлургический, Усть-Каменогорский титано-магниевый комбинаты, Лениногорский цинковый и Павлодарский глиноземный заводы, Джезказганская обогатительная фабрика № 2, Златоуст-Беловский карьер, Тишинский рудник и т.д. Были реконструированы и расширены гиганты казахстанской индустрии – Балхашский медеплавильный, Чимкентский свинцовый заводы, Усть-Каменогорский и Зыряновский свинцово-цинковые, Лениногорский полиметаллические комбинаты.

В качестве основных достижений в советской историографии отмечались следующие моменты: «На предприятиях цветной металлургии внедрялась передовая техника и новая технология, улучшались показатели переработки рудного сырья, извлечения металлов, расширения количества извлекаемых компонентов. На

Репозиторий КарГУ

предприятиях отрасли была механизирована разливка свинца, цинка и меди, действовали автоматический контроль и регулирование металлургических процессов. На Усть-Каменогорском свинцово-цинковом комбинате была введена первая в мире автоматическая линия плавки разлива и штабелевки катодного цинка. На металлургических предприятиях механизировались процессы дробления и транспортировки твердого топлива и флюсов, смешения компонентов шихты, транспортировки ее в обжиговые и плавильные агрегаты и некоторые другие операции» [427, 53].

Однако наряду с такими фактами, демонстрирующими бурный рост и технический прогресс в металлургической отрасли, в архивах (но их нет в публикациях) отслеживаются материалы, отражающие проблемные моменты в производстве цветных металлов. Иррациональность, неэффективность производства, ориентация больше на «демонстрационный эффект», нежели действительную эффективность в использовании техники, низкий уровень механизации производства фиксируется почти во всех отчетах руководителей среднего звена. Так, указывается, что внедрение новой техники зачастую носило формальный характер. Из наличного в данной отрасли промышленности неустановленного оборудования – 80 % подлежащее установке, и 20 % оборудования являлись излишним для предприятия [428, 122].

На ряде заводов оборудование морально, да и физически устарело, многие технологические процессы производились вручную. Так, на Иртышском полиметаллическом комбинате рабочие в 1965 г. трудились на оборудовании выпуска 1929 г. В металлургических цехах преобладал ручной труд, условия труда были чрезвычайно тяжелыми. Один из вопиющих фактов – в цехах содержание свинца в пыли превышало санитарную норму от 60 до 150 раз [429, 3].

На Карсакпайском плавильном заводе большинство работ производилось вручную, почти во всех процессах применялся тяжелый физический труд. Для облегчения труда рабочих при разливке черновой меди на заводе в октябре 1958 г. была смонтирована и сдана в эксплуатацию медеразливочная машина, сметной стоимостью 2535 тысяч рублей. Однако из-за различных

Репозиторий КарГУ

неполадок и конструкторских недостатков машина так и не была освоена [430, 52].

Многие промышленные объекты цветной металлургии в республике в 1950-1960-е гг. освоили производственные мощности, но не могли их использовать полностью вследствии ограниченности сбыта продукции. Например, Иртышский химико-металлургический завод, выпускавший уникальную продукцию – редкие металлы, из-за невостребованности в СССР подобной продукции работал не в полную мощность. Мощности по выпуску ниобия в слитках практически совсем не использовались [431, 11-12], а возможностями поиска партнера-потребителя на мировом рынке Казахстан не обладал, поскольку проблемы такого уровня не входили в компетенцию республиканских ведомств и координировались исключительно Центром.

Ни одно из предприятий цветной металлургии не выполняло плановых заданий. Иртышский химико-металлургический комбинат с 1960 г. и в последующие годы семилетки выполнял планы лишь на 50-55 % [432, 120]. На Зыряновском свинцовом комбинате государственный план по добыче руды выполнялся только на 60-70 %, по ее переработке – на 50-70, по выпуску концентратов: свинцовых – на 40-60, цинковых – на 60-80, медных – на 60-80 % [433, 233]. Причинами такого положения на заводе были названы «долгострой в строительстве рудника, обогатительной фабрики и других объектов, плохая механизация основных процессов, неудовлетворительная организация труда на шахтах комбината и т.п.» Причины носили типичный характер и были присущи всей индустрии в целом. Даже такой гигант металлургии, как Балхашский медеплавильный комбинат, спустя почти 30 лет после ввода в эксплуатацию так и не заработал в полную мощность по целому ряду причин. В отчетах чаще всего указывались частные пробелы. Так, в период семилетки в отчетной документации этот факт объяснялся «необеспеченностью качественными кристаллизаторами из медно-серебряного сплава и недостающей аппаратурой, поставляемой из Саратова» [434, 3-4].

Ресурсозатратный характер добывающей промышленности продолжал оставаться доминирующей тенденцией в развитии отрасли. На Лениногорской, Зыряновской, Белоусовской обогатительных фабриках недостаточно эффективно извлекались

Репозиторий КарГУ

благородные металлы. Потери золота и серебра достигали 30-40 % от их содержания в исходной руде. На Текелийской обогатительной фабрике были велики потери свинца и цинка в хвостах – 30 и 40 % соответственно [435, 206-207].

Проблема ресурсосбережения не решена до сегодняшних дней. Казахстану не удалось преодолеть инерцию экстенсивного, ресурсозатратного характера развития тяжелой индустрии, хотя предпринимаются попытки решения проблемы. В Казахстане в 1990-х гг. ежегодно добывалось более 1,53 миллиарда тонн полезных твердых ископаемых, из них третья часть (534 миллиона тонн) – для металлургии. Однако из этого количества в конечную продукцию превращается немногим более 4-8 %, а остальное вывозится в виде пород вскрыши, хвостов обогащения и металлургических шлаков. Уровень их вовлечения в народнохозяйственный оборот незначительный, в цветной металлургии – 5,6 %, в черной – 3,3, угольной – 5,2 % [425, 188].

Итак, в развитии одной из самых важных, стратегических отраслей индустрии четко проявлялись как позитивы, так и негативы развития тяжелой промышленности. Наряду с существенной динамикой в одних показателях: появление передовых отраслей цветной металлургии, строительство новых предприятий, рост добычи металлов, частные технологические достижения и т.п., настолько же существенно проявлялись тенденции торможения, стагнации в развитии: невыполнение планов, неадекватность формальных показателей производства и его действительных параметров, несостыковки в планировании, снабжении, распределении ресурсов, все более капиталоемкий характер отрасли и т.д.

Машиностроение – одна из самых молодых отраслей индустрии республики, темпы развития этой отрасли уступали только показателям черной металлургии. В 1956-1958 гг. в развитие производственных мощностей машиностроительных заводов было инвестировано почти в 1,5 раза больше средств, чем за предшествующие 5 лет. В 1958 г. по сравнению с 1955 г. объем машиностроительной продукции в республике увеличился на 53 % против 47 по стране в целом; среднегодовые темпы роста составили 15,3 %, превзойдя в 1,5 раза темпы роста производства всей промышленности Казахстана [172, 36-37].

Репозиторий КарГУ

Наряду с заметным количественным ростом происходил дальнейший сдвиг в производственной структуре отрасли. В советский период машиностроение рассматривалось в одной структуре с металлообработкой. Так, в данный период несколько увеличилась доля машиностроения в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. В 1958 г. она составила по производству валовой продукции 46,4 %. К 1958 г. значительно возросла доля тяжелого машиностроения, валовая продукция этого сегмента отрасли составила 22,4 % [427, 54].

В 1958-1965 гг. при среднегодовом темпе роста промышленного производства на 11,2 %, продукция машиностроения и металлообработки возросла на 17,7 % в год, а удельный вес этой отрасли в структуре всего промышленного производства увеличился с 10,6 % в 1958 г. до 17,1 % в 1965 г. Выпуск продукции этой отрасли возрос в 3,1 раза, в том числе, металлургического оборудования – в 2,5 раза, кузнечно-прессовых машин – в 1,8, металлорежущих станков – в 1,7, приборов, средств автоматизации, запасных частей к автомобилям, тракторам и сельхозмашинам – в 5,6, а также обогатительного оборудования – в 1,7 раз [436, 373-374].

Однако развитие этой отрасли еще не соответствовало тем объемам производства, которые требовала республиканская промышленность, она развивалась без учета интересов экономики КССР. Машиностроительная отрасль промышленности Казахстана ориентировалась на союзного потребителя, поэтому влияние отрасли на получение национального продукта республики оказалось в 1950-1960-е гг. очень слабым. Кроме того, в результате союзной ориентации предприятий отрасли слабо использовалась минерально-сырьевая база Казахстана, что свидетельствовало о недостаточном уровне межотраслевых связей. Это, в свою очередь, стало причиной преобладания ввоза продукции машиностроения из других экономических районов СССР, что вызывало неоправданные дополнительные расходы на транспорт и т.п. [437, 64]. Из 84 % объема ввозимых материальных ресурсов в нашу республику наибольшая доля приходилась именно на машиностроительную отрасль промышленности – 34 %. При этом потребности Казахстана в продукции железнодорожного машиностроения на 96 % удовлетворялись за счет ввоза, в

Репозиторий КарГУ

оборудовании химической и нефтяной промышленности – на 82, в металлургическом оборудовании – на 72, в металлорежущих и деревообрабатывающих станках – на 62 % [438, 308].

Итак, значительная часть оборудования для нужд индустрии поступала из машиностроительных предприятий других республик, лишь незначительная часть потребностей Казахстана в производственном оборудовании, машинах и механизмах удовлетворялась за счет собственного производства. Например, в буровом и нефтяном оборудовании – на 20-25 %, в металлорежущих станках – на 4-6, кузнечно-прессовом оборудовании – на 15-18, сельскохозяйственных машинах – на 13-15 % [275, 235].

Развитие машиностроения в республике до 1960 г., как указывается в работах казахстанских исследователей, «сдерживало отсутствие на месте металлургических предприятий, прежде всего, черного металла». С 1960 г. на Карагандинском металлургическом заводе начато производство чугуна, с 1964 – стали, а в 1966 г. в действие введен первый слябинг. Таким образом, в республике появилась сырьевая база для машиностроительной промышленности. Отраслевую структуру машиностроения Казахстана можно отследить по таблице 34 [439, 26].

Таблица 34 (в %) – Структура машиностроения КССР в 1958-1965 гг.

Отрасли	1958 г.		1965 г.	
	по валовой продукции	по основным фондам	по валовой продукции	по основным фондам
Все машиностроение (без металлообработки), в том числе:	100	100	100	100
Электротехническое	12,4	5,5	19,0	8,9
Станкостроение и инструментальное производство	4,4	7,0	6,0	5,0
Приборостроение	3,2	4,0	6,0	5,5
Тяжелое машиностроение	22,4	29,9	18,9	27,7
Строительно-дорожное	1,1	0,8	0,8	1,4
Тракторное и сельскохозяйственное	13,2	13,1	16,6	16,0
Прочие отрасли машиностроения	43,3	39,7	32,7	35,5

Репозиторий КарГУ

Как видно из таблицы, наиболее значительным сектором в машиностроении было тяжелое машиностроение, однако удельный вес его к 1965 г. несколько снижается, хотя объем производства этой отрасли в течение семилетки значительно возрос – в 2,8 раза. Вырос удельный вес и объем производства электротехнического машиностроения, приборостроения, станкостроения и инструментального производства, тракторного и сельскохозяйственного сегментов отрасли.

Несмотря на значительный рост машиностроения, оно заметно отставало от потребностей республики, не удовлетворяя ни промышленное производство, ни потребности населения. Только для сельскохозяйственных машин потребность в запасных частях в 1958 г. исчислялась 600 миллионами рублей, а собственное их производство было незначительным. Поэтому запасные части для сельского хозяйства республики завозились более чем из 300 предприятий других промышленных районов страны. Затраты на их перевозку составили несколько десятков миллионов рублей [440, 133].

Из 18 объектов машиностроения, введенных в действие в годы семилетки, 16 предприятий (89 %) не справились с освоением проектных мощностей [441, 70]. Причем именно в машиностроении прослеживалось наибольшее отставание в освоении производственных мощностей.

В 1965 г. 86 % заводов машиностроительной отрасли республики являлись предприятиями по выполнению ремонтных работ [442, 373]. Передовые, прогрессивные отрасли машиностроения, как электроника, приборостроение, производство поточных линий и т.п., практически не были внедрены. Заметное отставание одной из самых перспективных отраслей тяжелой индустрии – машиностроения, вызывали озабоченность наиболее талантливых ученых, дальновидных хозяйственников-руководителей. Не случайно, еще в 1961 г. академик К. Сатпаев предлагал образовать несколько научно-исследовательских институтов машиноведческого профиля, изменить систему подготовки кадров высшей квалификации и ее структуру в соответствии с развертыванием научно-технической революции [443, 33-34,53]. Однако ни у руководителей республики, ни в среде ученых его идеи не получили поддержки.

Репозиторий КарГУ

Таким образом, машиностроение в республике развивалось недостаточно, не удовлетворяло ни потребности экономики, ни населения в целом. Ориентация в экономическом развитии края на сырьевую направленность отодвинуло эту отрасль в разряд второстепенных и обслуживающих сегментов индустрии. Машиностроение и металлообработка в данное десятилетие по своему уровню развития и по степени организации взаимосвязи в отраслевой структуре не обеспечивали прогрессивного изменения структуры промышленного производства Казахстана [444, 41].

Химическая промышленность в Казахстане являлась одной из самых перспективных отраслей народного хозяйства. Запасы химического сырья в республике по данным 1960 г. в общем балансе учтенных запасов в СССР составляли: хромитовые руды – 87 %, борное сырье – 34,8, бариты – 56, фосфориты – 30,4 %. Однако свой потенциал республика не реализовывала. Продукция химической отрасли в общем объеме валовой продукции всей промышленности составляла менее 3 % [445, 36].

Особенно бурно химическая промышленность развивалась в 1959-1965 гг. Как известно, именно в этот период Н. Хрущев стал всемерно продвигать идею «большой химии», что нашло, в частности, отражение в перефразировании крылатой цитаты Ленина «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны», куда добавлялось слово «химизация». За годы семилетки в нее планировали вложить капитальных вложений в 7 раз больше, чем за предыдущее семилетие [446, 102]. Однако фактически в данный период объем капиталовложений в отрасль превысил показатели предыдущего семилетия в 3 раза. Они составили 191,376 млн. рублей. Выпуск валовой продукции вырос в 2,4 раза, причем в 1965 г. по сравнению с 1958 г. производство фосфорных удобрений увеличилось в 1,5 раз, серной кислоты – в 1,8, хромовых солей – в 6, искусственного волокна – в 1,7 раз [275, 213-214]. Ассортимент химической продукции достиг почти 100 наименований.

Существенно изменилась структура химической промышленности и соотношение между ее отраслями. Если на долю горнодобывающей промышленности и ее основной химии приходилось более 80 % промышленно-производственных фондов, то к 1965 г. эта доля значительно снизилась в результате более

Репозиторий КарГУ

быстрого роста новых отраслей, особенно производства синтетических органических продуктов. Темпы роста валовой продукции химической индустрии в республике составляли в 1955 г. 247 % (если в качестве базового принять 1950 г.), в 1960 – 519, в 1965 г. – 1057 % [447, 102].

За 1959-1965 гг. в химической индустрии республики были введены в действие 10 новых объектов, в их числе Джамбульский суперфосфатный завод, обогатительная фабрика горно-химического комбината Каратау и др. [448, 4]. К 1965 г. в Казахстане имелось 17 действующих предприятий химической промышленности, а также ряд цехов предприятий черной и цветной металлургии по производству химической продукции [449, 69].

В 1957 г. на базе Донского месторождения хромитовых руд была запущена первая очередь Актюбинского завода хромитовых руд. Строительство предприятий, в том числе и химической, затягивалось на многие годы, иногда и десятилетия. В отчетах руководителей предприятий, чиновников министерств это явление стало обозначаться специальным термином «долгострой». Значительная часть гигантов промышленности прошли через этот долгострой. Например, сооружение Карагандинского завода синтетического каучука было начато в 1940 г., в 1960 г. в действие были введены всего 2 цеха [450, 36]. Строительство многих объектов зачастую форсировалось и начиналось без необходимой подготовительной работы. Например, аналогичная ситуация сложилась на одном из гигантов республиканской химии – комбинате «Каратау». В отчетах предприятия обозначены причины катастрофического положения дел на комбинате: «Затруднена посменная перевозка людей на рудники, рабочие теряли до 4 часов сверх рабочего времени, находясь на пути следования на отдаленный рудник и обратно. В конце 1959 г. началось строительство второй очереди комбината «Каратау». Без достаточной подготовки осуществлялось перебазирование с Чулакского рудника, на котором открытые работы по тому времени свернулись, на другое – Аксайское месторождение фосфоритов, отдаленное на 32 километра от промплощадки комбината. К моменту перехода комбинат не располагал достаточным количеством горной техники и транспортных средств, чтобы вести

Репозиторий КарГУ

работы на двух рудниках, и строительство горной части второго рудника не было начато. Не были развиты и подъездные железнодорожные пути в связи со значительным увеличением грузооборота на комбинате» [451, 64-66]. На обогатительной фабрике горно-химического комбината не были полностью освоены проектные мощности. Несовершенство технологической схемы обогащения и допущенные проектные недоработки привели к тому, что в 1965 г. проектная мощность фабрики использовалась на 16-17 % [452, 4-5].

Несоответствия и противоречия прослеживаются при сопоставлении архивных материалов изучаемого периода и исследований советских историков, экономистов и т.д. В частности, в Центральном государственном архиве экономики РФ в фонде 233 (Совет народного хозяйства) отслеживаются материалы по освоению проектных мощностей, в том числе и в химической индустрии. Так, по данным архивных материалов 1965 г. обозначено, что на Джамбульском суперфосфатном заводе не были освоены проектные мощности. И основной причиной названа «необходимость реконструкции сушильных агрегатов и еще ряда различного оборудования» [453, 4-5]. В работах Ашимбаева Т., С. Баишева, Г. Чуланова и других авторов перечислены основные достижения предприятия – совершенствование переработки сырья с целью получения более концентрированных продуктов и отмечено, что «на Джамбульском суперфосфатном заводе проектные мощности были освоены полностью [454].

Эти несоответствия имеют объяснения. В период 1930-1980-х гг. в исследовательской литературе констатировались лишь достижения, победы, успехи промышленного развития СССР. Критический материал строго дозировался и мог носить лишь частный характер. А признание факта, что один (или несколько) из гигантов казахстанской индустрии не освоил за 10-20 лет проектные мощности и функционировал на 15-20 % (либо 50-70 %), ставило бы под сомнение эффективность производства не только одного предприятия или отрасли, но и эффективность существующей экономической системы. Публикации подобных материалов в данный период были невозможны по ряду идеологических и политических мотивов. Как следствие этого – строго заданное направление в результатах исторических

Репозиторий КарГУ

исследований и фиксация лишь позитивных моментов экономического развития республики и страны.

Химическая промышленность в 1950-1960-е гг. играла все более существенную роль. Тем не менее, ее развитие не соответствовало минерально-сырьевым возможностям республики.

Промышленность строительных материалов и строительство в республике являлись одними из самых проблемных отраслей. Несмотря на масштабное строительство, осуществляемое в 1950-1960-е гг., промышленность стройматериалов не только отставала, но и в большинстве случаев задерживала строительство промышленных предприятий, жилья, объектов культурно-бытового назначения. Долгострой в республике зачастую был обусловлен нехваткой стройматериалов, их несвоевременной доставкой и т.п.

Промышленность нерудных стройматериалов (щебень, гравий, песок) в республике, в большинстве случаев, в отличие от горнорудной, угольной, асбестовой и цементной отраслей, где строились крупные рудники и карьеры, более или менее оснащенные техникой, создавалась на базе мелких вспомогательных предприятий в составе строительных и других хозяйственных организаций. В 1961 г. в отрасли было учтено 439 предприятий, на которых работало 330 экскаваторов, 160 бульдозеров, 40 буровых станков т.п. Итак, на одно предприятие приходилось чуть более одной единицы техники. Цифры свидетельствуют о крайне слабом техническом оснащении предприятий, причем многие мелкие из них не имели почти никакой техники, на них все работы выполнялись вручную. Преобладание примитивных, экономически неэффективных предприятий (в 1965 г. насчитывалось 1282 нерудных предприятия) усугублялось распыленностью их по многим организациям и ведомствам, что вело к выпуску материалов низкого качества и высокой себестоимости. Исключения составляли лишь предприятия Министерства строительства – более крупные и сравнительно лучше оснащенные техникой, чем в других ведомствах. В республике отсутствовало производство многих необходимых для строительства видов продукции: производство оконного стекла, санитарно-строительных изделий, линолеума, стеклопластика, облицовочных и других материалов [455, 6].

Определенная динамика имела место в развитии легкой промышленности республики. В 1960 по сравнению с 1955 г.

Репозиторий КарГУ

валовая продукция легкой промышленности выросла в 2 раза, в 1965 г. – в 2,7 раза [172, 24-25]. Удельный вес валовой продукции легкой промышленности в исследуемый период составлял 13-15 %, что было выше, чем доля таких отраслей, как черная металлургия, машиностроение, химическая и т.п., и занимала третье место в отраслевой структуре индустрии республики после цветной металлургии и пищевой промышленности.

Однако эти динамические оттенки не определяли общего хода развития данного сегмента промышленности края. В развитии отрасли отслеживались значительные негативные моменты и особенности. До 1962 г. предприятия легкой промышленности были однотипными по отдельным отраслям и параллельно производили идентичную по ассортименту продукцию невысокого качества. Это были небольшие, в первую очередь, швейные фабрики, предприятия местной промышленности, имевшие 30-60 рабочих. Подобных предприятий в Казахстане насчитывалось 250 и они выпускали 80 % всей швейной продукции [284, 212]. Ассортимент предприятий легкой промышленности был весьма ограничен, качество продукции оставляло желать лучшего. В структуре ассортимента постоянно прослеживались отклонения: ряд востребованной продукции производился в недостаточном количестве и не покрывал их дефицит, но, несмотря на это, невостребованная некачественная продукция продолжала выпускаться с ежегодным плановым увеличением. Несоответствие спроса и предложения, характерное для всей промышленности СССР, ярче всего проявлялось в данный период именно в легкой и пищевой отраслях индустрии.

Еще одной из сложных проблем легкой промышленности являлось внутриреспубликанское размещение предприятий. Сложившееся в КазССР размещение предприятий характеризовалось неравномерностью, концентрацией производств ряда отраслей в ограниченном числе районов и крупных городов. В 1965 г. почти 75 % всей валовой продукции легкой промышленности производилось в 4 областях – Алма-Атинской (27 %), Семипалатинской (22,6 %), Джамбульской (12,7 %), Чимкентской (12,3 %). Практически основная часть производства находилась в южном регионе. На севере республики легкая промышленность была развита очень слабо. Удельный вес валовой

Репозиторий КарГУ

продукции легкой промышленности в структуре промышленного производства северного региона КССР был равен 8 %. Практически совершенно отсутствовали перерабатывающие предприятия, не использовались богатые ресурсы местного сельскохозяйственного сырья, и оно вывозилось за пределы, как региона, так и республики. Так, на долю Северного Казахстана в 1960 г. приходилось 15 % всей заготовляемой шерсти по республике, которая даже без первичной обработки сразу вывозилась [456, 169]. В целом за пределы республики в 1960-е гг. вывозилось 46 % крупного и 36 % мелкого кожевенного сырья, 80 % натуральной мытой шерсти, 34 % хлопка-волокна [457, 169]. Доля сырья и полуфабрикатов в общем тоннаже вывоза по легкой промышленности доходила до 99 % [437, 308]. Основными районами вывоза являлись: Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Поволжский, Уральский, Западно-Сибирский районы РСФСР, Белорусская, Литовская и Узбекская республики. Ввоз в Казахстан почти целиком состоял из готовых товаров практически из тех же районов СССР.

Итак, сырьевая направленность республики достаточно остро проявлялась и на примерах недостаточности количества перерабатывающих предприятий легкой индустрии. Легкая промышленность не соответствовала ни потребностям региона, ни имеющимся сырьевым возможностям. Продукция этой отрасли, несмотря на огромные резервы, в общесоюзном производстве была ничтожной, удельный вес ее в производстве некоторых видов продукции составлял всего 0,1-1 % [279, 33].

Пищевая промышленность в Казахстане в 1954-1964 гг. в отраслевой структуре индустрии Казахстана представляла собой достаточно развитую отрасль. На ее долю приходилось 24,7 % валовой продукции промышленности, 7,1 основных промышленно-производственных фондов и 13,3 % численности промышленных рабочих республики [436, 74]. Валовая продукция отрасли в 1960 г. увеличилась по сравнению с 1955 в 2 раза, в 1965 г. – более чем в 2,5 раза [258, 26-27].

В 1959-1964 гг. в пищевую индустрию было направлено 184,4 миллионов рублей капитальных вложений, что превысило размер отпущенных средств за предшествующие 40 лет. Вступили новые, введенные в действие и реконструированные предприятия

Репозиторий КарГУ

пищевой промышленности, но они не полностью охватывали переработкой сельскохозяйственное сырье республики. В 1965 г. было переработано 50 % валового надоя молока, промышленная переработка скота и птицы составляла 62 % [437, 335].

Во многих архивных материалах отслеживается критика руководством республики и министерств состояния и развития легкой, пищевой и местной промышленности. Так, на одном из пленумов в 1960 г. Н. Беляев, первый секретарь ЦК КПК, отмечал недостаточное развитие перерабатывающих предприятий пищевой промышленности. В республику, отмечалось им, при всем том, что она является ведущим аграрным регионом СССР, маринованные огурцы завозятся из Дагестана, а квашеная капуста – с Украины [458, 39].

Существенным недостатком пищевой промышленности являлась диспропорция между предприятиями отрасли и сегментами сельского хозяйства – поставщиками соответствующего вида сырья для этой отрасли. Эта диспропорция носила двоякий характер. В Южном Казахстане из-за недостаточной сырьевой базы производственные мощности сахарных заводов использовались на 65-70 %, в то же время в республику ежегодно завозились тысячи тонн сахара. В северных районах Казахстана диспропорции носили обратный характер. Животноводческая продукция из-за недостаточной мощности мясоперерабатывающих предприятий не перерабатывалась в достаточном количестве. В результате в Северном Казахстане производилось меньше, чем в среднем по Казахстану: мяса – на 30 %, колбасо-ветчиных изделий – в 1,5 раза [459, 170].

Пищевая промышленность, как и легкая, заметно отставала от потребностей республики, не соответствуя требованиям времени и не способствуя решению продовольственной проблемы в СССР.

Подводя итоги промышленному развитию Казахстана в «хрущевское десятилетие» можно сделать ряд выводов.

Модернизация «по-хрущевски» затронула и индустриальный сектор Казахстана. Также, как и в стране в целом, прежде всего, они коснулись управленческой структуры экономики. Переход от отраслевого к территориальному принципу управления дал на короткий этап положительные результаты. Было несколько приближено оперативное руководство к сложившимся

Репозиторий КарГУ

промышленным центрам, частично преодолены разобщенность и ведомственная ограниченность, уменьшились затраты на транспортировку сырья и продукции, усилились кооперационные связи предприятий, расположенных на одной территории. Однако спустя два-три года проявились недостаточная подготовленность и продуманность, противоречия и волюнтаризм данных реформ. Территориальная фрагментарность в промышленности привела к потере единства технической политики, стратегии в управлении индустрией страны и республик, раздробленности в руководстве отраслями промышленности.

Более половины экономического потенциала республики находилось в ведении союзных министерств, которые «выкачивали» из республики сырьевые ресурсы. Вложения в республиканский бюджет были неадекватны вывозимым ресурсам. Казахстану в общесоюзной интеграции отводилась роль агроиндустриального сырьевого придатка. Но Казахская ССР была не единственным донором в СССР.

С конца 1950-х-начала 1960-х гг. в промышленности республики начинают отслеживаться тенденции пробуксовки в развитии индустрии. Экономические реформы приводят к интерполяции в самой системе и способствуют стагнации и энтропии в индустриальном сегменте экономики. Все более ярко проявляются негативные тенденции в индустриальном пространстве Казахстана.

Рост количественных характеристик промышленности республики осуществлялся, как и прежде, на основе экстенсивных методов развития, глобальных капиталовложений в отрасль. За данное десятилетие рост капиталовложений в индустрию края вырос по сравнению с предшествующим десятилетием в 4,4 раза.

Структура промышленности Казахстана формировалась на основе доминирующего развития тяжелой индустрии. Огромные ресурсы полезных ископаемых обусловили ускоренный рост, прежде всего, ее добывающих структур. Резорбция основных объемов капиталовложений, отведенных промышленности республики, происходила добывающими отраслями. Закреплялся сырьевой, «природофобный» характер индустрии. Детерминантом в индустрии КазССР стали цветная, черная металлургия и топливная промышленность (угольная и нефтяная). Так, доля

Репозиторий КарГУ

добывающих отраслей в промышленности республики составляла более 40 % всей отраслевой структуры. Прогрессивные, наукоемкие производства не получали развития. Парадигмой индустриального развития Казахстана в данный период стала второстепенная роль, отведенная перерабатывающим отраслям. Остаточный принцип капиталовложений, инверсии в стратегических акцентах значимости отраслей и предприятий группы «А» и группы «Б» (с абсолютным приоритетом группы «А») привели к тому, что главными чертами индустрии Казахстана стали гипертрофированный характер развития производства средств производства и дефицитный характер производства средств потребления.

В период 1950-1960-х гг. в промышленном развитии наблюдалась тенденция формирования диспропорции в размещении промышленного потенциала республики – промышленно развитый север и менее развитый в промышленном отношении юг. Значительный потенциал промышленности Казахстана, созданный в 1950-1960-е гг., был сосредоточен в северном регионе республики: вся черная металлургия, большая часть цветной металлургии, более 70 % электроэнергетики, большая часть машиностроения. Тогда как в южном Казахстане в исследуемый период развивалась только химическая и легкая промышленность.

Итак, надо сказать, что политика Н.Хрущева несла в себе мощное присутствие амбивалентности, т.е. совмещение порой абсолютно взаимоисключающих принципов. И это объяснимо, так как, декларируя курс на демократизацию общества, лидер страны объективно являл собой плоть от плоти идеологии авторитаризма, если не тоталитаризма. Вероятнее всего, именно этим объясняются его шараханья из крайности в крайность, резкая смена настроений, поочередно вводившая в ужас то сталинистов, то «детей оттепели».

Проявлением движения к смягчению авторитаризма стала политика децентрализации, увеличения значимости локализма. Решение «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» (февраль-май 1957 г.) четко фиксировало эту тенденцию в экономической политике, ибо было направлено против ведомственной централизации системы управления экономикой и ставило задачу

Репозиторий КарГУ

«приближения руководства к экономическим районам, расширения прав союзных и автономных республик, повышения роли местных партийных и советских организаций, а также профсоюзов».

Иными словами, как уже отмечалось выше, была предпринята попытка заменить ведомственный принцип управления на территориальный, т.е. организовать управление промышленностью и строительством по территориальному принципу.

По сути, это и означало желание партийно-государственного руководства (как выяснилось позднее, из решения октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, желание это исходило в основном от Н. Хрущева) отойти от крайних форм авторитаризма. В результате местная бюрократия впервые со времен Сталина получала власть над хозяйством.

Управление промышленностью было подвергнуто децентрализации, в ходе которой функции управления и контроля частично делегировались центром периферии.

Такой подход являлся по тем временам беспрецедентной модернизацией. Однако опять-таки произошел конфликт ценностей: авторитарная природа системы отторгала любые устремления к децентрализации.

Замыкание воспроизводственных связей на совнархозах в обход министерств создало множество проблем. Диктат ведомственности сменился засильем местничества. Территориально фрагментированная промышленность утеряла прежние малоэффективные бюрократические инструменты обеспечения прогресса производства, оказалась сломанной сложившаяся система воздействия бюрократического аппарата на предприятия в целях внедрения новой техники. Совнархозы стали тут же демонстрировать тенденцию к автаркии.

В целях борьбы с этими пороками, как всегда, прибегли к административному нажиму на местах. Он был ужесточен вплоть до установления уголовной ответственности за нарушение плановых поставок.

В качестве контроля над бюрократией была мобилизована инициатива низов. В этой связи всячески поощрялись жалобы на начальство как средство борьбы со злоупотреблениями.

В ноябре 1962 г. было принято решение о переходе к производственному принципу построения руководящих органов

Репозиторий КарГУ

партии снизу доверху. Партийные органы подразделялись на те, что курировали промышленность и те, сферой контроля которых являлось сельское хозяйство.

Новый порядок сталкивался со все более неразрешимыми проблемами. Другими словами, отвечая на попытки скорректировать ее алгоритм, система отвечала разрушительным образом. Предоставление возможности планирования снизу привело не к активизации масс, как это задумывалось, а к активизации местной бюрократии, которая, вопреки всякой логике и потенциалу ведомственной им промышленности, стала принимать всякие нереальные обязательства в целях якобы развертывания социалистического соревнования. Начались массовые приписки и фальсификации.

Идеология планов развития промышленности (ее динамика превозносилась не иначе как «соревнование с Америкой») приводила к тому, что партийно-советское и хозяйственное руководство на местах не гнушалось ничем, чтобы выполнить и перевыполнить планы. Это стремление давало определенный эффект, но это был «эффект пустоцвета» – количественной динамики без качественных изменений.

Такая модернизация промышленности «по-хрущевски» вылилась в очередную ударную «кампанейщину», в череду бесконечных организационных встрясок, которые в контексте фундаментальных задач, мало что могли изменить. Идеология по-прежнему отказывала в рациональности рыночной экономике, видя здесь лишь «временные технологические и научно-технические» преимущества. Отсюда и партийные решения в области научно-технической политики.

Таким образом, модернизация промышленности в хрущевский период была продолжением гиперболы «Слона-то и не увидели». Игнорирование основы основ любой экономики – отношения собственности (чему, собственно, учил К.Маркс), руководство страны обрекало народное хозяйство, и прежде всего промышленность, делать холостые обороты. «Экономика ради экономики» – этот принцип продолжал выражать суть промышленного развития. Поэтому такую модель вряд ли можно с полным основанием признать за модернизацию. Не было здесь ни перестройки структуры производительных сил, ни радикальной

Репозиторий КарГУ

смены системы мотиваций и стимулов. Этого и не могло состояться при сохранении плановой административно-командной системы. Поэтому промышленность сохраняла свои «родовые» признаки: самозатратный, экстенсивный, сырьевой характер. И в этом мы убедились при рассмотрении промышленности Казахстана.

Репозиторий КарГУ

Глава 5
Экономическая реформа 1965 г. в агроиндустриальном пространстве Казахстана (1965-1970 гг.)

5.1. Блокирование административного ресурса колхозно-совхозной организацией сельского хозяйства

После смещения Н. Хрущева первые действия нового руководства подтверждали общую политико-экономическую закономерность истории СССР – каждая новая смена советских руководителей начиналась с критики деятельности предшествующего руководства и, прежде всего, с критики положения, сложившегося в сельском хозяйстве.

На пленуме ЦК КПСС (март 1965 г.) новый первый секретарь Центрального Комитета КПСС Л. Брежнев выступил с докладом «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства в СССР». На пленуме прозвучала оценка катастрофического состояния аграрного сектора СССР [2, 248]. По данным статистики, сельскохозяйственное производство переживало кризис. В первую очередь, это касалось зернового производства. Если в 1958 г. в СССР было произведено в пересчете на 1 человека 651 килограмм зерна, то уже в 1963 г. – 573 кг, в 1965 – 518 кг [460]. Не были выполнены основные задания семилетнего плана в области сельского хозяйства.

На пленуме были озвучены основные причины, которые, по мнению Л. Брежнева, предопределили отставание этого сектора экономики: во-первых, игнорирование экономического стимулирования; во-вторых, неподкрепленность экономическими мерами и, в частности, ценовой политикой огромных задач, которые ставились перед сельским хозяйством; в-третьих, низкий уровень культуры земледелия, отсутствие государственной политики повышения плодородия почв [461, 503]. Также на пленуме было отмечено, что «в качестве одной из основных причин замедленных темпов развития сельского хозяйства в значительной мере сказался «субъективизм» в руководстве, что привело к ошибкам в планировании, финансировании и кредитовании аграрного сектора, в политике цен» [461, 504].

Репозиторий КарГУ

Из этого анализа следовали и решения пленума: снизить план закупки зерна в 1965 г. с прежде намеченных 4 до 3,4 миллиардов пудов и определить этот план как неизменный до 1970 г. Стабильный план должен был облегчить условия хозяйствования, избавить аграрный сегмент экономики от «постоянных в недавнем хрущевском прошлом шараханий». Таким образом, был закреплен переход к устойчивым планам заготовок сельскохозяйственной продукции, плановые задания колхозов и совхозов снижались до реального уровня, провозглашалась самостоятельность планирования производства в пределах государственных заданий. Вместе с тем ограничивалось количество отчетных показателей, устанавливаемых сверху.

Одновременно предполагалось поднять закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию – пшеницу, рожь, гречиху в 1,5 – 2 раза. Закупочные цены значительно выросли и на скот – от 10 до 100 %. Вводилось экономическое стимулирование роста сельскохозяйственного производства и льготная оплата сверхпланового урожая: за поставленный сверхплана хлеб устанавливались надбавки до 50 %. Снижались цены на запчасти и технику, уменьшались ставки подоходного налога на крестьян. Предполагался и рост инвестиций в сельское хозяйство. В восьмой пятилетке (1965-1970 гг.) в сельское хозяйство и связанные с ним отрасли был запланирован 71 млрд. руб. капиталовложений, в том числе на производственные объекты, сельхозтехнику, развитие энергетической системы для села, мелиорацию [462, 3-7].

Серьезной критике новым руководством ЦК КПСС подверглись волюнтаристские методы экономической политики Н. Хрущева. Однако, по мнению российских исследователей, понимание необходимости изменений в экономике страны, в том числе в аграрном секторе, стало вызревать в последние годы хрущевского правления. В 1964 г. Н. Хрущев, выступая на февральском пленуме ЦК КПСС, заявлял о необходимости совершенствования оплаты труда с тем, чтобы стимулировать рост производства. Особое внимание он уделил роли материальной заинтересованности в повышении объемов производства. «Центром приложения» материального стимулирования должны были стать небольшие коллективы – звенья и бригады [463, 7]. Еще в 1964 г. Н. Хрущев направил в Президиум ЦК КПСС

Репозиторий КарГУ

обстоятельную записку «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации» [464, 22-170]. В ней содержалась подробная аргументация положений, которые были высказаны им на июльском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС.

Западные историки считают, что «брежневское руководство сохранило преемственность с хрущевских времен в признании необходимости увеличения инвестиций в сельское хозяйство. Эта отрасль все более превращалась в дотационную, то есть существующую за счет других доходов государственного бюджета» [465, 249]. На наш взгляд, следует согласиться с данным положением, что реформирование экономики и постепенный переход на новые формы организации труда начались еще до косыгинских реформ 1965 г. Этот факт доказывают и материалы архивов (которые будут приведены позже в качестве аргумента), подтверждающие данный концепт. Однако большинство исследователей период реформирования начинает только с 1965 г.

Крупным достижением мероприятий во второй половине 1960-х гг. по поддержке сельского хозяйства стало введение гарантированной оплаты труда для колхозников. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» рекомендовало с 1 июня 1966 г. ввести гарантированную оплату труда колхозников, исходя из тарифных ставок рабочих совхозов. Однако «сама гарантированность оплаты разрушила связь между трудовыми усилиями и экономической эффективностью, с одной стороны, и оплатой рабочих – с другой. Заработная плата колхозников меняла свою суть, превращаясь скорее в форму социального вспомоществования» [466, 250]. Колхозник, таким образом, отчуждался от результатов свой деятельности.

Следующий пленум, посвященный аграрной проблеме, – майский (1966 г.) пленум ЦК КПСС в порядке реализации аграрной политики партии рассмотрел вопрос о широкой мелиорации земель с тем, чтобы максимально ослабить зависимость сельского хозяйства от природных условий, повысить плодородие почвы, культуру земледелия. «Затратный механизм» сельского хозяйства был дополнительно усилен вследствие принятия широкой программы мелиорации. Программа мелиорации, утвержденная на

Репозиторий КарГУ

этом пленуме ЦК КПСС, предполагала огромные вложения – до 10 млрд. руб. – на создание новых орошаемых сельскохозяйственных угодий. Эти вложения преимущественно предполагалось влить в экономику областей и краев юга России, на строительство ирригационных сооружений республик Средней Азии, на амбициозные проекты «переброски» вод северных рек на юг, в степи и пустыни Казахстана и Средней Азии. Эти мероприятия проводились, как правило, государственными учреждениями – специально созданными органами управления и подчиненными им мелиоративными, строительными предприятиями, незаинтересованными непосредственно в конечном результате своей деятельности, но зато нуждавшимися в постоянных заказах и государственном финансировании. Средства, первоначально предназначавшиеся для села, уходили мимо цели [467, 260-280].

Октябрьский (1966 г.) пленум ЦК КПСС акцентировал внимание на том, что «важнейшая задача на данный период – ускорение темпов развития сельского хозяйства, борьба за увеличение производства зерна как основной базы всего сельскохозяйственного производства». Был провозглашен курс «от развития вширь к решительному развитию вглубь», то есть от экстенсивного к интенсивному пути развития [468, 18].

В 1967 г. в связи с выходом постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозрасчет» многие сельскохозяйственные предприятия были переведены на хозяйственный расчет, что теоретически предполагало их перевод на полную самоокупаемость. Разумеется, что аграрный сектор экономики на полную самоокупаемость не перешел не только в восьмой, но и в девятой, и в последующих пятилетках.

В целом за период 1965-1970 гг., по подсчетам исследователя В. Наухацкого, в СССР по различным вопросам сельского хозяйства было принято около 80 постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Из них 20 – по совершенствованию экономических условий хозяйствования совхозов и колхозов, около 40 – по решению хозяйственных проблем, около 20 – по решению социальных задач [467, 155-157].

В Казахстане проблемам развития сельского хозяйства был посвящен июньский (1965 г.) пленум ЦК Компартии Казахстана.

Репозиторий КарГУ

На нем было принято постановление «О мероприятиях по обеспечению выполнения решений мартовского Пленума ЦК КПСС «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» [468, 136]. В постановлении пленума были обозначены лишь общие положения по исправлению катастрофической ситуации в аграрном производстве. Формулировки решений носили достаточно аморфный характер, ограничивались общими рекомендациями типа «обязать Министерство сельского хозяйства Казахской ССР … разработать и осуществить мероприятия по дальнейшему развитию сельскохозяйственного производства и т.п.». В постановлении отсутствовали конкретные цифры плановых заданий, за исключением одной – увеличить производство риса к 1970 г. до 12,2 млн. пудов [468, 138].

На ХП съезде КПК (март 1966 г.) были обозначены директивные цифры развития сельского хозяйства на восьмую пятилетку: к 1970 г. довести производство зерна до 21-22 млн. т.; поголовье скота: крупный рогатый скот – до 7,5 млн. голов, овец и коз – до 40 млн., свиней – до 2,5 млн., птицы – до 28 млн. голов [468, 179-180].

Июньский (1966 г.) пленум ЦК Компартии Казахстана принял постановление «О мероприятиях по выполнению решений майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур». В нем обозначено, что в республике имелось 1276 тыс. га ирригационных подготовленных земель, из которых по разным причинам ежегодно выпадала из сельскохозяйственного оборота и не использовалась значительная часть земель (например, в 1965 г. – 115 тыс. га) [468, 190].

В 1965-1966 гг. в республике была проведена реорганизация сельскохозяйственных органов. На базе Министерства производства и заготовок сельхозпродуктов, Министерства сельского хозяйства, Министерства орошаемого земледелия и водного хозяйства было создано единое союзно-республиканское Министерство сельского хозяйства Казахской ССР, которое стало осуществлять руководство деятельностью всех совхозов и колхозов республики. Из состава бывшего Министерства орошаемого

Репозиторий КарГУ

земледелия и водного хозяйства было выделено Министерство водного хозяйства, а на базе республиканского объединения «Хлебопродукт» образовано Министерство хлебопродуктов и комбикормовой промышленности [469, 92]. Во всех 15 областях республики были созданы областные управления сельского хозяйства, а 151 районе – районные производственные управления сельским хозяйством [470, 93].

В большинстве советских исследований реформы 1965 г. в аграрной отрасли экономики рассматривались как очередная ступень в стабильном развитии и подъеме сельского хозяйства СССР и Казахстана. Так, в них отмечалось, что «в решениях мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС были указаны конкретные пути подъема сельскохозяйственного производства, по-новому были поставлены вопросы планирования и руководства этой важнейшей отраслью народного хозяйства» [471, 398-399]. В работах казахстанских экономистов 1970-1980-х гг. последствия реформ 1965 г. оценивались однозначно: «в сельском хозяйстве произошли значительный подъем экономики колхозов и совхозов, укрепление их квалифицированными механизаторскими кадрами». В данных исследованиях отмечалось, что «реформы сказались на улучшении таких экономических показателей производственной деятельности совхозов, как снижение себестоимости производства основных продуктов сельского хозяйства, увеличение выхода продукции на 100 гектар сельхозугодий и т.п.» [427, 79]. Глобальными итогами реформирования аграрного сектора в 1960-е гг. считались «подъем аграрного сектора экономики, ликвидация его отставания и перевод производства на рельсы интенсификации» [427, 80].

В основном потоке работ советских историков и экономистов подчеркивалось, что «высокая производственная активность сельских тружеников обеспечивала успешное выполнение заданий восьмой (девятой, десятой и т.д.) пятилетки в области сельского хозяйства». В данных трудах были обозначены лишь успехи и достижения советских аграриев [472]. Работ, где присутствовала хотя бы частичная критика сложившегося в аграрном секторе положения, было немного. Но даже в ортодоксальных советских исследованиях серьезные ученые (преимущественно экономисты) не могли не констатировать сохранившийся экстенсивный характер

Репозиторий КарГУ

аграрного производства в республике: сложившееся фактическое положение в сельскохозяйственном производстве Казахской ССР в рассматриваемый период свидетельствовало о малой эффективности процессов интенсификации сельского хозяйства. Проблема заключалась в том, что вложения в сельское хозяйство давали сравнительно низкую отдачу [473, 22]. Однако критика не выходила за рамки, дозволенные цензурой, строго дозировавшей и ограничивавшей материалы подобного рода.

В историографии 1990-х гг., как зарубежной, так и советской, и казахстанской, оценка реформ была более сдержанной. Западный исследователь Д. Боффа, резюмируя итоги сельскохозяйственных преобразований в СССР, пишет, что требования деревни постепенно были выполнены, по крайней мере, частично. «Результаты оказались противоречивыми не потому что не было движения вперед – оно было, но совершенно недостаточное… Упадок сельскохозяйственного производства был очень глубок, его привыкли считать второстепенной областью экономики, и это чувствуется, несмотря на новые планы» [474, 535]. Н. Верт, делая вывод о результатах реформ 1965-1967 гг., утверждает, что в данный период «сельское хозяйство впервые заняло почетное место в ряду приоритетных отраслей народного хозяйства, обогнав даже легкую промышленность. Вместе с тем, несмотря на значительные финансовые затраты, результаты оказались гораздо скромнее, чем ожидалось» [100, 452]. По мнению исследователя Ж. Абылхожина, реформы, несмотря на «имманентные изъяны, вызвали определенное «взбадривание экономики», выросли показатели сельскохозяйственного производства» [79, 279]. Казахстанские ученые К. Берденова и С. Иманбердиева считают, что во второй половине 1960-х гг. «хрущевская машина «чем больше вложишь – тем больше получишь» получила свое дальнейшее развитие. Последнее проявилось прежде всего в беспрецедентном наращивании инвестиционного потока, направляемого в сельское хозяйство. Тем не менее, эти меры не меняли главной тенденции, продолжавшей определяться кризисным вектором» [466, 5].

Если сравнивать реформы в аграрном секторе в 1950-е и 1960-е гг., то основная разница, на наш взгляд, прослеживается в подходе к реформированию в период Н. Хрущева и в период Л.

Репозиторий КарГУ

Брежнева в 1965-1970 гг. заключалась в большей целостности, некоторой продуманности последних реформ. Была предпринята попытка сделать объектом приложения экономических реформ методы и формы планирования, ценообразования и стимулирования сельского хозяйства страны. Этому должны были служить активная ценовая политика стимулирования производства, установление многолетних стабильных производственных планов, изменение налоговой политики.

В республике в период 1965-1970 гг. капиталовложения в сельское хозяйство выросли почти в 2 раза. Если в 1965 г. они включали 776 млн. руб., то в 1970 – 1146, составив 22 % от всех капиталовложений в народное хозяйство КазССР. Столь значительная дотация аграрной структуры в сочетании с рядом мер по ее стабилизации дали положительную, хотя и временную, динамику сельскохозяйственного производства.

В течение этой пятилетки значительно возросли и показатели валового сбора других земледельческих культур (таблицу 35 [475]).

За исследуемый период значительно возрос валовой сбор зерна. Если в 1965 г. он составил 7595 тыс. т., то в 1970 – 22240, в среднем за год (с 1966 по 1970 гг.) валовой сбор зерна составил 20667 тыс. т., что было на 42 % больше среднегодового валового сбора в предшествующей пятилетке. Причем посевные площади под зерновыми культурами за данный период не только не увеличились, а даже несколько уменьшились. Если в 1965 г. посевные площади всех зерновых культур в Казахской ССР составили 24297 тыс. га, то к 1970 г. – 22603. Следовательно, динамика валового сбора была в большей степени связана с определенной интенсификацией зернового производства. Средняя урожайность за 1966-1970 гг. составила 8,8 ц. с га, тогда как в 1961-1965 гг. – 6,1 ц. с 1 га [476, 82-87].

Данные таблицы демонстрируют значительный рост валового сбора практически всех земледельческих культур, причем среднегодовой валовой сбор зерновых культур в восьмой пятилетке вырос по сравнению с предыдущим пятилетием на 42 %. Особенно значительно возрос среднегодовой валовой сбор культур: рис (на 272 %), гречиха (на 257), хлопок-сырец (на 249), подсолнечник (на 107), овес (на 60), сахарная свекла (на 52), картофель (на 47), ячмень озимый и яровой (на 46), пшеница озимая и яровая (на 44

Репозиторий КарГУ

%). Снижение среднегодового валового сбора было зафиксировано по трем культурам – зернобобовые (на 77 %), рожь озимая (на 24), кукуруза на зерно (на 15 %).

Таблица 35 (тыс.т.) – Валовой сбор земледельческих культур в КССР

Виды культур	1965 г.	1970 г.	В среднем за год		В %
			1961-1965г.	1966-1970г.	1966-1970 к 1961-1965 гг.
Зерновые культуры, в том числе:	7595	22240	14502	20667	142
Пшеница озимая и яровая	5841	17173	11157	16076	144
Рожь озимая	87	200	152	116	76
Кукуруза на зерно	102	154	167	142	85
Ячмень озимый и яровой	1137	3452	2156	3152	146
Овес	126	557	300	481	160
Просо	149	277	334	375	112
Гречиха	7	91	14	50	357
Рис	92	276	58	216	372
Зернобобовые	44	35	156	37	23
Хлопок-сырец	85	276	69	241	349
Сахарная свекла (фабричная)	1929	2222	1492	2275	152
Семена масличных культур, в том числе:	69	116	76	121	159
Подсолнечник	53	78	39	81	207
Картофель	1128	1896	1178	1740	147
Овощи	583	798	552	692	125

Урожайность сельскохозяйственных культур можно отследить по таблице 36 [477].

За исследуемый период произошло увеличение урожайности зерновых культур – в среднегодовом исчислении на 44 %; технических культур – на 28-97 %. Снижение урожайности, причем весьма значительное, было зафиксировано по единственной культуре – просу, среднегодовая урожайность которой в 1966-70 гг. составила лишь 21 % от аналогичных показателей 1961-1965 гг.

В животноводческом секторе аграрной структуры Казахстана год, предшествовавший началу восьмой пятилетки, был весьма неблагополучным. Только за 6 месяцев 1964 г. в Казахстане пало от бескормицы и по ряду других причин 2107 тыс. голов овец [478, 22-170].

Репозиторий КарГУ

Таблица 36 (ц. с 1 га)- Урожайность сельскохозяйственных культур в КССР

	1965 г.	1970 г.	В среднем за год		В %
			1961-1965г.	1966-1970г.	1966-1970 к 1961-1965 гг.
Зерновые культуры, в том числе:	3,1	9,8	6,1	8,8	144
Пшеница озимая	4,2	}9,9	7,6	}8,9	}130
Пшеница яровая	3,1		6,1		
Рожь озимая	3,8	8,2	5,1	5,4	105
Кукуруза на зерно	3,5	34,0	6,3	29,3	465
Ячмень яровой	2,7	10,2	6,7	9,1	135
Овес	3,0	11,2	6,5	10,3	158
Просо	22,7	3,9	20,8	4,5	21
Гречиха	2,0	5,2	3,7	4,5	121
Рис	0,7	33,6	2,5	31,4	1256
Зернобобовые	22,1	8,5	18,9	6,9	36
Хлопок-сырец	18,8	23,5	15,5	20,9	134
Сахарная свекла (фабричная)	285	317	236	333	141
Подсолнечник	5,7	8,4	4,1	8,1	197
Картофель	63	99	68	94	138
Овощи	124	154	110	141	128

За 1966-1970 гг. произошли определенные сдвиги и в животноводческой отрасли Казахстана (таблица 37 [479]).

За восьмую пятилетку общее поголовье скота возросло на 7 %, за предыдущее пятилетие рост поголовья скота составил 6, за последующее – также 6 %. Причем динамика роста отслеживалась во всей структуре стада. Но директивные цифры, обозначенные на XП съезде КПК, выполнены не были. Невыполнение составило по отдельным видам скота: крупный рогатый скот – 2 %, овцы и козы – 25, свиньи – 10 %.

Таблица 37 (тыс. гол.) – Поголовье скота в КССР в 1960-1976 гг.

Годы	Всего	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы и козы	Лошади	Верблюды
1960	36821	5473,8	1570,9	28445,4	1186,9	144,2
1965	39171	6609,0	1839,4	29560,1	1031,7	131,2
1966	39759	6794,8	1708,7	30059,3	1066,5	129,9
1971	42702	7285,5	2265,7	31776,6	1245,1	129,6
1976	45436	7723,5	1677,5	34579,3	1331,8	124,3

Репозиторий КарГУ

За данный период производство основных продуктов животноводства в колхозах, совхозах и других государственных хозяйствах можно отделить по данным таблицы 38 [480].

Таблица 38 – Производство продуктов животноводства в КССР в 1960-75 гг.

Годы	Мясо (в убойном весе), тыс. т.	Молоко, тыс. т.	Яйца, млн. шт.	Шерсть (в перерасчете на немытую), тыс.т..
1960 г.	370,1	1186,8	113,6	62,7
1961-1965 гг. (в среднем за год)	462	1531	183	70
1965 г.	563	1833	205	73
1966-1970 гг. (в среднем за год)	552,5	2031,7	431,0	80,1
1970 г.	635,6	2146,7	675,7	83,3
1971-1975 гг. (в среднем за год)	694,1	2250,1	1271,7	86,5

За 1965-1970 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием произошел рост производства основных продуктов животноводства (в среднегодовом исчислении): мяса – на 19 %, молока – на 32, яиц – на 135, шерсти – на 14 %, что свидетельствовало о положительной динамике животноводческого производства в КазССР.

Определенное представление о процессе и уровне интенсификации сельского хозяйства Казахской ССР дают данные таблицы 39 [481].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в аграрном производстве произошли определенные сдвиги. Однако все растущие объемы фондооснащенности сельского хозяйства и фондовооруженности труда опережали рост валовой сельскохозяйственной продукции и производительности труда. За десятилетний период (1965-1975 гг.) прирост производительности сельскохозяйственного труда составил 0,3 % на 1 % прироста фондовооруженности труда, что было примерно в два раза ниже, чем в промышленности Казахстана, где этот показатель за тот же период был равен 0,59 % [473, 22].

Результатом отставания темпов роста производительности труда являлось удорожание сельскохозяйственной продукции.

Репозиторий КарГУ

Себестоимость производства 1 тонны аграрной продукции в Казахской ССР отслеживается в таблице 40 [482, 23].

Таблица 39 – Основные аграрные показатели КССР в 1960-1970 гг.

	1960 г.	1965 г.	1970 г.
На 100 га сельскохозяйственных угодий приходится:			
Основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения, руб.	1820	2686	3728
Энергетических мощностей (на 100 га посевной площади), л. сил	74	93	106
Валовой продукции, тыс. руб.	-	2,0	3,8
На 1 работника приходится:			
Основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения, руб.	2274	3779	5465
Энергетических мощностей (на 100 га посевной площади), л. сил	16,6	22,6	27,0
Валовой продукции, тыс. руб.	-	2731	4672

По материалам таблицы 40 отслеживается определенная разница в себестоимости сельскохозяйственной продукции в колхозах и совхозах. Причем себестоимость производства одной тонны основных видов аграрной продукции в колхозах была меньше, чем в совхозах. Однако это обстоятельство не влияло на сохранение политики 1950-х гг. к сокращению числа колхозов и преобразованию их в совхозы.

Как видно из приведенных данных, себестоимость выросла по всем видам продукции, за исключением производства зерна и яиц в совхозах. Главной причиной удорожания сельскохозяйственной продукции, как указывают исследователи, являлись медленные темпы роста производительности труда в совхозах и колхозах по сравнению с их фондовооруженностью; также повышение себестоимости было вызвано увеличением материальных затрат, опережающих рост продукции. Исследователями обозначены еще ряд причин данного обстоятельства: «повышение цен на промышленные средства производства и услуги, оказываемые сельскому хозяйству; повышение оплаты труда в колхозах и совхозах, которая обгоняла рост производительности труда» [483, 24].

Репозиторий КарГУ

Таблица 40 (руб.) – Себестоимость производства 1 тонны продукции в КССР

Виды продукции	В среднем за год в 1966-1970 гг.		В среднем за год в 1971-1975 г.	
	совхозы	колхозы	совхозы	колхозы
Продукты земледелия:				
Зерно (без кукурузы)	61	53	78	63
Картофель	124	119	151	144
Овощи	116	113	131	122
Сахарная свекла (фабричная)	26	23	34	27
Хлопок-сырец	308	340	320	335
Продукты животноводства - привес молодняка и привес откорма:				
Крупного рогатого скота	1220	1103	1653	1391
Свиней	1183	1173	1413	1354
Овец	646	669	849	751
Молоко	184	191	221	219
Шерсть	3333	254	4520	4220
Яйца куриные, тыс. шт.	74,5	386	71	95

В целом, данные всех таблиц (35 – 40) «рисуют» достаточно благополучную количественную характеристику, однако делать вывод о стабильной положительной динамике аграрного производства в республике нам кажется неверным. Как покажут последующие материалы, тенденции дестабилизации, свойственные советской модели экономики, не утратили способности к развитию и углублению.

Реорганизации в управлении аграрными предприятиями подтолкнули ряд инициативных и предприимчивых руководителей к попытке изменения системы хозяйствования. Еще с 1960 г. в Казахстане начался эксперимент – около десятка совхозов перешли на принципиально новую систему организации и оплаты труда. Одним из таких хозяйств являлся Илийский совхоз Алма-Атинской области. Результаты внедрения новых форм организации труда стали проявляться в первые же годы. В данном хозяйстве под зерновыми культурами было занято 33 тыс. га пашни. До внедрения эксперимента их обслуживало 830 человек, по нормативам новой системы осталось 69, то есть количество занятых в производстве сократилось в 12 раз. Производство зерна на одного среднегодового рабочего увеличилось с 156 центнеров в 1962 г. до 3173 центнеров в 1963, то есть в 20 раз [484, 100]. Резко улучшились и другие экономические показатели. Эти факты,

Репозиторий КарГУ

выступая резким контрастом всех бывших и настоящих достижений аграрного сектора, вызывали раздражение у чиновников Министерства сельского хозяйства Казахской ССР. С 1965 г. эксперимент пытались закрыть.

В 1967 г. в поселке Акчи Каскеленского района Алма-Атинской области было создано опытное хозяйство. Эксперимент был начат по инициативе И.Н. Худенко – бухгалтера-экономиста хозяйства с разрешения Минсельхоза Казахской ССР. Основные характеристики опытного хозяйства: производственное направление – полеводство, продукт производства – травяная мука, посевные площади хозяйства – 1600 га, из них под зерновыми культурами – 630 га, люцерна – 900 га. Целью эксперимента, по И. Н. Худенко, являлось достижение максимальной производительности труда в сельскохозяйственном производстве, сокращение численности работников. По мнению автора эксперимента, главным рычагом увеличения производительности труда должно было послужить материальное стимулирование – максимальное повышение заработной платы до получения продукции.

По мнению современных исследователей, социальная сущность эксперимента И. Худенко заключалась «в соединении функций производства и управления, и выполнения этих функций непосредственно крестьянином, преодолевая его отчуждение от результатов труда» [485, 31].

Фактическая себестоимость 1 центнера зерна составляла в совхозах республики около 6 рублей, сдаточная – 5 рублей, а нормативная себестоимость, принятая в опытном хозяйстве – менее 2 рублей. Соответственно, по травяной муке – 15 и 13 рублей, в опытном хозяйстве – 8 рублей [486, 100]. Нормативная стоимость произведенной продукции за вычетом материальных затрат, как бы велики или малы они не были, составляли фонд оплаты работников хозяйства. Заработок каждого тем выше, чем больше произведено продукции и чем меньше затрачено на нее необходимого труда и материальных затрат. Это заставляло каждого работника экономить живой труд, совершенствовать технологию производства, самостоятельно находить наилучшие решения. Опыт хозяйства показал, что стимулируемая такими средствами инициатива людей сковывалась жесткой системой контроля. Тогда в эксперименте был применен новый принцип экономического и

Репозиторий КарГУ

финансового контроля по методу «черного ящика», при котором контроль осуществлялся лишь на входе саморегулирующейся системы и на выходе. По инициативе ЦК Компартии Казахстана правление Госбанка СССР разрешило опытному хозяйству иметь один счет в банке и заменить мелочный контроль по каждой финансовой операции конечной формой контроля – по результатам производственной деятельности. В опытном хозяйстве было допущено определенное свободное маневрирование средствами из собственного фонда оплаты – 5 % средств хозяйство могло тратить на производственные нужды без документального оправдания этих средств.

Уже по результатам первого года функционирования опытного хозяйства (в 1968 г.) можно было судить о значительной разнице в экономических показателях обычных совхозов и данного хозяйства (таблица 41 [487]).

Таблица 41 – Экономические показатели в ряде хозяйств КССР в 1968 г.

Виды хозяйств	Себестоимость 1 ц. зерна (руб.)	Годовая прибыль на 1 работника (руб.)	Заработная плата за 1 месяц (руб.)
В обычных совхозах	6,38	206	88
Опытное хозяйство	1,66	1577	360

В 1968 г. планировалось израсходовать на заработную плату 196 тыс. руб., фактически истратили 81 тыс. руб., остальные средства были сэкономлены для государства. Экономия фонда заработной платы была получена за счет ряда факторов: повышения производительности труда, сокращения управленческого аппарата. Ученые научно-исследовательского института сельского хозяйства АН СССР подсчитали, что при соблюдении всех условий 1 центнер зерна можно производить за 0,5 чел.-часа, стоимость его будет составлять 2 рубля. Эти научно обоснованные нормы и были взяты в опытном хозяйстве за основу для расчета с производственными звеньями. И. Худенко была составлена технологическая карта звена: на производство 1 центнера зерна запланировано 30 минут (на практике получалось чуть более 20), в других совхозах на эти действия отводилось от 2 до 5 часов. Опытное хозяйство собрало небольшой урожай зерна

Репозиторий КарГУ

(всего по 12 ц. с га), но благодаря высокой производительности труда и низким затратам полученный хлеб оказался дешевым. В опытном хозяйстве работало 6 полеводческих звеньев, остальные звенья рабочих: материально-техническое обеспечение, строительное, коммерческое (заготовка семян, удобрений, реализация урожая и т.п.), общепита и управленческо-координационное. Если по данным сводных годовых отчетов в совхозах КазССР управленческий и обслуживающий персонал составлял более 40 % всех занятых в сельском хозяйстве людей (в крупных совхозах – более 150 человек), то в опытном хозяйстве все управленческо-координационное звено включало 2 человека: директор М. Ли и бухгалтер-экономист И. Худенко [488, 309].

За три года функционирования опытное хозяйство получило от государства 1648 тысяч рублей, в том числе наличными 687 тысяч рублей. Ценностей в хозяйстве было создано на 2148 тысяч рублей [489, 112].

Прибыльность опытного хозяйства в Акчи подтверждалась расчетами, осуществленными экономистом данного хозяйства (таблица 42 [490, 112]).

Таблица 42 (в руб.) – Экономические показатели опытного хозяйства Акчи

На 1 среднестатистического работника в год	В опытном хозяйстве	В совхозах республики
Вновь созданный продукт	5330	840
Годовой заработок	3330	1268

Данные таблицы демонстрируют преимущество новой системы организации труда, внедренной в опытном хозяйстве. Во-первых, один среднестатистический работник опытного хозяйства получал для хозяйства прибыль в сумме 2 тысячи рублей в год. Хозяйство являлось рентабельным, годовой заработок рабочих опытного хозяйства в 2,6 раза превышал средний годовой заработок рабочих совхозов республики. Во-вторых, материалы таблицы еще раз подтверждали убыточность совхозов в КазССР, годовой заработок рабочих которых в 1,5 раз превышал размеры вновь созданного продукта. Кроме того, производительность труда рабочих опытного хозяйства была в 6 раз выше, чем в обычных совхозах. За период существования опытное хозяйство построило благоустроенный поселок для своих работников.

Репозиторий КарГУ

В 1970 г. лаборатория социологии труда Московского института народного хозяйства имени Г. Плеханова провела социологические исследования в хозяйствах республики, сравнивая результаты с опытным хозяйством Худенко. В обычных хозяйствах 71 % опрошенных рабочих находило серьезные недостатки в организации труда, в опытном хозяйстве – ни одного [491].

По данным годовых отчетов исследователями была составлена сравнительная таблица основных показателей деятельности опытного и других хозяйств (таблица 43 [492]).

Таблица 43 (в руб.) – Основные показатели опытного и др. хозяйств КССР

Виды хозяйств	Производство товарной продукции на 1 чел.	Прибыль на 1 рабочего	Средне-месячная оплата	Накладные расходы на 1 рубль продукции	Произведено продукции на 1 человека
Опытное хозяйство	7200	1140	364	0,03	4,8
Каскеленский совхоз, совхоз Токаша Бокина	2814	294	113	0,15	0,97

Таблица 43 еще раз доказывает высокую эффективность производства хозяйства в Акчи в сравнении с другими совхозами республики.

Первоначально в 1967 г. эксперимент поддержал заместитель министра сельского хозяйства Казахской ССР, доктор сельскохозяйственных наук А. Елеманов, но после его смерти министр сельского хозяйства Г. Рогинец стал мешать развитию эксперимента. Вызывающе отличными от других хозяйств были показатели производственной деятельности опытного хозяйства. Министерство сельского хозяйства КазССР стало посылать для проверки деятельности руководства опытного хозяйства различные комиссии.

В Российском государственном архиве новейшей истории в фонде 5 (аппарат ЦК КПСС) нами была обнаружена справка-информация одной из комиссий, достаточно тенденциозного характера. В данной записке обозначено, что «методика эксперимента предусматривала заведомо завышенное ежемесячное авансирование всех работ хозяйства, независимо от выполняемой работы или отработочного времени в размере 250 рублей,

Репозиторий КарГУ

составлявшей 2,5 тарифной ставки тракториста-машиниста 4 разряда». Отмечалось, что «методикой не были предусмотрены какие-либо усовершенствования в организации труда, агротехники, техническом оснащении». Итак, подводила итог комиссия, «метод повышения производительности труда исключительно за счет усиления интенсификации живого труда не может дать эффекта в сельском хозяйстве, и вообще не приемлем для социалистического производства» [492, 112].

Игнорируя производственные характеристики опытного хозяйства в течение трех лет, комиссия аргументировала собственные выводы следующими показателями: сельскохозяйственные работы проводились не в должном объеме, с низким качеством. В результате, отмечено в записке, «урожайность в хозяйстве была крайне низкой – в 1970 г. урожайность ячменя составила 2,8 центнера с гектара (в других совхозах – 15-20 центнера с 1 га) и 3,8 центнера с гектара сена люцерны (в других хозяйствах – 20-30 центнера с 1 га). Убытки в опытном хозяйстве в 1969 г. превысили 72 тысячи рублей. Заработные платы директора хозяйства Ли и экономиста Худенко в 1970 г. достигали 1000 рублей в месяц» [492, 118-119]. В справке перечислялся еще ряд «злоупотреблений» руководителей опытного хозяйства.

Материалы данной комиссии не перепроверялись. Министерство сельского хозяйства КазССР не стало учитывать высокую рентабельность опытного хозяйства. В 1970 г. на основании материалов данной комиссии эксперимент закрыли. Убытки от закрытия эксперимента составили 0,5 млн. руб., в хозяйстве остались заброшенными два импортных агрегата, благодаря которым в 1969 г. была получена одна треть всей травяной муки Казахстана, по качеству и содержанию каротина превосходящая мировой уровень. В запустение пришел новый построенный поселок, где в коттеджах функционировали водопровод, канализация, электроотопление.

Лично к Д. Кунаеву обращались российские экономисты А.Г. Аганбегян и Т.И. Заславская с просьбой направить И. Худенко в Сибирь, для которой эксперимент Худенко представлял особый интерес. Возобновить эксперимент под научным руководством Центрального экономико-математического института АН СССР просили директор института академик Н.П. Федоренко и его

Репозиторий КарГУ

заместитель Н.Я. Петраков [493]. Однако руководство республики эксперимент продолжить не разрешили. Организаторы эксперимента попали по пресс репрессивного механизма системы.

Эксперимент И. Худенко не вписывался в действующую модель экономики, выявляя ее наиболее слабые, неустойчивые, болевые точки, демонстрируя неэффективность и нерентабельность аграрного производства в СССР. У эксперимента могли появиться сторонники и последователи. К существенной модернизации система была неспособна. Совершенно очевидно, что новых экспериментов в Министерстве сельского хозяйства КССР допущено впоследствии не было.

Внедрение новшеств тормозилось инертной, неспособной к развитию экономической системой. Директор научно-исследовательского института зернового хозяйства академик А.Н. Бараев активно пытался внедрить систему чистых паров в земледельческой отрасли республики. По его мнению, «в сложных почвенно-климатических условиях республики, где в среднем за 10 лет бывает лишь 2, в редких случаях 3 благоприятных года (в период 1963-1968 гг. жесточайшая засуха была через год: в 1963, 1965 и 1967 гг.), гарантией, обеспечивающей получение более стабильных сборов зерна в республике, являются чистые пары» [494, 292]. В качестве аргумента А.Бараев приводил результаты деятельности опытного хозяйства ВНИИЗХ, где средняя урожайность зерновых культур на площади 4200 га за 6 лет (т.е. со дня внедрения) составила 12,9 ц. с га против 6,5 ц. в области и 7,6 в хозяйствах Шортандинского района за те же годы [495, 304]. Однако как утверждают исследователи, «советы ученых и их внедрения носили исключительно призывный характер» [466, 28]. Партийно-государственные органы не спешили внедрять новые системы хозяйствования, новые прогрессивные технологии. А инициатива предприятий была скована управленческой, бюрократической системой.

Проблемы аграрного сектора республики оставались нерешенными. С 1967 г. в совхозах КазССР вводится хозрасчет, в связи с чем предприятиям давалась большая самостоятельность в производственной деятельности [496, 119]. Но воспользоваться этими изменениями многие хозяйства так и не смогли. Значительная часть хозяйств данного сегмента оставались планово-

Репозиторий КарГУ

убыточными. Только в Целинном крае в середине 1960-х гг. было 22 отстающих хозяйства, стабильно, то есть из года в год, не выполнявших план и приносивших убытки [497, 182].

Уровень механизации основных полевых работ по-прежнему отставал от потребностей совхозов и колхозов. Только в Целиноградской области для проведения весеннего сева требовалось 49,1 тыс. тракторов и 16,4 тыс. машин. В хозяйствах имелось лишь 28,1 тыс. тракторов и 13,4 тыс. автомобилей. Механизаторские кадры, как и техника, привлекались в период сезонных работ с промышленных предприятий [498, 122].

Для подъема экономики отстающих колхозов в Актюбинской области была оказана материально-техническая помощь тракторами, сеялками, комбайнами и другой техникой. Выделялись кредиты на доплату труда председателям колхозов, специалистам, механизаторам в сумме 200 тысяч рублей в год. Были отсрочены платежи по задолженностям по краткосрочным ссудам на сумму в 620 тыс. рублей и долгосрочным – на 990 тыс. руб. Были списаны задолженности за технику, помещения и оборудование на 513 тыс. руб., недоимки по подоходному налогу на сумму 61 тыс. руб. Размер подоходного налога был уменьшен в 1965-1967 гг. на 75 % [499, 172]. Подобная помощь оказывалась также хозяйствам других областей республики. И хотя в 1966-1970 гг. были приняты определенные меры для улучшения положения в сельском хозяйстве республики, но они носили несистемный характер и изменить экономическую модель в целом не могли.

Исследователи считают, что меры, направленные на подъем сельского хозяйства, привели к неожиданным социальным последствиям. До середины 1960-х гг. заработная плата рабочих в совхозах носила весьма символический характер. С 1966 г. она несколько повысилась. В 1962 г. зарплата за продукцию рабочих в совхозе составляла только 4-6 % их общего заработка [500, 39]. В 1970 г. человеко-день колхозника Казахстана оплачивался деньгами и продуктами в размере 4,59 руб. вместе с премиальными, тогда как производство валовой продукции на 1 человека-день составляло 12,5 руб. [501, 67]. Также в период реформирования были сняты наиболее жесткие ограничения на содержание скота в личных подсобных хозяйствах. В результате этих акций в 1965 г. на колхозных рынках продажа мяса

Репозиторий КарГУ

увеличилась в 1,5 раз, яиц – почти в 2 по сравнению с 1964 г. [502, 92].

Факты, подтверждающие определенный рост доходов и жизненного уровня крестьянства Казахстана в обозначенный период, приведены в материалах западных исследователей. Цифровые данные такого рода найти в исследованиях советских обществоведов достаточно сложно. Западный экономист А. Макколей попытался вычислить рост уровня жизни в Центральной Азии в целом и в Казахстане в частности. Однако осуществил он это не по традиционным методикам, а с учетом как доходов на стороне, так с бесплатными услугами, предоставляемыми государством. Данные были собраны им на основе документов ЦРУ.

В таблице 44 [503, 95] представлены реальные доходы населения Казахстана и других республик в 1960-1970 гг.

Таблица 44 (в %) – Реальные доходы населения некоторых республик СССР

Республики	1960 г.	1970 г.
Казахстан	60	91
Азербайджан	47	65
Узбекистан	49	76
Киргизстан	46	75
Таджикистан	43	66
Туркмения	51	81

В СССР в целом на 1970 г. – 100 %

Во-первых, материалы таблицы демонстрируют сравнительно более высокий уровень дохода казахстанского населения в 1960-1970 гг. в сравнении с другими центральноазиатскими республиками, хотя он существенно отстает от общесоюзных показателей. Во-вторых, реальные доходы населения республики к 1970 г. увеличиваются почти на треть, причем преимущественно этот рост, по данным А. Макколей, происходит в годы восьмой пятилетки.

Доходы колхозников по сравнению с рабочими и служащими отслеживаются по таблице 45 [503, 114].

Итак, данные таблицы 45 показывают, что доходы колхозников были существенно ниже, чем реальные доходы рабочих и служащих, но определенная тенденция к выравниванию намечается к 1970 г.

Репозиторий КарГУ

Таблица 45 (в %) – Доходы колхозников в сравнении с рабочими, служащими

Республики	1960 г.	1970 г.
Казахстан	71,3	88,6
Азербайджан	56,7	74,6
Узбекистан	91,1	76,3
Киргизстан	70,0	76,0
Таджикистан	44,1	66,3
Туркмения	55,2	104,4
Средние по шести республикам	68,2	75,5
Средние по остальным советским республикам	66,1	81,2

Доходы рабочих и служащих приняты за 100 %

В целом, в пятилетие 1966-1970 гг. падение производственных показателей аграрного сектора остановилось и даже отслеживалась некоторая положительная динамика в развитии. Санация экономики в виде реформ 1965-1967 гг. оказала свое недлительное воздействие. Но инерция реформ, как отмечают современные казахстанские историки, «так и не выйдя на мультипликативный эффект была исчерпана, а сами они, обретая все более паллиативный характер, были окончательно заблокированы» [504, 577].

В аграрном секторе наиболее существенным последствием мер, направленных на подъем сельского хозяйства мы считаем социальные последствия, более глубокие и существенные, чем в предыдущие пятилетия. Это и введение гарантированной заработной оплаты труда колхозникам, изменение налоговой политики, и значительное увеличение цен на сельскохозяйственную продукцию, и снятие ограничений на развитие личных подсобных хозяйств и т.д. Однако эти результаты не послужили решению общегосударственных задач, они не стимулировали крестьянство на более эффективный и производительный труд. Попытки проявления инициативы, хозяйственной самостоятельности, были жестко и однозначно пресечены Системой.

Репозиторий КарГУ

5.2. «Экономический рост без экономического развития»: противоречия между пропагандистскими и реальными результатами индустриальной модернизации

Попытки экономического реформирования в годы восьмой пятилетки также предпринимались и в промышленности.

С 1962 г. в прессе в связи с публикацией статьи профессора Е. Либермана «План, прибыль, премия», вышедшей в газете «Правда», развернулась оживленная дискуссия о путях развития советской экономики. Необходимость реформирования промышленности осознавалась и высшим руководством СССР. Начало реформирования относится к августу 1962 г. Обобщением опыта хозяйствования, анализом тенденций экономического роста и выработкой курса на обновление производственного потенциала занималась подкомиссия Председателя Совета Министров А. Косыгина.

В сентябре 1965 г. прошел пленум ЦК КПСС, положивший начало реформам в промышленности. На нем с докладом «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленных предприятий» выступил А. Н. Косыгин. В октябре 1965 г. были приняты законы об изменении органов управления и созданы 11 общесоюзных и 17 союзно-республиканских министерств. 11 июля 1967 г. Совмин СССР утвердил постановление «Общие положения о министерствах СССР» [505]. В результате реорганизации управления были ликвидированы совнархозы и восстановлен отраслевой принцип управления промышленностью. Причем в докладе А.Н. Косыгина подчеркивалось, что «задача реорганизации – не восстановление досовнархозовской системы министерств, а сочетание централизации руководства с расширением оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий» [90, 519]. Реорганизация хозяйственной деятельности, подготавливаемая в течение ряда лет группой экономистов (будущий лауреат Нобелевской премии Л.В. Канторович, академик В.С. Немчинов, В.В. Новожилов, Е. Либерман и др.), предполагала ряд крупных изменений. Число обязательных показателей было сведено до минимума.

Репозиторий КарГУ

Параллельно с сохранением валовых показателей (несмотря на их признанное несовершенство, заключавшееся в том, что предприятия добивались высоких показателей, используя наиболее дорогое сырье и т.п.) были введены новые: стоимость реализованной продукции, чтобы побудить предприятия к сокращению производства не пользующейся спросом продукции и повышению качества; общий фонд заработной платы; общая сумма централизованных капиталовложений. Чтобы стимулировать инициативу предприятий, часть доходов оставлялась в их распоряжении. Величина их определялась по строгим нормам, чтобы не допустить стремление директоров предприятий добиваться получения прибыли любым путем, а министерств – изымать больше положенного. Из отчислений от прибыли на предприятиях создавались фонды развития производства и материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. В рамках единого государственного плана предприятия и объединения переводились на хозрасчет [506].

Однако практика реализации реформ показала, что проблемы, связанные с природой экономических показателей, ведомственностью, самостоятельность предприятий, стимулированием рабочих и т.п., остались нерешенными.

В исследованиях 1970-1990-х гг. подробно анализировались основные проблемные моменты реформ в промышленности 1965 г. Нам кажется вполне логичным остановиться на наиболее значимых позициях современных исследователей.

Западные исследователи, характеризуя экономические трансформации во второй половине 1960-х-1970-е гг., дают весьма сдержанные оценки по результатам реформации 1965 г. «Послехрущевские реформы соединили в себе скудные уступки с направленной к общественности фразеологией. Количество министерств, осуществляющих контроль как в Москве, так и на местах, было увеличено. Интенсификация проверок (иначе, подчинение) должно было стать новым девизом. С 1965 г. Советы Министров республик получили право «заглянуть» в экономические планы Москвы для предприятий союзного значения, расположенных на их территории и внести «предложения» по этому вопросу. Наконец, в Москве были

Репозиторий КарГУ

открыты постоянные комиссии отдельных республик при Совете Министров СССР с целью усовершенствования экономических, научных и культурных контактов, что, по существу, являлось возобновлением старой практики еще 1920-х гг. Подобные сдвиги имеют ограниченное значение с точки зрения практики, однако дают видимость усиления автономии отдельных республик» [507, 281].

Российский экономист Г. Попов отвечая на вопрос, почему не удалась реформа 1965 г., выделяет 3 основные группы причин. Первую группу он называет дефектами замысла, причем именно их считает наиболее фундаментальными дефектами. Показатели сокращались, изменялись, но оставались и централизованно устанавливаемыми, и директивными, административно обязательными. Сам замысел реформы, отмечает Г. Попов, заключал идею полюбовного мира двух полюсов: экономического и административного. Попытка эта завершилась победой той стороны, которая осталась более сильной – административной. Вторая группа причин, по Г. Попову, – дефекты исполнения, организация работы по внедрению нового механизма. Инструкции и органы, координировавшие и руководившие этой перестройкой, нередко топили сами идеи реформы. Третью группу причин Г. Попов называет «административными капканами». Речь идет о положениях, казавшихся процедурными и техническими, но оказавшихся на деле весьма важными. В целом «реформа исходила из идеи, что в СССР возможно осуществить коренные экономические преобразования, не затрагивая политическую и социальную сферы жизни общества, не перестраивая механизма партийного руководства экономикой и механизма самой внутрипартийной жизни. И это было основной причиной пробуксовки реформы 1965 г.» [508, 623-624].

Ряд исследователей наиболее слабыми местами реформ считают несколько иные позиции. Во-первых, не всегда давал ожидаемые результаты принцип зависимости экономического стимулирования от темпов реализации продукции (валового показателя) и рентабельности. Там, где перспективы роста лимитировались потребностями сельского хозяйства или количеством и качеством природных ресурсов, сразу возникали трудности с формированием фондов экономического

Репозиторий КарГУ

стимулирования, а, значит, и с внедрением научно-технических новшеств, которые финансировались из фонда развития производства. Во-вторых, принцип платы государству за производственные фонды как бы предполагал ограниченную ответственность и самостоятельность, ибо какой же хозяин будет себе в убыток копить оборудование, машины и т.д. В-третьих, оказалась преувеличенной, абсолютизированной роль прибыли – обобщающего экономического показателя, положенного в основу рентабельности [509; 510].

Экономист Д. Валовой также выделяет 3 барьера (тормоза) на пути интенсификации промышленного производства в результате реформ 1965 г. Первым, считает он, было то, что главный оценочный показатель работы предприятий, главков и отраслей (темпы роста производства и производительность труда) определялись по валу. К нему были «привязаны» все другие экономические показатели. Положение еще больше обострялось действиями принципа планирования от достигнутого уровня: чем больше достигаешь, тем выше план на предстоящий период. Второй, по его мнению, не менее мощный барьер на пути реализации целей реформы – сохранение порочного метода определения фонда зарплаты от объема валовой (товарной) продукции. Третий барьер на пути реформы – сохранение принципа определения расхода материальных ресурсов на тысячу (миллион) рублей валовой (товарной) продукции. Чем выше материальные затраты, тем больше «законных» оснований для получения более высокой цены [511, 42-43].

Казахстанский историк Ж. Абылхожин считает, что решение проблемы кризиса экономики через изменение отдельных фрагментов экономических отношений, никак не затрагивая при этом их фундаментального начала – отношений собственности, изначально обрекало реформаторские потуги на провал [77, 278]. Однако и он считает, что некоторое положительное влияние на промышленный рост в СССР реформы 1965 г. оказали. В годы восьмой пятилетки, указывает исследователь, народнохозяйственный комплекс достиг наивысших со времен введения плановой экономики индексов роста [79, 279].

Итак, в исследовательских оценках хозяйственной реформы 1965 г. прослеживается достаточно разнообразный спектр

Репозиторий КарГУ

суждений, но точкой соприкосновения всех мнений является то, что реформы 1965 г. представляли собой набор достаточно противоречивых, паллиативных мер, не способных к коренному улучшению модели экономики, устранению глобальных пороков системы. Как правило, исследователи отмечают два ее основных изъяна: непоследовательность (противоречивость принимаемых решений) и некомплексность реформы (изменения в экономике вне связи с демократизацией всей структуры производственных отношений) [100; 512; 513].

Но, несмотря на серьезные недостатки реорганизаций 1965 г., нам представляется вполне обоснованной оценка последствий реформы Н.И. Рыжковым, бывшим председателем Совета Министров СССР. Он отмечает, что «косыгинская экономическая реформа 1965 г. дала заметный толчок буксовавшему народному хозяйству. Только за восьмое пятилетие объем промышленного производства вырос в 1,5 раза, производительность труда – на одну треть. Темпы роста товаров народного потребления наконец-то сровнялись с темпами роста средств производства, которым всегда отдавалось предпочтение» [514, 44].

Эти изменения не миновали и индустриальное пространство Казахстана. На новую систему планирования и экономического стимулирования были переведены уже в первое полугодие 1966 г. 6 предприятий союзно-республиканских министерств и ведомств: Усть-Каменогорский свинцово-цинковый, Балхашский горно-металлургический, Семипалатинский суконный комбинаты, Алма-Атинская обувная фабрика «Жетысу», Алма-Атинский молочный комбинат, Чимкентский цементный завод. Результаты функционирования по новой системе хозяйствования оправдали себя. В течение 1966 г. на новую систему были переведены целые отрасли и предприятия [515, 22-23].

За 1966-1970 гг. валовой общественный продукт увеличился в 1,5 раза, произведенный национальный доход в 1,3, валовая продукция промышленности в 1,56 раза [516, 27].

Объем капитальных вложений в народное хозяйство в годы восьмой пятилетки увеличился в 1,3 раза по сравнению с предыдущим пятилетием и составил 23638 млн. руб. В 1970 г. объем капиталовложений в промышленность по сравнению с 1960 г. вырос более чем в 2 раза и составил 1601 млн. руб. [517, 140-

Репозиторий КарГУ

141]. По-прежнему в структуре промышленности доминировали предприятия группы «А», составлявшие 73,3 % [518, 48].

Темпы роста общего объема продукции промышленности по отраслям можно отследить по таблице 46 [519, 48-49].

Таблица 46 (в %) – Объем продукции в промышленности КССР в 1960-70 гг.

Отрасли промышленности	1960 г.	1965 г.	1970 г.
Вся промышленность	100	150	256
Электроэнергетика	100	101	353
Топливная промышленность	100	104	207
Черная металлургия	100	70	420
Химическая и нефтехимическая промышленность	100	102	465
Машиностроение и металлообработка	100	90	321
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	100	89	199
Промышленность строительных материалов	100	85	282
Легкая промышленность	100	88	240
Пищевая промышленность	100	105	214

Если в период 1961-1965 гг. даже по официальным статистическим данным прослеживается падение темпов роста объема продукции по отраслям промышленности, то в период восьмой пятилетки отслеживается увеличение в 2-4 раза. Причем наибольший рост характерен для химической и нефтехимической промышленности (в 4,6 раза), черной металлургии (в 4,2 раза), электроэнергетики (в 3,5 раза), машиностроения и металлообработки (в 3,2 раза).

На XIII съезде Коммунистической партии Казахстана было отмечено, что к концу восьмой пятилетки в строй действующих вошли 445 крупных предприятий и цехов, были реконструированы и технически перевооружены сотни заводов и фабрик [520, 16]. Статистические данные фиксируют лишь 184 построенных и введенных в действие крупных государственных промышленных предприятий [521, 139].

Производство важнейших видов промышленной продукции КазССР в 1960-1970 гг. можно отследить по таблице 47 [522, 34].

Данные таблицы демонстрируют значительный рост натуральных показателей промышленного производства в КазССР. За исследуемый период производство нефти возросло в 6,6 раз, стали в 2 раза, электроэнергии в 1,8, хлопчатобумажных тканей – в

Репозиторий КарГУ

2,8 раз. Не произошло снижения показателей ни по одному из важнейших видов промышленной продукции.

Таблице 47 – Производство промышленной продукции в КССР в 1960-70 гг.

Вид продукции	Объем производства			1970 г. в % к 1965 г.	1970 г. в % к 1960 г.
	1960 г.	1965 г.	1970 г.		
Электроэнергия, млрд. кВт.ч.	10,5	19,2	34,7	180,7	330,5
Нефть, млн.т.	1,6	2,0	13,2	660,0	825,0
Уголь, млн.	32,3	45,8	61,6	134,5	190,7
Чугун, млн.т.	0,27	1,6	1,8	112,5	666,6
Сталь, млн.т.	0,3	1,1	2,2	200,0	733,3
Железная руда, млн.т.	5,7	14,1	18,2	129,1	319,3
Минеральные удобрения, млн.т.	0,5	0,8	1,96	245,0	392,0
Серная кислота в моногидрате, тыс.т.	551,0	863,6	1229,2	142,3	223,1
Искусственное волокно, тыс.м.	5,0	7,8	12,9	165,4	258,0
Цемент, млн.т.	2,2	4,0	5,65	141,2	256,8
Ткани, млн. пог. м.: хлопчатобумажные	20,4	22,5	64,1	285,0	314,2
Шерстяные	4,1	3,9	5,0	128,2	122,0
Обувь кожаная, млн. пар	12,3	15,0	27,8	185,3	226,0
Сахар-песок, тыс.т.	122,8	171,3	176,2	103,0	143,5
Мясо в убойном весе, тыс. т.	278,2	411,4	525,0	128,0	188,7

В годы восьмой пятилетки вступили в строй Ермаковский завод ферросплавов, Каратауский горно-химический комбинат, Чимкентский завод по производству фосфора, было завершено строительство Гурьевского нефтехимического завода, введены в действие первые мощности Павлодарского тракторного завода и т.д. [523, 73-75].

Однако, несмотря на значительные успехи в промышленном развитии республики (преимущественно по количественным параметрам), основные недостатки и проблемные моменты не были устранены. Архивные материалы свидетельствуют, что по-прежнему одним из основных способов подтягивания планов оставались приписки. Органами государственной статистики Казахстана в 1969 г. было проверено состояние отчетности и достоверности отчетности на 882 промышленных предприятиях. В результате приписки и другие искажения отчетных данных выявлены на 371 предприятии (42 %). В проверенных 549

Репозиторий КарГУ

строительных организациях приписки выявлены в 252 (46 %). В 1970 г. были проверены 1117 предприятий, при этом нарушение отчетности обнаружено на 489 объектах, приписки и укрытия – на 56 предприятиях (5 %). В 1971 г. было проверено 120 промышленных объектов республики. На 107 из них (53 % от числа проверенных предприятий) были выявлены нарушения в учете и отчетности, а в ряде случаев обнаружены приписки [524, 1-12]. Эти факты свидетельствовали о серьезных искажениях отчетных показателей на уровне промышленных предприятий. Зная о практике завышения контрольных цифр в отчетах о выполнении плановых заданий на всех управленческих уровнях трудно верить в адекватность материалов статистических сборников.

В государственном архиве имеются материалы проверки министерств Комитетом народного контроля по выполнению решений сентябрьского (1965 г.) пленума ЦК КПСС, которые свидетельствуют о неблагополучном положении с выполнением задач, поставленных пленумом 1965 г. [525, 2-4]. В материалах отмечено, что за 1965 г. из 1015 планово-прибыльных предприятий 288 (28 %) недовыполнили план на 29,6 миллионов рублей и 94 (9 %) – вместо запланированной прибыли 5,4 миллионов рублей дали убыток 8,4 миллионов рублей. Из 431 планово-убыточных предприятия – 284 (66 %) допустили сверхплановый убыток в сумме 34,0 миллионов рублей. Допущено удорожание себестоимости товарной продукции по 18 предприятиям Министерства легкой промышленности, по 87 – Министерства мясной и молочной промышленности (47 %), по 20 – Министерства рыбного хозяйства (80 %) [526, 14].

В отчетах зафиксировано, что большой ущерб экономике республики наносят различного рода потери по бесхозяйственности и непроизводительные потери. Только за 1965 г. размеры их составили огромную сумму – 304 миллиона рублей. Особенно велики потери в строительстве, цветной металлургии, топливной промышленности [527, 15].

Одной из существенных проблем индустриального развития Казахской ССР являлась закрепившаяся практика сооружения «гигантов индустрии». Статистика, базирующаяся на результатах деятельности многих предприятий, убеждает в том, что в ряде отраслей экономические преимущества небольших предприятий бесспорны.

Репозиторий КарГУ

В исследовании Н. Назарбаева приведены данные репрезентативного обследования, доказывающие, что производительность труда на заводах с числом занятых менее 600 человек на 50 % выше, чем на объектах, где численность рабочих и служащих превышает 4,5 тысяч человек [425, 265]. Кроме того, при небольших размерах предприятия обеспечивается гибкость планирования и динамичность его функционирования. Поэтому начиная с 1960-х гг., в капиталистических странах почти полностью прекратилось строительство заводов-гигантов. Новые заводы, вводимые в эксплуатацию до 1970 г., имели численность рабочих в среднем 644 человека, в то время как в 1980-е гг. – 210 человек. В США удельный вес небольших фирм, в том числе, корпораций, с численностью до 500 занятых составлял 99,8 % к общему числу всех предприятий. Они производили 49,6 % валового общественного продукта, в них было сосредоточено 55,8 % трудовых ресурсов [528, 28].

В Казахстане по данным 1965 г. предприятия до 500 человек составляли 84,8 % от общего числа предприятий. Они производили 30,3 % всей валовой продукции промышленности, и занято на них было почти 66 % всех рабочих индустрии республики [529, 55]. Строительство гигантов промышленности в 1970-1980-е гг. стало еще более интенсивным. В 1990-е гг. предприятия с численностью более 2,5 тыс. человек составляли 21 % от общего числа, и они производили 80,6 % всей продукции республики [530, 270].

Сооружение гигантов индустрии создавало целый ряд проблем: во-первых, затягивались сроки их строительства на 10 и более лет, такие сроки шли вразрез с интересами научно-технического прогресса, повышения экономической эффективности производства. За это время техника, предусмотренная в первоначальном проекте, морально устаревала. Проект приходилось несколько раз пересматривать, что нередко приводило к многократному повышению первоначальной сметной стоимости. В итоге тормозилось ускорение научно-технического прогресса, а вложенные крупные средства длительное время не давали экономического эффекта.

В контексте вышесказанного в качестве частного факта, демонстрирующего иррациональный характер индустриального развития республики, может послужить пример строительства Карагандинского металлургического завода.

Репозиторий КарГУ

По постановлению Совета Министров СССР от 31 января 1958 г. был установлен срок окончания строительства первой очереди Карагандинского металлургического завода – 1964 г. Как показала практика, стоимость объектов по сметно-финансовому расчету была занижена на 20-30 % по сравнению с фактической. Естественно, что в связи с нехваткой средств по ряду различных объективных и, в большей степени, субъективных причин, срок строительства завода затянулся на 3-4 года. В отчетной документации основной причиной растягивания сроков строительства называется «неправильное определение сметной стоимости завода». Совет Министров СССР распоряжением от 23 апреля 1965 г. значительно увеличил план строительно-монтажных работ. Но увеличение плана не было подкреплено ни материально-техническими ресурсами, ни людскими. Соответственно, через некоторое время план строительно-монтажных работ вновь был уменьшен. И хотя трест «Казметаллургстрой», занимавшийся строительством Карагандинского металлургического завода, неоднократно поднимал вопрос о разработке перспективного плана строительства завода (а строительство завода шло уже почти 10 лет), такой план так и не был принят [531, 2-8].

Строительство углеобогатительной фабрики мощностью 2650 тыс. тонн концентрата в год началось в первом квартале 1959 г. со сроком ввода в эксплуатацию в первом квартале 1962 г. После этого в течение 6 лет устанавливались новые сроки ввода, но она еще даже в 1966 г. введена не была. Учитывая, что углеобогатительная фабрика не была пущена в срок, Госплан РСФСР недостающее количество концентрата заменил рядовыми углями Кузнецкого угольного бассейна, значительно отличающегося по своим коксующимся качествам от снятых концентратов. Такое изменение сырьевой базы коксования резко сказалось на качестве кокса. Это впоследствии существенно отразилось на выходе химических продуктов в сторону их резкого увеличения. Увеличилось и загрязнение окружающей среды металлургическим заводом. Также изменение качества кокса ухудшило работу доменных печей. Убытки от уменьшения производительности доменного цеха и неквалифицированного использования эксплуатационного персонала ежегодно составляли около 450 тыс. руб. [532, 10]. Убытки, связанные с браком, допущенным строителями в течение только одного месяца 1966 г.,

Репозиторий КарГУ

составили 230 тыс. руб., а дополнительные затраты на модернизацию оборудования составили 138 тыс. руб. [533, 11-12].

Это лишь единичный факт строительства и функционирования одного объединения в наиболее благополучный для индустриального развития Казахстана период. Данный пример был не единственным и это скорее правило, чем исключение из него.

В структуре промышленности по-прежнему сохранялся гипертрофированный характер добывающих отраслей. Причем на протяжении многих лет не находили применения принципиально новые технологии, например, плавки руд цветных металлов в кипящем слое и жидкой ванне и т.п. Внедрение этих технологий, как свидетельствуют архивные материалы, сразу же снизило бы объем валовых показателей, соответственно и фонд заработной платы и ряд других льгот. Исследователь В. Коваль считает, погоня за валовыми показателями тормозила внедрение этих технологий и в целом научно-технического прогресса. «История экономики республики знает десятки и сотни случаев, когда на пути открытия или изобретения, способного совершить революционные преобразования в организации производства и резко повысить производительность труда, непробиваемой стеной стояли показатель, руководитель и целые коллективы» [534, 236]. По этой же причине, имея уже неплохую технологию получения металла из отвалов, металлурги Усть-Каменогорского титано-магниевого комбината, который долгие годы считался флагманом цветной металлургии Казахстана, ежегодно 24 тыс. т. расплава и 6,5 тыс. т. возгона закапывали в землю, нанося громадный экологический ущерб. Вместо того, чтобы разрабатывать месторождение на побережье Аральского моря, сырье для нужд комбината стали завозить из Австралии, так как это резко за счет транспортных расходов увеличивало валовые показатели [535, 237].

Ненаукоемкий характер промышленного производства иллюстрируется следующим фактом. Если доля народнохозяйственного эффекта от внедрения достижений науки и техники в 1950-1960 гг. составляла всего 12 %, то в 1960-1970 гг. упала до 7,4 % [536, 19].

Проблема ресурсосбережения не решена до сегодняшних дней. Казахстану не удалось преодолеть экстенсивный,

Репозиторий КарГУ

ресурсозатратный характер развития тяжелой индустрии, хотя предпринимаются попытки решения проблемы. В Казахстане в 1990-х гг. ежегодно добывалось более 1,53 млрд. т. полезных твердых ископаемых, из них третья часть (534 млн. т.) – для металлургии. Однако из этого количества в конечную продукцию превращается немногим более 4-8 %, а остальное вывозится в виде пород вскрыши, хвостов обогащения и металлургических шлаков. Уровень их вовлечения в народнохозяйственный оборот незначительный, в цветной металлургии – 5,6 %, в черной – 3,3, угольной промышленности – 5,2 % [425, 188].

В Казахстане накоплено свыше 16 млрд. т. твердых отходов производства, которые ежегодно пополняются на отвалах еще на 1 млрд. т. Большая часть отходов – 57,6 % – приходится на цветную и черную металлургию, соответственно 38,9 и 23,7 % [537, 189].

На нефтепромыслах Мангышлака в течение 15 лет (1960-1975 гг.) использовалось только 8-10 % попутного газа, остальной же – просто сжигался [538, 3-11]. В то же время для удовлетворения энергетических нужд Мангышлака срочно сооружался дорогостоящий реактор на быстрых нейтронах, пуск которого был осуществлен в 1973 г. Вместо использования газа, на добычу которого не было необходимости тратить дополнительные средства, он просто сжигался. Как показывают современные исследования, применение газа на 20-30 % уменьшает по сравнению с углем и ядерной энергией затраты на добычу, транспортировку и использование топлива. Кроме того, использование газа радикально изменило бы характеристики энергетики: полностью устраняются выбросы окислов серы и золы, в 3-4 раза уменьшается по сравнению с углем и мазутом эмиссия окислов азота и вдвое – окиси углерода, порождающей парниковый эффект, способный повлиять на климат планеты [425, 185].

В 1960-1970-е гг. удельный вес добывающей промышленности в общем объеме производства достигал 38 %, и только в 1990-е гг. он составил 15 %, практически не снижаясь в это десятилетие [539, 6; 426, 326].

Непроизводительная ресурсоемкость была характерна для всех отраслей экономики республики. В работах историков отмечается такой факт: в Казахстане в расчете на душу населения производилось электроэнергии больше, чем во многих

Репозиторий КарГУ

высокоразвитых странах. «По логике, согласно которой экономическое благосостояние и производительность труда во многом определяются среднедушевыми показателями потребления производства энергии, республика должна была представлять собой процветающий регион. Но в действительности индексы энергопотребления и развития экономики были более чем неадекватны» [503, 80].

Машиностроение в республике в годы восьмой пятилетки не стало доминирующей отраслью производства. Практически все машиностроительные заводы обросли непрофильными и, как правило, кустарными, слабо механизированными подразделениями по производству инструмента, оснастки, литья, тары и т.п. В результате Казахстан стал единственной республикой в СССР, где в составе машиностроения и металлообработки более 30 % занимало ремонтное производство, против 10 % в целом по СССР [540, 236].

К 1970 г. республика производила всего 2302 металлорежущих станка, 862 кузнечно-прессовые машины, 668 экскаваторов, 10 бульдозеров, 9,7 тысяч тонн прокатного оборудования и на 37,8 млн. руб. приборов, средств на автоматизацию и запасных частей к ним [515, 59].

Причем и в этой отрасли доминировал материалоемкий характер производства. По расчетам НИИТМаша, в среднем машины местного производства примерно на 20 % были тяжелее, чем зарубежная техника того же назначения [541, 142]. На единицу конечной продукции в СССР потреблялось стали в 4 раза больше, чем в США [542, 113].

Совершенно не производились композитные и конструкционные материалы, современные сплавы, покрытия, изделия электронной промышленности и т.д. Потребности республики в продукции радиоэлектронной промышленности до сих пор на 61 % удовлетворяются за счет ввоза: бытовых приборов и машин – на 60 %, в оборудовании для легкой промышленности – на 95 % [425, 326].

Потребности в другой сложной технике и товарах народного потребления также удовлетворялись в основном за счет ввоза из-за пределов республики. Казахстан не только не занимал ведущей позиции в общесоюзной интеграции по производству предметов

Репозиторий КарГУ

народного потребления, республика даже не удовлетворяла собственных потребностей. По продукции легкой и пищевой промышленности оставался высоким удельный вес ввоза трикотажных (31 %) и швейных (34 %) изделий, продуктов кожевенной, меховой и обувной отраслей (34 %), сахарной (41 %), парфюмерно-косметической (79 %), плодоовощной (53 %) продукции. В то же время ежегодно из Казахстана в непереработанном виде вывозилось 7-9 миллионов тонн зерна, в среднем 60 % общего объема заготовок кожевенного сырья, более 70 % хлопка-волокна, более 60 % мытой шерсти [543, 127]. Республика в общесоюзной интеграции играла роль сырьевой базы. Этот фарватер индустриального развития не изменился и в годы восьмой, как ее называют в литературе «золотой», пятилетки.

Нельзя не согласиться с мнением абсолютного большинства современных исследователей, что реформа обусловила процесс временной реанимации хозяйственного механизма как в республике, так и в целом в СССР. Основные тенденции развития промышленности в СССР существенной коррекции подвержены не были.

Характеризуя экономические процессы в агроиндустриальном пространстве Казахстана, обозначаем их как «экономический рост без экономического развития». По нашему мнению, содержание концептов «экономический рост» и «экономическое развитие» не совпадает по сути. Первое предполагает, как уже отмечалось, увеличение валового национального продукта на душу населения на протяжении некоторого периода времени, тогда как второе означает прогрессивные изменения в структуре экономики (например, в отраслевой структуре, структуре производительных сил и т.д.). В содержание «экономического роста» мы вкладывает чисто количественные характеристики, тогда как «экономическое развитие» предполагает качественные изменения. Для советской индустрии, так же как и для агросферы исследуемого периода, был характерен количественный рост без качественный изменений.

Подводя итоги модернизации экономики Казахстана в реформенный период можно сделать ряд выводов.

Реформы 1965 г. осуществлялись как в аграрном, так и в индустриальном секторах экономики КазССР. Причем переход на

Репозиторий КарГУ

новую систему хозяйствования начал осуществлять еще с начала 1960-х гг. В результате реформ во второй половине 1960-х гг. произошли структурные изменения в управлении народным хозяйством республики. Вместо 9 совнархозов, управлявших объектами экономики по территориальному принципу, была восстановлена прежняя система отраслевого управления – система министерств, которая еще в большей степени, чем раньше централизовала управление экономикой КССР.

Основная разница, на наш взгляд, в подходе к реформированию в период Н. Хрущева и в 1966-1970 гг., заключалась в большей целостности, некоторой продуманности последних реформ. Была предпринята попытка сделать объектом приложения экономических реформ методы и формы планирования, ценообразования и стимулирования сельского хозяйства страны. Этому должны были служить активная ценовая политика стимулирования производства, установление многолетних стабильных производственных планов и т.п. Однако и эти реформы носили паллиативный характер, не ставили задачу изменения основного содержания советской модели экономики и, естественно, не могли вызвать трансформации глобального характера.

Реформы 1965 г. оказали некоторое положительное влияние на динамику экономических процессов, сыграв роль катализатора, однако, в силу серьезных недостатков в самой реформе и механизмах ее осуществления, процесс «взбадривания» экономики оказался недлительным. С 1970 г. вновь возобладали деструктивные, дестабилизирующие тенденции экономического развития.

В индустриальном секторе экономики значительная часть предприятий утратила побудительные мотивы к совершенствованию производства, так как хозяйственники стали получать прибыль не методом повышения производительности труда, улучшения качества продукции, снижения издержек производства, а использованием таких источников, как необоснованное повышение цен, формальное обновление выпускаемой продукции, упрощение технологий при одновременном снижении качества изделий. Целые отрасли с подвижной номенклатурой выпуска рапортовали о своем

Репозиторий КарГУ

преуспевании, выполняя и перевыполняя планы, а в отчетах год от года все большее место занимала непроизведенная стоимость, за которую исправно начислялись заработная плата и премии. Реформа 1965 г. внедрила в хозяйственный механизм элементы инфляции. Кроме того, в массовом и масштабном порядке стали практиковаться приписки.

В условиях фактического сохранения затратного хозяйствования предприятия зачастую были вынуждены отказываться от внедрения новых технологий, так как это значительно снижало валовые и другие показатели. Реформы подняли только верхний пласт резервов экономики, что обеспечило кратковременный рост отдельных показателей отраслей в годы «золотой» пятилетки, но не сумели направить их по пути стабильности.

Реформа 1965 г. предполагала смену приоритетов в иерархии плановых показателей. В качестве главного индикатора стал выступать объем реализованной продукции. И это обернулось сильнейшим противоречием, поскольку стоимостные показатели без стоимости (ведь рынка не было) есть не иначе как абсурд. Советские экономисты, по сути, пытались реанимировать идеи социалистов-утопистов (например, Прудона или Оуэна) – установить «истинную» стоимость посредством подсчета трудозатрат в часах рабочего времени.

В результате реформа 1965 г. лишь разрушила сложившийся баланс между стоимостными и материально-вещественными потоками в экономике, что вызвало еще большие издержки производства, обострило проблему управляемости народным хозяйством.

Можно согласиться с выводом, что реформа 1965 г., предполагавшая соединить «огонь и воду» – план и рынок, увела страну еще дальше от модернизации даже по сравнению с ее сталинской моделью.

Именно во второй половине 1960-х гг. усилилось разрушение прежней системы мотивации к труду – социальной мотивации, характерной именно для догоняющего типа модернизации. Однако на смену ей не пришла мотивация экономическая. Она и не могла придти без радикальной реформы всей системы производственных отношений и такого ее фундаментального начала, как отношения

Репозиторий КарГУ

собственности. В результате в обществе настроения подвижничества и энтузиазма стали уступать социально-психологической атмосфере разочарования, апатии, скепсиса. Нарождался социальный и моральный кризис.

Все это вместе взятое формировало симптоматику общего кризиса модернизаторской модели, сложившейся в результате реализации советской догоняющей модернизации.

Репозиторий КарГУ

Заключение

Подводя общие итоги в данном исследовании необходимо отметить, что советский опыт экономической модернизации в Казахстане (как и в СССР в целом) в 1946-1970 гг. – это опыт «догоняющей модернизации», когда делалась попытка догнать уровень развития стран Западной Европы и Северной Америки. Однако если это удалось в тех секторах экономики (прежде всего, тяжелая индустрия), которые были связаны с обеспечением функционирования военно-промышленного комплекса СССР, то в других отраслях экономики, производство в которых было направлено на удовлетворение потребностей населения страны (аграрный сектор, машиностроение, перерабатывающая промышленность), догнать основные показатели развитых капиталистических стран не удалось.

Сырьевая, экстенсивная направленность экономики Казахстана поставила на грань развала отрасли, определяющие научно-технический прогресс, особенно машиностроение, потребительский сектор экономики. Нарастали деформации структуры общественного производства. В народнохозяйственных комплексах сырьевой направленности, производящих промежуточную продукцию, было сосредоточено более 60 % всех основных промышленно-производственных фондов, в то время как на легкую промышленность приходилось лишь 4 %, на пищевую – 6% [544, 153]. Такая структура резко ограничивала возможности социальной ориентации экономики.

Основной экономический фарватер развития КазССР был обусловлен особенностями функционировавшей в республике «советской модели экономики». *Основными чертами «советской модели экономики», на наш взгляд, являются следующие характеристики.*

1. Партийно-государственный диктат в экономической жизни. Данная советская модель экономики строилась по законам и характеристикам, продиктованным идеологическими и политическими интересами КПСС. Главное содержание экономического развития страны определялось потребностями внутренней и внешней политики партии, которая тактически менялась в зависимости от конъюнктуры момента.

Репозиторий КарГУ

2. Нерыночный характер экономики. Советский человек десятилетия имел дело с монополизированным рынком, рынком без конкуренции. Главное отличие двух моделей (советской и западной) заключались в том, что в одном случае конкуренция выхолащивается, а в другом – является стержнем экономической жизни. Все остальные атрибуты – форма собственности, материальные стимулы, денежная и финансовая система, ценообразование, распределительные отношения, планирование – всего лишь производные этого главного отличия. Отсутствие конкуренции приводило к созданию деформированной, тоталитарной экономики.

3. Примат государственной собственности, тотальное огосударствление экономики. Тотальное огосударствление означало, что только государство было собственником производственных ресурсов и только государство принимало экономические решения. Работник был полностью отчужден от собственности.

4. Тотальная централизация и тотальная унификация в планировании, управлении и производстве.

Тотальная централизация и тотальная унификация пронизывали все вертикальные и горизонтальные структуры.

5. Командный характер экономики. Он определялся особенностями системы управления, функционировавшей в советской модели экономики. Неслучайно эта система управления получила название «административно-командной».

6. Экономическая автаркия. Курс на свертывание товарно-денежных отношений, натурализация хозяйства приводили к расстыковке экономики СССР с мировым рынком. Автаркия – одна их важных причин экономического застоя. Опора исключительно на собственные силы приводила к перенапряжению экономического организма общества, снижалась эффективность производства. Постепенно замедлялся, а позже и совершенно прекратился, экономический рост. Эта черта являлась одной из наиболее деструктивных в советской экономике.

7. Специфичный характер труда (внеэкономическое принуждение и отсутствие сложного труда) и потребления работников. Советская модель экономического развития основывалась на принудительном труде, что, в первую очередь,

Репозиторий КарГУ

определяло его низкую эффективность. Сложный труд, то есть творческая сторона любого труда, был подменен суммой простого: там, где экономика сталкивалась с историческими задачами, поставленными перед страной временем, там все решал не творческий потенциал каждого человека, а привлечение к труду по возможности больших масс.

Именно эти черты, на наш взгляд, в существенной степени определяли сущность советской модели экономики, сложившейся в период возникновения и укрепления Советского государства. Советская модель экономики, функционировавшая в СССР, имела и адекватную ей систему управления.

Административно-командная система управления экономикой, сохраняя некоторые элементы рациональной, административной системы, имела ряд существенных отличий от нее. Ее особенностями были:

1. Данная система была построена не просто на единоначалии, а на концентрации полной и безграничной власти в одних руках. А для удержания власти нужен был аппарат подавления, который стал обязательным элементом этой системы.

2. Административно-командная система управляла не посредством знания, она не требовала от своих чиновников особых знаний. Главным критерием отбора стали не профессиональная компетентность, не уровень, глубина знаний и интеллекта, не творческий подход к решению проблемы, а способность четко и, главное, беспрекословно выполнять спущенные «сверху» предписания. Безропотное подчинение и безусловная исполнительность стали доминирующими принципами отбора управленцев в систему. Инициативность, творчество, индивидуальность становятся пороком, идет подбор кадров – элементов системы скорее послушных, чем способных.

3. Обязательным элементом системы становится креатура. Отношения протекционизма пронизывают всю иерархическую структуру.

Безусловно, не только эти особенности определяют суть командно-административной системы, однако они являются, по нашему мнению, приоритетными и носят эзотерический и деструктивный характер. Все остальные характеристики являлись производными этих черт.

Репозиторий КарГУ

Административно-командные методы управления экономикой продолжали функционировать в послевоенный период и вели страну к глобальному экономическому кризису.

Советская модель экономики и характерная для нее система управления определяли содержание социально-экономического развития Казахстана в исследуемый нами период – 1946-1970 гг.

Советская модель экономики основывалась на четырех вертикалях жесткой системы управления. Первая вертикаль – партийная, вторая – хозяйственная, третья вертикаль – региональная исполнительная власть, четвертая – силовые структуры. Главной вертикалью, основным орудием строительства нового общества, была партия, точнее, партийный аппарат. В советском обществе постоянно укреплялись все четыре управленческие вертикали.

Советская модель экономики и административно-командная система управления экономикой создали адекватный себе тип общественного сознания – на почве экономической неэффективности и уравнительности распределения, порожденных администрированием, произошли глубокие сдвиги в общественной психологии, деформация жизненных ценностей и приоритетов. В сознании людей глубоко укоренились сугубо административный взгляд на экономические проблемы, почти религиозная «вера в организацию», нежелание и неумение видеть, что силой, давлением и призывами к сознательности в экономической жизни достигнуть стратегических длительных результатов невозможно. Среди населения широко распространились настроения апатии и безразличия, иждивенческая уверенность в гарантированной работе и социальной безопасности и в то же время твердая убежденность в том, что «выкладываться», работать с полной отдачей сил бесполезно, бессмысленно и даже зазорно. Часть нации духовно деградировала на почве пьянства и безделья, развились массовое воровство, неуважение к честному труду, стойкое отторжение предпринимательства, инициативности, проявления ярких личностных качеств. И одновременно проявлялись агрессивная зависть к любым повышенным трудовым доходам, все более ощутимым становилось неверие в провозглашаемые цели и намерения, в том числе и в возможность более разумной, более рациональной организации экономической жизни.

Репозиторий КарГУ

Однако данная система управления экономикой, несмотря на существенные изъяны и пороки, обладала высокой степенью мобилизации. Это было, по нашему мнению, одним из основных достоинств системы. Подкрепленная мощным аппаратом идеологического и политического давления, данная система была в исследуемый период относительно устойчивой и обеспечивала достаточно стабильное функционирование всего экономического механизма страны.

В 1946-1970 гг. в результате функционирования партийно-государственной системы управления экономикой агроиндустриальный потенциал Казахстана значительно увеличился.

Характеризуя состояние аграрного сектора Казахстана в послевоенный период (1946-1954 гг.) можно, в качестве главных, выделить ряд моментов.

Состояние коллапса, в котором находилось сельское хозяйство, давало партийно-государственному аппарату основание полагать, что меры воздействия на крестьян недостаточны. Поэтому в послевоенное десятилетие система форсировала принятие целого ряда директив, именно в этом видя инструмент для регенерации аграрной структуры. За период 1946-1954 гг. центральными партийно-советскими органами было принято около двух десятков постановлений по аграрной проблематике. Аналогичное количество директивных документов было спущено из республиканских партийных и государственных структур на места.

В рассматриваемый период Советский Союз испытывал серьезные трудности с зерновой проблемой. Для ее решения или хотя бы «смягчения» изыскивались самые различные варианты. В этой связи было признано, что для Казахской ССР с ее огромными аграрными возможностями довоенный уровень развития сельского хозяйства, особенно в производстве зерна, не может являться ориентиром. Рост сельского хозяйства республики должен был соответствовать тем критериям, которые определялись потребностями промышленности СССР. В эти годы центр форсирует рост посевных площадей в республике, но не осуществляет серьезных инвестиций в аграрный сектор, по-прежнему отводя ему роль «донора» для промышленности.

Репозиторий КарГУ

Экстенсивный характер земледельческой отрасли уже исчерпывал свои ресурсы, а потому не позволил решить зерновую проблему.

Удельный вес Казахстана в общесоюзном производстве зерна в период 1946-1953 гг. был незначительным, и республика в аграрной специализации страны являлась преимущественно животноводческим регионом. В животноводческом сегменте аграрного сектора КССР в данный период отслеживается определенная положительная динамика. Однако по основным видам скота восстановить его доколхозную численность не удалось. Прослеженная динамика животноводческого хозяйства не была связана с какими-то кардинальными улучшениями в отрасли. Основным типом животноводческого хозяйства по-прежнему оставалось экстенсивное отгонно-пастбищное животноводство, которое продолжало сохранять свою жесткую зависимость от природно-климатических коллизий.

Действовавшая в колхозах и совхозах республики система вознаграждения труда напрочь была лишена способности стимулировать экономическую активность работников производства. Затраты труда крестьян в общественном хозяйстве и уровень его оплаты были, мягко говоря, неэквивалентны, а если называть вещи своими именами, то находились в вопиющей диспропорции. Размер трудодня как в его денежном, так и «натуральном» эквивалентах и близко не соответствовал энергетическим затратам индивида. А потому послевоенная деревня балансировала буквально на грани голода. Но именно такая система оплаты труда в сельском хозяйстве позволяла постоянно снижать цены (известные сталинские мартовские снижения цен) на продовольствие и держать цены на основную потребительскую корзину в городе на уровне более или менее соответствовавшем нищенским зарплатам рабочих промышленности.

Уровень и качество жизни сельчан при существовавшей системе оплаты труда в колхозах и совхозах были крайне низкими. Личные подсобные хозяйства нередко являлись единственным источником жизнеобеспечения сельских жителей, но и их потенциал усилиями власти ограничивался путем обложения обременительными натуральными и денежными налогами. Таким образом, послевоенная деревня была поставлена в безвыходное

Репозиторий КарГУ

положение. Колхозы не обеспечивали своих работников адекватной их труду заработной платой, что заставляло людей усиливать затраты труда в личных хозяйствах. В то же время государство всячески препятствовало попыткам сельских жителей расширить производство на индивидуальных участках, постоянно увеличивая натуральный и денежный налоги.

Кабальная, крепостническая политика государства по отношению к аграрному сектору (крестьяне не имели паспортов, им не полагались отпуска, пенсии, листки трудоспособности и т.д.) была связана с необходимостью обеспечения расширявшегося военно-промышленного комплекса продовольствием, с сохранением и укреплением действовавшей системы управления и распределения. Основными методами данной политики были внеэкономические и идеологические инструменты принуждения, включая откровенный террор. Только при помощи идеологического манипулирования массами и постоянного государственного террора режим смог заставить население огромной страны приносить бесчисленные жертвы во имя «светлого коммунистического будущего».

Экстенсивный характер модели экономики определял основной фактор развития народного хозяйства Казахской ССР. Этим доминирующим фактором мог быть только рост капиталовложений в отрасли экономики. Однако в послевоенное десятилетие в силу необходимости восстановления разрушенного хозяйства СССР, вложения в сельское хозяйство республики не могли носить глобальный характер. Как было отмечено ранее, отсутствовали и материальные стимулы для высокопроизводительного труда аграриев. Чем же объяснялся пусть даже незначительный, но все же рост количественных характеристик аграрной структуры Казахстана? Мы предлагаем ввести в научный оборот новый понятийно-категориальный комплекс, позволяющий, на наш взгляд, более точно описать характер динамических процессов в послевоенном аграрном секторе в Казахстане. Тяжелые последствия Великой Отечественной войны способствовали закреплению в массовом сознании общества «синдрома послевоенной жертвенности». *Общество, в течение длительного времени подвергавшееся аннигиляции, зажатое в тиски идеологического прессинга, было*

Репозиторий КарГУ

имманентно способно к восприятию любой идеологической доктрины, обещавшей все блага в скором будущем, и совершенно искренне, во всяком случае, большинство граждан, ожидало явления коммунистического рая. Это состояние общества мы и предлагаем обозначить «синдромом послевоенной жертвенности».

В данном случае дефиниция «синдром послевоенной жертвенности» используется для обозначения определенного состояния общества с присущими ему релевантными признаками и общим механизмом их возникновения. Идеологическая машина в период сложных послевоенных лет усиленно внедряла в массовое сознание установку на очередной виток трудового подвижничества, патриотического энтузиазма, нацеливала на усиление мобилизационных возможностей как в экстремальные военные годы. В обществе насаждался концепт «максимальных жертв» во имя Родины и в мирное время. Все сколько-нибудь значимые социально-экономические акции, проводимые в рассматриваемый период, сопровождались демагогическими заявлениями партийных и государственных лидеров о том, что совершаются они во благо и во имя советского народа и инициированы его настоятельным желанием. Во всех постановлениях послевоенного десятилетия и идеологических кампаниях, сопровождающих их, система прямо или косвенно обозначала необходимость жертвенности со стороны этого народа для его же будущего блага.

В промышленной модернизации в Казахстане в послевоенное десятилетие отслеживались следующие наиболее значительные моменты.

Спецификой Казахской ССР являлось то, что во время войны промышленное развитие республики не только не приостановилось, а, наоборот, непрерывно расширялось. В отличие от промышленности некоторых республик Союза, которые нуждались в восстановительном периоде, индустрия Казахстана не нуждалась в нем. Процессы реконверсии не коснулись республики.

В развитии промышленности рассматриваемого периода доминирует экстенсивный и капиталозатратный характер. В 1980-1990-е гг. исследователями для обозначения характеристики

Репозиторий КарГУ

советской индустрии использовалась категория «капиталоемкость». На наш взгляд, использование данной дефиниции неправомерно. Капиталоемкость – это характеристика рыночной модели модернизации, характеристика высоких технологий. Советская индустрия носила скорее капиталозатратный характер, так как единственным фактором, детерминирующим количественную динамику в промышленном развитии республики, оставался рост капиталовложений в индустрию региона, причем практически без адекватной отдачи.

Расходы в промышленность Казахстана из государственного бюджета к 1950 г. выросли по сравнению с 1940 более чем в 3,3 раза, к 1954 г. – в 23,2 раза. Эти данные свидетельствовали о существенном росте капиталовложений из бюджета в индустрию в годы послевоенного десятилетия, их более значительное увеличение произошло в период 1950 – 1954 гг. Однако темпы роста валовой продукции всей промышленности республики не соответствовали росту объемов вложений.

Рациональный подход в нормальном функционировании экономики требует возвращения вложенных средств в виде промышленного роста, роста продукции, роста производительности труда. Индустрия республики требовала огромных, неадекватных и постоянных вложений для незначительной положительной динамики развития. Так, при увеличении бюджетных вложений более чем в 23 раза, валовая продукция промышленности выросла лишь в 2,6 раза. В данное десятилетие рост бюджетных вложений в промышленность почти в 9 раз превышал увеличение производства продукции данного сектора экономики.

Но, тем не менее, темпы роста валовой продукции промышленности Казахской ССР опережали как общесоюзные показатели, так и темпы роста многих союзных республик в период всей послевоенной декады. Казахская ССР занимала четвертое место в Союзе по темпам роста валовой продукции промышленности.

Приоритетными в промышленном развитии республики являлись отрасли тяжелой индустрии, доля которых в основном объеме капиталовложений в индустриальный сектор республики составила 94,2 %. Архивные данные фиксируют преобладание в

Репозиторий КарГУ

структуре промышленности Казахстана продукции предприятий группы «А» – черной и цветной металлургии, угольной и нефтяной отраслей. Причем доля добывающего сектора в тяжелой индустрии составляла более 40 %. Казахстан являлся одной из основных сырьевых баз, работавших на военно-промышленный комплекс СССР и позволявших стране наращивать его объемы. Сырьевая направленность в индустриальном развитии в послевоенную декаду подтверждает характеристику Казахстана в исследуемый период как региона развивающейся экономики, страны так называемого «третьего мира».

В 1946 г. в ряде отраслей произошел спад производства, но уже с 1947 г., с наращиванием капиталовложений начинается постепенный рост промышленного производства. Ежегодные темпы роста промышленной продукции устанавливались в интервале от 7 до 17 %. Объем валовой продукции промышленности в 1954 г. по сравнению с 1945 увеличился почти в 2 раза.

Однако негативные тенденции, развивавшиеся в экономике республики, свидетельствовали о начале стагнации, о наступающей перманентной кризисной ситуации, о необходимости структурной перестройки народного хозяйства КССР. Директивное, ненаучное планирование, в частности, проявлявшееся в несбалансированности плана, завышенных заданиях и т.п., использование в качестве определяющих показателей экономического роста – валовой (товарной) продукции и ряд других объективных и субъективных причин выступали в качестве основных деструктивных элементов в индустриальном развитии Казахстана.

Как уже отмечалось, преимущественное развитие в тяжелой индустрии Казахстана получили добывающие отрасли, поэтому в производстве многих видов конечной продукции республика занимала среди других регионов СССР незначительное место. Исключительно сырьевой характер этих отраслей индустрии обусловил отсутствие законченного цикла производства в них. Ни черная, ни цветная металлургия республики, ни угольная промышленность, ни нефтяная отрасль существенной роли в союзной интеграции в 1946-1954 гг. не играли, удельный вес продукции этих отраслей в общесоюзном производстве был незначительным.

Репозиторий КарГУ

Развитие химической промышленности не соответствовало ни потребностям экономики региона, ни его сырьевым возможностям. Несмотря на значительные запасы полезных ископаемых, республика снабжалась привозной продукцией химической промышленности (удобрениями, лаками, красками, резинотехническими изделиями и т.д.) Удельный вес химической отрасли Казахстана в союзном производстве также был незначительным,

Машиностроение в республике являлось наиболее молодой отраслью, развивавшейся на базе эвакуированных заводов. В отличие от добывающих отраслей капиталовложения в машиностроение и металлообработку носили весьма ограниченный характер. Поскольку развитие промышленности, как и аграрного сектора, носило экстенсивный характер, темпы и уровень развития отраслей напрямую зависели от размеров капиталовложений. Такие размеры вложений, как в машиностроении, не могли не оказать влияние на замедленные темпы развития данной отрасли.

Объем капитальных вложений в легкую промышленность в исследуемые годы также был незначительным, причем освоение даже этих средств происходило медленно. Строительство ряда предприятий не смогло существенно изменить уже сложившуюся до этого географию размещения легкой промышленности в республике. Предприятия данной отрасли размещались в основном в южных областях, а в областях (северные, центральные, западные и восточные районы республики), в которых была сосредоточена треть населения Казахстана, имелись достаточные трудовые ресурсы, а также богатая сырьевая база, легкая промышленность была развита очень слабо.

Пищевая промышленность в Казахстане развивалась недостаточными темпами и не удовлетворяла потребности растущего населения в продовольственных товарах. Темпы роста валовой продукции пищевой промышленности были самыми низкими по республике.

Уровни технической вооруженности предприятий группы «Б» промышленности Казахстана, использования передовых достижений науки и т.п. были невысокими и сильно отставали от аналогичных предприятий в СССР. Кроме того, без непрерывного расширения и укрепления сырьевой базы ускоренный подъем

Регионология КарГУ

перерабатывающей промышленности и увеличение производства товаров массового спроса были попросту невозможны. От сырья во многом зависело и качество продукции легкой и пищевой промышленности. Темпы развития аграрного сектора экономики отставали от темпов развития индустрии, и отставание сельского хозяйства сдерживало развитие производных от него отраслей, таких как легкая и пищевая промышленность. Эта связь имела и обратный характер.

Сырьевая направленность региона, недостаточное количество перерабатывающих предприятий, технологически устаревшее оборудование на них, отсутствие модернизации в этих отраслях и т.п. приводили к тому, что, выступая одним из крупнейших производителей хлопка, шерсти, кожевенного сырья и др., республика имела крайне неадекватный удельный вес в союзном производстве основных видов продукции перерабатывающих отраслей.

В процессе своей эволюции человечество сумело выработать лишь две системы принуждения. Одна из них – это административное воздействие на волю, другая – система экономического принуждения при гарантии правовой свободы производителя. Их параллельное существование в принципе невозможно, ибо административная система ослабляет и ограничивает действие экономических стимулов принуждения, равносильно как внедрение в нее экономических стимулов подрывает власть административной системы.

Послевоенный период, совпавший последними годами эпохи Сталина, характеризовался усилением ориентации именно на первую альтернативу. Поэтому понятно, что идеи модернизации в плане их реализации предполагали дальнейшее сохранение таких императивов, как функционирование деспотической системы с ее совокупностью крепостнических и даже рабских (ГУЛАГ) методов эксплуатации.

Технологическая модернизация промышленной инфраструктуры, осуществленная в годы «социалистической реконструкции промышленности» (вторая половина 1920-х – 1930-х гг.) позволила существенно изменить пропорции в структуре производительных сил, придав гораздо больший удельный вес ее индустриальному сегменту. Однако в призме зависимости

Репозиторий КарГУ

«экономика – человек» противоестественным образом, но логично, если учитывать природу системы, индустриализация только усугубила положение последнего. Ведь новые индустриальные технологии соединялись с рабочей силой таким образом, что норма извлечения труда возрастала почти до предела физического и морального износа рабочей силы.

В послевоенные годы режим продолжая, с одной стороны, использовать всю мощь репрессивного аппарата, а с другой – укрепившуюся после победы над фашизмом веру общественного сознания в светлые горизонты «царства свободы», продолжал наращивать давление в «экономическом котле» государства, сжигая в его топке человеческие ресурсы.

Но, несмотря на это, к концу 1940-х – началу 1950-х гг. обнаружилась неспособность сталинской индустриальной махины преодолеть экономическое и технологическое отставание от стран Запада. Более того, вопреки ангажированию этого периода как «восстановительного», т.е. восстанавливающего уровень довоенного 1940 г., его таковым, вероятно, считать не совсем правомерно.

Итак, послевоенный период в развитии промышленности можно квалифицировать как «восстановительный» лишь с целым рядом допущений. Сталинская модель соединения факторов и условий производства исчерпывала себя. Придание «модернизаторской» функции репрессивному террору и угнетению рабочей силы вкупе с внеэкономическими, по большей мере идеологическими, стимулами уже не могли сообщать импульсов, достаточных для движения общества.

Понимание этого уже начинало проникать в сознание не только части элиты, но и общества. Однако они были настолько мощно «зомбированы» на идеологию экстенсификации как альфу и омегу развития, что всякие мысли о переструктуризации производительных сил вообще и их промышленной инфраструктуры в частности квалифицировались как крамола. А потому сырьевая доминанта в этот период только усиливалась, еще более расширяя сегмент добывающей промышленности.

Промышленность Казахстана была обречена стать заложницей экстенсивной индустриальной идеологии. «Проклятье сырьевых ресурсов», т.е. их «от бога» изобилие стало невольным

Репозиторий КарГУ

блокиратором той промышленной парадигмы, которая выстраивалась на пионерных тенденциях «новой волны» мировой модернизации, с ее послевоенной ориентацией на «общество потребления» прежде всего. И в этом заключался качественнообразующий момент послевоенного состояния промышленной сферы Казахстана.

Подытоживая последствия «хрущевской декады» в Казахской ССР следует, по нашему мнению, артикулировать следующие позиции.

Аграрные реформы Хрущева не представляли собой какой-то целостной системы закономерно связанных друг с другом новаций, формирующих единую тенденцию. В данное десятилетие не возникло радикальной концепции аграрного развития как единой, определяющей приоритеты, перманентной системы теорий, программ, взглядов на развитие аграрного сегмента экономики. Практически все реформы были направлены на парциальные изменения, не затрагивающие имманентных черт «советской модели экономики», сохраняющие ее как основную стереотипическую доминанту.

В отличие от предшествующего периода – сталинского, где основные императивы всех аграрных реформ носили прагматический, рациональный, с позиций целеполагания власти, характер и сосредотачивались на доминирующем концепте – обеспечение города и армии продовольствием, новации Н.С. Хрущева носили более идеологизированный, более политизированный характер.

Все аграрные инновации возникли как импровизации, не имевшие казуальной связи друг с другом. «Новый курс» аграрной политики включал ряд мер различного характера. Но общей чертой всех хрущевских реформ в сельском хозяйстве стала унаследованная еще от сталинских времен вера в некий чудодейственный метод, который мог бы разом улучшить положение этой отрасли. Причем сроки реализации, прогнозируемые результаты не просчитывались специализированными научными учреждениями, плановыми органами и носили ненаучный характер.

Эффективность аграрной политики Хрущева сохраняла свою силу примерно до 1957-1958 гг. В «хрущевской декаде» период

Репозиторий КарГУ

1954-1957 гг. считается успешным. Однако уже с 1958-1959 гг. провал «нового курса» аграрной политики Н. Хрущева становился очевидным.

Чрезвычайный характер всех аграрных реформ, в том числе и наиболее масштабных из них – целинных мероприятий, исключал всякую возможность подготовительного этапа в проведении реформ. Волюнтаристский подход при проведении данных реформ обрекал их на множество тактических ошибок, приводя к стратегическим просчетам.

Оценка аграрной политики Н. Хрущева в современной исследовательской литературе, в отличие от советской историографии, носит достаточно критический или отрицательный характер.

Целина в тот период не оправдала себя экономически, создала значительные социальные, экологические проблемы, однако, по нашему мнению, в целом для Казахской ССР в процессе освоения целины преобладали положительные моменты. Эти плюсы заключались, прежде всего, в огромном потоке капиталовложений, которые аграрный сектор республики, находясь на периферии и как второстепенный сегмент экономики, и территориально, не получил бы никогда, если бы не целинная кампания. Этот компонент позволил выйти аграрному сектору Казахстана на если не качественно, но хотя бы количественно новый уровень. Крупные вложения в аграрный сектор республики способствовали, пусть даже временному, его заметному оживлению. Целина сыграла также огромную роль в создании в регионе обширной социальной и производственной инфраструктур, возникновении новых и расцвете старых городов.

Ориентируясь на сталинский концепт «чем больше, тем лучше», нацеливавший на рост концентрации сельскохозяйственного производства, Н. Хрущев пытался внедрить в аграрную политику вполне рыночный принцип «чем больше вложишь, тем больше получишь». И делал он это не безуспешно. Цифровые данные, казалось бы, свидетельствовали о том, что в колхозно-совхозном производстве созданы предпосылки для интенсификации такие же, как и в сельском хозяйстве США. Однако подобный настрой, которым была заражена партийно-государственная номенклатура, являлся большой иллюзией. Чтобы

Репозиторий КарГУ

убедиться в этом, вовсе не надо было углубляться в дебри экономических теорий: достаточно было обратиться к такому фундаментальному индикатору уровня интенсивности экономики, как производительность труда. А он демонстрировал крайне низкий уровень производительности труда советских аграриев, следовательно, крайне низкий уровень и интенсификации советского аграрного производства. Что касалось собственно сельского хозяйства Казахстана, то здесь пропорции по всем прослеженным выше позициям были еще более удручающие, ибо фиксировали показатели ниже среднесоюзных.

Реальной проекцией неэффективности сельского хозяйства являлся остававшийся низким уровень потребления советских людей, который по группе продовольственных товаров составлял чуть более половины показателя США.

Таким образом, колхозно-совхозная модель организации сельскохозяйственного производства не выдерживала соревнования с его рыночной альтернативой развития. Наращивание инвестиций в направлении агросферы, о чем ратовал Н.Хрущев, не давало нужного результата. И прежде всего потому, что сохранялось фундаментальная причина: огосударствленные отношения собственности в сельском хозяйстве. Поскольку они предполагали отчуждение хозяйствующих субъектов всех уровней от индивида до коллективных организационных структур от средств производства и результатов труда, принцип «чем больше вложишь, тем больше получишь», был обречен на провал. Проливая «кровь и пот» за отдачу с каждого рубля, вложенного в личное подворье, сельчане на массовом уровне демонстрировали психологию и поведенческие установки крепостных крестьян, отбывающих барщину, т.е. в принципе безразличных к так называемому общественному производству.

И никакие силы, будь то идеологическая мотивация или комплекс разнообразных в своей изощренности форм принуждения, не могли сломать генетический код крестьянина, ориентированного на примат личного интереса над государственным, тем более что последний являл собой не более чем амбиции партийно-чиновничьей номенклатуры.

Инертность колхозно-совхозного производства не смогли приостановить и хрущевские инновации, связанные с идеями

Репозиторий КарГУ

расширения «колхозной демократии». Это означало не что иное, как серьезную попытку подорвать абсолютное доминирование принципа авторитарного управления. Колхозно-совхозные структуры обязывались обеспечивать натуральные поставки государству полеводческой и животноводческой продукции, но размер посевных площадей по культурам, а также продуктивность животноводства и скота по его видам, они могли определять самостоятельно. Иными словами, теперь планирование в сельскохозяйственном производстве должно было начинаться непосредственно в колхозах (совместно с МТС) и в совхозах. Допускалась инициатива мест даже в сфере организационного творчества.

И все же колхозы и совхозы, объектами приложения каких бы паллиативных реформ, в плане затрагивания ими отношений собственности, они не начинали выступать, не могли стать самодеятельными, самоорганизующимися и самоуправляемыми, наподобие тех, которыми выступают сельскохозяйственные кооперативы. Как известно, последние являются объединениями владельцев частной собственностью на средства производства, прежде всего на землю. Считая нерентабельным выполнение отдельных технологических операций и организационно-производственных функций (например, снабженческо-сбытовых, кредитных и т.д.) в индивидуальном порядке, они объединяются в кооперативы, где сами решают свою судьбу.

Колхозная же система, как и все сельское хозяйство, и близко не соответствовала принципам и природе сельской кооперации, поскольку со времен сталинской коллективизации выступала чисто огосударствленной структурой, а потому и могла как-то функционировать только в контексте авторитарного, т.е. жесткого этатистского (государственнического) административно-командного дирижизма. И чтобы поломать это, нужно было отречься от базовых принципов общественно-политического развития, о чем, конечно, не могло быть и речи. Поэтому хрущевские реформы, направленные на модернизацию сельского хозяйства, имели импульсивный характер и по большей мере «пробуксовывали». И сельское хозяйство Казахстана, как один из самых крупных полигонов хрущевского аграрного эксперимента, демонстрировало на этот счет самые яркие проекции.

Репозиторий КарГУ

Реформации периода «хрущевской декады» затронули и индустриальный сектор Казахстана. Прежде всего, они коснулись управленческой структуры экономики. Переход от отраслевого к территориальному принципу управления дал на короткий этап положительные результаты. Было несколько приближено оперативное руководство к сложившимся промышленным центрам, частично преодолены разобщенность и ведомственная ограниченность, уменьшились затраты на транспортировку сырья и продукции, усилились кооперационные связи предприятий, расположенных на одной территории. Однако спустя два-три года проявились недостаточная подготовленность и продуманность, противоречия и волюнтаризм данных реформ. Разобщенность промышленности привела к потере единства технической политики, стратегии в управлении индустрией страны и республик, раздробленности в руководстве отраслями промышленности.

Более половины экономического потенциала республики находилось в ведении союзных министерств, которые «выкачивали» из республики сырьевые ресурсы. Вложения в республиканский бюджет были неадекватны вывозимым ресурсам. КазССР была не единственным донором в СССР. Казахстану в общесоюзной интеграции отводилась роль агроиндустриального сырьевого придатка.

С конца 1950-х-начала 1960-х гг. в промышленности республики начинают отслеживаться тенденции пробуксовки в развитии индустрии. Экономические реформы, работавшие на динамику экономических процессов, приводят к интерполяции в самой системе и способствуют стагнации и энтропии в индустриальном сегменте экономики. Все более ярко проявляются негативные тенденции в индустриальном пространстве Казахстана.

Рост количественных характеристик промышленности республики осуществлялся, как и прежде, на основе экстенсивных методов развития, глобальных капиталовложений в отрасль. За данное десятилетие рост капиталовложений в индустрию края вырос по сравнению с предшествующим десятилетием в 4,4 раза.

Структура промышленности Казахстана формировалась на основе доминирующего развития тяжелой индустрии. Огромные ресурсы полезных ископаемых обусловили ускоренный рост, прежде всего, ее добывающих структур. Резорбция основных

Репозиторий КарГУ

объемов капиталовложений, отведенных промышленности республики, происходила добывающими отраслями. Закреплялся сырьевой, «природофобный» характер индустрии. Детерминантом в индустрии КазССР стали цветная, черная металлургия и топливная промышленность (угольная и нефтяная). Так, доля добывающих отраслей в промышленности республики по-прежнему составляла более 40 % всей отраслевой структуры. Прогрессивные, наукоемкие производства не получали развития. Парадигмой индустриального развития Казахстана в данный период стала второстепенная роль, отведенная перерабатывающим отраслям. Остаточный принцип капиталовложений, инверсии в стратегических акцентах значимости отраслей и предприятий группы «А» и группы «Б» (с абсолютным приоритетом группы «А») привели к тому, что главными чертами индустрии Казахстана стали гипертрофированный характер развития производства средств производства и дефицитный характер производства средств потребления.

В период 1950-1960-х гг. в промышленном развитии наблюдалась тенденция формирования диспропорции в размещении промышленного потенциала республики – промышленно развитый север и менее развитый в промышленном отношении юг. Значительный потенциал промышленности Казахстана, созданный в 1950-1960-е гг., был сосредоточен в северном регионе республики: вся черная металлургия, большая часть цветной металлургии, более 70 % электроэнергетики, большая часть машиностроения. Тогда как в южном Казахстане в исследуемый период развивалась только химическая и легкая промышленность.

Итак, надо сказать, что политика Н.Хрущева несла в себе мощное присутствие амбивалентности, т.е. совмещение порой абсолютно взаимоисключающих принципов. И это объяснимо, ибо, декларируя курс на демократизацию общества, лидер страны объективно являл собой плоть от плоти идеологии авторитаризма, если не тоталитаризма. Вероятнее всего, именно этим объясняются его шараханья из крайности в крайность, резкая смена настроений, поочередно вводившая в ужас то сталинистов, то «детей оттепели».

Проявлением движения к смягчению авторитаризма стала политика децентрализации, увеличения значимости локализма.

Репозиторий КарГУ

Решение «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» (февраль-май 1957 г.) четко фиксировало эту тенденцию в экономической политике, ибо было направлено против ведомственной централизации системы управления экономикой и ставило задачу «приближения руководства к экономическим районам, расширения прав союзных и автономных республик, повышения роли местных партийных и советских организаций, а также профсоюзов».

Иными словами, как уже отмечалось выше, была предпринята попытка заменить ведомственный принцип управления на территориальный, т.е. организовать управление промышленностью и строительством по территориальному принципу.

По сути, это и означало желание партийно-государственного руководства (как выяснилось позднее, из решения октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, желание это исходило в основном от Н. Хрущева) отойти от крайних форм авторитаризма. В результате местная бюрократия впервые со времен Сталина получала власть над хозяйством.

Управление промышленностью было подвергнуто децентрализации, в ходе которой функции управления и контроля частично делегировались центром периферии.

Такой подход являлся по тем временам беспрецедентной модернизацией. Однако опять-таки произошел конфликт ценностей: авторитарная природа системы отторгала любые устремления к децентрализации.

Замыкание воспроизводственных связей на совнархозах в обход министерств создало множество проблем. Диктат ведомственности сменился засильем местничества. Территориально фрагментированная промышленность утеряла прежние малоэффективные бюрократические инструменты обеспечения прогресса производства, оказалась сломанной сложившаяся система воздействия бюрократического аппарата на предприятия в целях внедрения новой техники. Совнархозы стали тут же демонстрировать тенденцию к автаркии.

В целях борьбы с этими пороками, как всегда, прибегли к административному нажиму на местах. Он был ужесточен вплоть до установления уголовной ответственности за нарушение плановых поставок.

Репозиторий КарГУ

В качестве контроля над бюрократией была мобилизована инициатива низов. В этой связи всячески поощрялись жалобы на начальство как средство борьбы со злоупотреблениями.

В ноябре 1962 г. было принято решение о переходе к производственному принципу построения руководящих органов партии снизу доверху. Партийные органы подразделялись на те, что курировали промышленность и те, сферой контроля которых являлось сельское хозяйство.

Новый порядок сталкивался со все более неразрешимыми проблемами. Другими словами, отвечая на попытки скорректировать ее алгоритм, система отвечала разрушительным образом. Предоставление возможности планирования снизу привело не к активизации масс (как это задумывалось), а к активизации местной бюрократии, которая вопреки всякой логике и потенциалу ведомственной им промышленности, стали принимать всякие нереальные обязательства в целях якобы развертывания социалистического соревнования. Начались массовые приписки и фальсификации.

Идеология планов развития промышленности (ее динамика превозносилась не иначе как «соревнование с Америкой») приводила к тому, что партийно-советское и хозяйственное руководство на местах не гнушалось ничем, чтобы выполнить и перевыполнить планы. Это стремление давало определенный эффект, но это был «эффект пустоцвета» – количественной динамики без качественных изменений.

Такая модернизация промышленности «по-хрущевски» вылилась в очередную ударную «кампанейщину», в череду бесконечных организационных встрясок, которые в контексте фундаментальных задач, мало что могли изменить. Идеология по-прежнему отказывала в рациональности рыночной экономике, видя здесь лишь «временные технологические и научно-технические» преимущества. Отсюда и партийные решения в области научно-технической политики.

Таким образом, модернизация промышленности в хрущевский период была продолжением гиперболы «Слона-то и не увидели». Игнорирование основы основ любой экономики – отношения собственности (чему, собственно, учил К.Маркс), руководство страны обрекало народное хозяйство, и прежде всего

Репозиторий КарГУ

промышленность, делать холостые обороты. «Экономика ради экономики» – этот принцип продолжал выражать суть промышленного развития. Поэтому такую модель вряд ли можно с полным основанием признать за модернизацию. Не было здесь ни перестройки структуры производительных сил, радикальной смены системы мотиваций и стимулов. Этого и не могло состояться при сохранении плановой административно-командной системы. Поэтому промышленность сохраняла свои «родовые» признаки: самозатратный, экстенсивный, сырьевой характер. И в этом мы убедились при рассмотрении промышленности Казахстана в хрущевский период.

Реформы 1965 г. осуществлялись как в аграрном, так и в индустриальном секторах экономики КазССР. Причем, переход на новую систему хозяйствования начал осуществлять еще с начала 1960-х гг. В результате реформ во второй половине 1960-х гг. произошли структурные изменения в управлении народным хозяйством республики. Вместо 9 совнархозов, управлявших объектами экономики по территориальному принципу, была восстановлена прежняя система отраслевого управления – система министерств, которая еще в большей степени, чем раньше централизовала управление экономикой КССР.

Основная разница, на наш взгляд, в подходе к реформированию в период Н. Хрущева и в 1966-1970 гг. заключалась в большей целостности, некоторой продуманности последних реформ. Была предпринята попытка сделать объектом приложения экономических реформ методы и формы планирования, ценообразования и стимулирования сельского хозяйства страны. Этому должны были служить активная ценовая политика стимулирования производства, установление многолетних стабильных производственных планов и т.п. Однако и эти реформы носили паллиативный характер, не ставили задачу изменения основного содержания советской модели экономики и, естественно, не могли вызвать трансформации глобального характера.

Реформы 1965 г. оказали некоторое положительное влияние на динамику экономических процессов, сыграв роль катализатора, однако в силу серьезных недостатков в самой реформе и механизмах ее осуществления процесс «взбадривания» экономики

Репозиторий КарГУ

оказался недлительным. С 1970 г. вновь возобладали деструктивные, дестабилизирующие тенденции экономического развития.

В аграрном секторе наиболее существенным последствием мер, направленных на подъем сельского хозяйства, мы считаем социальные последствия, более глубокие и существенные, чем в предыдущие пятилетия. Это и введение гарантированной заработной оплаты труда колхозникам, изменение налоговой политики, и значительное увеличение цен на сельскохозяйственную продукцию, и снятие ограничений на развитие личных подсобных хозяйств и т.д. Однако эти результаты не послужили решению общегосударственных задач, они не стимулировали крестьянство на более эффективный и производительный труд. Попытки проявления инициативы, хозяйственной самостоятельности, были жестко и однозначно пресечены Системой.

Характеризуя экономические процессы в агроиндустриальном пространстве Казахстана в 1946-1970 гг., обозначаем их как «экономический рост без экономического развития». По нашему мнению, содержание концептов «экономический рост» и «экономическое развитие» не совпадает по сути. Первое предполагает, как уже отмечалось, увеличение валового национального продукта на душу населения на протяжении некоторого периода времени, тогда как второе означает прогрессивные изменения в структуре экономики (например, в отраслевой структуре, структуре производительных сил и т.д.). В содержание «экономического роста» мы вкладывает чисто количественные характеристики, тогда как «экономическое развитие» предполагает качественные изменения. Для советской экономики исследуемого периода был характерен количественный рост без качественный изменений.

В индустриальном секторе экономики значительная часть предприятий утратила побудительные мотивы к совершенствованию производства, так как хозяйственники стали получать прибыль не методом повышения производительности труда, улучшения качества продукции, снижения издержек производства, а использованием таких источников, как необоснованное повышение цен, формальное обновление

Репозиторий КарГУ

выпускаемой продукции, упрощение технологий при одновременном снижении качества изделий. Целые отрасли с подвижной номенклатурой выпуска рапортовали о своем преуспевании, выполняя и перевыполняя планы, а в отчетах год от года все большее место занимала непроизведенная стоимость, за которую исправно начислялись заработная плата и премии. Реформа 1965 г. внедрила в хозяйственный механизм элементы инфляции. Кроме того, в массовом и масштабном порядке стали практиковаться приписки.

В условиях фактического сохранения затратного хозяйствования предприятия зачастую были вынуждены отказываться от внедрения новых технологий, так как это значительно снижало валовые и другие показатели. Реформы подняли только верхний пласт резервов экономики, что обеспечило кратковременный рост отдельных показателей отраслей в годы «золотой» пятилетки, но не сумели направить их по пути стабильности.

Реформа 1965 г. предполагала смену приоритетов в иерархии плановых показателей. В качестве главного индикатора стал выступать объем реализованной продукции. И это обернулось сильнейшим противоречием, поскольку стоимостные показатели без стоимости (ведь рынка не было) есть не иначе как абсурд. Советские экономисты, по сути, пытались реанимировать идеи социалистов-утопистов (например, Прудона или Оуэна) – установить «истинную» стоимость посредством подсчета трудозатрат в часах рабочего времени.

В результате реформа 1965 г. лишь разрушила сложившийся баланс между стоимостными и материально-вещественными потоками в экономике, что вызвало еще большие издержки производства, обострило проблему управляемости народным хозяйством.

Можно согласиться с выводом, что реформа 1965 г. (предполагавшая соединить «огонь и воду» – план и рынок) увела страну еще дальше от модернизации даже по сравнению с ее сталинской моделью.

Именно во второй половине 1960-х гг. усилилось разрушение прежней системы мотивации к труду – социальной мотивации, характерной именно для догоняющего типа модернизации. Однако

Репозиторий КарГУ

на смену ей не пришла мотивация экономическая. Она и не могла придти без радикальной реформы всей системы производственных отношений и такого ее фундаментального начала, как отношения собственности. В результате в обществе настроения подвижничества и энтузиазма стали уступать социально-психологической атмосфере разочарования, апатии, скепсиса. Нарождался социальный и моральный кризис.

Все это вместе взятое формировало симптоматику общего кризиса модернизаторской модели, сложившейся в результате реализации советской догоняющей модернизации.

Репозиторий КарГУ

Список использованных источников

1. Аяган Б. Апогей и закат советского социализма. Казахстанский полигон (1970-1990 гг.). Кн. 1. Алматы, Каганат-КС, 1999, 148 с.
2. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск, Сибирский хронограф, 2000, 680 с.
3. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986, 255 с.
4. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология //Вопросы философии, 1988, № 1, С.50-68
5. Есмагамбетов К.Л. Зарубежная историография истории Казахстана (с древних времен до начала 90-х гг. XX в.). Дисс. докт. Алматы, 2000, 294 с.
6. Rywkin M. National Symbiosis: Vitality, Religion, Identity, Allegiance. // The USSR and the Muslim World: Issues in Domestic and Foreign Policy. London: Allen and Unwin, 1984, P.11-23
7. Kats Z. Kazakhstan and Kazakhs. // Handbook of Major Soviet Nationalities. London: Collier Macmillan, 1975, P.212-215
8. Imart G.G. A Unique Impire // Central Asian Survey. London, 1987, P.18-24
9. Rackowska-Harmston T. Central Asian Elite Mobility and Political Change in the Soviet Union // Central Asian Survey. London, 1986, P.80-88
10. Rackowska-Harmston T. Central Asian Elite Mobility and Political Change in the Soviet Union // Central Asian Survey. London, 1986, P.80-88
11. Zwick P. Ethnoregional Socio-economic Fragmentation and Soviet Budgetary Policy // Soviet Studies. Glasgow, 1979, P.382-395
12. Таштемханова Р. Промышленное развитие Казахстана (1945-1991 гг.) в освещении остфоршеров //Евразийское сообщество, 2003, № 1, С.121-129; Ковальская С.В. Англо-американская историография советского опыта модернизации Казахстана. Автореферат диссертации ….д.и.н. Алматы, 2008
13. Евлахов А.А. Кризис КПСС: истоки и уроки. М., Политиздат, 1990, 231 с.; Ашимбаев Т., Кункожаев Н. Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за научно-технический прогресс в

Репозиторий КазГУ

промышленности. Алматы, Наука, 1973, 327 с.; Ержанов А. Успехи национальной политики КПСС в Казахстане. Алматы, Наука, 1969, 250 с.; Кункожаев Н.Р. На главном направлении (Из опыта партийного руководства повышением эффективности общественного производства). Алматы, Казахстан, 1983, 158 с.; Сармурзин А.Г. Партийное руководство движением за коммунистический труд в Казахстане (ноябрь 1958-1963 гг.). Алматы, Казахстан, 1964 , 170 с.; Сармурзин А.Г. Деятельность КПСС по индустриальному развитию Казахстана (1955-1975 гг.). Алматы, Казахстан, 1981, 303 с.; Турсунбаев А.Б. Курсом интенсификации: аграрная политика КПСС в Казахстане на этапе развитого социализма (1965-1982 гг.). Алматы, Казахстан, 1985, 312 с.; Экономическая политика КПСС. М., Политиздат, 1980, 452 с.; Экономическая политика КПСС: проблемы теории и практики. Ученые записки. Л., 1984, 201 с. и др.

14. Атауов С. Борьба партийных организаций Казахстана за развитие тяжелой промышленности (1956-1965 гг.). Дисс. докт. Чимкент, 1982; Ахметов Т. Партийное руководство промышленностью в период развитого социализма (1961-1970 гг.). Дисс. докт. Л., 1983; Каражанов К.С. Сотрудничество союзных республик в развитии сельского хозяйства Казахстана в 1946-1980 гг. (историко-партийный аспект). Дисс. докт. Алматы, 1991; Кенжебаев М.Т. Деятельность Компартии Казахстана по интенсификации сельского хозяйства в условиях развитого социализма (1960-1970 гг.). Дисс. докт. Алматы, 1983 и др.
15. Баишев С. Великие социалистические преобразования в Казахстане. Алматы, Казгосиздат, 1950, 64 с.; Великие стройки коммунизма. Сборник статей. Алматы, Казгосиздат, 1951, 84 с.; Даулбаев А.Д. Сельское хозяйство Казахстана к 30-летию Республики. Алматы, Казгосиздат, 1950, 32 с.; Даулбаев Н.Н. Расцвет экономики и культуры Казахской ССР (Послевоенный период). Алматы, 1955, 40 с.; Новый сталинский пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства. Алматы, КазОГИЗ, 1946, 79 с.; Тажиев И. Казахстан в новой сталинской пятилетке. Алматы, КазОГИЗ, 1947, 64 с.; Чуланов Г.

Репозиторий КарГУ

Промышленность Казахстана за годы Советской власти. Алматы, Казгосиздат, 1951, 103 с. и др.

16. Данилов А. Главный фактор повышения производительности труда (в промышленности Казахстана). Алматы, Казгосиздат, 1960, 147 с.; Кольцов В.И. Развитие промышленности Казахстана. Алматы, 1961, 284 с.; Нейштадт С.А. Экономическое развитие Казахской ССР Алматы, 1960, 384 с.; Селеменова Л.Я., Яговицкий А.Г. Хозрасчет в промышленности Казахстана. Алматы, 1961, 35 с. и др.
17. Ерофеев Н.А., Шаукенбаев Т.Ш. Экономические административные районы Казахской ССР. Алматы, Казгосиздат, 1958, 144 с. и др.
18. Асанов А. Партийные организации Казахстана в борьбе за укрепление сельского хозяйства республики квалифицированными кадрами (1953-1960 гг.). Алматы, Казгосполитиздат, 1962, 72 с.; Ахметов А.Р. Руководящая роль КПСС развитием производственной активности и ростом рабочего класса Казахстана. Автореф. канд. дисс. Алматы, 1970, 57 с.; Байшин А.А. Исторические этапы формирования рабочего класса в Советском Казахстане. Алматы, 1958, 33 с.; Турсунбаев А. Колхозное крестьянство Казахстана (1920-1960 гг.). Алматы, Казгосиздат, 1960, 256 с.
19. Бучкин Б. Казахстан – республика крупного совхозного производства. Алматы, Казгосиздат, 1956, 131 с.; Зорин В.И Сельскохозяйственный рабочий класс Казахстана: формирование, развитие, социальные изменения. Алматы, Казахстан, 1972, 168 с.; Соколов Н.И. Развитие совхозного производства в Казахстане. Алматы, 1958, 132 с.; Чуланов Г. Роль Казахстана в создании материально-технической базы коммунизма. Алматы, Издание АН КазССР, 1963, 116 с. и др.
20. Бараев А.И. Освоение целинных и залежных земель в Казахстане. М., Знание, 1955, 55 с.; Баишев С.Б. 10 лет освоения целины. Алматы, 1964, 276 с.; Михайлов Ф.К., Шамшатов И.Ш. Народное движение за освоение целинных земель в Казахстане. Алматы, Издательство АН КазССР, 1964, 237с.; Голикова З., Какимжанов А. и др. Коммунистическая партия в борьбе за освоение целинных земель в Казахстане. Алматы, Казахстан, 1969, 360 с.; Щедрость целины. Сборник

Репозиторий КарГУ

статей. Алматы, Казахстан, 1974, 411 с.; Жумабеков Ж., Нурпеисов К. Аграрная политика – важная составная часть деятельности КПСС. Алматы, Казахстан, 1975, 88 с.; Ковальский С.Л., Маданов Х.М., Баишев С.Б. Целинная эпопея Казахстана. Алматы, 1979; Освоение целинных земель в Казахстане. Историко-партийный аспект. Алматы, Казахстан, 1986, 427 с.

21. Винокурова Р.Ф. Освоение целинных и залежных земель в Казахстане (1954-1958 гг.). Дисс. канд. М., 1963, 292 с.; Горелова А.В. Культурно-просветительная работа в районах освоения целинных и залежных земель Казахстана (1954-1960 гг.). Дисс. канд. Алматы, 1984, 194 с.; Даутбаева В.В. Влияние освоения целинных целинных и залежных земель на динамику социальной структуры населения Казахстана (1954-1965 гг.). Дисс. канд. М., 1984, 196 с.; Какимжанов А. Освоение целинных и залежных земель и развитие зернового хозяйства Казахской ССР. Дисс. канд. М., 1959, 246 с.; Канапацкий И.В. Участие трудящихся БССР в освоении целинных и залежных земель Казахстана (1954-1960 гг.). Дисс. канд. Минск, 1978, 207 с.; Махсотов Д.М. Культурно-просветительская работа, как фактор идеологического обеспечения освоения целинных земель Казахстана (1954-1965 гг.). Дисс. канд. Л., 1985 , 201 с.; Фазылов М.С. Освоение целины в Казахстане и его роль в укреплении дружбы народов (1954-1964 гг.). Дисс. канд. Алматы, 1965, 333 с. и др.
22. Козлов В.А. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953-1982 гг.// Отечественная история, 2003, № 4, С. 92-98
23. См. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра// Новый мир, 1987, № 2, С.81-93; Ханин Г. Экономический рост: альтернативная оценка// Коммунист, 1988, №7, С. 12-19
24. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., Госполитиздат, 1939, 158 с.
25. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1956, Т.1, 301 с.
26. Хрущев Н.С. Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., Политиздат, 1957, 38 с.

Репозиторий КарГУ

27. Аганбегян А.Г. О состоянии советской экономики. Нью-Йорк, 1972; Гальянов В.Л. Сельское хозяйство в системе экономики развитого социализма: на материалах Казахской ССР. Алматы, 1980, 195 с.; Кольцов В.И. Темпы и пропорции развития промышленности Казахстана. Алматы, 1970, 137 с.; Колодин Ф.И. Торжество ленинского плана социалистического преобразования сельского хозяйства в Казахстане. Алматы, 1971, 184 с.; Симаков К.М. Очерки развития промышленности Казахстана. Алматы, 1970, 212 с. и др.
28. Аубакиров Я.А. Социально-экономические преобразования в сельском хозяйстве Казахстана. Алматы, Наука, 1984, 200 с.; Алдабергенов У.А. Индустриализация сельского хозяйства Казахстана. Алматы, Наука, 1983, 221 с.; Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К.Н. История крестьянства Советского Казахстана. Алматы, 1985, Т.1; Михайлов Ф.К. Совхозное строительство в Казахстане (1946-1970), Алматы, Наука, 1973, 299 с.; Савосько В.К., Шамшатов И.Ш. Колхозное строительство в Казахстане (1946-1970 гг.). Алматы, Издательство АН КазССР, 1974, 237 с.; Тулепбаев Б.А. Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане. М., 1984, 341 с.; Шамшатов И.Ш. Колхозы Казахстана: развитие общественного хозяйства и его социально-экономические результаты (1946-1980 гг.). Алматы, Наука. 1986, 154 с. и др.
29. Асылбеков М.Х., Нурмухамедов С.Б., Пан Н.Г. Рост индустриальных кадров рабочего класса в Казахстане. Алматы, 1976, 321 с.; Исаева М.Г., Двоскин Б.Я., Жихарева В.И. Промышленные комплексы Казахстана. Алматы, 1978, 305 с.; Жакупбеков С.К. История легкой индустрии Казахстана (1917-1980 гг.). Алматы, 1984, 320 с.; Жумасултанов А. Казахстан в экономическом сотрудничестве народов СССР (1928-1958 гг.), Алматы, наука, 1978, 136 с.; Рабочий класс Казахстана в период упрочения и развития социализма (1938-1960 гг.). Т.2. (ред. М.Х. Асылбеков). Алматы, 1988, 461 с.; Шаймуханов Д.А. Создание и развитие черной металлургии в Казахстане. Алматы, 1981, 381 с. и др.
30. Конституция СССР// Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории советской Конституции. М., Юридическая литература, 1987, 358 с.

Репозиторий КарГУ

31. Ашимбаев Т.А. Экономика Казахстана: свершения, перспективы. Алматы, 1982, 120 с.; Ашимбаев Т.А. Экономика Казахстана за 70 лет. Алматы, 1987, 88 с.; Баймуханов У.Б. Экономические приоритеты развитого социализма (на материалах Казахской ССР). Алматы, 1983, 120 с.; Баишев С.Б. Вопросы социально-экономического развития Советского Казахстана. Алматы, 1981, 265 с.; Баишев С.Б., Кошанов А.К. и др. Социально-экономические вопросы развития Казахстана в период развитого социализма (1960-1970 гг.). Алматы, 1977, 207 с.; Кошанов А.К Индустриальный прогресс Казахстана в период развитого социализма. Алматы, 1979, 212 с.; Очерки экономической истории Казахской ССР. 1860-1970 гг. Алматы, 1974, 360 с.; Развитие народного хозяйства Казахстана за 50 лет Советской власти /под ред. С.Б. Баишева и Г.Ч. Чуланова. Алматы, 1967, 464 с.; Экономика Казахстана за 60 лет (1917-1977 гг.). Алматы, 1977, 169 с. и др.
32. Абалкин Л.И. От административно-командной к регулируемой рыночной экономике – исторический поворот. М., Политиздат, 1990, 99 с.; Валовой Д.В. Экономика: взгляды разных лет. М., Экономика, 1989, 453 с.; Обратного хода нет: (перестройка в народном хозяйстве: общие проблемы, практика, истоки). М., Политиздат, 1989, 542 с.; Попов Г.Х. Блеск и нищета административной системы. М., Политиздат, 1990, 239 с.; Попов Г.Х. Пути перестройки. М., Политиздат, 1989, 243 с.; Шмелев Н.П., Попов В.В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., Издательстко АПН, 1989, 400 с.; Ясин Е.Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа. М., Экономика, 1989, 319 с.
33. Административно-командная система: проблемы и факты. М., РГГУ, 1992, 289 с.; Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформация власти. М., Политиздат, 1999, 241 с.; Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов. М., Экономика, 1991, 203 с.; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., РОССПЭН, 2001, 304 с.; Зима В.Ф. Голод в СССР. 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. М., Прометей, 1996, 304 с.; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945-1964 гг. М., РОССПЭН, 1993, 192

Репозиторий КарГУ

с.; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 2000, 204 с.; Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953-нач.1980-х гг.). Новосибирск, Сибирский хронограф, 1999, 416 с.; Кудров В. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., Экономика, 1997, 237 с.; Кудров В. Крах советской модели экономики. М., Московский общественный научный фонд, 2000, 223 с.; Очерки экономических реформ. М., Экономика, 1993, 201 с.; Попов В.П. Российская деревня после войны. М., Прометей, 1992, 204 с.; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов, Издательство ТГПУ, 2000, 222 с.; Попов В. Советская экономика: от плана к рынку. М., Экономика, 1991, 207 с.; Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс в СССР в 1920-1950 гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., РОССПЭН, 1996, 336 с.; Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, Университет «Туран», 1997, 360 с.; Берденова К.А., Иманбердиева С.И. Аграрная политика тоталитарного государства как фактор кризисного состояния сельского хозяйства Казахстана. Алматы, Гылым, 1994, 144 с.; Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. Кн. 1, 2. Алматы, Гылым, 2002 и др.

34. Гайдар Е. Современный экономический рост и догоняющее развитие // Мировая экономика и международные отношения, 2003, № 8, С.31-40; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошлым веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировой модернизации. М., РОССПЭН, 1998, 263 с.; Красильщиков В.А., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., РОССПЭН, 304 с.; Российская модернизация: проблемы и перспективы. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии, 1993, № 7, С12-22; Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики, 2003, № 4, С. 4-36;Кадысова Р.Ж. Историография социокультурной модернизации. Павлодар: НПФ «Эко», 2006; Ковальская С.В. Англо-американская историография советского опыта модернизации Казахстана. Автореферат диссертации ….д.и.н. Алматы, 2008; Дискин И. Кризис…И все

Репозиторий КарГУ

же модернизация! М.: Изд-во «Европа», 2009; Казанцев А.А. Конфликтность модернизации, интеллигенция и бюрократия: сравнительно-политический анализ. - М., 200; Дискин И. Прорыв. Как нам модернизировать Россию М.:, РОССПЭН, 2008 и др.
35. Трофимов А.В. Советское общество 1953-1964 годов в отечественной историографии: политика и экономика. Дис. докт. ист. наук. Екатеринбург, 1999, 515 с.
36. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.8-11. М., Политиздат, 1985-1986 гг.; Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т.3-5. Алматы, Казахстан, 1984-1988; Коммунистическая партия Казахстана в условиях развитого социализма: рост и организационно-политическое укрепление. 1966-1981 гг. Справочник. Алматы, Казахстан, 1983, 289 с.; Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. Справочник. Алматы, Казахстан, 1990, 296 с.
37. Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. М., 1946, 14 с.; Сталин И.В. Речь на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М., 1954, 8 с.; Сталин И.В. Сочинения. М., 1997, 356 с.; Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962, Т.1-3; Пономаренко П.К. В борьбе за осуществление всенародной задачи по увеличению производства зерна. Алматы, Казгосиздат, 1954, 16 с.; Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т.1-4. М., Политиздат, 1974; Кунаев Д.А. Отчетный доклад Центрального комитета компартии Казахстана XII съезду Коммунистической партии Казахстана. Алматы, 1966; Кунаев Д.А. Избранные речи и статьи. М., Политиздат, 1978; Кунаев Д.А. Советский Казахстан. М., Политиздат, 1978, 158 с.
38. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938-1946 гг. М., 1948; КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917-1977 гг. Сборник документов и материалов. Алматы, 1978, 222 с.; Директивы КПСС и Советского правительства по

Репозиторий КарГУ

хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1958; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. Т.3-4. М., 1968; Сборник законов Казахской ССР (1938-1981 гг.). Алматы, Казахстан, 1984, Т.1, 272 с.
39. Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1999, 267 с.; Брежнев Л.И. Целина. М., Политиздат, 1978, 79 с.; Кунаев Д.А. О моем времени. Алматы, Санат, 1992, 312 с.; Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачева (В аспекте истории Казахстана). Алматы, Санат, 1994, 352 с.; Назарбаев Н.А. Без правых и левых. М., Молодая гвардия, 1991, 254 с.; Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 1995, 414 с.
40. Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачева (в аспекте истории Казахстана). Алматы, Санат, 1994, 352 с.
41. Назарбаев Н.А. Без правых и левых. М., Молодая гвардия, 1991, 254 с.
42. Лельчук В.С. 1959 год. Расстрел в Темиртау// Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997, С.273-327
43. ГАКО.Ф 1, Оп.7, Д.715 (Л.173-179)
44. Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. Справочник. Алматы, Казахстан, 1990, 296 с.
45. Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет. Статистический сборник. Алматы, Казгосиздат, 1940, 45 с.; Народное хозяйство СССР в 1956 году. Статистический ежегодник. М., 1957; Промышленность СССР. Статистический сборник. М., Госполитиздат, 1957, 150 с.; Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казгосиздат, 1957, 381 с.; СССР в цифрах в 1965 году. Краткий статистический сборник. М., 1966; Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1968, 416 с.; Госкомстат СССР. Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1968; Народное хозяйство Казахстана в 1974 году. Статистический сборник. Алматы, 1975; Народное хозяйство Казахстана в 1975 году. Алматы, 1976, 215 с.; Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Статистический сборник. Алматы, 1980, 272 с.; Народное хозяйство Казахской ССР. Юбилейный статистический ежегодник. Алматы,

Репозиторий КарГУ

Казахстан, 1987, 344 с.; Казахстан в цифрах. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1987; Государственный комитет Казахской ССР по статистике. Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов, государственных закупок, основных сельскохозяйственных культур по Казахской ССР. Алматы, 1989; Государственный комитет по статистике Казахстана. Животноводство Казахстана. Алматы, 1989; Совхозы и колхозы Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1989; Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1990, 392 с.

46. Народное хозяйство СССР в 1956 году. Статистический ежегодник. М., 1957; Промышленность СССР. Статистический сборник. М., Госполитиздат, 1957, 150 с.; Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казгосиздат, 1957, 381 с.
47. Кудров В., Тремль В. Достоинства и недостатки западной экономической советологии // Вопросы экономики, 2000, № 11, С.64-78
48. Дроздов В.В. Проблема типологии социально-экономического строя современной России в работах зарубежных аналитиков // Экономическая история. Обозрение. Выпуск 9 / Под ред. Л.И. Бородкина. М., Издательство МГУ, 2003, С.80-93
49. Grosman G. Notes for a Theory of the Command Economy. – Soviet Studies, 1963, vol. XL, No 2; Post-Soviet Affairs, № 11, 1995, P.100-118
50. Post-Soviet Affairs, № 12, 1995, P.111-132
51. The Soviet Economy. Ed. by M. Bornstein and D. Fusfeld. Homewood, Illinois, 1974, P.9-15
52. Post-Soviet Affairs, № 10, 1995, P.19-21
53. P. Gregory, R. Stuart Soviet Economic Structure and Performance, Fourth edition, Harper Collins Publishers 1990, 129 P.
54. R. Ericson. The Soviet Union: 1979-1990, San Francisco, 1990, 278 P.
55. Российская экономика на новых путях, 1997, № 2, С.8-17
56. Абалкин Л.И. Новый этап экономического мышления. М., Экономика, 1987, 116 с.; Аганбегян А.Г. Советская экономика – взгляд в будущее. М., Экономика, 1988, 254 с.; Гребенников В., Пчелинцев О., Шаталин С. Интенсификация

Репозиторий КарГУ

общественного производства: социально-экономические проблемы. М., Экономика, 1988, 112 с.; Смирнов В.Л. Учиться хозяйствовать. М., Молодая гвардия, 1989, 239с.; Шмелев Н.П., Попов В.В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., Издательстко АПН, 1989, 400 с.; Ясин Е. Административная система или экономический механизм// Экономика и математические методы. 1988, Т.24, вып.2, С.26-33 и др.

57. Кудров В. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., Экономика, 1997, 237 с.
58. Кудров В. Так что же погубило советскую экономику // Вопросы экономики, 1998, № 7, С.133-141
59. Кудров В. Крах советской модели экономики. М., Московский общественный научный фонд, 2000, 223 с.
60. Киселев С. Сколько моделей социализма было в СССР? В кн.: Иного не дано / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., Прогресс, 1988, С. 363-364
61. Каратуев А.Г. Социально-экономические основы господства бюрократии в СССР и современной России. Дисс… докт. экон. наук. Волгоград, 1998, 268 с.
62. Восленский М. Номенклатура: Господствующий класс. Советский Союз. Лондон, 1985, С.123
63. Известия, 1990, № 186
64. Московские новости, 1991, № 9
65. Российский экономический журнал, 1998, № 1, С.103-128
66. Красовский В. Проблема экономики капитальных вложений. М., Наука, 1967, 254 с.
67. Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов, Издательство ТГПУ, 2000, 222 с.
68. Попов В.П. Российская деревня после войны. М., Прометей, 1992, 204с.;
69. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., РОССПЭН, 2001, 304 с.;
70. Пыжиков А.В. Военные приоритеты мирного времени: экономическое развитие СССР в 1945-1953 гг. // Вопросы экономики, 2001, № 5, С.134-148
71. Пыжиков А.В. Амплитуда экономического развития СССР (1953-1964 гг.) // Вопросы экономики, 2002, № 4, С.136-145

Репозиторий КарГУ

72. Абалкин Л. Смена тысячелетий и социальные альтернативы // Вопросы экономики, 2000, № 12, С.28-34
73. Корнаи Я. Путь к свободной экономике. М., Экономика, 1990, 287 с.
74. Попов Г.Х. Программа, которой руководствовался Сталин. – В кн.: Не сметь командовать! От административно-командных к экономическим методам управления / Под ред. Н. Петракова. М., Экономика, 1990, С.55-59
75. Попов Г.Х. С точки зрения экономиста: О романе А. Бека «Новое назначение»//Наука и жизнь, 1987, № 4, С.32-39
76. Ясин Е.Г. Трактат об административной системе. В кн.: Не сметь командовать! От административно-командных к экономическим методам управления /Под ред. Н. Петракова. М., Экономика, 1990, С.60-69
77. Вебер М. Избранные произведения. М., Прогресс, 1990, 490 с.
78. См. Гайденко П.П., Давыдов Ю.А. История и рациональность. М., Политиздат, 1991, 282 с.
79. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, Университет «Туран», 1997, 360 с.
80. Куликова Г.Б., Ярушина Л.В. От самодержавия к тоталитаризму. (Заметки с научной конференции) // Отечественная история, 1995, № 5, С.200-210
81. Отечественная история, 1995, № 6, С.21-27
82. Шмелев Н.П., Попов В.В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., Издательстко АПН, 1989, 400 с.
83. Петраков Н.Я. Экономика и государство // Не сметь командовать! От административно-командных к экономическим методам управления / Под ред. Н. Петракова. М., Экономика, 1990, С.214-221
84. Административно-командная система: проблемы и факты. М., РГГУ, 1992, 289 с.
85. Бутенко А.П. Механизм торможения, его сущность и пути устранения // Рабочий класс и современный мир, 1988, № 2, С.111-127
86. I. Kornai. The Socialist System. Princeton University Press, 1992, P.V-XXI
87. Попов Г.Х. Блеск и нищета административной системы. М., Политиздат, 1990, 239 с.

Репозиторий КарГУ

88. Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики, 2003, № 4, С. 4-36
89. Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация //Полис, 2000, № 4, С.39-44
90. Бофф Д. История Советского Союза. Т.2. М., Международные отношения, 1994, 632 с.
91. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.8. М., Политиздат, 1978, 542 с.
92. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т.1. М., 1959, С.219 с.
93. Авторханов А. Империя Кремля. Минск–М., Полифакт – Дружба народов, 1991, 173 с.; Авторханов А. Технология власти // Вопросы истории, 1993, № 2, С.109-123
94. Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история, 1995, № 4, С.103-114
95. XV съезд Коммунистической партии Казахстана. 2-6 февраля 1981. Стенографический отчет. Алматы, 1981, 323 с.
96. Коммунистическая партия Казахстана в условиях развитого социализма: рост и организационно-политическое укрепление. 1966-1981 гг. Алматы, Казахстан, 1983, 216 с.
97. Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. Справочник. Алматы, Казахстан, 1990, С.334
98. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.4. Алматы, Казахстан, 1986, 405 с.
99. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986 гг.). Т.10, 494 с.
100. Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М., ИНФРА-М, 2000, 544 с.
101. Очерки истории Компартии Казахстан. Алматы, Казахстан, 1984, 316 с.

Репозиторий КарГУ

102. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.5, Алматы, Казахстан, 1988, 423 с.
103. Пыжиков А. Управленческая реформа начала 1960-х годов // Вопросы экономики, 2003, № 9, С.62-76
104. Козлов Г. Партия в 70-х – начале 80-х годов (Некоторые уроки развития и функционирования)//О прошлом для будущего (Некоторые актуальные проблемы истории Компартии Казахстана в свете гласности). Алматы, Казахстан, 1990, С.187-203
105. РГАСПИ. Ф.17, Оп.138, Д.417 (Л.44)
106. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.28, Д.1445. (Л.5)
107. Ведомости Верховного Совета СССР, 1953, № 3, С.4-18
108. Ведомости Верховного Совета СССР, 1957, № 11, С.27-31.
109. СП СССР, 1967, № 17, 116-119
110. Цикулин В.А. История государственных учреждений в СССР. 1936-1965 гг. М., 1966, 246 с.
111. Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. М., Высшая школа, 1986, 399 с.
112. Шаги пятилеток. М., 1968, 169 с.
113. Народное хозяйство СССР в 1956 году. Статистический ежегодник. М., 1957, 151 с.
114. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством: Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу тов. Н.С. Хрущева, принятое 14 февраля 1957 года. М.,1957, 24 с.
115. Ведомости Верховного Совета СССР, 1957, № 11, 275-277
116. Ведомости Верховного Совета СССР, 1963, № 11, С.134-136
117. Ведомости Верховного Совета СССР, 1965, № 39, С.558-559
118. Ведомости Верховного Совета СССР, 1948, № 33, С.15-18
119. ЦГА РК. Ф.1595, Оп.1, Д.36 (Л.14)
120. Ведомости Верховного Совета СССР, 1965, № 39, С.550-558
121. ЦГА РК. Ф.1553, Оп.1, Д.1 (Л.4)
122. Ведомости Верховного Совета СССР, 1946, № 2, С.1-6
123. Ведомости Верховного Совета СССР, 1965, № 39, С.558-559
124. Ведомости Верховного Совета СССР, 1946, № 8, С.12-17
125. Ведомости Верховного Совета СССР, 1965, № 39, С.558-559

Репозиторий КарГУ

126. Таблицы 2, 3, 4, 5 составлены автором на основе материалов: Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. М., Высшая школа, 1986, 399 с.; Государственные учреждения Казахской ССР. Справочник. Органы управления народным хозяйством Казахской ССР. (1937-1977 гг.) Алматы, Центральный государственный архив Казахской ССР, 1987, 470 с.
127. Государствнные учреждения Казахской ССР. Справочник. Органы управления народным хозяйством Казахской ССР. (1937-1977 гг.). 470 с.
128. Сборник законов Казахской ССР (1938-1981 гг.). Т.1, 227 с.
129. ЦГА РК. Ф.1109, Оп.3, Д.19 (Л.30)
130. Сборник постановлений Совета Министров Казахской ССР. Ноябрь 1965 года. 234 с.
131. ЦГА РК. Ф.1595, Оп.1, Д.19 (Л.42)
132. ЦГА РК. Ф. 1595. Оп. 1. Д.4 (Л.1)
133. ЦГА РК. Ф.1152, Оп.1, Д.1 (Л.1)
134. ЦГА РК. Ф.1565, Оп.1, Д.4 (Л.1)
135. ЦГА РК Ф.1565. Оп.1. Д. 4 (Л.1)
136. ЦГА РК. Ф.1152, Оп.1, Д.178 (Л.1)
137. Ведомости Верховного Совета СССР, 1957, № 11, С.275-277
138. ЦГА РК. Ф.1109, Оп.3, Д.469 (Л.20-21)
139. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.283 (Л.283)
140. Сборник законов Казахской ССР (1938-1981 гг.). Т.2. 325 с.
141. Ведомости Верховного Совета СССР, 1947, № 6, С.14-16
142. Ведомости Верховного Совета СССР, 1953, № 3, С.17-22
143. См. Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР: материалы к источниковедению и историографии (1917-1990 гг.). М., Высшая школа, 1992, С.160
144. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения Ноябрь 1917г. – декабрь 1991 г. М., Высшая школа, 1994, 289 с.
145. ЦГА РК. Ф.2003, Оп.3, Д.40 (Л.16)
146. ЦГА РК. Ф.1523, Оп.5, Д.2 (Л.1-2)
147. ЦГА РК. Ф.1563, Оп.3, Д.548 (Л.26-27)
148. ЦГА РК. Ф.1227, Оп.1, Д.136 (Л.25)
149. ЦГА РК. Ф.1137, Оп.1п, Д.143 (Л.203)
150. ЦГА РК. Ф.1481, Оп.15, Д.182 (Л.215)
151. ЦГА РК. Ф.2055, Оп.1, Д.194 (Л.2)
152. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.384 (Л.92)

Репозиторий КарГУ

153. РГАНИ. Ф.5. Оп. 45. Д. 384 (Л.93)
154. ЦГА РК. Ф. 2029, Оп.1, Д.53 (Л.18)
155. ЦГА РК. Ф. 2029. Оп. 1. Д.53 (Л.17)
156. ЦГА РК. Ф.1878, Оп.1, Д.108 (Л.56)
157. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.15, Д.1535 (Л.10)
158. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.15, Д.1535 (Л.11)
159. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.332 (Л.87)
160. РГАСПИ. Ф.17, Оп.90, Д.230 (Л.20-21)
161. ЦГА РК. Ф.1878, Оп.1, Д.110 (Л.62)
162. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.51, Д.1977 (Л.1-12)
163. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.34, Д.235 (Л.87)
164. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.10, Д.1590 (Л.168-169)
165. РГАНИ. Ф.5, Оп.31, Д.169 (Л.9)
166. Государственные учреждения Республики Казахстан. Справочник. Органы управления социально-культурным строительством, административно-политические органы и органы правосудия Казахской ССР (1937-1977 гг.). Алматы, Центральный государственный архив Республики Казахстан, 1992, 275 с.
167. Харрисон М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика?//Экономическая история. Обозрение /Под ред. Л.И. Бородкина. Вып.6. М., 2001, С.125-134
168. РГАСПИ. Ф.17, Оп.138, Д.417 (Л.78-79)
169. ЦГА РК. Ф.1497, Оп. 5, Д. 931 (Л.27, 29, 60)
170. ЦГА РК. Ф.1879, Оп. 1, Д. 108 (Л.9-10)
171. РГАНИ. Ф.5. Оп.62, Д.239 (Л.99-117)
172. Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1968, 416 с.
173. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т.3. 1946-1952 гг. М., Политиздат, 1958, 286с.
174. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., Госполитиздат, 1948, 26 с.
175. Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946-1950 гг. М., 1972, 231 с.

Репозиторий КарГУ

176. Волков И.М. Засуха, голод 1946-1947 годов //История СССР, 1991, № 4, С.8-15
177. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т.3, Алматы, Казахстан, 1984, 495 с.
178. Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность (1946-1947 гг.) //Отечественная история, 1995, № 5, С. 45-58
179. Правда, 1947, 5 июня
180. Попов В.П. Неизвестная инициатива Хрущева. (О подготовке Указа 1948 г. о выселении крестьян) //Отечественные архивы, 1993, № 2, С.31-46
181. Подсчитано автором по данным: Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т.3, Алматы, 1984, Казахстан, 495 с.; Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казгосиздат, 1957, 381 с.
182. Подсчитано автором по данным: Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т.4, Алматы, Казахстан, 1986, 405 с.; Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1968, 416 с.
183. Подсчитано автором по данным: Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т.4, Алматы, Казахстан, 1986, 405 с.; Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1968, 416 с.
184. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.931 (Л.3)
185. Нейштадт С.А. Экономическое развитие Казахской ССР. Алматы, Наука, 1960, 384 с.
186. ЦГА РК. Ф.1497, Оп. 5, Д. 931 (Л.26)
187. Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казгосиздат, 1957, 381 с.
188. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., Политиздат, 1968, Т.3, 398 с.
189. Государственный комитет по статистике. Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельхозкультур по Казахской ССР. Алматы, 1989, 73 с.
190. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан,

Репозиторий КарГУ

1968, 416 с.; Шелестов Д.К. Историческая демография. М., Наука, 1987, 289 с.
191. Панников В. Сельское хозяйство перед большим делом// Коммунист, 1965, № 6, С.4-12
192. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1968, 416 с.
193. РГАНИ. Ф.5, Оп.24, Д.528 (Л.182-183)
194. ЦГА РК. Ф. 1497, Оп. 5, Д. 931 (Л.3)
195. ЦГА РК. Ф. 1497, Оп. 5, Д. 931 (Л.21)
196. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казгосиздат, 1957, 381 с.
197. ЦГА РК. Ф. 1497, Оп. 5, Д. 931 (Л.15-16)
198. ЦГА РК. Ф. 1497, Оп. 5, Д. 931 (Л.10)
199. ЦГА РК. Ф. 1497, Оп. 5, Д. 931 (Л.2, 13-14)
200. ЦГА РК. Ф.1497, Оп. 5, Д. 931 (Л.13)
201. ЦГА РК. Ф.1497, Оп. 5, Д. 931 (Л. 46)
202. ЦГА РК. Ф. 1497, Оп. 5, Д. 931 (Л.46)
203. ЦГА РК. Ф.1481, Оп.31, Д. 376 (Л.17)
204. ЦГА РК. Ф.1481, Оп.3,. Д. 376 (Л.46-47)
205. ЦГА РК. Ф.1481, Оп.3,. Д. 376 (Л.46-47)
206. Животноводство Казахстана. Статистический сборник. Государственный комитет Республики Казахстан по статистике и анализу. Алматы, 1989, 56 с.
207. РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 138, Д. 417 (Л.42)
208. РГАНИ. Ф.5, Оп.24, Д.528 (Л.50, 182-183)
209. РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 138, Д. 417 (Л.38)
210. РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 138, Д. 417 (Л.71)
211. ЦГА РК. Ф.1481, Оп.31, Д. 376 (Л.21)
212. ЦГА РК. Ф.1481, Оп.31, Д. 376 (Л.22)
213. РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 138, Д. 417 (Л.71)
214. Архив Президента РК. Ф.708, Оп. 28, Д.1445 (Л.15)
215. РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 138, Д. 417 (Л.75-76)
216. ЦГА РК. Ф. 1479, Оп.5, Д. 931 (Л.54-56)
217. РГАСПИ. Ф.17, Оп.138, Д.417 (79)
218. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.27 (Л.37-38)
219. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.27 (Л.38)
220. ЦГА РК. Ф. 1479, Оп.5, Д. 931 (Л.52)

Репозиторий КарГУ

221. РГАСПИ. Ф.17, Оп.138, Д.417 (Л.96)
222. ЦГА РК. Ф.1497, Оп. 5, Д. 931 (Л. 60)
223. РГАСПИ. Ф.17, Оп.138, Д.417 (Л.44)
224. ЦГА РК. Ф.1497, Оп. 5. Д. 931 (Л. 60)
225. ЦГА РК. Ф.1497, Оп. 5. Д. 931 (Л. 29)
226. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980 гг.). Алматы, Гылым, 1991, 215 с.
227. ЦГА РК. Ф. 1479, Оп. 5, Д. 931 (Л.27)
228. ЦГА РК. Ф. 1479, Оп. 5, Д. 931 (Л.28)
229. РГАСПИ. Ф.17, Оп. 138, Д. 417 (Л.98)
230. ЦГА РК. Ф. 1479, Оп. 5, Д. 931 (Л.29)
231. ЦГА РК. Ф. 1479, Оп. 5, Д. 931 (Л.62)
232. Попов В.П. Российская деревня в 1946-1953 гг. //Отечественные архивы, 1994, № 6, С.20-29
233. РГАСПИ. Ф.17, Оп. 138, Д. 417 (Л.108)
234. История советского крестьянства. Т.4. М., Политиздат, 1986, 479 с.
235. Отечественная история, 1995, № 2, С. 188-199
236. Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М., 1954, Госполитиздат, 122 с.
237. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1930-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., РОССПЭН, 1996, 336 с.
238. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра// Новый мир, 1987, № 2, С.81-93
239. Кольцов В. Темпы и пропорции развития промышленности Казахстана. Алматы, Наука, 1970, 137 с.
240. Промышленность СССР. Статистический сборник. М., Госполитиздат, 1957, 150 с.
241. Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет. Статистический сборник. Алматы, Казгосполитиздат, 1940, 45 с.
242. Экономическое развитие Казахстана и критика буржуазных фальсификаторов. Алматы, Наука, 1978, 160 с.
243. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.1339 (Л.3)
244. Кольцов В. Развитие промышленности Казахстана. Алматы, 1961, 284 с.

Репозиторий КарГУ

245. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.14, Д.1704 (Л.93)
246. ЦГАЭ РФ. Ф.1562, Оп.318, Д.310 (Л.3-4)
247. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.51 (Л.5)
248. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.1339 (Л.41)
249. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.10, Д.1646 (Л.70-83)
250. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.51 (Л.3-4)
251. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.51 (Л.3-4)
252. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.1339 (Л.41)
253. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.51 (Л.3-4)
254. Развитие промышленности Казахстана /ред. В.А.Камшибаева. Алматы, Издательство АН КазССР, 1989, 154 с.
255. Социально-экономические проблемы развития народного хозяйства Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1970, 186 с.
256. Новостройки 6 пятилетки. Сборник статей. Алматы, Казахстан, 1957, 136с.
257. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.1339 (Л.41)
258. Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, 1987, Казахстан, 344 с.
259. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.14, Д.1704 (Л.94)
260. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.15, Д.249 (Л.163-164)
261. Архив Президента РК. Ф.708, Оп. 15, Д.249 (Л.163-164)
262. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.10, Д.1590 (Л.168-169)
263. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.14, Д.1704 (Л.94-95)
264. Архив Президента РК. Ф.708, Оп. 14, Д.1703 (Л.11)
265. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический Сборник. Алматы, Казгосиздат, 1957, 381 с.
266. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.51 (Л.5)
267. Угольная промышленность Казахстана за 50 лет. Алматы, Наука, 1968, 402 с.
268. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казгосиздат, 1957, 381 с.
269. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казгосиздат, 1957, 381 с.
270. Народное хозяйство Казахстана в 1988 г.Алматы, Казахстан, 1989, 392 с.

Репозиторий КарГУ

271. Вопросы экономики народного хозяйства Казахстана. Алматы, Институт народного хозяйства, 1967, 228 с.
272. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.51 (Л.5)
273. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д. 1339 (Л.3)
274. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.14, Д.1704 (Л.94-95)
275. Развитие народного хозяйства Казахстана за 50 лет Советской власти. Алматы, Казахстан, 1967, 464 с.
276. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.51 (Л.5)
277. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.14, Д.1704 (Л.94-95)
278. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.1339 (Л.41)
279. Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1989, 401 с.
280. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.10, Д.1645 (Л.30-36)
281. Развитие народного хозяйства Казахской ССР. Алматы, Казахстан, 1977, 209 с.
282. Казахстанская правда. 1947, 7 марта
283. ЦГА РК. Ф.1488, Оп.3, Д.1280 (Л.24-25)
284. Жакупбеков С.К. История легкой индустрии Казахстана. Алматы, Наука, 1984, 320 с.
285. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.51 (Л.10)
286. ЦГА РК. Ф.1137, Оп.19, Д.270 (Л.441)
287. ЦГА РК. Ф.1488, Оп.3, Д.745 (Л.86)
288. ЦГА РК. Ф.1488, Оп.19, Д.1681 (Л.6)
289. ЦГА РК. Ф.1488, Оп.19, Д.1976 (Л.34)
290. Азизов А., Абросимов В.И., Кудрявцева А.Ф. Легкая промышленность Казахстана и перспективы ее развития. Алматы, Наука, 1960, 229 с.
291. Казахстанская правда. 1951, 16 июня
292. Подсчитано автором по данным: Развитие народного хозяйства Казахстана за 50 лет Советской власти. Алматы, Казахстан, 1967, 464 с.; Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казгосиздат, 1957, 381 с.
293. Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1987, 344 с.
294. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т.8. М., Политиздат, 1985, С.373
295. Сборник документов по Отечественной истории (1946-1995 гг.). М., Гуманист – Издательский центр «Владос», 1996, 600 с.

Репозиторий КарГУ

296. Краткая история СССР. М., Наука, 1987, Ч.2, 453 с.
297. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. М., Политиздат, 1971, 296 с.
298. Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алматы, Казахстан, 1963, 498 с.
299. РГАНИ. Ф.4, Оп.9, Д.1502 (Л.137)
300. РГАСПИ. Ф.625, Оп.1, Д.99 (Л.499-500)
301. Абылхожин Ж. Традиционная структура Казахстана. Алматы, Гылым, 1991, 240 с.
302. Сириус М.Г. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казахстане //Народное хозяйство Казахстана, 1928, №6-7, С.36-42
303. Павлов К. Казахстан на путях самосознания //Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 7-8. С.52-61
304. ЦГА РК. Ф.962, Оп.1, Д.264 (Л.11)
305. РГАСПИ. Ф.625, Оп.1, Д.99 (Л.549-550
306. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т.4. Алматы, Казахстан, 1986, 405 с.
307. Кунаев Д.А. О моем времени. Алматы, Санат, 1992, 312 с..
308. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.71 (Л.83)
309. РГАСПИ. Ф.17, Оп.89, Д.225 (Л.7)
310. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.94 (Л.89)
311. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.71 (Л.83-87)
312. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.94 (Л.89)
313. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.94 (Л.89)
314. РГАНИ. Ф.2, Оп.1, Д.420 (Л.168-169)
315. РГАНИ. Ф.5, Оп. 45, Д.94 (Л.94)
316. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1570 (Л.46)
317. РГАСПИ. Ф.17, Оп.89, Д.225 (Л.19)
318. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казгосиздат, 1957, 381 с.
319. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.15, Д.253 (Л.54)
320. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.15, Д.253 (Л.73-75)
321. РГАСПИ. Ф.17, Оп.89, Д.225 (Л.7)
322. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.71 (Л.87)
323. РГАСПИ. Ф.17, Оп.89, Д.225 (Л.41)

Репозиторий КарГУ

324. РГАНИ. Ф.2, Оп.1, Д.420 (Л.189)
325. РГАСПИ. Ф.17, Оп.89, Д.225 (Л.41)
326. Баишев С.Б. Вопросы социально-экономического развития Советского Казахстана. Алматы, Наука, 1981, 261 с.
327. Народное хозяйство Казахской ССР в 1986 году. Алматы, Казахстан, 1987, 135 с.
328. Казахстанская правда, 2004, 7 февраля
329. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.34, Д.258 (Л.52)
330. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.33 (Л.85-87)
331. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1570 (Л.6-9)
332. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.38, Д.1302 (Л.172)
333. РГАНИ. Ф.5, Оп.31, Д.169 (Л.9-10)
334. РГАСПИ. Ф.17, Оп.90, Д.230 (Л.21)
335. Егемен Казакстан, 2004, 7 акпан, № 29
336. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., Госполитиздат, 1962, Т.3, 208 с.
337. РГАНИ. Ф.2, Оп.1, Д.420 (Л.158)
338. ЦГА РК. Ф.1677, Оп.1, Д.181 (Л.1)
339. ЦГА РК. Ф.1677, Оп.1, Д.181 (Л.35)
340. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1568 (Л.9)
341. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1568 (Л.9)
342. Очерки экономической истории Казахской ССР (1960-1970 гг.). Алматы, Наука, 1974, 360 с.
343. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахстана. Алматы, Казахстан, 1968, 416 с.
344. Хрущев Н.С. Об увеличении продуктов животноводства. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 25 января 1955 года. М., Госполитиздат, 1955, 6 с.8
345. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахстана. Алматы, Казахстан, 1968, 416 с.; СССР в цифрах в 1965 году. Краткий статистический сборник. М., Политиздат, 1966, 79 с.
346. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В.,Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культуры. Алматы, Дайк-Пресс, 2001, 608 с.
347. РГАНИ. Ф.2, Оп.1, Д.420 (Л.187)
348. ЦГА РК. Ф.1878, Оп.1, Д.110 (Л.62)
349. РГАСПИ. Ф.17, Оп.138, Д.417 (Л.79)

Репозиторий КарГУ

350. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.28, Д.1445 (Л.14)
351. РГАСПИ. Ф.17, Оп.89, Д.225 (Л.70)
352. Алдабергенов У.А. Индустриализация сельского хозяйства Казахстана. Алматы, Наука, 1983, 200 с.
353. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., Госполитиздат, 1962, Т.2, 213 с.
354. РГАСПИ. Ф.17, Оп.89, Д.225 (Л.71)
355. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1568 (Л.33)
356. Кошанов А.К., Баишев С.Б. Социально-экономические вопросы развития Казахстана в период развитого социализма (1960-1970 гг). Алматы, Наука, 1977, 207 с.
357. Турсунбаев А.Б. Курсом интенсификации: Аграрная политика КПСС в Казахстане на этапе развитого социализма (1965-1982 гг.). Алматы, Казахстан, 1985, 312 с.
358. РГАНИ. Ф.2, Оп.1, Д.420 (Л.153-154)
359. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3. М., Политиздат, 1963, 289 с.
360. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.28, Д.1445 (Л.100-102)
361. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.28, Д.1445 (Л.102-104)
362. РГАНИ. Ф.2, Оп.1, Д.420 (Л.187)
363. РГАСПИ. Ф.17, Оп.90, Д.328 (Л.252)
364. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.34, Д.258 (Л.154)
365. Мировая экономика и международные отношения, 1997, № 3, С. 141-148
366. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.71 (Л.94)
367. РГАНИ. Ф.2, Оп.45, Д.71 (Л.94)
368. РГАНИ. Ф.2, Оп.1, Д. 420 (Л.199)
369. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленность и строительством: Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу тов. Н.С. Хрущева, принятое 14 февраля 1957 года. М., 1957, С.4
370. ЦГА РК. Ф. 1109, Оп. 3, Д. 405 (Л.151)
371. Чуланов Г. Роль Казахстана в создании материально-технической базы коммунизма. Алматы, Издательство АН КазССР, 1963, 156 с.
372. ЦГА РК. Ф. 1497, Оп. 5, Д. 1021 (Л. 3-4)
373. ЦГА РК. Ф. 1137, Оп. 27, Д. 2851 (Л.373)
374. Развитие народного хозяйства Казахстана за 50 лет Советской власти/ ред. С. Баишева и Г. Чуланова. Алматы, Наука, 1967,

Репозиторий КарГУ

464 с.; Симаков К. Очерк развития промышленности Казахстана. Алматы, Казахстан, 1970, 212 с.; Баишев С. Вопросы социально-экономического развития Советского Казахстана. Алматы, Наука, 1981, 295 с.; Абылхожин Ж. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, Университет «Туран», 1997, 359 с.
375. ЦГА РК. Ф. 1109, Оп. 3, Д. 469 (Л.20-21)
376. ЦГА РК. Ф.1497, Оп.5, Д.1021 (Л.3-4)
377. ЦГА РК. Ф.1137, Оп.27, Д.2851 (Л.373)
378. Народное хозяйство и культура Казахской ССР между VIII и X съездами Коммунистической партии Казахстана. Алматы, Госстатиздат, 1960, 231 с.
379. Промышленность Казахской ССР. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1990, 272 с.
380. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.93 (Л.6)
381. Байшин А.А. Исторические этапы формирования рабочего класса в Советском Казахстане. Алматы, Знание, 33 с.
382. СССР в цифрах в 1965 году. Краткий статистический сборник. М., Политиздат, 1966, 55 с.
383. Народное хозяйство Казахской ССР в 1960 и 1961 гг. Статистический сборник. Алматы, Госстатиздат, 1963, 544 с.
384. Беляев Н.И. Тезисы доклада т. Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 гг.» и задачи Коммунистической партии Казахстана. Доклад на IX внеочередном съезде КП Казахстана. Алматы, Казгосиздат, 62 с.
385. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1576 (Л.36)
386. Данилов А. Главный фактор повышения производительности труда (в промышленности Казахстана). Алматы, Казгосиздат, 1960, 147 с.
387. РГАСПИ. Ф.17, Оп.90, Д.231 (Л.22-23)
388. ЦГАЭ РФ. Ф.233, Оп.3, Д.18 (Л.69-70)
389. ЦГАЭ РФ. Ф.233, Оп.3, Д.18 (Л.69-70)
390. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.113 (Л.3)
391. Селеменова Л.Я., Яговицкий А.Г. Хозрасчет в промышленности Казахстана. Алматы, Казгосиздат, 1961, 35 с.
392. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1576 (Л.45-46)
393. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.113 (Л.3)

Репозиторий КарГУ

394. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.113 (Л.64-65, 71)
395. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.113 (Л.68-69)
396. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.113 (Л.86)
397. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.113 (Л.141)
398. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.113 (Л.148)
399. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1576 (Л.46)
400. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.113 (Л.190)
401. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.113 (Л.104)
402. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.113 (Л.190)
403. ЦГАЭ РФ. Ф.233, Оп.3, Д.18 (Л.6-7)
404. Угольная промышленность Казахстана за 50 лет. Алматы, Наука, 1968, 492 с.
405. Бровер И.М. Очерки развития тяжелой промышленности СССР. Алматы, АН КазССР, 1954, 268 с.
406. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.93 (Л.15)
407. РГАСПИ. Ф.17, Оп.90, Д.231 (Л.21)
408. Даулбаев Н. Карагандинский угольный бассейн. Алматы, Наука, 1970, 335 с.
409. Ерофеев Н.А., Шаукенбаев Т.Ш. Экономические административные районы Казахской ССР. Алматы, Казгосиздат, 1958, 244 с.
410. ЦГА РК. Ф.1137, Оп.27, Д.2920 (Л.69)
411. Промышленность Казахстана на современном этапе. Сборник статей. /сост. А.А. Байшин. Алматы, Казгосиздат, 1963, 311 с.
412. Подсчитано автором по данным: СССР в цифрах в 1965 году. М., Политиздат, 1966, 55 с.; Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1968, 416 с.
413. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1968, 416 с.
414. РГАСПИ. Ф.17, Оп.89, Д.337 (Л.12)
415. РГАСПИ. Ф.17, Оп. 89, Д. 228 (Л.72)
416. РГАСПИ. Ф.17, Оп.89, Д.337 (Л.48)
417. Матералы обвинительного заключения из семейного архива генерала Ш. Кабылбаева (в 1959 году занимавшего должность министра внутренних дел Казахстана). Горизонт, 1991, № 24, 15 июня
418. ГАКО. Ф.1, Оп. 7, Д. 715 (Л. 175)

Репозиторий КарГУ

419. ГАКО. Ф.1, Оп. 7, Д. 715 (Л.176)
420. Горизонт, 1991, № 21, 22, 24, 26
421. ГАКО. Ф.1, Оп. 7, Д. 715 (Л. 176)
422. Лельчук В.С. 1959 год. Расстрел в Темиртау// Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997, С.273-327; Российские вести, 1994, 5 марта
423. Малыбав О. Борьба КПСС за создание и развитие третьей угольной базы СССР. Алматы, Казгосиздат, 1961, 407 с.
424. ЦГАЭ РФ. Ф.233, Оп.3, Д.18 (Л.1-3)
425. Назарбаев Н. Рынок и социально-экономическое развитие. М., Экономика, 1994, 494 с.
426. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1576 (Л.40)
427. Экономическое развитие Казахстана и критика буржуазных фальсификаторов. Алматы, Наука, 1978, 160 с.
428. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1576 (Л.122)
429. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1576 (Л.3)
430. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1576 (Л.52)
431. ЦГАЭ РФ. Ф.233, Оп.3, Д.18 (Л.11-12)
432. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.93 (Л.120)
433. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.28, Д.1513 (Л.233)
434. ЦГАЭ РФ. Ф.233, Оп.3, Д.18 (Л.3-4)
435. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.28, Д.1513 (Л.206-207)
436. ЦГА РК. Ф.1137, Оп.27, Д.2851 (Л.373-374)
437. Жубатканов К. Региональные проблемы социально-экономического развития Казахстана в 1950-1980 гг. Дисс. канд. Алматы, 1995, 206 с.
438. Назарбаев Н. Стратегия ресурсосбережения и переход к рынку. М., Машиностроение, 1992, 352 с.
439. Жумасултанов А. Казахстан в экономическом сотрудничестве народов СССР. Алматы, Наука, 236 с.
440. Социально-экономические проблемы развития народного хозяйства Казахской ССР. Сборник статей. Алматы, Наука, 1970, 186 с.
441. ЦГАЭ РФ. Ф.233, Оп.3, Д.18 (Л.70)
442. ЦГА РК. Ф.1479, Оп.5, Д.2245 (Л.373)
443. Вестник Академии наук Казахской ССР, 1961, № 8, С.33- 53
444. Орманбаев А. Комплексное развитие промышленности Казахстана и ее планирование. Алматы, Наука, 1968, 92 с.

Репозиторий КарГУ

445. РГАСПИ. Ф.17, Оп.90, Д.231 (Л.36)
446. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1578 (Л.102)
447. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1578 (Л.102)
448. ЦГАЭ РФ. Ф.233, Оп.3, Д.18 (Л.4)
449. ЦГА РК. Ф.1137, Оп.27, Д.2920 (Л.69)
450. РГАСПИ. Ф.17, Оп.90, Д.231 (Л.36)
451. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.33, Д.1576, Л.64-66
452. ЦГАЭ РФ, Ф.233, Оп.3, Д.18 (Л.4-5)
453. ЦГАЭ РФ, Ф.233, Оп.3, Д.18 (Л.4-5)
454. Ашимбаев Т.А. Индустрия республики на новом этапе. Алматы, 1971, 76с.
455. ЦГАЭ РФ, Ф.233, Оп.3, Д.18 (Л.6)
456. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.38, Д.180-В (Л.169)
457. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.38, Д.180-В (Л.170)
458. РГАСПИ. Ф.17, Оп.90, Д.231 (Л.39)
459. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.38, Д.180-В (Л.170)
460. Панников В. Сельское хозяйство перед большим делом //Коммунист, 1965, № 6, С.30-42; СССР в цифрах в 1965 году. М., Политиздат, 1966, 73 с.
461. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.8. М., Политиздат, 1985, 542 с.
462. Коммунист, 1965, № 5, С.3-7
463. Коммунист, 1964, № 3, С.7-15
464. РГАНИ. Ф.3, Оп.30, Д.260 (Л.22-170)
465. См. Селюнин В.И. Бремя действий //Не сметь командовать. М., Экономика, 1990, С.260-280
466. Берденова К.А., Имбердиева С.И. Аграрная политика тоталитарного государства как фактор кризисного состояния сельского хозяйства Казахстана. Алматы, Гылым, 1994, 144 с.
467. Наухацкий В.В. Аграрная политика в СССР в 1965-1990 г.: проблемы разработки и реализации. Дисс. док. Зеленоград, 1997, 508 с.
468. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т.5. Алматы, Казахстан, 1988. 423 с.
469. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.384 (Л.92)
470. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.384 (Л.93)
471. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т.5. Алматы, Казахстан, 1980, 695 с.

Репозиторий КарГУ

472. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т.5, Алматы, Казахстан, 695 с.; Баишев С. Вопросы социального экономического развития Казахстана. Алматы, Наука, 1981, 295 с.; Экономика Казахстана за 60 лет (становление и развитие). Алматы, Издательство АН КазССР, 1977; Интенсификация сельского хозяйства Казахстана. Алматы, Наука, 1977, 314с.
473. Гальянов В.Л. Сельское хозяйство в системе экономики развитого социализма (материалах Казахской ССР). Алматы, АН КазССР, 1980, 195 с.
474. Боффа Д. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964-1994 гг. М., Международные отношения, 1996, 320 с.
475. Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1980, 392 с.
476. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1968, 416 С.; Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1980, 392 с.
477. Подсчитано автором по данным: Сельское хозяйство Республики Казахстан. Статистический сборник. Госкомитет РК по статистике и анализу. Алматы, 1993, 176 с.; 40 лет целине. Статистический сборник. Алматы, 1994, 84 с.
478. РГАНИ. Ф.3, Оп.30, Д.260 (Л.22-170)
479. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1980, 392 с.; Сельское хозяйство Казахской ССР. Статистический обзор. Алматы, Госкомстат Казахской ССР по статистике, 1990, 153 с.
480. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахстана. С.175; Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. С.107
481. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1968, 416 с.; Народное хозяйство Казахстана в 1975 году. Алматы, Казахстан, 1976, 125 с.
482. Соколов Н.И. Развитие совхозного производства в Казахстане. Алматы, 1968, 132 с.
483. Бучкин Б. Казахстан – республика крупного совхозного производства. Алматы, Казахстан, 1976, 131 с.

Репозиторий КарГУ

484. РГАНИ. Ф.5, Оп.62, Д.239 (Л.100)
485. Баймуханов У.Б. Экономические приоритеты развитого социализма (на материалах Казахской ССР). Алматы, 1983, 342 с.
486. РГАНИ. Ф.5, Оп.62, Д.239 (Л.100)
487. Кокашинский В. Эксперимент в Акчи //Литературная газета, 1968, 21 мая
488. Обратного хода нет /общ. ред. Г.Х. Попова. М., Политиздат, 1989, 509с.
489. РГАНИ. Ф.5, Оп.62, Д.239 (Л.112)
490. РГАНИ. Ф.5, Оп.62, Д.239 (Л.112)
491. Алексеев Н., Кокашинский В. Земледельцы сами по себе //Литературная газета, 1970, 4 марта
492. ПетренкоИ.Я., Чужанов П.И. Экономика сельского хозяйства. Алматы, Наука, 1984, 309 с.
493. Белкин В., Переведенцев В. Драма в Акчи //Литературная газета, 1987, 1 апреля
494. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.44, Д.133 (Л.292)
495. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.44, Д.133 (Л. 304)
496. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.384 (Л.119)
497. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.38, Д.1302 (Л.182)
498. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.38, Д.1302 (Л.122)
499. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.44, Д.133 (Л.172)
500. Шамшатов И.Ш. Колхозы Казахстана: развитие общественного хозяйства и его социально-экономические результаты (1946-1980 гг.). Алматы, 1985, 251 с.
501. Савосько В.К., Шамшатов И. Колхозное строительство в Казахстане. Алматы, 1974, 256 с.
502. РГАНИ. Ф.5, Оп.45, Д.384 (Л.92)
503. McAuley A. The Soviet Population: Trends in Living Standards, 1960-1975// The USSR and the Muslim World: Issues in Domestic and Foreign Policy. London: Allen and Unwin, 1984, 195 P.
504. Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М. История Казахстана и Центральной Азии. Алматы, Дайк-Пресс, 2001, 616 с.
505. Коржихина Т.П.Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917-декабрь 1991. М., Политиздат, 1994, 201 с.

Репозиторий КарГУ

506. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., Политиздат, 1988, Т.5, 685 с.
507. Rywkin M. Religion, Modern Nationalism and Political Power in Soviet Central Asia //Canadian Slavonic Papers, Ottawa, 1985, Vol. XVII, 291 P.
508. Попов Г. Перестройка управления экономикой //Иного не дано. Перестройка: гласность, демократия, социализм /под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., Политиздат, 1988, 624 с.
509. Лельчук В.С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. М., Политиздат, 1987, 316 с.
510. На пороге кризиса. Нарастание застойных явлений в партии и обществе /под общ. ред. В.В Журавлева. М., Политиздат, 1990, 202 с.
511. Валовой Д. Кремлевский тупик и Назарбаев. М., Политиздат, 1993, 143 с.
512. Страницы истории советского общества /под общ. ред. А.Т. Кинкулькина. М., Политиздат, 1989, 326 с.
513. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал /под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., Политиздат, 1997, 727 с.
514. Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., Политиздат, 1995, 244с.
515. ЦГА РК. Ф.2029, Оп.1, Д.53 (Л.22-23)
516. Ашимбаев Т.А. Экономика Казахстана: свершения, перспективы. Алматы, Наука, 1982, 120 с.
517. Динамика посевных площадей в Казахской ССР. Госкомитет КазССР по статистике. Алматы, 1990, 150 с.
518. История Казахстана. Очерк. Алматы, Даур, 416 с.
519. Подсчитано автором по данным: Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1968, 416 с.; Народное хозяйство Казахстана в 1975 году. Алматы, Казахстан, 1976, 125 с.
520. ХП съезд Компартии Казахстана. Стенографический отчет. Алматы, Казахстан, 1972, 116 с.
521. Народное хозяйство Казахстана в 1965 году. Статистический сборник. Алматы, 1966, 39 с.
522. Народное хозяйство Казахстана в 1974 году. Статистический сборник. Алматы, Казахстан, 1975, 134 с.

Репозиторий КарГУ

523. Мельник Г.А., Бурлаков Н. Годы крутого подъема. (1966-1970 гг.). Алматы, 1971, 63 с.
524. Архив Президента РК. Ф.708, Оп.51, Д.1977 (Л.1-12)
525. ЦГА РК. Ф.2029, Оп.1, Д.53 (Л.2-4)
526. ЦГА РК. Ф.2029, Оп.1, Д.53 (Л.14)
527. ЦГА РК. Ф.2029, Оп.1, Д.53 (Л.15)
528. Мировая экономика и международные отношения, 1989, № 8, С.28-34
529. Социально-экономические вопросы Казахстана в период развитого социализма (1960-1970 гг.). Сборник статей. Алматы, Наука, 1974, 280с.
530. Ашимбаев Т.А. Экономика Казахстана на пути к рынку: тенденции и разитие. Алматы, Гылым, 1999, 204 с.
531. ЦГА РК. Ф.2029, Оп.1, Д.67 (Л.2-8)
532. ЦГА РК. Ф.2029, Оп.1, Д.67 (Л.10)
533. ЦГА РК. Ф.2029, Оп.1, Д.67 (Л.11-12)
534. Коваль В.И. Механизм торможения и социально-экономическое развитие Казахстана в 70-80 годы // О прошлом для будущего (Некоторые актуальные проблемы истории Компартии Казахстана в свете гласности). Алматы, Казахстан, 1990, С.210-255
535. Иного не дано. Перестройка: гласность, демократия, социализм /под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., Политиздат, 1988, 624 с.
536. Юзуфович Г.К. Наука при социализме. М., 1970, С.19
537. Есентугелов А. Индустриально-структурное преобразование экономики в Казахстане. Алматы, Гылым, 1994, 124 с.
538. Двоскин Б.Я., Исентаев К.Б. Проблемы комплексного развития Мангышлакской области // Вестник АН Казахской ССР, 1976, №1, С.3-11
539. ЦГА РК. Ф.1734, Оп.1, Д.93 (Л.6)
540. О прошлом для будущего (Некоторые актуальные проблемы истории Компартии Казахстана в свете гласности). Алматы, Казахстан, 1990, 236 с.
541. Будущее мировой экономики: доклад группы экспертов ООН во главе с В. Леонтьевым. М., Экономика, 1990, 113 с.
542. Аргументы и факты, 2000, № 32, С.12-14

Репозиторий КарГУ

543. Эффективность использования материальных ресурсов (на материалах промышленности Казахстана). Алматы, 1987, С.142
544. Остапкович Г. О социально-экономическом развитии СССР на рубеже 80-90 гг.// Вопросы экономики, 1998, № 7, С.153-159

Репозиторий КарГУ

Научное издание

Сактаганова Зауреш Галимжановна

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА 1946–1970 гг.

Монография

3-е издание

Отпечатано с авторского оригинала

Подписано в печать 03.02.2017 г. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Объем 22,8 п.л. Тираж 100 экз. Цена договор. Заказ № 2.

Отпечатано в типографии Издательства КарГУ им. Е.А.Букетова
100012, г. Караганда, ул. Гоголя, 38. Тел. (7212)51-38-20

Репозиторий КарГУ